

Парагуйз- сигары

БАНТЕНТИСКО-ТОМИКА,
МОНТАЖ

Лоренцо Карккатерра

Вот уже почти двадцать лет Джанкарло Ло Манто — полицейский из Неаполя — личный враг мафиозной семьи Росси. Он нанес ей миллионный ущерб, не раз уходил от наемных убийц и, словно заговоренный, не боясь смерти, снова бросался в бой. Потому что его война с мафией — это не просто служебный долг, это возмездие за убийство отца, друзей, всех тех, кто не захотел покориться и жить по законам преступного мира. Теперь Ло Манто предстоит вернуться в Нью-Йорк, город его детства, город его памяти, для последнего решающего поединка. И каков будет его исход, не возьмется угадать никто...

Впервые на русском языке!

Лоренцо Каркатерра

Парадиз-сити

Моей матери, синьоре Рафаэле Каркатерра 8 января 1922 — 6 марта 2004 г.

Месть торжествует над смертью; любовь ее презирает; честь призывает ее; горе ищет в ней прибежища; страх ее предвосхищает.

Фрэнсис Бэкон

Мальчик смотрел в открытый гроб. Он сидел на краешке металлического стула, положив ладони на колени, тесный накрахмаленный воротник ослепительно белой сорочки, да еще затянутый черным галстуком, натирал его тонкую шею. На нем был черный блейзер, который он донашивал за кузеном из Нью-Джерси (этого кузена мальчик, кстати, не видел ни разу в жизни), темные брюки с манжетами в полдюйма, почти полностью закрывавшими купленные в магазине «Бюстер Браун» черные мокасины, надетые на толстые белые носки.

Темные, словно зимние облака, глаза мальчика, не мигая, смотрели на лицо мужчины, лежавшего в гробу. Мальчику лишь три недели назад исполнилось двенадцать лет, и прежде он никогда не видел мертвых. Ему, правда, пришлось побывать на нескольких похоронах вместе со своими родителями, но каждый раз он оказывался на достаточно далеком расстоянии от пропахшего плесенью ритуального зала, гроба и безутешных родственников покойного. Однако сейчас все было иначе. Он не мог избежать созерцания мертвеца и именно по этой причине оказался в первом ряду, между матерью и тетей Терезой. Она то и дело обнимала мальчика левой рукой и успокаивающе похлопывала его по середине спины.

На сей раз в гробу лежал не дальний родственник или сосед. Не изредка навещавший дом друг семьи или видный житель города, отдать последние почести которому было обязанностью каждого горожанина. Теперь в гробу лежал его собственный отец.

Зал прощаний был забит людьми. С траурными лицами, утирающие слезы, они занимали семь рядов стульев, выстроившихся по восемь штук в ряд. В основном — одетые в черное женщины, прячущие заплаканные глаза под темными вуалями. Вдоль стен, со склоненными головами, выстроились мужчины в неудобных официальных костюмах. Едва слышно перешептываясь, они старались не смотреть на останки человека, знакомого большинству из них с юных лет, когда они еще жили на другом конце света.

Во всех четырех углах комнаты стояли торшеры с лампами низкого напряжения, благодаря чему в помещении царил приличествующий случаю торжественный полумрак. По периметру гроба горели белые церковные свечи, и на потолке плясали отсветы их огней. Пол — от стены до стены — был устлан ковровым покрытием с темно-синим узором, изрядно вытоптанном по углам и посередине. Справа от гроба на невысоком столике лежала книга соболезнований и тонкий черный фломастер. Каждый желающий мог оставить здесь прощальную запись.

Мальчику хотелось, чтобы сейчас здесь не было всех этих людей, чтобы он мог проститься с отцом один на один, чтобы вокруг не раздавались эти всхлипы родственников и посторонних. Он хотел прошептать отцу на ухо слова, предназначенные только для него, сказать последнее «прощай».

Мальчик старался не обращать внимания на окружающих. Его взгляд был прикован к восковому лицу отца — красивому при жизни, а теперь казавшемуся неестественным из-за чрезмерного количества посмертного грима, наложенного работниками похоронного бюро. У паренька щипало в носу от тяжелого запаха бальзамирующих жидкостей, которыми те накачали тело, и жирного геля, которыми напмадили волосы покойного. Запах был странный, как после дождя душной ночью. Темный костюм скрывал мускулистый торс отца и три пулевых отверстия, через которые из его тела ушла жизнь. Отверстия, сделанные

пулями из пистолета, владелец которого никогда не будет арестован.

Даже в столь юном возрасте мальчик осознавал, в каком закрытом мире он живет. Он знал, что здесь тайны хранятся десятилетиями, что древние обычаи далекой страны в нем главенствуют над законами его новой родины. От обитателей Восточного Бронкса эти обычаи требовали жить под властью каморры — безжалостного крыла неаполитанской мафии. Если большинство итальянцев, включая отца мальчика, приехали сюда в погоне за мечтой, то каморра заявила следом за ними, чтобы распространить свое правление и на эти территории.

Именно главари каморры решали, кому жить, а кому умереть. Они предлагали мужчинам стабильную работу в контролируемом ими же бизнесе — в Вест-Сайдских доках, на рынке на 14-й улице, в магазинах, торгующих одеждой, и трех расположенных поблизости аэропортах, а взамен требовали отдавать им в качестве подати чуть ли не половину зарплаты. Один небрежный знак крестного отца — и несогласного с таким положением дел вышвыривали на улицу, не заплатив ни цента. Когда его семья начинала голодать, он обычно соглашался подчиниться криминальному рэкету. Каморра, как правило за деньги, устраивала и одобряла браки, выбирая лучших невест для своих членов, которые жили, не испытывая страха и плюя на Нью-Йоркскую полицию столь же нагло, как они плевали на власти Неаполя. «Они в состоянии набить любой кошелек, особенно свой собственный, — с неизбывной горечью сказал как-то мальчику один старик. — Вот только набивают они его нашими деньгами. Так было, когда я был в твоём возрасте, и так будет, когда ты доживешь до моих лет».

Отец мальчика был одним из немногих, кто пытался артачиться. Назначенную подать он платил исправно, но в остальном старался избегать любых контактов с гангстерами, которые контролировали улицы Восточного Бронкса.

«Твой отец был гордым человеком, — сказала мальчику его мать в ночь убийства. — Он был хорошим человеком. Что бы тебе про него ни говорили, ты должен всегда помнить: он погиб, как герой».

Мальчик знал, что убийца его отца где-то здесь, и ему не надо было поворачивать голову, чтобы увидеть его в глубине ритуального зала, участливо пожимающего руки родственникам и выслушивающего вежливые приветствия — так, словно он находится на каком-то празднике. Мальчик не знал, чем его отец, не пропустивший ни одного рабочего дня за последние шесть лет, навлек на себя гнев каморры и стал ее мишенью. Однако ему было известно, что ответ на этот вопрос имеется у дона Николо Росси. Он знал дону Росси с детства и однажды даже побывал в роскошном трехэтажном особняке старого гангстера, расположенном прямо напротив кладбища «Вудлон». Он знал, что большая часть денег, поступавшая каморре от рэкета и ростовщичества, оседает в карманах этого человека. Он знал и то, что наказание для людей, которые не могли или не хотели платить, определял сам дон Николо. Дон Николо даже не столько контролировал округу, сколько владел ею и жизнями тех, кто ее населял. Его слово было единственным законом, с которым здесь считались, а выносимые им приговоры были окончательными и не подлежали обсуждению. Именно дон Николо вынес приговор отцу мальчика, после чего того пристрелили и оставили лежать между двумя припаркованными автомобилями у тротуара Уайт-Плейнс-роуд.

Мальчик глубоко вздохнул, поднялся и подошел к гробу отца. Присутствовавшие в зале притихли, а затем и вовсе умолкли, когда он опустился на колени перед гробом, а его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от мертвого лица человека, которого он любил.

Сложив ладони у груди и склонив голову, Джанкарло Ло Манто молился, а по его щекам текли слезы. А после этой короткой молчаливой молитвы мальчик дал отцу безмолвное обещание: он отомстит за его смерть и за гибель других невинных людей, павших по прихоти преступного дона. Он не знал, как и когда сделает это, но не сомневался: отец будет отомщен! Ло Манто вытащил из нагрудного кармана рубашки сложенную записку и зажал ее в ладони, а затем, склонившись над гробом, сунул ее в карман темно-синего костюма отца. Бросив на мертвого последний взгляд, мальчик нежно поцеловал его в лоб, а затем поднялся с колен и вышел из зала.

Глава 1

Неаполь, Италия. Лето 2003 г.

Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков.

Николо Макиавелли «Государь»

Джанкарло Ло Манто прижался спиной к выщербленной каменной стене возле двери, крепко зажав в руках 9-миллиметровый пистолет с полной обоймой и одним патроном в стволе. Он опустил голову и закрыл глаза, весь превратившись в слух. Он слышал, как шипит на кухне квартиры под номером 3Е мясо на сковороде, даже чувствовал его запах и понимал, что оно подгорает. Он слышал доносящийся из колонок CD-проигрывателя голос Эроса Рамазотти, поющего «Дай мне луну». Ло Манто знал, что большинство квартир пусты, поскольку в этот ранний час их обитатели — отцы семейств, их жены и дети — пошли к утренней воскресной мессе, после которой отправятся в гости к родственникам и проведут там весь день. Но он знал и то, что в планы троих мужчин, находящихся в этой маленькой квартире на третьем этаже, ни воскресная месса, ни визит к родственникам не входят. Они, что называется, «залегли на дно» и дожидались захода солнца.

Ло Манто открыл глаза и взглянул на двоих мужчин, также вооруженных пистолетами и стоявших по другую сторону двери. Каждый из них был по крайней мере на десяток лет младше его, оба — в штатской одежде, под которой скрывались кевларовые бронежилеты. На груди у каждого был прикреплен полицейский жетон. Оба нервничали, по лицам струйками стекал пот. И тот, и другой не отрываясь смотрели на Ло Манто, ожидая его сигнала. Ло Манто взглянул на циферблат своих часов, затем перевел глаза на двух офицеров и кивнул. Они молниеносно поменяли позицию: встали, прижавшись спинами к стене по обе стороны двери, еще крепче вцепились в рукоятки своих пистолетов и снова устремили взгляды на Ло Манто. Тот трижды постучал в дверь рукояткой пистолета и, выждав несколько секунд, повторил это. Послышался звук отодвигаемой щеколды, и Ло Манто сдвинулся вдоль двери, чтобы не оказаться на линии огня. Опустив взгляд, он увидел, как повернулась, а затем замерла дверная ручка. Он ощущал, как на дверь с противоположной стороны давит чье-то тело, отступил на три шага и направил дуло пистолета на центр двери.

А после этого все трое застыли в напряженном ожидании.

За семнадцать лет работы в полиции Неаполя Ло Манто пережил сотни подобных ситуаций, тем более что в последние восемь лет он работал в так называемом убойном отделе — самом, пожалуй, опасном подразделении не только Неаполя, а и всей Европы. На его теле было достаточно шрамов от пуль, и он провел достаточно много времени на больничных койках, чтобы знать, что именно произойдет через считанные секунды. Только навыки, реакция, сноровка решат, кому остаться в живых, а кому — скрести в агонии каблуками паркет.

Он снова посмотрел на двух молодых офицеров, выделенных ему в качестве группы прикрытия, — неопытных, необстрелянных, не участвовавших даже в захвате накачавшегося

наркотиками и вооруженного дурацкой «пукалкой» придурка. А теперь он с ними должен штурмовать квартиру, в которой засели профессиональные киллеры каморры!

Ло Манто видел, что они боятся. Молодые офицеры беззвучно молились о том, чтобы остаться в живых. Молитвы самого Ло Манто были направлены на другое. Его жизнь представляла собой непрекращающуюся череду погонь, перестрелок и арестов. Он был так называемым уличным копом, и ему это нравилось. Он обожал работу, в ходе которой приходилось кропотливо собирать крохи информации, а затем сводить их воедино, анализировать и выявлять преступника. После этого он устраивал на него облаву. Дождавшись, когда его дичь оступится, сделает ошибку, Ло Манто набрасывался на нее, и после этого у жертвы оставался небогатый выбор: либо — холодные стальные наручники, либо — черный пластиковый мешок для трупов. В такие моменты наивысшего напряжения, когда на карту были поставлены жизни и любое неверное решение могло оказаться роковым, Ло Манто оказывался наиболее собран и всегда контролировал ситуацию.

Именно этому миру он принадлежал целиком и полностью.

Ло Манто увидел, как повернулась дверная ручка, дверь чуть-чуть приоткрылась, и приступил к действиям. Он с короткого разгона врезался в дверь плечом, отчего она настезь распахнулась, отправив стоявшего за ней человека в нокдаун. Гангстер отлетел назад, наткнулся на стул и, споткнувшись об него, повалился на пол, сбив с подоконника цветочный горшок. Ло Манто перекатился и, уже находясь в комнате, встал на одно колено и оказался лицом к лицу с четверьмя мужчинами. Один все еще валялся на полу, а трое других, расположившись по разным углам небольшой столовой, целились в Ло Манто из пистолетов. Двое офицеров в коридоре оставались на своей позиции, приготовившись действовать в соответствии с полученными от Ло Манто инструкциями.

— С кем мне говорить? — осведомился Ло Манто, ощупывая взглядом поочередно одного бандита за другим.

Тощий мужчина, стоявший посередине комнаты, опустил пистолет и ответил:

— Со мной. Я тут главный.

— Ничего, если я встану? — спросил Ло Манто, медленно поднимаясь на ноги. — Так будет удобнее разговаривать.

— Положи оружие на пол, — приказал тощий, — и держи руки на виду.

Ло Манто положил пистолет на паркетный пол и встал, после чего поправил ворот тонкой черной кожаной куртки и приблизился к стоявшему в центре комнаты столу. Заглянув по дороге в кухню, он увидел на плите большой кофейник.

— Почему бы вам не предложить мне чашечку кофе? — обратился он к тощему. — А я тогда расскажу вам, зачем я здесь. Пожалуйста, покрепче — и с тремя кусками сахара.

Он отодвинул стул от стола из огнеупорной пластмассы марки «Формика» и сел лицом к тощему и спиной к остальным трем. Тот, который назвал себя главным, зашел в кухню, левой рукой снял с плиты кофейник и налил кофе в чистую чашку, после чего вернул кофейник на прежнее место, взял чашку и, вернувшись в столовую, поставил ее перед Ло Манто.

— Сахара нет, — сообщил он. — Пей и не выдрючивайся.

Ло Манто поднес чашку к губам и сделал два маленьких глотка.

— Кофе хороший, — заявил он, — но бывает и лучше. У вашего — какой-то резкий тюремный привкус. Вы его слишком долго варили. Наверное, не привыкли иметь дело с газовой плитой. Впрочем, ничего удивительного: вам слишком часто приходится варить

кофе на пламени свечи в тюремных камерах.

Гангстер поднял пистолет и направил его ствол в грудь Ло Манто.

— Знаешь, сколько я могу получить, если сейчас пристрелю тебя? — спросил он. — Ты хоть представляешь, сколько готовы заплатить Росси за удовольствие увидеть твои похороны?

Ло Манто с безразличным видом допил кофе и поставил чашку на край стола.

— В последний раз я вроде бы слышал о двухстах пятидесяти тысячах евро, — небрежно ответил он. — Только они не собираются платить эти деньги, потому и пообещали такую сумму. Так что, если ты меня застрелишь, они после этого попросту грохнут тебя самого. И вот тут мы подошли к вопросу о том, что меня сюда привело.

— Я тебя слушаю, — проговорил тощий и, поглядев на своих товарищей, стоявших позади Ло Манто, поправился: — Мы тебя слушаем.

— У меня в кармане имеется ордер на ваш арест — всех четверых, — сообщил Ло Манто. — Это объясняет наш столь ранний визит и то, что я устроил с дверью.

— На основании каких обвинений? — спросил тощий.

— Я, признаюсь, ордер не читал — времени не было, — но полагаю, что это ваши обычные дела: покушение на убийство, наркотики, незаконная деятельность и, наверное, вдобавок ко всему похищение человека. С вашим послужным списком, если вас осудят хотя бы по одному из этих пунктов, вы будете варить кофе на свечках до конца жизни.

— Никого ты не арестуешь, — криво ухмыльнувшись, ответил тощий мужчина, продемонстрировав нижний ряд потемневших зубов. — По крайней мере, не сейчас, когда на тебя направлены четыре ствола.

— А я и не хочу вас арестовывать, — ответил Ло Манто. — Если вы мне немного поможете и при минимальном везении, мне не придется этого делать.

— Что тебе нужно? — спросил тощий.

— Имя! — резко выпалил Ло Манто. — И место, где я смогу найти одного человека!

— Какого?

— Того, кто убил Пеппино Альватара. Он мне нужен, я хочу знать, кто он и где он.

Ухмылка исчезла с лица тощего, и он покачал головой.

— Если я позволю тебе арестовать себя, я буду приговорен всего лишь к тюремному сроку, если же я сообщу тебе то, что ты хочешь знать, меня приговорят к смерти. А это пока не входит в мои планы.

— Не торопись, попробуй мыслить трезво. Раньше или позже, но Росси непременно станут избавляться от «чемоданов без ручки» вроде тебя. При том, что ты делаешь для них много полезного, ты одновременно с этим множишь скорбь, и с каждым новым арестом дела становятся все хуже. Им известно, что со временем ты можешь расколоться, и они не намерены этого допустить. Однако я — раньше, чем это произойдет, — могу помочь тебе, сведя выдвинутые в твой адрес обвинения к минимуму. Но прежде мне нужно имя и место.

Тощий некоторое время смотрел в глаза Ло Манто. Его дыхание участилось, пальцы сильнее сжались вокруг рукояти пистолета.

— Может, все это и так, — сказал он наконец, — но, возможно, все обернется иначе, если я принесу Росси то, о чем они мечтают.

Ло Манто улыбнулся и откинулся на спинку стула.

— Меня? — спросил он.

— Тебя, — ответил тощий, — мертвого, и брошу у их порога. После всего, что я уже

выслушал от тебя, такая сделка кажется мне наиболее выгодной.

— Некоторые сделки невыполнимы, — заметил Ло Манто.

— Только не эта! — огрызнулся тощий и взвел курок. Трое за спиной Ло Манто сделали то же самое и подошли ближе.

Ло Манто, не выпуская из поля зрения тощего, соскользнул со стула, схватил стол за две ножки и, перевернув его набок, обзавелся чем-то вроде щита из прочного пластика. Двое молодых полицейских, не сговариваясь, метнули в комнату шипящие дымовые шашки, а затем и сами ворвались в тесное помещение, нацелив пистолеты на троих гангстеров, ожесточенно стреляющих в стол, за которым укрылся Ло Манто. Сам он выхватил из-под куртки запасной 9-миллиметровый пистолет и быстро выпустил в сторону стрелков три пули. Комнату заволкли клубы дыма. Ло Манто услышал, как двое гангстеров упали, а третьего оставил своим молодым коллегам. Остался только тощий. Он успел ретироваться в кухню и теперь перелезал через ажурные поручни балкона. Ло Манто отшвырнул стол в сторону, вошел в кухню и остановился возле балкона. Тощий уже висел с наружной стороны балкона, вцепившись в его чугунные перила. Пистолет торчал у него из-за пояса.

— Инспектор! — прокричал самый молодой из офицеров. — Двоих вы положили, третий — в наручниках!

— Ранены или мертвы? — не поворачивая головы, прокричал в ответ Ло Манто, глядя в глаза тощего.

— Один жив, — донеслось в ответ. — По крайней мере, пока.

— Вызовите «Скорую» и труповозку, — скомандовал Ло Манто, — а потом упакуйте арестованного — и глаз с него не сводить! А я еще пару минут побеседую со своим приятелем.

Ло Манто выглянул с балкона и оценил расстояние до асфальта.

— Три этажа, — сообщил он. — Перелом обеих ног тебе гарантирован — в лучшем случае. А если ты угодишь на провода или на кусты там, внизу, кто знает, что случится!

Тощий опустил взгляд вниз, а затем снова перевел его на Ло Манто.

— Помоги мне подняться, — выдавил он.

Ло Манто сунул пистолет за пояс и положил ладони на ограждение балкона.

— Ты знаешь, — сказал он, — я на самом деле дурачился. У тебя отличный кофе. Пойду-ка я налью себе еще чашечку. А ты, пока меня не будет, постарайся вспомнить интересующие меня имя и место.

— Помоги вылезти! — уже прохрипел тощий. Его пальцы, судорожно впившиеся ажурное ограждение балкона, начали дрожать.

Оказавшись на кухне, Ло Манто нашел чистую чашку и налил себе кофе. Вокруг него плавали облака дыма. Ло Манто посмотрел в сторону тощего, улыбнулся и спросил:

— А ты уверен, что у вас нет сахара?

Держа мать под руку, Ло Манто рядом с ней шел по заросшему буйной зеленью саду. Летняя растительность торжествовала, все вокруг цвело и благоухало. Апельсиновые и лимонные деревья, которые мать посадила четверть века назад, сразу после того, как переехала в двухэтажный каменный дом на Неапольской Виа-Толедо из Нью-Йорка, уже достигли возраста зрелости и плодоносили. Анджела носилась с этим садом, как сверхзаботливая сестра-сиделка носится со своим больным подопечным. Джанкарло знал: таким способом мать пытается вытравить из души тяжелые воспоминания о прошлом, отдалиться на как можно большее расстояние от той бешеной круговерти, которую представляло собой ее существование в Нью-Йорке. За все годы, прошедшие с той поры, мать и сын во время своих частых и долгих совместных прогулок ни словом не обмолвились об их жизни в Америке. Все те, оставшиеся в прошлом годы были глубоко похоронены в земле, словно корни деревьев, выстроившихся вдоль садовой дорожки.

Анджела Ло Манто схоронила своего мужа на кладбище «Вудлон» дождливым вторничным утром и продолжала жить обычной на первый взгляд жизнью. А потом, ровно через шесть лет, неожиданно для всех продала все принадлежащее семье имущество, закрыла счет в банке и заказала три авиабилета до Рима: для себя, своего сына Джанкарло и дочери Виктории. От Рима они на поезде добрались до Неаполя и в течение первых трех месяцев жили у Марио, дяди матери, водителя трамвая и убежденного холостяка. Воспользовавшись своим врожденным кулинарным талантом, мать нанялась на работу в расположенную неподалеку булочную и с помощью денег, которые заняла у дальних родственников, в конечном итоге наскребла сумму, необходимую для приобретения в кредит дома на Виа-Толедо.

Период адаптации к новой жизни у Джанкарло и его сестры протекал по-разному, но мать отметала любые проявления недовольства решительным взмахом руки и энергичным пожатием плеч.

— Нечего психовать! — говорила она. — В жизни всякое бывает, а у вас, молодых, все еще впереди.

Ло Манто скучал по своим друзьям из Бронкса. Летом ему страстно не хватало телетрансляций бейсбольных матчей с участием любимых им «Янкиз», осенью — изумительного баскетбола «Ньюйоркцев», а в зимнюю пору, когда холодный ветер сдувал прохожих с тротуара, — потрясающей футбольной игры «Гигантов». Ему было нелегко оставить за спиной всю свою прошлую жизнь, но больше всего досаждала другая мысль: как, живя за тридевять земель от Америки, отомстить за смерть отца?

Однако со временем Джанкарло привык. Он на «отлично» закончил школу, поскольку, во-первых, итальянский язык с детства был для него родным, а во-вторых, неторопливая поступь общественного образования в Неаполе явно не поспевала за его бурным прогрессом школ Бронкса. Он научился получать удовольствие от накаленной атмосферы, царящей на футбольных матчах, воспринимая их как некую ускоренную разновидность бейсбола, у него появились новые друзья, обществом которых он наслаждался и которых ценил не меньше, чем оставшихся в Америке. Ему нравился темперамент жителей Неаполя и местная еда, ему нравилось слушать, как женщины, развешивая выстиранное белье, поют старинные баллады, прислушиваться к горячим политическим спорам мужчин, собирающихся в кафе после

долгого рабочего дня. Люди на улицах этого — самого жестокого и самого бедного — города Италии были громкими, забавными и упрямыми.

За неделю до своего восемнадцатого дня рождения Ло Манто впервые открыл для себя, что власть каморры в Неаполе так же сильна, как в Нью-Йорке. Однажды, наслаждаясь приятным осенним ветерком, дующим со стороны залива, он возвращался домой из школы, когда услышал, как в соседних домах торопливо, со стуком захлопываются окна. Посмотрев на другую сторону вымощенной брусчаткой улицы, он увидел, как трое мужчин в темных костюмах окружили владельца продуктового магазина. Правые руки двоих были засунуты в карманы пиджаков, а третий держал в руке открытую записную книжку. Владелец магазина был щуплым, взъерошенным человечком. В шерстяной рабочей рубашке и темных джинсах с подвернутыми брючинами, дрожа от страха, он прижался спиной к деревянному прилавку, на полках которого были выложены упаковки с яйцами, артишоки, помидоры и пучки салата. Мужчина с записной книжкой, приставив губы почти вплотную к уху хозяина магазина, говорил тихо и отчетливо, роняя каждое слово, словно тяжелую густую каплю яда.

Ло Манто стоял у мраморных ступеней подъезда трехэтажного дома XIX века и, прислонившись к полированной двери, наблюдал за тем, как разворачивается эта сцена — сцена, подобные которой в детстве он так часто наблюдал в Бронксе. Теперь Джанкарло понял: то зло, которое, как он полагал, осталось в прошлом, не только жило на этих улицах, но и властвовало над ними. Он видел столь знакомые ему движения, угрожающе склоненные головы, прищуренные глаза троицы в костюмах — все это было ему знакомо и направлено на то, чтобы запугать жертву, сломить ее волю. И тогда Джанкарло понял: если он решил превратить каморру в своего личного врага, ему нужно знать о ней все. Он должен узнать ее историю, изучить ее привычки и тактику, и только после этого он сумеет превратиться в смертельное оружие, направленное против могущественного преступного синдиката. Он превратит хищника в дичь.

— Я поставила на плиту воду для пасты, — сказала мать, — а сегодня утром приготовила острую тушеную рыбу — такую, как любишь ты и какую врачи запретили есть мне. Однако сегодня я этот запрет нарушу, и мы оба насладимся едой.

— Ты скучаешь? — спросил он, срывая с куста два сочных помидора. — По жизни в Америке?

— Я помню ее, — ответила мать. Ей было явно неприятно говорить на эту тему. — И никогда ее не забуду, но это не означает, что я по ней скучаю. Это просто часть моей жизни.

— Многое изменилось, — сказал Ло Манто, повернувшись к матери. — Город, из которого ты когда-то уехала, уже совсем другой.

— Лица, возможно, и изменились, но жизни людей по-прежнему находятся все в тех же руках, — грустно ответила мать. — И это никогда не изменится. Ты видел это ребенком и увидел то же самое, став детективом. Власть всегда принадлежит тем, кто живет в тени — и здесь, и за океаном.

— Ты говоришь прямо как мой начальник, — улыбнулся Ло Манто. — Он рассказывал мне, что воюет с неаполитанской каморрой уже тридцать лет, что арестовал сотни бандитов и пристрелил еще несколько десятков. А теперь, по его словам, каморра еще более могущественна, чем в тот день, когда он впервые прицепил на грудь полицейский значок.

— Пьетро — настоящий везунчик, — сказала Анджела. — Ему удалось дожить до преклонного возраста, и я каждый день молюсь о том, чтобы это удалось и тебе. А победить каморру тебе не удастся никогда, как бы ты ни старался.

— Я и не надеюсь победить их всех, мама, — ответил Ло Манто, протягивая помидоры матери. — Я хочу разгромить только одну семью.

Анджела прижала помидоры к груди, опустила голову и направилась к дому.

— Пора садиться за стол, — проговорила она. — И забудь о камере. Хотя бы на сегодняшний вечер.

В ожидании своего информатора, который опаздывал уже на пятнадцать минут, Ло Манто сидел на каменных ступенях, ведущих к огромной церкви Сан-Паоло-Маджоре, и вертел в руках полупустую, четвертую за день, пачку жевательной резинки. Он смотрел, как солнце опускается за горизонт, открывая дорогу свежим ветрам, которые придут с залива, чтобы остудить раскалившийся за день город. Он любил Неаполь в это время суток, когда после окончания рабочего дня на улицы, готовые к ночным развлечениям, выходят горожане. Мужчины — в накрахмаленных сорочках, отглаженных брюках, начищенных до блеска ботинках и просторных куртках. Женщины — в красивых хлопчатобумажных платьях, туфлях на низком каблуке, с распущенными волосами и кокетливыми сумочками. А рядом с ними, пытаясь не отставать, семенили такие же нарядные дети. В эти предзакатные минуты город превращался в огромный открытый рынок. Здесь болтали, обменивались сплетнями, здесь жизнь переливалась через край. Именно это делало Неаполь городом, в котором Ло Манто ощущал себя дома, в котором ему нравилось жить, и именно в эти минуты, глядя на лица проходящих мимо людей, вслушиваясь в окружающие звуки, он ощущал себя в волшебном мире и был способен хоть ненадолго забыть о таившемся здесь зле.

— Что это тебя к церквям потянуло? — прозвучал голос сзади него. — Решил спасти души вместо того, чтобы арестовывать преступников?

— Твою душу даже святой Петр не смог бы спасти, — ответил Ло Манто.

На ступеньку рядом с ним присел молодой мужчина с прилипшей к нижней губе сигаретой. Его коричневая куртка была заношена до блеска. Около тридцати лет, с заросшим трехдневной щетиной лицом и длинными каштановыми волосами, собранными в хвост. Он имел прокуренные зубы цвета желтого мела, карие глаза и шрам в виде полумесяца под правым глазом. На протяжении последних трех лет он был героиновым наркоманом и одновременно — источником, из которого Ло Манто черпал информацию о происходящем на улицах города. Эта информация была вполне надежной, и, несмотря на то что парень принадлежал к разряду так называемых уличных отбросов, он пользовался доверием со стороны членов каморры среднего уровня, которые продавали ему наркотики. Ло Манто уже с десятков раз предпринимал попытки устроить его в какой-нибудь реабилитационный центр, чтобы тот избавился наконец от наркотиков и зажил нормальной жизнью, но каждый раз сталкивался с неудачей, напрасно тратя нервы, теряя время и ценную информацию.

— Сообщил тебе Альберто то, что ты хотел знать? — спросил информатор.

— Это наше с ним дело, — ответил Ло Манто, продолжая разглядывать проходящих мимо людей. Информатор пододвинулся ближе, и на детектива накатила тяжелая волна запаха пота и немытого тела.

— Они тебе что-то сделали, или это был обычный полицейский рейд? Даже аресты не расстраивают боссов больше, чем стрельба, потому что они всегда могут вытащить своего человека из тюрьмы, а если его пристрелят, остается только послать цветы на могилу.

— Знаешь что, Пепе? Купи газету. Я всегда так делаю, когда хочу узнать свежие новости. Но когда мне нужна информация, я обращаюсь к тебе. Вот и давай выглядывай, что у тебя есть.

— А с чего ты взял, что у меня что-то есть?

Ло Манто повернул голову и посмотрел на потрепанного парня с сигаретой во рту и

широкой улыбкой на тонких бескровных губах.

— Я в этом уверен и готов поставить на кон твою жизнь.

Улыбка сползла с лица Пепе, он выплюнул окурок и раздавил его каблуком старого ботинка.

— Всех наркош в городе колбасит. Невозможно найти дозу, чтобы вмазаться. Такого не было со времени визита папы, когда всех барыг зачищали под мелкую гребенку, но даже тогда это продолжалось всего несколько дней.

— И с чем все это связано?

— Готовится что-то крупное, — ответил Пепе. — Мой барыга сказал, чтобы я подождал до середины недели. Тогда, говорит, будет столько дури, что хватит на месяц, причем первоклассного качества, а не того дерьма, которое толкали раньше.

— Когда появится товар? Где?

— Точного времени не знаю, но знаю место, — ответил Пепе, вытаскивая из пачки «Лорда» новую сигарету и закуривая. Его руки тряслись, под давно не стриженными ногтями были полоски грязи и засохшей крови.

— Так ты мне расскажешь, — спросил Ло Манто, — или отправишься в церковь и сообщишь об этом священнику на исповеди?

— Это не просто наколка, — сказал Пепе. — Если они узнают, что я проболтался, на следующий день я буду плавать в заливе без башки.

— Если так боишься смерти, то на хрена колешься? Наркота угробит тебя раньше, чем каморра.

Пепе сделал глубокую затяжку и выпустил дым через ноздри и приоткрытый рот.

— Эрколано, — сказал он наконец. — Там всегда куча туристов, которые шляются по руинам. Очень удобное место, чтобы незаметно поставить один портфель и взять второй.

Ло Манто встал, достал из куртки купюру в пятьдесят евро и сунул ее в нагрудный карман грязной рубашки Пепе.

— Коли дури сейчас все равно купить нельзя, ты хоть пожри по-человечески, — напутствовал он наркомана. — А если останутся деньги, побрейся и подстригись. А потом спрячься и на какое-то время затаись.

— От каморры не спрячешься, — ответил Пепе, прищурившись и глядя на заходящее солнце. — Ты это знаешь лучше других.

* * *

Ло Манто смотрел на Неаполитанский залив. Он сидел на ржавом причале, спусти ноги к плещущимся волнам, спиной к городу, в котором жил с тех пор, как приехал из Нью-Йорка. В Неаполе он окончил университет, а потом прошел обязательную воинскую службу, отбарабанив два года в итальянском военно-морском флоте. Большую часть этого срока Ло Манто провел на ржавом эсминце, курсировавшем вдоль африканского побережья.

Он забавлялся мыслью о том, чтобы вернуться в Нью-Йорк и поступить в тамошнюю полицию, но чувствовал, что долгие годы, проведенные им в Италии, являются скорее помехой, нежели преимуществом для реализации этой идеи. Да, он был ньюйоркцем по рождению и по взглядам, но в сердце все равно оставался неаполитанцем и чувствовал себя вполне комфортно, живя в пораженном каморрой городе. Со временем он научился

аккумулировать в себе силу обоих городов, совершая частые переезды между ними в своей непрекращающейся охоте на семью Росси, члены которой орудовали и в Нью-Йорке, и в Неаполе.

Ло Манто заполнил все необходимые документы, сдал экзамены и был принят на работу в управление полиции Неаполя, причем мать даже не догадывалась о том, какую карьеру выбрал для себя ее сын. А когда узнала, несколько не удивилась. Она давно подозревала, что Джанкарло вынашивает планы мести, но не хочет раскрывать их раньше времени.

— Ты можешь арестовать всех членов каморры — и здесь, и в Нью-Йорке, — сказала Анджела, когда сын сообщил, что стал полицейским, — но это не вернет к жизни твоего отца.

— Это нужно мне, а не отцу, — ответил Ло Манто.

— Тебе нужно совсем другое, — возразила мать. — Отправляйся в университет, найди себе работу, которая будет тебе по душе, а не убьет тебя. Каморра слишком велика и сильна для того, чтобы один человек объявлял ей войну. Даже тот, который ненавидит ее столь сильно, как ты.

— Нужно хотя бы попытаться, — произнес Ло Манто. — И один человек может сделать многое.

— И после этого ты утверждаешь, что пошел на это не ради своего отца? — спросила мать.

— Нет, не ради него. Ради сотен мальчишек, чьих отцов каморра может убить только из-за того, что они встали на ее пути.

— Я молюсь о спасении души моего мужа каждый день, — сказала Анджела, повернувшись спиной к Джанкарло. — Теперь мне придется молиться еще и о том, чтобы не убили моего сына.

Ло Манто пришел на работу в полицию через неделю после того, как ему исполнилось двадцать четыре года, и сначала его назначили в патрульное подразделение, задача которого состояла в том, чтобы очищать улицы основных туристических районов от бродяг, проституток и карманников. Это была скучная работа, однако Ло Манто сумел превратить этот недостаток в достоинство. Он редко арестовывал воришек, предпочитая превращать их в своих информаторов и доверенных лиц, которые из чувства благодарности снабжали его бесценной информацией. Это в немалой степени способствовало продвижению Ло Манто по служебной лестнице. Он считал себя не вправе осуждать проституток и жуликов за то, что они выбрали именно такой способ заработка, ведь им тоже нужно было кормить семьи, а найти стабильную и достойную работу в нищем городе и при этом избежать длинных рук каморры было практически невозможно.

Ло Манто старался завоевывать доверие людей, которых другие, возможно, считали отребьем. Он не гнушался обратиться к настоятельнице монастыря с просьбой устроить дочь проститутки в подготовительную школу при обители, найти приличное жилье для лифтера, который с женой и кучей ребятишек ютился под лестницей.

За несколько лет благодаря своим методам и тому, что неизменно держал данное слово, Ло Манто завоевал авторитет на улицах Неаполя, и к нему первому простые люди обращались с просьбами о помощи. А Ло Манто, в свою очередь, пользовался их помощью, подбираясь к более высоким эшелонам организованной преступности, внедряя в их ряды своих агентов, пытаясь нанести максимальный урон всем структурам каморры, включая семью Росси — самую могущественную среди всех, входивших в преступный синдикат.

Он начинал с малого, с уничтожения полудюжины подпольных игорных домов, зачастую действуя на свой страх и риск, кропотливо собирая и сводя воедино информацию и дюйм за дюймом подбираясь все ближе к сердцу необъятной преступной паутины.

Ло Манто не понадобилось много времени, чтобы выяснить: влияние каморры не заканчивается у дверей его родного полицейского управления. Однажды Ло Манто перехватил понимающие взгляды и почти незаметный обмен кивками между подозреваемым, которого он задержал и привел в управление, и детективами, коротавшими время в дежурке. Взятки были обычным делом в Неаполе, и многие здешние полицейские усердно работая и получая гроши, не являлись исключением, с готовностью принимая щедрые взятки. «Сам скоро поймешь, что твой единственный друг — ты сам, — сказал ему один из таких копов. — Другого способа выжить не существует, особенно для полицейского».

Помимо того что Ло Манто приобрел блестящие навыки полицейского, ему вдобавок сопутствовала удача. Тактика, честность и внушительный послужной список Ло Манто привлекли к нему внимание Пьетро Бартони, начальника отдела по расследованию убийств полиции Неаполя. Газеты нередко называли его «итальянским Элиотом Нессом»^[1]. Сын убитого полицейского, он сам стал блестящим детективом с кристальной репутацией и завидным послужным списком. Бартони противостоял всей мощи неаполитанской каморры на протяжении более двух десятков лет, и в перестрелках, без которых не обходилась эта работа, полегли десятки людей с обеих сторон.

Когда пришла пора получать повышение, Бартони стал подыскивать себе преемника. Ему нужен был детектив, одержимый своим делом, желающий поставить каморру на колени, ослабить ее до такой степени, чтобы она была готова сдаться, человек, которого нельзя купить ни за какие деньги. Все эти качества Бартони нашел в Джанкарло Ло Манто.

Раскрывая убийства и ловя наркоторговцев, Ло Манто работал под пристальным наблюдением старшего детектива на протяжении десяти лет, и Бартони не уставал поражаться удивительным способностям своего протеже в искусстве допроса, да и вообще его умению раскрывать преступления.

— Ни в коем случае нельзя приниматься за расследование, считая себя умнее преступника, — говорил Бартони Ло Манто однажды вечером, когда после очередного удачного рейда они сидели за столиком в темной трагтории. — Это делает тебя незащищенным перед ошибками. Какие бы вопросы ты ни задавал, все они должны быть направлены лишь на одно: кто совершил преступление? На это должны быть направлены и все твои мысли, все действия, все время, которое ты посвящаешь раскрытию преступления. Нацеленность на получение этого ответа, нежелание закрыть сложное дело до того, как оно будет раскрыто, — вот что делает детектива настоящим мастером.

— Ты помнишь все раскрытые тобой дела? — спросил Ло Манто.

— Нет, — ответил Бартони, — только нераскрытые. Они никогда не забываются.

— И много у тебя было таких?

— Одно нераскрытое дело — это уже много.

— Что же делать, когда это происходит? — поинтересовался Ло Манто.

— Научиться жить с этим, потому что оно останется на твоей душе, как шрам остается на теле, — навсегда. Это не та работа, в которой случайную ошибку или досадный промах можно исправить. Когда ты надеваешь полицейскую бляху, то берешь на себя все то хорошее и плохое, что с этим связано.

Ло Манто расслабленно откинулся на спинку стула и стал смотреть мимо своего собеседника — на мужчину средних лет, с нежностью прижимающего к груди спящего ребенка. Бартони перехватил его взгляд и некоторое время сидел молча, закурив новую сигарету и допивая пиво «Перони».

— Мой отец тоже погиб, когда я был маленьким, — сказал он наконец. — Его убили не так, как твоего, но, тем не менее, на протяжении многих лет после этого я испытывал ярость и обиду. Мне казалось, что я мог и должен был сделать что-то, чтобы спасти его. На самом деле оснований так думать нет, но тут уж ничего не поделаешь.

— Я не мог спасти отца, — проговорил Ло Манто. — Если бы в ту ночь я был с ним, меня бы тоже убили.

— Но, несмотря на это, тобой до сих пор движет желание отомстить. Ты хочешь, чтобы каморра заплатила за твою утрату.

— А ты разве нет? — словно защищаясь, спросил Ло Манто и перевел взгляд на Бартони.

Его наставник был элегантным мужчиной — стильно одевающимся и спокойным. Он носил дорогие костюмы, которые имел возможность покупать не благодаря взяткам, а из-за того, что его шурин, владелец магазина одежды, предоставлял ему скидки. Аккуратно подстриженные и зачесанные назад волосы с седой прядью, загорелое, тонко очерченное лицо, хрупкое телосложение — все это придавало ему аристократический вид. Ветераны управления прозвали Бартони Бароном, и он против этого не возражал.

— Злость и жажда отмщения помогут тебе стать классным копом, Джанкарло, — сказал Бартони. — Но эти чувства неизбежно оставят в твоей душе горький осадок.

— Или убьют, — добавил Ло Манто.

* * *

Ло Манто повернулся спиной к заливу и пошел по узкой улочке домой — в свою двухкомнатную квартиру на втором этаже дома у площади Данте. Он чувствовал себя измотанным до предела. С тех пор как Ло Манто поступил в полицию, у него был всего один отпуск, да и тот длился только неделю. Короткие передышки он получал, лишь оказавшись на больничной койке, куда периодически попадал после очередной полицейской операции. По настоянию Бартони Ло Манто написал заявление с просьбой предоставить ему месячный отпуск и даже зарезервировал номер в отеле на одном из курортов острова Капри. Ему действительно нужно было отдохнуть, и он твердо решил сделать это после того, как разберется с крупной поставкой наркотиков в Эрколано. Он устал от одиночества, от того, что вокруг него нет практически никого, кому можно доверять и с кем поговорить по душам, он устал гадать, удастся ли ему добраться до подонков, которых он так страстно мечтал достать.

Он откусывал от каморры кусок за куском в течение всех семнадцати лет своей службы в полиции, но, вопреки этому, несмотря на аресты и задержания многочисленных партий наркотиков, сила гангстеров неизменно росла, а их власть крепла. Пит Росси, который заменил дона Николо на посту повелителя каморры в Восточном Бронксе, жил в роскошном, построенном из песчаника доме на Манхэттене, был женат на женщине потрясающей красоты и имел трех сыновей, которые со временем получают блестящее образование и станут

работать в «семейном бизнесе». А Ло Манто сегодня мог похвастаться лишь покрывавшими его тело шрамами.

Джанкарло с возрастом стал все больше походить на своего отца. У обоих были густые темные волосы (вот только у сына они были длинными и закрывали уши и шею) и угольно-черные глаза. Сын со своими шестью футами роста был чуть выше отца, зато имел такую же походку и манеры. А вот улыбка у Ло Манто — младшего была уникальной. Она была выразительной и открытой, как восход солнца, и немедленно завоевывала сердце того, кому была адресована. Прибегая к ней как к испытанному оружию, он сумел вскружить голову многим женщинам, правда, лишь в тех случаях, когда ему было необходимо получить от них важную информацию. Однако Ло Манто редко использовал ее, общаясь с добропорядочными молодыми дамами, с которыми настойчиво знакомила его мать.

Ло Манто пересек дорогу на красный свет, не обращая внимания на злые крики водителя красного «Фиата», и вышел на площадь Данте. Вытащив из кармана новую пачку жевательной резинки, он открыл ее и сунул в рот сразу три подушечки. В большинстве культур давление, оказываемое на молодых мужчин с целью заставить их жениться, было обычным явлением. В Неаполе с его древними традициями оно было почти невыносимым. Однако, как бы ни давили на Ло Манто родственники и коллеги, сам он никогда не рассматривал такую возможность. Он не собирался оставлять после себя заплаканную вдову, а, учитывая характер своей работы и людей, с которыми ему приходилось иметь дело, это был единственный возможный исход его женитьбы.

Джанкарло Ло Манто не хотел, чтобы кто-нибудь растрачивал свою любовь и слезы, рыдая на его могиле.

Глава 4

Нью-Йорк. Лето 2003 г.

Пит Росси сидел за массивным письменным столом из красного дерева, спиной к Гудзону, в неподвижных водах которого, словно в зеркале, отражалась панорама Нью-Йорка. Его пальцы с ухоженными ногтями покоились на ручках кресла, обтянутого итальянской кожей. Он был настоящим красавцем с загорелым гладким лицом и темными, как зимнее небо, глазами. Густые каштановые волосы зачесаны назад, но две непослушные пряди упали на лоб. На Росси был темно-синий костюм от Армани, сорочка в тонкую голубую полоску от Дж. Трипплера и кроваво-красный галстук, а также выполненные в одном стиле золотые запонки и булавка на галстуке. Одним словом, Росси можно было хоть сейчас помещать на обложку снобистского журнала «GQ»^[2].

Росси окончил экономический факультет университета в Бостоне и получил степень бакалавра в университете Нью-Йорка, оказавшись лучшим выпускником в обоих вузах. Он являлся президентом экспортно-импортной компании с многомиллионным оборотом, совладельцем трех ресторанов на Манхэттене и одного ресторана выездного обслуживания в Бронксе. Росси сторонился биржи, предпочитая вкладывать свободные деньги в муниципальные облигации, казначейские векселя и акции европейских компаний-операторов мобильной связи. Он был женат и жил в сумасшедшем темпе, его лицо появлялось на страницах скандальных газет Нью-Йорка не реже, чем в солидных финансовых изданиях. Для тех, кто следил за новостями делового мира, Пит Росси являлся молодым бизнесменом, быстро идущим в гору. Что касается преступного мира, то он уже давно находился в его центре.

Самый молодой и наиболее влиятельный из крестных отцов каморры, он активно внедрял в практику новые подходы к контролю над разветвленной преступной империей. Некоторое время назад главари каморры решили оставить место в газетных заголовках и списках арестованных для своих островных коллег — сицилийских мафиози. Они сочли, что вести бизнес прежними методами и щеголять своей принадлежностью к бандитскому братству стало с некоторых пор невыгодно и опасно. Каморра начала продвигать своих членов вверх по социальной лестнице. Она набирала молодежь из семей либо неимущих, либо задолжавших ей, либо просто тех, которые хотели, чтобы их дети вырвались из нищеты, отправились в райскую страну за океаном, получили там прекрасное образование и затем наслаждались жизнью. Старшие каморристы приглядывались к каждому новобранцу и давали ему образование, отвечающее его навыкам и способностям, причем в любой области знаний — от медицины до финансов. За последние четыре десятилетия каморра проникла во все сферы общественной жизни — как в Неаполе, так и в Нью-Йорке, выглядя вполне благообразно и добропорядочно для постороннего взгляда и одновременно верша грязные дела в темноте и молчании. Среди тысяч рекрутов каморры самым лучшим — как, впрочем, и везде — оказался Пит Росси, сын уважаемого дона.

Росси глубоко вздохнул и, подняв взгляд от лежавшего перед ним гроссбуха, посмотрел на мужчину постарше, сидевшего по другую сторону стола с незажженной кубинской сигарой в правой руке.

— Кто-то сливает ему информацию изнутри, — сказал Росси, откинувшись на прохладную спинку кресла. — Скорее всего, какой-нибудь стукач.

— Кем бы он ни был, он не может занимать сколько-нибудь высокое положение в нашей иерархии, — ответил мужчина. — Иначе этот коп доставлял бы нам гораздо больше проблем.

— За последние годы по его милости мы понесли убытки на 154 миллиона долларов, — проговорил Росси звенящим от гнева голосом. — Этих «проблем» для тебя недостаточно, Фрэнк?

— Я имею в виду, что он действует в одиночку, — пояснил Фрэнк. — С одним-то парнем мы справимся, ведь так?

— Я думаю, настало время сделать это. Его геройствам пора положить конец, иначе они могут вдохновить на подвиги других.

Фрэнк Сильвестри поднялся со стула, сунул волосатые руки в карманы брюк, подошел к большому окну, выходящему на Гудзон, и стал смотреть на реку. Сильвестри, не так давно перешагнувший пятидесятилетний рубеж, состоял членом каморры с тех пор, как молодая мать, измученная нищетой и будучи не в состоянии растить сына, вышвырнула его, восьмилетку, на улицу. Каморра устраивала неугомонного парня в несколько школ, но, капризный и легко возбудимый, он не смог прижиться ни в одной. Однако год, проведенный в монастырской школе Монте-Кассино неподалеку от Салерно, помог исправить его буйный нрав и научил парня искусству терпения. Со временем Сильвестри — высокий, мускулистый, обладающий выносливостью боксера, — научился думать не хуже, чем драться, и стал незаменимым помощником дона Николо, отца Пита Росси.

Сильвестри знал, когда нужно нападать, а когда лучше залечь и не высовываться. Он рано выучился использовать уязвимые места противника и понял, что зачастую гораздо выгоднее не уничтожить врага, а подчинить его себе. Это тоже победа, причем побежденный никогда не станет мстить — хотя бы из одного только страха. Когда пришла пора, чтобы старый дон выбрал главного помощника для своего сына, выяснилось, что никто не подходит на эту роль лучше, чем Фрэнк Сильвестри.

— Он всего лишь муха, летающая над дерьмом, — пренебрежительно процедил Фрэнк, провожая взглядом корабль-мусорщик, плывущий по фарватеру реки. — Пусть с ним разберутся местные. Нам нет смысла марать об него руки. Не тот уровень.

— Местные пытаются разобраться с ним с тех самых пор, когда он пришел в полицию, — жестко сказал Росси. — Черт, когда он стал копом, я еще был студентом, а ты выбивал долги из мелких торговцев! Они не смогли остановить его тогда, не смогут и сейчас.

— Если хочешь, я могу сам заняться этой проблемой. Например, объявить награду за его голову, чтобы компенсировать местным затраты. По-другому нам не стоит быть вовлеченными во все это.

— Мы *уже* вовлечены, Фрэнки! — Голос Росси звучал низко и угрожающе, взгляд, устремленный на Сильвестри, был тяжелым и немигающим. — Мы были вовлечены в это *с самого начала!* Речь идет не о простом легавом, который мечтает дослужиться до капитана, прежде чем уйдет в отставку. Этот парень всерьез намерен прижать нас, причем он действует по собственному плану и по своему усмотрению.

Сильвестри развернулся и подошел к Росси.

— Ты его знаешь? — спросил он.

— Мы никогда не встречались, — ответил Росси, — но я знаю о нем достаточно, чтобы понимать: его необходимо нейтрализовать.

— Значит, это личное, — подытожил Сильвестри.

— Все, что касается нашего бизнеса, — личное.

— Я могу отправить команду, чтобы прикончить его. Ребята будут на месте уже к концу недели. Раньше или позже они замочат этого надоедалу.

— Нет, — ответил Росси, медленно покачав головой, — никаких «полевых работ». Я хочу послать ему приглашение. В землю его должны закопать именно мы.

Сильвестри опустил голову и стал смотреть на деревянный пол, отполированный не хуже зеркала. Он состоял в каморре почти всю жизнь и успел научиться многому. Эти уроки помогли ему стать богатым человеком, владельцем трех домов и нескольких миллионов долларов, надежно припрятанных на полудюжине анонимных офшорных счетов. Самый важный из этих уроков оказался в то же время и самым легким: знай своего хозяина лучше, чем самого себя. Умей предвидеть каждое его движение, научись приспособливаться к переменам в его настроении и, самое главное, умей быстро разобраться в том, на чем основано то или иное решение босса: на эмоциях или на доводах здравого смысла. Прежний хозяин, дон Николо, был вспыльчивым человеком, и Сильвестри частенько было сложно понять, что им движет в данный момент — чувства или рассудок. Это был босс старой школы. Хотя он и усвоил кое-какие современные принципы управления бизнесом, но все же ему были ближе такие способы решения проблем, как нож, пистолет или удавка. Для дона Николо *каждое* решение было личным.

Пит Росси был сделан из другого теста. Он прятал свои чувства и движущие им мотивы даже от узкого круга советников, которых знал еще с детства. Его не нужно было учить скрытности. Это качество было присуще ему столь же органично, как тяга к дорогой одежде, изысканным винам и коллекционным автомобилям. Он не нуждался в отеческих наставлениях, ему было нужно другое: чтобы его поддержали и укрепили в правильности уже принятого им решения. На фоне других главарей каморры Росси смотрелся моделью на подиуме: жестокое лицо преступного бизнеса под маской лощеной благовоспитанности.

Фрэнк Сильвестри понял: разобраться с копом из Неаполя значило для Пита Росси нечто большее, чем просто избавиться от досадной помехи их бизнесу.

— Ты хочешь, чтобы я лично занялся им? — спросил Фрэнк. — Я могу быть в Неаполе к середине недели.

— Нет, — шепотом проговорил Росси. — Пусть он сам приедет сюда. Пора этому легавому вернуться домой. Он заслужил право умереть в городе, в котором родился.

Глава 5

Эрколано, Италия. Лето 2003 г.

Ло Манто стоял в центре Дома Телефа^[3], разглядывая настенный барельеф, изображавший сцены подвигов Ахилла. Он стоял чуть в стороне от группы туристов — странной смеси из немцев, итальянцев и англичан, внимательно слушавших молодого гида, который рассказывал им древний миф. Ло Манто отступил в тень длинного коридора и наблюдал за тем, как туристы благоговейно проводят ладонями по шершавым стенам и фотографируют то, что осталось от города, погибшего две с лишним тысячи лет назад. Он прислонился затылком к прохладному камню, закрыл глаза и прислушивался к монотонному речитативу гида-студента, долдонившего про мифического царя уже в третий раз за сегодняшнее утро.

Эрколано, на территории которого некогда располагался Геркуланум, в течение нескольких веков находился под властью греков. Лишь в 89-м году до нашей эры город оказался в составе Римской империи и превратился в курорт для римской знати. Спокойная — да и вообще любая — жизнь закончилась здесь в 79-м году. Геркуланум вместе с Помпеями и Стабиями погиб в результате извержения Везувия. На Помпеи обрушился каменный ливень из пемзы и кусков лавы, а затем их засыпало тонкой золой, что же касается Геркуланума, здесь эти вещества предварительно смешивались с вулканическими парами и потому перешли в грязевидное состояние. Эта грязь частью засыпала город, частью залила его в виде спустившихся по склону потоков. В XVIII веке в результате долгих раскопок удалось обнаружить систему пересекающихся под прямыми углами улиц с вытянутыми прямоугольниками кварталов. Одной из наиболее ценных находок оказалась так называемая Вилла Папирусов, которая, как утверждают экскурсоводы, вдохновила Джона Пола Гетти на создание знаменитой виллы — музея в Малибу. Овеянное веками, это было место, где жила сама История.

Ло Манто пошел по дорожке, по которой ходил уже так много раз. С огромным удовольствием он снова и снова открывал для себя древность, утолял и не мог утолить свою страсть к истории — одному из его многих и разнообразных увлечений, которые помогали Ло Манто совершенствоваться в качестве детектива. Он твердо верил (и эту веру в его душе постоянно поддерживал Бартони) в то, что широкий кругозор в сочетании с отточенным умом и смекалкой может стать смертельным оружием, направленным против каморры. Вот почему Ло Манто никогда не переставал учиться. Он бродил по гулким залам музеев и художественных галерей. Он читал великие литературные произведения, но не чурался и современной литературы. Он поглощал огромное количество газет и журналов, чтобы быть в курсе всех последних событий. Он любил старые фильмы Витторио Де Сики и Роберто Росселини, восхищался современным гением Мартина Скорсезе и Майкла Манна. Он с удовольствием слушал сладкоголосого Тони Беннетта и грохочущие ритмы итальянского и американского хип-хопа и рэпа. Он пропадал в читальных залах публичной библиотеки Неаполя, зная в лицо и по имени всех библиотекарей, трудившихся в тишине, пока сам он читал книги при свете настольной лампы, потягивая эспрессо со льдом и аккуратно переворачивая страницы. В такие минуты Ло Манто существовал в собственном мире, куда не было хода неотделимым от его работы опасностям и призракам прошлого.

Круг его чтения был чрезвычайно широк. Он пожирал книги, посвященные

организованной преступности, которые позволили ему увидеть сходство и различие между японской якудзой, сицилийской мафией, китайскими триадами, российскими братками и, разумеется, каморрой. Он был знаком с новейшими технологиями криминалистики и судебно-медицинской экспертизы, а также с хитрыми уловками, к которым прибегали преступники, стремясь уйти от закона. Но с особым интересом Ло Манто читал истории, посвященные проблемам взаимоотношений отцов и сыновей, пытаясь найти в них намек на те связи, которые не оборвались в его душе даже после смерти отца.

Ло Манто был многогранной личностью, и это делало его еще более опасным копом. Однажды ночью, когда они с Бартони сидели в очередной засаде, наставник сказал ему:

— Многие — даже опытные — полицейские скажут тебе: чтобы поймать преступника, ты должен мыслить и действовать, как он. Но любой, кто верит в это, — дурак. Среднестатистический преступник — идиот, и тем не менее большинство из них остаются непоиманными. Если ты хочешь поймать крысу, ты должен быть умнее и хитрее ее, знать все, что знает она, и даже больше. Для классного полицейского мозги гораздо важнее пистолета.

Ло Манто вышел под слепящее солнце, прошел мимо Дома Самоцветов и сразу же заметил парня с рюкзаком. Высокий и худой, тот был одет в джинсы и рубашку поло, на его носу красовались старомодные очки, а на голове — кепка с эмблемой футбольной команды «Милан». Он лишь делал вид, что слушает экскурсовода, который говорил с прежним азартом и, похоже, намеревался вывалить своим подопечным все, что заучил на школьных и университетских занятиях по истории.

Парень вытащил из заднего кармана джинсов сигареты, закурил и выпустил в небо тонкую струйку дыма.

Синий рюкзак был полон и, похоже, тяжел, поскольку под его весом парень чуть пригнулся вперед. Ло Манто втиснулся в группу туристов и стал всматриваться в лица. По его расчетам, в преступной операции должны были участвовать как минимум трое: один — с деньгами, второй — с наркотиками и третий — стрелок, прикрывающий первых двух. И они не предпримут никаких действий до тех пор, пока не будут уверены в том, что им ничто не угрожает. А это значит, что он должен искать их сам, полагаясь лишь на свою интуицию.

Экскурсовод посмотрел в сторону палестры — участка для атлетических упражнений с бассейном, в котором атлеты Древнего Рима готовились к играм. Но это был не просто взгляд, а быстрый обмен взглядами между гидом и пожилой женщиной в синем платье и соломенной шляпе, нежно державшей под руку седовласого мужчину в рубашке кричащих цветов. В правой руке у него был переносной холодильник — видимо, достаточно тяжелый, поскольку тело мужчины скосилось вправо. Утомившись, старик поставил его на каменный пол.

Ло Манто посмотрел на часы. До конца экскурсии оставалось пятнадцать минут. Через четверть часа большинство туристов отправятся к ожидавшему их автобусу, но несколько человек — так бывает всегда — задержатся, чтобы сделать последние снимки и задать последние вопросы экскурсоводу.

Ло Манто вытащил из кармана рубашки одноразовую «мыльницу» и сделал несколько снимков, поймав в кадр бронзовую статую женщины с царственной осанкой, а заодно и мужчину с рюкзаком, оказавшегося как раз в центре кадра. Затем он сфотографировал трапезную, на фоне которой стояла пожилая пара, и приблизился к экскурсоводу, вставшему поодаль от группы, чтобы туристы смогли напоследок насладиться созерцанием древностей.

Протянув ему фотоаппарат, Ло Манто спросил:

— Вас не затруднит? Хочу подарить фотографию маме. Она уже старенькая, не может ходить на экскурсии. Пусть хоть так посмотрит на Геркуланум.

Экскурсовод несколько секунд смотрел на Ло Манто испытующим взглядом, а затем кивнул.

— Я тоже не умею отказывать своей матери, — сказал он. — Как же я могу отказать матери другого человека!

Ло Манто вручил гиду фотоаппарат и заметил, что его рубашка чуть выше пояса немного оттопырена. Скорее всего, там был спрятан «люгер» — лучшее оружие для ближнего боя.

— Жаль только, что в центре этого снимка буду находиться я, — с улыбкой проговорил Ло Манто. — Моя физиономия способна испортить самый красивый вид.

— Уверен, что ваша мама придерживается противоположной точки зрения, — ответил гид, поднял фотоаппарат и, когда Ло Манто занял наиболее выгодную позицию, сделал два снимка. Возвращая аппарат Ло Манто, он пояснил: — Второй — на тот случай, если на первом вы окажетесь без головы. Я всегда так делаю.

— Моя мама будет в восторге, какими бы скверными ни получились фотографии, — проговорил Ло Манто, забирая камеру.

— Полагаю, нам пора, — сказал экскурсовод, обойдя Ло Манто и направляясь к разбредшимся в разные стороны туристам. — Нас ждут еще две остановки в исторических местах, а я привык заканчивать экскурсии в назначенный срок.

— Хороший летний приработок для студента, — заметил Ло Манто, идя рядом с гидом. — Платят наверняка мало, но чаевые от туристов компенсируют этот минус. Кроме того, остается свободное время, чтобы подрабатывать, оказывая услуги другого рода.

— Я изучаю древнюю историю, а эта специальность выглядит в резюме очень впечатляюще.

— В отличие от торговли наркотиками, — сказал Ло Манто.

Экскурсовод замедлил шаг, его правая рука инстинктивно потянулась к поясу, за который был заткнут пистолет.

— Мне нужно работать, — выдавил он. — Времени — в обрез.

— Так давайте используем его с максимальным эффектом, — предложил Ло Манто, на секунду приоткрыв полу куртки — так, чтобы стал виден его полицейский значок. — Пусть все идет так, как запланировано. Пусть парень с рюкзаком и старички обменяются грузом, а ты постарайся не прикасаться к пистолету, который тебе выдали. И тогда всем будет хорошо.

— Не пойму, о чем вы говорите, — проямлил экскурсовод. На его верхней губе выступили капли пота.

— Я говорю о пятнадцати годах твоей жизни, — пояснил Ло Манто. — Именно столько лет тюрьмы ты сможешь сэкономить, если будешь делать то, что я велю, и если обмен произойдет без сучка и задоринки. А если вздумаешь потянуться к пистолету, что у тебя за поясом, то по крайней мере умрешь в красивом историческом месте.

— Я никогда раньше этим не занимался, — сказал гид.

— Вот и сейчас не нужно, — ответил Ло Манто.

— Я должен, — простонал гид. — У меня нет выбора.

— Я как раз предоставляю тебе выбор. Не знаю, каким образом ты впутался во все это, но, если позволишь, я помогу тебе выпутаться.

— У них мой брат! — проговорил гид, подняв взгляд на Ло Манто. — Если эта сделка состоится, его отпустят, и они спишут все его долги.

Ло Манто посмотрел в грустные темные глаза парня и сказал:

— Заканчивай экскурсию. Туристы ждут.

Они подошли к группе, и Ло Манто, обойдя ее, оказался между женщиной с рюкзаком и пожилой супружеской четой. Многозначительно посмотрев на экскурсовода, он двинулся вместе с остальными к выходу с палестры, по направлению к Дому Оленей — одному из самых удивительных сооружений, найденных археологами в Геркулануме. Оказавшись на валу, с которого открывался чарующий вид на Неаполитанский залив, Ло Манто ждал окончания экскурсии.

Большая часть туристов уже погрузилась в автобус с кондиционированным воздухом, несколько оставшихся задержались возле ларька, в котором продавалось мороженое и охлажденные напитки. Пожилая чета и мужчина с рюкзаком находились позади всех, стоя перед Домом Шпалер — одним из немногих древних домов, в котором когда-то жили одновременно несколько семей. В наши времена его назвали бы многоквартирным. Старик поставил переносной холодильник на землю, а худой мужчина бросил свой рюкзак рядом с ним. Экскурсовод стоял спиной к этой группе, не сводя взгляда с Ло Манто. Его правая рука находилась на бедре, пальцы нервно прикасались к рукоятке пистолета, нащупывая ее через ткань рубашки.

Ло Манто положил в рот подушечку жевательной резинки и подошел поближе. Он был совершенно спокоен и готов к любому варианту развития событий, которых могло быть только два: либо стрельба, либо мирное решение вопроса, причем зависеть это будет не от того, что он сделает, а от того, что скажет.

Ло Манто находился менее чем в четырех футах от экскурсовода, когда старик нагнулся, поднял с земли рюкзак и с заметным трудом взвалил его на плечо. Жена помогала ему, как могла. Тем временем худой мужчина зажал ногами переносной холодильник и стоял, сунув руки в карманы, с новой сигаретой на губе.

— Пусть они сделают то, что должны, — прошептал молодой экскурсовод, обращаясь к Ло Манто. — Если им не помогу я, то завтра это сделает кто-то другой, так какая разница?

— Ты должен кому-то сообщить, когда сделка будет совершена?

— Да, — ответил парень, — и когда я позвоню, они отпустят моего брата.

— Тогда окажи мне две услуги, — попросил Ло Манто. — Позвони своему связнику и сообщи, что обмен состоялся, и все в полном порядке.

С этими словами Ло Манто обошел гида и направился к пожилой паре и мужчине с сигаретой.

— А какая вторая услуга? — вдогонку спросил его экскурсовод.

Ло Манто задержался и, повернув голову в его сторону, сказал:

— Доверься мне.

* * *

— Какие восхитительные вещи, — сказал Ло Манто, остановившись рядом со стариками и худым мужчиной. — Переносной холодильник и рюкзак! Где я только таких не искал, и все без толку. Вы не представляете, как трудно найти их в Неаполе! Практически

невозможно. Легче найти золотую жилу, ей-богу!

— Они продаются в любом универмаге, — проговорил старик, на рубашке которого моментально проступили пятна пота. Его жена нервно прикусила нижнюю губу. — Я уверен, что вы без труда найдете их в крупном супермаркете.

Худой парень посмотрел через плечо Ло Манто на экскурсовода, прикрыв один глаз из-за попавшего в него сигаретного дыма.

— Пока вы всего лишь курьеры, — проговорил Ло Манто, переводя взгляд со старика на его жену. — Возможно, вам пришлось за это взяться по независящим от вас причинам. За это вам светит не слишком большой срок, а может, вас и вовсе не осудят. Кроме того, вы оба слишком стары, чтобы умереть в тюрьме, а третий, — он перевел взгляд на худого, — слишком молод, чтобы стремиться попасть туда.

По щекам пожилой женщины побежали слезы, и она вцепилась в руку мужа. Плечи худого мужчины поникли, сигарета вывалилась изо рта и упала на землю. Старик был единственным, кто вел себя дерзко и не выказывал страха.

— Ну и что вы сделаете? — с вызовом спросил он. — Оставьте себе деньги, а наркотики продадите заново? Вы ведь так зарабатываете себе на жизнь?

— Нет, — покачал головой Ло Манто, — не так.

Но идея, должен признать, неплохая. Даже лучшая из всех, которые я слышал за долгие годы.

Ло Манто нагнулся и взял холодильник, а затем снял рюкзак с плеча старика и потряс им в воздухе. — Где вы должны были его оставить? — спросил он.

— На середине лестницы у здания суда, — ответил старик. — Мне велено оставить его там в 6.15, а затем уйти.

Ло Манто перевел взгляд на худого парня, дожидаясь его ответа и ощущая исходящую от него смесь страха, надменности и недоверия.

— А ты?

— Возле церкви.

— Любой? — улыбнулся Ло Манто. — Или ты сам выберешь, возле какой?

— Сан-Лоренцо-Маджоре, — тихим голосом ответил худой. — В семь.

Ло Манто повернулся к стоявшему неподалеку gidу.

— Ну что, позвонил?

— Да, — ответил гид. — Я сказал, что обмен произошел и что посылки уже в пути.

Ло Манто опустил рюкзак на землю и расстегнул его. Он оказался набит тугими пачками евро, каждая из которых была стянута резинкой. Ло Манто взял две пачки, застегнул рюкзак и, выпрямившись, протянул деньги gidу.

— Найди своего брата, — напутствовал он парня, — а затем как можно скорее соберите свои манатки и унесите ноги из Неаполя.

— Куда же нам бежать?

— Куда хотите, только не говорите об этом ни мне, ни кому-либо другому. Просто уезжайте. Когда начнется суматоха, вас уже не должно быть в городе.

— А что, если они нас выследят? — пугливо спросил экскурсовод. Его взгляд метался между Ло Манто и троицей, стоявшей за его спиной. — Что, если они выследят всех нас?

— Нет, — мотнул головой Ло Манто, — ни ты, ни твой брат не имеете для них никакого значения. Вы все — не имеете. Им нужны лишь деньги и наркотики. И тот, кто их забрал. То есть я.

Экскурсовод сунул пачки евро в карманы брюк и снова посмотрел на Ло Манто.

— Я не смогу вернуть вам долг, — сказал он.

— Значит, мне повезло, что это не мои деньги, — усмехнулся Ло Манто.

Гид развернулся, пошел прочь и вскоре скрылся за углом Дома Двухсотлетия. Проводив его взглядом, Ло Манто повернулся к оставшимся и протянул им пачку жевательной резинки. Женщина взяла одну подушечку трясущимися пальцами.

— А что будет с нами? — спросил парень, отказавшись от жвачки. — Сколько вы дадите нам, чтобы мы могли скрыться?

— Он сделал свою работу и получил за это плату. А вы — еще нет.

— Но мы не можем вернуться с пустыми руками, — проговорил старик. — И не можем рассказать им, что произошло. Чтобы остаться в живых, мы должны довести дело до конца. Если бы на кон была поставлена только моя жизнь, мне было бы наплевать, но в это вовлечены и другие, невинные люди, включая мою жену.

— Вы доведете его до конца, — сказал Ло Манто. — Единственным новшеством в этой игре буду я, а об этом, кроме вас, никто не знает.

— Нас убьют, даже если просто увидят с вами, — срывающимся голосом проговорил худой. — Впрочем, какое вам до этого дело! Для вас главное — аресты!

Ло Манто посмотрел на пожилую женщину. Ее била мелкая дрожь, а на лице выступила испарина.

— Прибереги-ка лучше сценарий «Увидеть Неаполь и умереть» до своего следующего визита сюда, — сказал он, обращаясь к парню. — А сейчас вы просто сделаете то, что я скажу. Если нам повезет, то единственными убитыми окажутся те, кто втянул вас во все это.

— Надеюсь, вы знаете свое дело, — прошептала женщина, положив худую ладонь на руку Ло Манто.

— Скоро выясним, — ответил он, а затем закинул рюкзак за плечо, взял холодильник и пошел прочь из древнего Геркуланума, направляясь к своей машине, чтобы совершить короткое путешествие до оживленных улиц Неаполя.

* * *

Ло Манто сидел за рулем черного «Мерседеса» на противоположной стороне улицы, напротив здания главного городского суда. Через открытое окно он наблюдал за тем, как молодой человек в кожаной куртке и дорогих джинсах поднимается по каменным ступеням и идет к брошенному на середине лестницы рюкзаку, ощупывая острым взглядом каждого из целой толпы снующих вокруг адвокатов, судей, подзащитных и туристов. Со стороны это место напоминало потревоженный муравейник. На пассажирском сиденье «Мерседеса» расположился худой парень из экскурсионной группы. Ло Манто позвонил по сотовому телефону в полицию и попросил коллег проводить пожилую супружескую пару на вокзал, предварительно снабдив стариков приличной суммой, которой им должно было хватить на билеты первого класса до Милана и по крайней мере на неделю спокойной жизни.

— Это тот самый тип, который дал мне задание, — сказал спутник Ло Манто, указывая пальцем на парня в кожаной куртке.

— Но это не тот, кто мне нужен, — ответил Ло Манто. — Ему просто заплатили, чтобы он забрал рюкзак. Полагаю, он возьмет его, положит в багажник вон того голубого «Форда»,

припаркованного возле ресторана, а потом позвонит и доложит о том, что поручение выполнено.

— А что будет потом?

— Мы последуем за «Фордом» к Сан-Лоренцо-Маджоре, — ответил Ло Манто, — причем окажемся там на несколько минут раньше, чем они. Там ты выйдешь из машины, оставишь холодильник в назначенном месте и исчезнешь с моих глаз до конца жизни.

— Вы дали экскурсоводу целую кучу денег и старикам тоже подкинули, — сказал худой. — А сколько достанется мне?

— Нисколько, — откликнулся Ло Манто, переводя взгляд с парня на ступенях на голубой «Форд» и обратно.

— А чем они заслужили особое отношение?

Ло Манто повернулся и посмотрел на худого тяжелым взглядом.

— Тем, что они — обычные люди, — жестко сказал он. — Они были втянуты в это помимо своей воли — из-за семейных проблем или карточных долгов.

А ты — другое дело. Ты связан с каморрой. Нет, даже хуже, ты ее поклонник и страстно мечтаешь оказаться в ее рядах. Поэтому твое вознаграждение будет состоять в том, что я не арестую и не пристрелю тебя. По крайней мере, не сегодня.

— Чем я смогу отблагодарить вас за такую щедрость? — ядовито спросил парень.

— Тем, что заткнешься и будешь выполнять мои указания, — ответил Ло Манто и снова стал смотреть на улицу. — Помни, их интересуется холодильник, а не тот идиот, который его принесет.

— А откуда вам знать, что я не позвоню кое-кому, как только уйду от вас? — не унимался худой. — Своим боссам, например? Возьму и расскажу им, что произошло и кто забрал наркоту и деньги.

— Как раз на это я и рассчитываю, — сказал Ло Манто. — Но, когда будешь звонить, помни, что они очень не любят плохие новости. Они захотят задать тебе много вопросов и будут ожидать исчерпывающих ответов. Готов ли к этому такой любитель, как ты?

— Они и без меня все поймут после того, как вы их арестуете.

— Я не собираюсь никого арестовывать, — ответил Ло Манто. — Ни люди в машине, ни парень на ступеньках не нарушили никаких законов.

— Но в том рюкзаке — миллион евро, а героин в холодильнике тянет на сумму вдвое больше. Этого для вас что, недостаточно?

— В рюкзаке денег нет, — сообщил Ло Манто. — Всего лишь несколько старых камней из Геркуланума. Может, пару евро они и стоят, но уж никак не миллион. Деньги давно лежат у меня в багажнике, а сегодня вечером они окажутся на столе у моего начальства.

— А холодильник? — спросил худой. Повернувшись, он убедился в том, что переносной холодильник по-прежнему стоит на заднем сиденье.

— У выхода с развалин я купил у продавца фруктов большой кусок льда, — сообщил Ло Манто, — а наркотики лежат рядом с деньгами. Я уничтожу их позже, после того, как избавлюсь от тебя.

Худой смотрел на Ло Манто, открыв рот, в его глазах застыло изумление.

— Если вы не намерены ничего предпринимать, зачем же вы за ними следите? — спросил он.

Ло Манто наблюдал за тем, как парень в куртке бросил рюкзак в открытый багажник «Форда», захлопнул его и торопливо пошел прочь. Вскоре он уже скрылся за ближайшим

углом. Ло Манто завел двигатель машины, позволил ему поработать несколько секунд, выжидая, пока голубой «Форд» отъедет от ресторана, а затем вывернул руль, и его «Мерседес» медленно влился в транспортный поток. Повернувшись к вконец сбитому с толку парню, Ло Манто объяснил:

— Чтобы убедиться в том, что все прошло как надо. Я привык доводить любое дело до конца.

Старший инспектор поднес горящую спичку к концу своей сигары и откинул седую голову на обитую коричневой кожей спинку кресла. На ковре, рядом с его атташе-кейсом, лежали двенадцать стянутых резинками пачек евро и десять плотных пакетов с героином. Бартони поглядел на Ло Манто, сидевшего, вытянув длинные ноги и закинув одну на другую, и улыбнулся своему любимцу.

— Сегодня над тарелками с пастой будет пролито немало слез, — сказал он. — Этот улов должен был упасть на головы наркоманов Неаполя манной небесной, но теперь будут падать только трупы. Трупы членов каморры.

— Поставку организовало отделение каморры, орудующее в Маргелине, — сообщил Ло Манто. — Такая крупная партия должна была показать боссам, что они располагают широкими возможностями и способны проворачивать масштабные операции.

— Теперь это забота каморры, а не твоя, — заметил Бартони. — Пусть делают нашу работу за нас. Чем быстрее они перебьют друг друга, тем лучше для Неаполя.

— Я отправляюсь в отпуск на первом же катере завтра утром, — сказал Ло Манто. — Но перед этим я заеду сюда и оставлю отчет.

— Это не к спеху, — махнул рукой старший инспектор. — Если тебе угодно, ты можешь даже переслать мне его по электронной почте с Капри. Я уверен, что ты все сделал по правилам.

— Я следую правилам в соответствии с тем, как понимаю их.

— А больше мне от моих сотрудников ничего и не требуется, — кивнул Бартони. — Я присмотрю за твоей матерью на тот случай, если ей что-нибудь понадобится.

— Удачней времени и не придумаешь, — усмехнулся Ло Манто. — У нее в саду созрели помидоры, а базилика выросло столько, что она может завалить им все рестораны города.

— Я очень рад, что ты наконец отдохнешь. Читай книги, купайся, пей и ешь до отвала и выкинь из головы каморру. Хотя бы на этот месяц.

— Даже каморристы иногда берут отпуск, — сказал Ло Манто. — Кто знает, может, мне повезет, и я встречу на Капри кого-нибудь из знакомых гангстеров.

— Тебе еще больше повезет, если этого не случится, — ответил Бартони. — В течение следующих тридцати дней я хочу получать от тебя только открытки с красивыми видами. Если мне захочется почитать о перестрелках, я найду это в ежедневных сводках происшествий.

— Если они решат поквитаться с нами за то, что мы у них отобрали, мне хотелось бы знать об этом, — произнес Ло Манто. — Это все же мое дело, вне зависимости от того, здесь я или нет.

— Если возникнут проблемы, я с тобой свяжусь, — пообещал старший инспектор. — А ты развлекайся и получай максимум удовольствия на райском острове. Очень скоро ты снова окажешься в нашем аду и успеешь наработаться до тошноты.

— Ад — только для тех, кто это ненавидит, — откликнулся Ло Манто.

Ло Манто вышел из ванной комнаты, обернув одно полотенце вокруг бедер, а второе накинув на плечи, и оказался в своей большой спальне, из окон которой открывался великолепный вид на площадь Данте. Его тело было еще мокрым после долгого горячего душа. На кровати лежал коричневый кожаный чемодан, а по обе стороны от него — аккуратно сложенные вещи. На столе в углу комнаты стояла стопка книг, лежали журналы и газеты, которые Ло Манто собрался читать на отдыхе. На краю стояли новенькие черные кроссовки «Пума», а рядом с ними лежали три пистолета: два 9-миллиметровых и «Беретта». Из динамиков проигрывателя звучала песня «Спаси меня» в исполнении Лоренцо Яванотти.

Ло Манто остановился перед стоявшим посередине спальни комодом — подарком матери по случаю приобретения квартиры — и посмотрелся в висевшее над ним длинное широкое зеркало. Его тело было исчерчено шрамами, словно склон горы — расселинами. Вот длинный изогнутый шрам под правой грудью, «подарок», полученный им в ходе захвата, в котором Ло Манто участвовал уже через полгода после прихода в полицию. А этот полукруглый неровный шрам на боковой стороне шеи остался от пули 38-го калибра. Угоди она сантиметром левее, он бы сейчас не стоял перед зеркалом. Шестидюймовый рубец над пупком. Он появился после облавы на каморристов на берегу реки, когда во время захвата Ло Манто налетел животом на острую ветку дерева.

На его теле — от плеч до ног — насчитывалось около трех десятков отметин. Каждая из них напоминала о той или иной схватке с каморрой. Некоторые были незаметны для постороннего взгляда, другие — бросались в глаза не хуже каменных мышц, из которых состояло тело детектива.

Оглядев шрамы еще раз, Ло Манто присел на край постели и с улыбкой покачал головой, попытавшись представить, каким он станет в старости, если, конечно, ему суждено до нее дожить. Наверное, будет курить трубку с изжеванным мундштуком, набивая ее крепким табаком, и надоедать слушателям одними и теми же полицейскими историями, до которых тем и дела не будет. Такого исхода любой офицер полиции боялся пуще смерти. Превратиться из бесстрашного рыцаря, стоящего на страже добра, в беспомощного, никчемного и надоедливого старика! Нет, только не это! Ло Манто хотелось бы, чтобы совершенное им не пропало втуне, чтобы оно возымело эффект на людей, которым он помог, и преступников, от которых очистил улицы. Для него было важно знать, что он живет не зря, что он служит большой и важной цели. Когда-то отец говорил ему, что именно такую жизнь человек может прожить в Америке, сейчас Ло Манто хотел прожить такую же жизнь здесь, в Италии.

Услышав звонок в дверь, Ло Манто повернул голову, а затем, сбросив с себя полотенца, натянул джинсы, вышел из спальни и, пройдя через скромную столовую, оказался в прихожей.

— Царица небесная! — воскликнул он, открыв дверь и увидев стоящую на пороге свою сестру Викторию. Когда она вошла, Ло Манто крепко обнял ее и сразу же понял: что-то случилось. Он провел сестру на кухню и усадил на стул. — Я сделаю кофе, а ты пока рассказывай, — проговорил он.

На два года старше брата, Виктория обладала необыкновенной красотой, присущей женщинам Южной Италии. У нее были длинные и густые каштановые волосы, чудное тело, не нуждающееся в изнурительных физических упражнениях для поддержания стройности, и смуглая кожа. Когда в ее глазах оливкового цвета загоралась улыбка, мужчины теряли

головы, но сегодня овальное лицо Виктории было осунувшимся, а в глазах залегла печаль.

Она рано вышла замуж. Даже слишком рано, как считала их мать, и не за того мужчину, как перешептывались их друзья и родственники. Муж Виктории, Фабио, работал в банке средней руки, содержал дом, и со стороны семья выглядела вполне благополучной. У них был один ребенок — пятнадцатилетняя Паула, которую обожали и баловали родственники как со стороны отца, так и со стороны матери. Виктория владела цветочным магазином в Лангомаре и ездила на кроваво-красном «Порше» 1998 года. Она приобрела эту машину за непомерную цену на полицейском аукционе. «Порше» Виктории очень нравился, хотя автомобиль с такими скоростными параметрами был ей совершенно ни к чему.

Ло Манто поставил турку на плиту и зажег газ. От его внимания не укрылись нервные движения сестры, исходящие от нее озабоченность и тревога.

— Кофе будет готов меньше чем через десять минут, а ты еще не сказала ни слова.

— Паула пропала, — с трудом выдавила из себя Виктория. — Вот уже три дня, как от нее — ни слуху ни духу.

— Когда ты об этом узнала? — спросил Ло Манто.

— Примерно час назад, — ответила Виктория. — Мне позвонили из Нью-Йоркской семьи, в которой она живет. Они просили меня не волноваться. По их словам, Паула, возможно, решила у кого-то погостить и не догадалась предупредить их.

— Они сообщили в полицию?

— Их мама связалась с полицейскими прямо перед тем, как позвонить мне. Они как раз собирались в участок, чтобы написать заявление о пропаже.

— Ты хорошо знаешь этих людей? — поинтересовался Джанкарло. Он сам проверял их через своих друзей в полиции Нью-Йорка, когда узнал, что его племянница по программе студенческого обмена отправляется в этот город на месяц и будет жить в обитающей на Манхэттене семье из трех человек — мужа, жены и дочери-студентки. Ему сообщили, что семья — вполне благополучная и добропорядочная.

— У них — отличная репутация, Джан, — махнула рукой Виктория, словно отгоняя безосновательные сомнения брата. — Ты не единственный, кто может снять телефонную трубку и навести справки. Эта семья принимает у себя подростков из-за границы каждое лето на протяжении последних шести лет, и до сих пор ничего не случилось. В прошлом году у них жила Клаудиа, дочь моей соседки Констанцы.

— Почему же они ждали три дня, прежде чем позвонить тебе и в полицию? — спросил Ло Манто.

— Нечто подобное случалось и раньше, — пояснила Виктория. — Трижды за последние три года, и каждый раз — с одинаковым результатом. Они звонили копам, писали заявления, и после этого ровным счетом ничего не предпринималось. А потом парень или девушка возвращались, даже не задумываясь о том, что в их отсутствие вся семья сходила с ума. Они же подростки, Джан! Они далеко не всегда ведут себя идеально.

— Паула — не такая! — возразил Ло Манто. — Кроме того, куда она могла отправиться, не желая, чтобы об этом узнал кто-то еще? Кто мог заставить ее забыть о том, что необходимо предупредить хозяев дома? Если она по какой-то причине не захотела довериться им, она непременно позвонила бы тебе, а если бы она оказалась в беде, то связалась бы со мной.

— Мне нужна твоя помощь, — проговорила Виктория. — Я хочу, чтоб ты отыскал ее.

— У нее есть сотовый с выходом на международные линии? — осведомился Ло Манто.

— Нет, только на местные. Она звонила мне не реже одного раза в неделю.

— Когда ты разговаривала с ней в последний раз?

— Накануне ее исчезновения, — сказала Виктория. — Пятнадцать минут с ней говорила я и еще минут пять — отец.

— Как звучал ее голос? Ты не услышала в нем тревоги или страха?

— Она скучала по дому, но не более того, — сказала Виктория, беря со стола салфетку и вытирая навернувшиеся слезы. — Она только что вернулась из парка развлечений, где провела целый день, и собиралась пойти в кино с какими-то своими друзьями. В парке, на каком-то аттракционе, Паула даже выиграла приз — плюшевого мишку, которого собиралась подарить бабушке по возвращении домой.

— Ты знаешь имена ее друзей? — Ло Манто налил две чашки кофе, поставил одну из них перед сестрой и смотрел, как она берет ее дрожащей рукой. — Паула когда-нибудь упоминала их в ваших разговорах?

— Только однажды, — сказала Виктория, ставя чашку на край стола. — На какой-то вечеринке она познакомилась с девочкой, которая говорит по-итальянски. Выяснилось, что они живут по соседству и у них общие интересы. С тех пор они вместе стали ходить по музеям и художественным галереям.

— Тебе известно, как зовут эту подружку?

— Да, ее зовут Клара, но ее фамилию я не знаю.

Правда, Паула сказала мне, что дедушка Клары родился в Неаполе, и это обстоятельство, как я полагаю, также способствовало тому, что они сблизились.

Ло Манто пододвинул свой стул, сел ближе к сестре и посмотрел в ее глаза, а затем взял в руки ее дрожащие пальцы.

— Я позвоню нескольким людям в Нью-Йорк и выясню, что можно сделать, — сказал он. — От тебя мне понадобится телефонный номер, адрес и фамилия семьи, в которой жила Паула. А ты поезжай домой и жди новостей. Как только у меня появится хоть какая-то информация, я тебе позвоню.

— Ее нет уже три дня, Джан! — срывающимся голосом проговорила Виктория. — Потеряться в Нью-Йорке — проще простого, люди пропадают в этом городе каждый день. Пропадают *бесследно*! Может, полиция Нью-Йорка и будет искать Паулу, но найти ее она не сможет! Для них — она всего лишь еще одно имя в списке пропавших без вести, незнакомка, до которой им нет дела! А для тебя она — родная кровь!

Ло Манто молча смотрел на сестру. Он старался сохранять уверенный вид, чтобы развеять страхи Виктории и внушить ей уверенность в благополучном исходе поисков. Он заговорил, тщательно подбирая слова и стараясь, чтобы она не почувствовала в его вопросах ни малейшего упрека в свой адрес. Однако при этом Ло Манто понимал, что время работает против них и шансы на то, что его племянницу найдут, — ушла ли она по собственной воле или была похищена, — тают от часа к часу. В каждом из случаев исчезновения людей три дня для полиции были целой вечностью, поскольку зацепки, которые могли привести к успеху, исчезали, а следы, как говорят копы, остывали.

— Маме пока ничего не рассказывай, — сказал он в заключение. — Если ты не уверена в том, что не проговоришься, просто не показывайся в ближайшие дни ей на глаза.

— Мы с Фабио собирались отправиться на выходные на озеро Комо, — сказала Виктория, крепко сжимая руки брата. — Маме необязательно знать, что мы туда не едем. На тот случай, если ей вдруг что-то понадобится, я оставлю ей номер своего мобильного

телефона.

— А по поводу меня она думает, что я на месяц уезжаю на Капри. Вот пусть так и думает.

— Найди ее, Джан! — проговорила Виктория. В ее голосе уже слышалось облегчение, и зародившаяся в сердце надежда вновь заставила слезы выступить на глазах женщины. — Я понимаю, что такой сюрприз тебя не радует, ведь ты так давно мечтал отдохнуть по-человечески. Мне больно думать, что я взваливаю на тебя столь тяжкий груз. Подобной работы у тебя и без меня хватает.

— На самом деле ничего не изменилось, сестричка, — успокоил Викторию Джанкарло. — Я собирался поехать на Капри и не планировал ничего особенного. Теперь вместо этого я отправлюсь на Манхэттен и сделаю кое-то важное для нас обоих. А как называется остров — какая разница!

Ло Манто смотрел на сочные луга, раскинувшиеся между Неаполем и Римом. Сидевший за рулем Бартони сыпал проклятиями и неустанно перестраивался из ряда в ряд, пока их полицейский седан не выбрался с забитых машинами улиц Неаполя на скоростное шоссе Альтострада, которое через два часа пути должно было привести их в римский аэропорт Леонардо да Винчи. Ло Манто мог бы добраться туда за двадцать минут на легком самолете, совершающем челночные рейсы между Неаполем и Римом, но, узнав о том, насколько радикально изменились планы подчиненного, старший инспектор настоял на том, чтобы самолично отвезти его в столицу.

На сборы у Ло Манто ушло не более четверти часа. Оставив дома все книги и журналы, которые собирался взять на Капри, он уложил в чемодан два пистолета и все имевшиеся у него запасные обоймы, а третий сунул в наплечную кобуру. Затем он сделал два телефонных звонка. Первый — старому другу и коллеге, капитану Франку Фернандесу из северного полицейского округа Среднего Манхэттена. Они были знакомы еще с того времени, когда Фернандес, тогда еще простой детектив, работал под прикрытием в Восточном Бронксе, устраивая «контрольные закупки» наркотиков и арестовывая их поставщиков в момент так называемого сброса порошка. Именно Восточный Бронкс был когда-то родиной Ло Манто и до сих пор являлся оплотом каморры в Нью-Йорке. На протяжении тех лет, когда они оба росли в чинах, Ло Манто и Фернандес провели свыше дюжины совместных операций, в число которых входил и ставший знаменитым захват груза наркотиков на 50 миллионов долларов. В результате три высокопоставленных каморриста, получив астрономические тюремные сроки, отправились за решетку, а еще трое — в могилу.

Ло Манто и Фернандес часто разговаривали по телефону, постоянно переписывались по электронной почте, обмениваясь информацией и помогая друг другу чем только возможно.

Приехав в Нью-Йорк в качестве гостя, Ло Манто окажется за тысячи миль от территории, на которую распространяется его юрисдикция, и у него не будет полномочий проводить официальное расследование или тем более аресты. Он будет вынужден явиться в полицейский округ, начальство которого приставит к нему так называемую тень — сопровождающего из числа местных копов. Ло Манто понимал, что в поисках племянницы никто не сможет оказать ему более полноценную помощь, нежели Франк Фернандес.

После того как Ло Манто набрал второй номер, по ту сторону океана зазвонил телефон в старом и пыльном кондитерском магазине, стоявшем севернее выходящих на поверхность рельсов подземки на улице Уайт-Плейнс в Бронксе. После восьмого гудка в трубке послышался раздраженный голос.

— Надеюсь, меня не зря заставляют отрывать задницу от кресла! — пролаял он в трубку.

— Разве она у тебя еще не срослась с этим самым креслом? — улыбаясь, спросил Ло Манто.

— А, это коп — итальяшка? — послышалось на другом конце линии. — Что, уже наступило Рождество, или тебе просто стало одиноко, и ты решил позвонить человеку, которого ты — непонятно, почему, — считаешь своим другом?

Кармине Дельгардо представлял собой лучшие уши и глаза Ло Манто на улицах Нью-Йорка. Это было тем более поразительно, что он крайне редко покидал свой кондитерский

магазин. Ло Манто знал его с детства, когда магазин Дельгардо являлся всего лишь прикрытием для подпольного притона картежников и ростовщиков. Он не был членом каморры, но регулярно платил ей оброк, за что гангстеры позволяли ему заниматься этим мелким грязным бизнесом. Дельгардо платил и местным полицейским — только за то, чтобы они отворачивались, прохода мимо его заведения. У Дельгардо не было ни мобильного телефона, ни пейджера. Он пользовался лишь выдавшим виды платным телефоном, висевшим рядом с тесным, словно стенной шкафом, туалетом в магазине. Единственным преимуществом этого аппарата являлось то, что он не был зарегистрирован ни в одной телефонной компании и не значился ни в одном справочнике.

Раз в месяц к Дельгардо приходил его племянник — бывший коп из Бруклина — и проверял все помещения на наличие «жучков». Дельгардо не курил и не пил ничего крепче пива, зато он был в курсе всех последних событий, уличных слухов и новостей криминального мира. Он любил женщин и буквально расцветал, когда в его магазин входила симпатичная барышня, желающая задешево купить сладости с истекшим сроком годности.

Из проигрывателя, стоявшего в глубине магазина, с утра до вечера лилась негромкая музыка.

Дельгардо был фанатом звукозаписывающей фирмы «Мотаун», покупал все выпускаемые ею синглы и диски групп, которым посчастливилось добраться до Детройта. Он знал поименно всех музыкантов этих групп, а также названия всех записанных ими песен. Он мог моментально подсчитать, насколько расходится *официально* заявленный заработок той или иной группы с *реальным*. «Если хочешь украсть и остаться чистеньким, — сказал он как-то раз в разговоре с Ло Манто, — постарайся попасть в шоу-бизнес. В этом мире не нужен ни нож, ни пистолет. Просто найди кого-нибудь, кто знаком с кем-нибудь, работающим на звукозаписывающую фирму, — и дело в шляпе!»

Хотя они никогда не обсуждали эту тему, Ло Манто знал, что Дельгардо когда-то был близким другом его отца и трогательно заботился о нем. Большую часть свободного времени мужчины проводили, сидя на деревянных ящиках у входа в магазин Дельгардо, потягивая холодное пиво из спрятанных в бумажные пакеты бутылок и обсуждая спортивные новости под звуки музыки групп «Четыре вершины» или «Искушения». Ло Манто также знал, что Кармине Дельгардо делал все возможное, чтобы уберечь отца от столкновения с людьми, которые впоследствии убили его. Он пытался успокоить его, убедить в том, что искать защиты не у кого и необходимо смириться, но — тщетно.

Ло Манто также знал, что Дельгардо известно об отце и его конфликте с каморрой гораздо больше, чем сам он сумел выяснить из гулявших по окрестностям слухов. Он не знал лишь одного: суждено ли им когда-нибудь поговорить на эту тему.

* * *

Бартони включил четвертую передачу и перестроился в левый ряд скоростного шоссе. Теперь солнце светило им в спину, а справа, в нескольких милях от дороги, раскинулся городок Салерно.

— Можешь не спешить, — сказал он Ло Манто, который сидел на пассажирском сиденье, жевал сразу две пластинки жвачки и смотрел на пробегающие за окном фермы. — Даже после того, как ты найдешь Паулу, не торопись возвращаться. Отдохните, погуляйте по

городу...

— Ты, похоже, не сомневаешься в том, что я ее найду, — проговорил Ло Манто, поворачиваясь к старшему инспектору. — Когда я окажусь в Нью-Йорке, пройдет уже пять дней с момента ее исчезновения. Ты знаешь лучше других, насколько малы в таких случаях оказываются шансы на успех.

— Тут уж ничего не поделаешь, — пожал плечами Бартони. — Но худшего исхода следует опасаться лишь в том случае, если целью была сама Паула, в чем лично я сомневаюсь.

— Кто же, по-твоему, является мишенью?

— Каморра в Нью-Йорке разрослась и набрала силу, — заговорил Бартони. — Она укоренилась там не хуже, чем в Неаполе. Два города подпитывают друг друга. Сила каморры в Неаполе укрепляет мускулы каморры в Нью-Йорке, и ущерб, нанесенный одной, воспринимается как удар по ним обеим.

— Мы хорошо покусали этих подонков, — заметил Ло Манто. — Не настолько сильно, чтобы поставить их на колени, но времени, денег и людей благодаря нашим усилиям они потеряли изрядно.

— Вот именно, — кивнул Бартони, — а каморра воспринимает это крайне болезненно и старается избавиться от любого, кто наносит ущерб их бизнесу.

— Но при чем тут Паула? — вздернул брови Ло Манто. — Они никогда не похищают детей. Это слишком рискованно и неприбыльно.

— Верно, — согласился Бартони, переводя взгляд с дороги на Ло Манто и обратно. — Когда я, как ты сейчас, работал на улицах и в моем районе появлялся стервятник, пытавшийся сделать деньги на невинных ребятишках, я незамедлительно доводил это до сведения каморры, и через несколько часов он становился воспоминанием.

— И тем не менее ты видишь связь между каморрой и исчезновением Паулы? — Ло Манто провел ладонью по густым волосам. Его мысли метались, он лихорадочно пытался сообразить, каким образом пропажа его племянницы может быть связана с преступниками, которых он преследовал на протяжении всей своей жизни.

— Если она — не мишень, значит, она — приманка.

— Это всего лишь твоя интуиция или нечто большее? — осведомился Ло Манто.

— Ты не единственный, у кого есть друзья в Нью-Йорке, — хмыкнул Бартони. — Кроме того, мои друзья старше, занимают более высокие посты и, следовательно, знают больше твоих.

— Я тебя очень внимательно слушаю.

— Семья, в которой жила Паула, чище первого снега, так что на них грешить не приходится.

— Это мне известно, — буркнул Ло Манто. — Расскажи мне то, чего я не знаю.

— Их дочь посещает частную школу, расположенную в двух кварталах от дома, — сообщил Бартони. Он говорил тихо, но в этом не было ничего удивительного, поскольку старший инспектор не выказывал признаков волнения даже в самых критических ситуациях. — Это та же самая школа, в которую отправил свою дочь Пит Росси. Более того, они — одноклассницы.

— Уж не та ли это девочка, с которой подружилась и ходила по музеям Паула? Не дочь ли это Росси?

— Этого мне выяснить не удалось, — ответил Бартони, — но я сомневаюсь. Росси вряд

ли стал бы так рисковать. Но я готов поспорить на свою пенсию, что эта девочка — из семьи, которую он хорошо знает или к которой сумел близко подобраться.

Ло Манто отвернулся от Бартони, поставил правый локоть на панель двери и стал смотреть на дорогу. До последнего времени ему удавалось ограждать свою семью от возможных неприятностей, связанных с его опасной работой. Он не рассказывал родственникам о том, чем именно занимается, и те узнавали об этом лишь из утренних газет и еженедельных журналов, которые писали о каморре не меньше, чем о звездных скандалах и политических сенсациях. Ло Манто также допускал, что каморра не посягает на жизнь обычных людей, если те не стали ее должниками, и эта мысль успокаивала его. Ло Манто принадлежал к числу тех людей, которые всеми силами пытаются избегать ошибок. Теперь, возможно, он допустил ошибку, из-за которой девочка, которую он любил больше жизни, оказалась посередине минного поля.

— Они могли бы добраться до меня в Неаполе так же легко, как и в Нью-Йорке, — сказал Ло Манто. — Какая им разница, в каком городе я умру?

— Возможно, для Пита Росси разница есть, — ответил Бартони. — Именно на его людей пришлось главная тяжесть твоих ударов, включая маленькое приключение в Геркулануме. Кроме того, хотя ты и родился в Нью-Йорке, но знаешь его не так хорошо, как Неаполь. На чужой территории ты станешь более легкой мишенью.

— А если ты ошибаешься? — спросил Ло Манто, сев ровнее. — Что, если Росси не имеет ничего общего с пропажей Паулы? Вдруг ее похитили какие-то уличные подонки?

Бартони вывернул руль, четко вписался в крутой поворот на скорости сто десять километров в час, а затем выровнял машину и включил режим овердрайв. До римского аэропорта оставалось всего сорок минут пути. Старший инспектор посмотрел на Ло Манто, и взгляд его затуманился печалью.

— Нам обоим уже известен ответ на этот вопрос, — проговорил он, — но ни один из нас не хочет себе в этом признаться.

Остаток пути они проехали в молчании, и их невеселым раздумьям ненавязчиво сопровождал лишь льющийся из динамиков негромкий голос Андреа Бочелли.

Глава 8

Нью-Йорк. Лето 2003 г.

На углу Восточной Шестнадцатой улицы и Ирвинг-плейс детектив Дженнифер Фабини заметила мужчину в кожаном пальто. Он был высоким, худым, с короткими волосами, подстриженными на африканский манер, и слегка прихрамывал при ходьбе. Короче говоря, все приметы, содержащиеся в полицейской ориентировке, были налицо. Остальные пешеходы, спешившие по раскаленной улице, были одеты легко, словно собрались на пляж. Ничего удивительного, ведь августовская жара уже который день мертвой хваткой держала город за горло. Однако мужчина в кожаном пальто, казалось, не испытывал никаких неудобств и решительным шагом двигался в направлении Третьей авеню. Фабини шла за ним, держась на расстоянии в несколько шагов. Полицейское наставление требовало, чтобы она вызвала подмогу, поскольку мужчина в пальто, Лютер Слайк, находился в розыске за совершение тяжких преступлений, был крайне опасен и, скорее всего, вооружен. Слайк, не задумываясь, выстрелит в офицера полиции, более того, в его досье говорилось, что он уже дважды делал это. В документах также значилось, что при росте в шесть футов и два дюйма он весит восемьдесят пять фунтов, имеет вставную верхнюю челюсть и три шрама от огнестрельных ранений, полученных во время перестрелок с полицейскими.

Поразмыслив над тем, чтобы и впрямь позвонить в отделение и вызвать подмогу, Фабини все же отказалась от этой идеи, поскольку ей гораздо больше импонировала мысль самостоятельно задержать Лютера. Более того, она всегда предпочитала действовать в одиночку, и эта возможность больше всего привлекала ее в работе детектива в штатском. «Посмотрите на фотографию Дженнифер в ее школьном альбоме, — часто говорил ее отец, Сэл, своим друзьям — отставным полицейским, когда они сидели в их излюбленном баре в районе пятидесятих улиц, где он регулярно оставлял большую часть пенсии. — Под снимком написано: «Не умеет играть с другими детьми». Из нее выйдет отличный коп, но дерьмовый напарник».

Сэл Фабини считался легендой полицейского управления Нью-Йорка, настоящим героем, на счету которого было больше арестованных и осужденных убийц, чем у какого-либо другого копа за всю историю департамента. Двадцать шесть лет он ловил преступников, сворачивая челюсти, взламывая двери притонов, нарушая все существующие правила и не успокаиваясь до тех пор, пока на запястьях преступника не защелкнутся наручники и он не подпишет признание. За годы службы Сэл Фабини застрелил четверых и арестовал десятки бандитов, был награжден таким невероятным количеством грамот и медалей, что теперь ими были увешаны две стены его расположенной в подвале и обшитой деревом игротеки. За несколько месяцев до выхода в отставку Фабини стал получать приглашения на высокооплачиваемую работу в солидные охранные предприятия, но он неизменно отклонял их.

— Это дерьмо не для меня, — сказал он как-то утром Дженнифер, когда они пили утренний кофе. — Не думай, что я готов превратиться в сутулого седовласого неудачника, охраняющего чужие бабки и жалеющего о том, что не получил пулю в голову во время службы в полиции. Не бывать такому!

— Сейчас все по-другому, — возразила Дженнифер. — Тебе никто не предлагает торчать в фойе и объяснять посетителям, как пройти в кассу. Эти охранные фирмы сплошь и

рядом используют высокие технологии и имеют филиалы по всему миру. Имея в своем распоряжении такую технику, ты сможешь сделать много хорошего.

— Охрана, она и есть охрана, а значит, дерьмо собачье, — отмахнулся от доводов дочери Сэл. — Я мечтал о том, чтобы избавиться от формы, когда был копом, и не собираюсь влезать в нее снова теперь, когда я уже старик.

— К такой работе прилагается дорогой костюм и солидный счет в банке, — сказала Дженнифер, пытаясь преодолеть разочарование, которое она всегда испытывала, разговаривая с отцом. — Зарплаты и пенсии хватит тебе на то, чтобы купить дом и машину получше. Не отмахивайся от этого, как ты отмахиваешься от всего остального.

— Меня вполне устраивают мой нынешний дом и машина, — пробурчал отец, — так что давай лучше закроем эту тему насчет охранного бизнеса. В отношении меня она бесперспективна.

— Я уже жалею, что подняла ее, — проговорила Дженнифер, а каждое ее слово сочилось сарказмом. — Действительно, ты ведь можешь сделать столько полезного, просиживая в последние годы своей жизни штаны в «Трех тузах», утихомиривая крикунов и следя за тем, чтобы никто не смылся из бара, не поставив парням по кружечке!

— Послушай меня, девочка, — заговорил Сэл. Его челюсти сжались, а в тяжелом взгляде вспыхнула угроза. Дженнифер, увидев это, представила себе, сколько отпетых головорезов, не боящихся ни бога, ни черта, тушевались и пасовали под этим взглядом. — За двадцать шесть лет службы я не пропустил ни одного рабочего дня. Даже когда мне случалось схлопотать пулю, я все равно писал отчеты — прямо на больничной койке. Я заслужил право проводить свое свободное время так, как мне нравится. А с твоей стороны я хотел бы видеть поменьше дерзости и побольше уважения. В конце концов, я тебя вырастил.

— Меня вырастила мама, — ответила Дженнифер, поднимаясь со стула и с вызовом глядя на отца.

Они находились на кухне двухэтажного, крытого дранкой дома в колониальном стиле. Пол кухни был выложен той же вытершейся черно-белой плиткой, что и в тот день, когда однажды утром Джен обнаружила тело матери, распростертое на раковине, в которую била струя холодной воды. Из живота матери торчал кухонный нож, а кровь стекала по дверцам шкафчика прямо на ее голубые домашние шлепанцы, окрашивая их в багровый цвет.

— Мама делала все, что нужно было делать: готовила, убирала и всегда оказывалась рядом, когда я в ней нуждалась. Но в основном она тратила свою жизнь, дожидаясь твоего возвращения домой. Пьяный или трезвый — для нее это не имело значения, главное — чтобы ты вернулся живым.

— У каждого из нас была своя работа, и каждый из нас делал ее, — едва шевеля губами, проговорил отец. — Мы старались выполнять свои обязанности как можно лучше, в противном случае ты не стояла бы сейчас здесь, а на стене твоей комнаты наверху не висел бы диплом с отличием.

— Ты со своими напарниками занимался лишь тем, что выполнял план по арестам, — парировала Дженнифер, — а образование я получила благодаря маминой работе и бабушкиным деньгам. Тебе я ничем не обязана.

Сэл встал и подошел к деревянным шкафам, висевшим на стене рядом с небольшим холодильником. Открыв дверцу, он достал ополовиненную бутылку «Девара» и старую баночку из-под конфитюра, которую использовал в качестве стакана с тех пор, как Дженнифер была еще студенткой. Плеснув в нее на три пальца виски, он выпил его одним

ГЛОТКОМ.

— Чем-то, наверное, все же обязана, — сказал он, стоя спиной к дочери. — Ты захотела пойти по моим стопам и поступила на службу в полицейское управление. И мне необязательно видеть тебя в форме, чтобы с уверенностью сказать: ничего у тебя из этого не выйдет. По крайней мере, не в этой жизни и не на этой планете.

— Я пошла в полицию не благодаря, а вопреки тебе, — отрезала Дженнифер. — Газеты изображают тебя живой легендой, ветераны отзываются о тебе как об апостоле во плоти. Но далеко не все считают, что ты способен ходить по воде. Кое-кто даже полагает, что по справедливости тебе полагается симпатичная оранжевая роба и долгий тюремный срок.

— Абсолютно любой коп хорош настолько, настолько хороша добываемая им информация, — сказал Сэл, поворачиваясь лицом к дочери. — От этого зависит и то, повесят ли тебе на грудь медаль или всадят в спину пулю. А из того, что ты мне сейчас сказала, я могу сделать только один вывод: в покойнике, плывущем по реке лицом вниз, и то больше оптимизма, чем в тебе.

— Так и есть, — ответила Дженнифер, сглотнув, чтобы не заплакать, ибо перед ее внутренним взором вновь возник образ матери, лежащей лицом вниз на раковине. Дженнифер тогда было пятнадцать. Одета в университетскую форму, она стояла, крепко сжимая кулаки и чувствуя, как дрожат поджилки. — Прости, я забыла о том, что говорю с ходячей легендой. Ты — коп, раскрывший все преступления, с которыми сталкивался. Все, кроме одного, которое только и имело значение.

— Твоя мать покончила с собой! — рявкнул Сэл и с силой припечатал банку из-под конфитюра к поверхности кухонного стола. — Ты единственный человек, который когда-либо сомневался в этом. Ты ошибалась тогда и ошибаешься теперь.

— Она никогда не сделала бы этого, зная, что именно я найду ее тело, — сказала Дженнифер, мотнув головой. — Они ни за что не наградила бы меня подобными воспоминаниями. Черт, она даже с тобой не поступила бы так, хотя, видит бог, ты это заслужил!

— Давай передохнем, детка, — внезапно смягчившимся тоном предложил Сэл. — Оставь все как есть и смирись с этим. Начнешь копать в прошлом — не оберешься неприятностей. Оно тебе нужно?

— Я полицейский, папа, — ответила Дженнифер, направляясь к двери. — И вдобавок твоя дочь. Я привыкла иметь дело с неприятностями.

* * *

Лютер Слайк вошел в вестибюль пятиэтажного многоквартирного дома из бурого песчаника, стоявшего на углу Восточной Двенадцатой улицы. Дженнифер остановилась у газетного киоска, стоявшего на противоположной стороне улицы, взяла свежий номер «Нью-Йорк пост» и бросила на прилавок четвертак. Затем она перешла через дорогу невзирая на красный свет и направилась к недавно вымытому фасаду здания, в котором скрылся Лютер. Поднявшись по пяти ступеням парадного, она подошла к двойной деревянной двери с хромированными ручками, блестящими в свете утреннего солнца, и пробежала глазами фамилии шестерых жильцов рядом с кнопками домофона, пытаясь сообразить, кто из них мог понадобиться Лютеру. Нагнувшись, Дженнифер посмотрела в щелку жалюзи,

закрывавших стеклянные окошечки двери с внутренней стороны, и увидела, что Лютер, уже преодолев первый лестничный пролет, заворачивает направо и начинает подниматься по второму. Она снова обратилась к кнопкам на домофоне, нажала их все, а затем навалилась на дверь и стала ждать. Кто-нибудь да откроет. Меньше чем через тридцать секунд все жильцы нажали на кнопки в своих квартирах, открывающие входную дверь, и лишь один из них поинтересовался, не курьер ли это.

Дженнифер скользнула в вестибюль первого этажа, и в ту же секунду засов ореховой двери справа от нее отодвинулся, и из квартиры вышел молодой мужчина латиноамериканского типа — в джинсах, «вьетнамках» на босу ногу, ковбойской шляпе, но без рубашки. На его безволосой груди красовалась красно-черная татуировка в виде гремучей змеи, хвост которой обвивал пупок мужчины, а морда с раскрытой пастью и ядом, стекающим с зубов, приходилась на его мускулистую правую грудь. Из квартиры доносились звуки латиноамериканской музыки и звон посуды. Женский голос крикливо попросил парня поторопиться. Из квартиры явственно тянуло кислым запахом марихуаны, перемешанным с вонью жженого кокаина.

— Ты, похоже, забыла пиццу, — сказал он, остановившись в трех футах от Дженнифер и криво ухмыльнувшись. От его смрадного дыхания завял бы даже кактус. — А я заказал это дерьмо уже больше часа назад. У меня там люди с голоду дышат.

Дженнифер отвела в сторону полу своей джинсовой куртки и продемонстрировала типу с татуировкой полицейский значок, прикрепленный к брючному поясу. Он переменялся в лице, увидев значок и рукоятку 9-миллиметрового пистолета, торчащую из кобуры на бедре женщины, которую принял за разносчика пиццы.

— Я могу не выдвигать против тебя и твоей женщины обвинение в хранении и употреблении наркотиков, которые я непременно найду, если войду в эту дверь, — негромко проговорила она. — Но для этого ты должен вернуться в квартиру и сидеть там тихо, как мышь.

— А что же мы будем есть? — спросил парень, пятясь к двери.

— Сделайте салат, — отрезала Дженнифер.

Пройдя мимо парня, Дженнифер стала подниматься по лестнице, опираясь левой рукой о прохладную стену. Сверху до ее слуха донеслись два возбужденных мужских голоса. В каждом из них звучали злость и угроза. Дженнифер завернула за угол, опустилась на четвереньки и продолжила подъем к площадке второго этажа в этом не очень удобном, но более безопасном положении. Голоса раздавались с третьего этажа. Из открытого окна на площадке лился солнечный свет, отбрасывая на лестницу длинную тень от фигуры Лютера в дурацком пальто. Дженнифер вытащила из кобуры пистолет, сняла его с предохранителя и поползла дальше.

Лютер Слайк башней возвышался над толстощекикой коротышкой — босоногим, в футболке с эмблемой Нью-Йоркской баскетбольной команды «Никс» и черных спортивных шортах. В зубах он сжимал дымящуюся сигарету, а в руке — кий от мини-бильярда. Мужчина стоял, расставив ноги и глядя злым взглядом на явившегося к нему бандита, его бритая голова блестела, словно ее натерли полиролью. Дженнифер смотрела на лысого сквозь прутья ограждения лестницы. Она сразу же поняла, что нынешний разговор между этими двумя был далеко не первым и вполне может закончиться кровопролитием. На правом плече лысого была татуировка в виде головы тигра, на левом красовалась голова льва, что идентифицировало его как активного члена одной из банд, отсидевшего несколько

тюремных сроков. Дженнифер достаточно хорошо разбиралась в этих вещах, чтобы понять: очень скоро станет ясно, так ли Лютер Слайк крут, как пытается казаться.

— Ты, наверное, совсем сбрендил, мать твою, если приперся ко мне вот так — словно тебя пригласили на обед! — злобно орал толстяк, готовый, похоже, в любой момент полезть на гостя с кулаками. — У тебя на заднице висят копы, а ты запросто приходишь *ко мне*! До сегодняшнего дня я лишь предполагал, что ты — полный кретин, а теперь готов поклясться в этом на Библии!

— Переведи дух, жирный ублюдок, — откликнулся Лютер, не желая сдаваться под словесным напором лысого. — Меня не так просто выследить. По крайней мере, не так просто, как тебе кажется. Я скольжу по улицам, как глиссер по воде. Я пришел один, у меня на хвосте никого нет.

— Не так просто выследить? — переспросил толстяк и зашелся смехом. — В этом-то пальто? В такую-то погоду? Ну, твою мать, ты точно охренел! Даже слепая сучка из киношки «Красный дракон» смогла бы выследить тебя в толпе на Таймс-сквер! Готов поставить пятьсот долларов против одного, что как раз сейчас целая свора копов устроила пикник на лужайке перед домом и дожидается, пока твоя тощая задница выползет на улицу.

— Мое дело ждать не может, — проговорил Лютер, а затем кинул быстрый взгляд через плечо собеседника в сторону открытой двери и увидел костлявого рыжего кота, развалившегося на коврик у порога. — Мне нужно по-быстрому скинуть товар, а лучше тебя с этим никто не справится.

— Какой еще товар? — с любопытством спросил толстяк, выпуская сигаретный дым из ноздрей, но при этом по-прежнему кипит от злости.

Лютер воровато огляделся по сторонам, затем расстегнул четыре пуговицы своего кожаного пальто и развел полы в стороны. На его физиономии заиграла гнилозубая ухмылка, когда он увидел, как вспыхнули глаза мужчины при виде шести небольших прозрачных пакетов с кокаином, приклеенных липкой лентой к подкладке пальто.

— Ты кого-то грабанул, — язвительно осведомился толстяк, — или нашел всю эту дурь прямо на площади?

— Нашел, причем кое-что получше, чем новая религия или способ трахаться через замочную скважину, — проговорил Лютер, не переставая ухмыляться. — Гектор, я нашел дилера, который готов поставлять мне товар напрямую. Это моя первая крупная закупка, я сделал ее вчера вечером.

— Что ты разболтался? — с раздражением рывкнул толстяк, которого, оказывается, звали Гектор, опасно поглядев по сторонам. — Еще Си-Эн-Эн сюда позови, чтобы похвастаться! Меня подробности не интересуют. Я хочу наверняка знать только то, что этот кокс — твой и, следовательно, если я его куплю, будет моим.

— По этому поводу можешь не дергаться, — успокоил его Лютер. — И если под той кучей жратвы, которую ты хранишь в холодильнике, найдется пятнадцать штук мелкими купюрами, я выйду отсюда налегке и гораздо богаче.

— Этот твой зверь может снабжать тебя регулярно? — спросил Гектор. — Например, пару сбросов в неделю, тридцать процентов — ему?

— Да мы забьем твою нору дурью от пола до потолка! — восторженно заорал Лютер. — Ты за неделю превратишься в почетного короля наркоторговцев!

Гектор поскреб серую щетину на подбородке и, постукивая носком домашней тапки по выкрашенному в красный цвет цементному полу, еще раз обласкал взглядом пакеты с

кокаином на подкладке пальто Лютера и сказал:

— Ладно, подожди минуту. Я сейчас вернусь, а ты пока отлепи эти пакетики от пальто и положи их рядом с дверью. Если тебя прихватят в мое отсутствие, я тут ни при чем.

— Тогда поторопись, толстый, — сказал Лютер, — и не задерживайся на кухне, чтобы в очередной раз пожрать.

* * *

С 9-миллиметровым табельным пистолетом в правой руке Дженнифер распласталась на холодном цементном полу. Ее ноги свешивались на верхние ступеньки лестницы, взгляд темных глаз, наполовину скрытых козырьком бейсболки с эмблемой «Янкиз», был устремлен на Лютера и толстяка, стоявших в дальнем конце лестничной площадки. В здании царила жутковатая тишина. Из квартир не доносилось никаких звуков и не пахло готовкой, домашние собаки не лаяли и не скребли когтями деревянные двери, требуя, чтобы их вывели на прогулку.

Гектор ушел в свою квартиру и закрыл дверь, а Лютер остался у входа, раскладывая пакетики с кокаином на коврике. Дженнифер испытывала гораздо меньше доверия по отношению к толстяку, нежели Кожаный Лютер, как она успела прозвать его про себя. Ей не верилось в то, что такой опытный бандит, как Гектор, станет иметь хоть какие-то дела с сомнительной уличной дешевкой вроде Лютера, которого к тому же вот-вот схватят и сунут в комнату для допросов. Тот факт, что Гектор предпочитал вести разговор на лестничной площадке, а не внутри квартиры, также позволял предположить, что эта сделка закончится не рукопожатием, а пулей.

Дженнифер подтянула под себя ноги, чтобы в любой момент встать на колени и быть готовой к стрельбе. Она уступала обоим мужчинам ростом и весом, но на ее стороне был эффект неожиданности и уверенность в том, что ни один преступник не сумеет грохнуть ее, если только он не располагает запасной парой глаз, которые она не заметила.

По расчетам Дженнифер, Лютеру понадобится некоторое время, чтобы добраться до пистолета, спрятанного где-то в недрах его пальто — подальше от глаз Гектора. Кроме того, она была уверена, что его реакция притуплена наркотиками, которыми он уже наверняка успел накачаться, и годами, проведенными в тюрьмах. Это давало Гектору неоспоримое преимущество.

Дженнифер медленно поднялась на колени, развернула кепку козырьком назад, отбросила за спину свои густые светлые волосы и направила ствол пистолета в темный конец лестничной площадки. В следующий момент дверь квартиры Гектора распахнулась, и на пороге появился он сам, держа в руке бумажный пакет с логотипом магазина «Д'Агостино». Поглядев на пакетики с белым порошком, разложенные на коврике, он одобрительно пробурчал:

— Хотя бы инструкции умеешь выполнять. От тебя я даже этого не ожидал.

— Когда речь заходит о бабках, на меня можно положиться, — заявил Лютер, метнув быстрый взгляд на бумажный пакет в руке Гектора. Впервые за весь день он явственно вспотел. — Бабки — единственный повод, чтобы просыпаться каждое утро.

— Миром правит жадность, — провозгласил Гектор. — Мне, например, всегда хочется жрать, и мне повезло, что в этом мире друзей шприца и иголки больше, чем беззастенчивых

хапуг. Только это и помогает мне сводить концы с концами.

— В таком случае давай поскорее разойдемся — счастливые, как свиньи, покатавшиеся в грязи, — предложил Лютер. — Передай мне то, что находится в этом пакете, тем более что настало время очередной кормежки.

— Я могу кушать в любое время. У меня всегда отменный аппетит. Не пропустил жрачку ни разу с тех пор, как оторвался от мамкиной сиськи.

Гектор сделал шаг к Лютеру и сунул руку в пакет. Его взгляд внимательно следил за возвышающимся над ним, словно каланча, Лютером: за движениями его рук, за капельками пота, выступающими на его лице.

— Ты в порядке, приятель? — спросил он. — Клянусь Девой Марией, на тебе лица нет. Вот что значит носить теплое пальто в такую жару!

— Ты за меня не волнуйся, Гектор, — проговорил долговязый, — я в порядке. Мне еще никогда не было лучше.

— Тогда давай закончим, — сказал толстяк и сунул руку в пакет.

— Эй вы, там! — крикнула Дженнифер с другого конца лестничной клетки. Она уже шла к ним с пистолетом в руке, не спуская глаз с Гектора. — Даже не мигай, — предупредила она его, — и если хочешь, чтобы день закончился без кровопролития, сними палец с курка пистолета, который у тебя в пакете.

Лютер посмотрел на приближающуюся к ним молодую женщину с колючим взглядом, а потом вновь перевел глаза на толстяка.

— Она правду говорит? — спросил он. — Ты что, хотел меня грохнуть? Прямо здесь, у своего порога? Как ты мог, Гектор?

— Расслабься, Лютер, — сказала Дженнифер, подойдя ближе. Она переводила взгляд с одного мужчины на другого, гадая, успеет ли нейтрализовать обоих, если они дернутся одновременно. — Все закончится прямо сейчас, и вы оба отправитесь в тюрьму, а уж потом, когда вы там основательно устроитесь, у вас с Гектором будет достаточно времени, чтобы выяснить отношения.

— Вот что я тебе скажу, — заговорил Гектор, наградив Дженнифер холодной улыбкой, — маленькая симпатичная птичка вроде тебя не сможет повязать нас обоих, даже если один из нас туп, как пень. Бери Лютера. У вас на него обвинений — как грязи. Одного только этого кокса хватит, чтобы припаять ему лет семь. А против меня у тебя ничего нет, разве что пистолет, который, возможно, находится в этом пакете.

Мои адвокаты вытащат меня из-за решетки сегодня же вечером.

— То есть ты предлагаешь сделку, Гектор? — спросила Дженнифер. Она стояла, широко расставив ноги в кроссовках и нацелив дуло пистолета в вырез рубашки толстяка. — Сдаешь мне Лютера и наркоту и взамен получаешь свободу? Ты именно так хотел бы все обстряпать?

— По-моему, в этом есть резон, — ответил Гектор. — Ты без проблем получаешь опасного преступника и, возможно, премию от начальства. Я избавляюсь от идиота, от которого могут быть только проблемы. Прямо-таки подарок в упаковочной бумаге.

— Быстро же ты меня сдал, жирная сволочь! — с ненавистью проговорил Лютер. Пот уже ручьями тек по его лицу, падая на грудь и прокладывая темные дорожки на его коричневой футболке.

— А ты чего хотел, дешевка? — процедил сквозь зубы Гектор. — Шваль вроде тебя не играет не только в одной лиге, но даже в одном городе со мной. Тебя привлекали столько

раз, что номер твоего полицейского досье впечатался в память каждого копа в этом городе. Я — из «Больших котов», и мы не имеем дело с шелупонью, которая считает медяки по дырявым карманам. Особенно с такими кретинами, как ты, которые в августе шляются в кожаных пальто и думают, куда бы пристроить дурь, упакованную в пакеты для мусора. Да я занимался более крупными делами еще до того, как у меня волосы на яйцах выросли.

— Опустит пакет, Гектор, — приказала Дженнифер твердым, но спокойным голосом. Ей не хотелось еще больше нагнетать напряжение. — А потом мы все вместе пойдем отсюда.

— У меня есть для тебя предложение получше, коп, — огрызнулся Гектор. — Почему бы тебе не свалить отсюда минут на пять? Выпей холодного пивка в баре за углом, а потом возвращайся сюда. Когда придешь, найдешь все, что тебе нужно, на полу перед этой дверью: с одной стороны — наркота, с другой — Лютер. Не хватать будет только меня. Мы с вами встретиться еще успеем, ведь правда?

— Я повторять не буду, Гектор, — проговорила Дженнифер все тем же ровным тоном. — Опустит пакет с пушкой на пол.

— Как же славно все складывается! — промурлыкал Гектор. — Я убираю Лютера за то, что он приволок к моей двери наркотики и полицейских, и еще потому, что этот подонок мне просто не нравится. Мне не хотелось бы положить тебя рядом с ним, детка, но, если придется, я это сделаю.

— Ты достаточно умен, чтобы так рисковать, — сказала Дженнифер. Она почувствовала, как холодный пот струйками течет по ее шее и спине. — Если, конечно, «Большие коты» не открыли теперь двери для любого татуированного кретина.

— А чем я рискую, прелесть моя? — спросил Гектор, пропустив оскорбительную реплику мимо ушей. — Лютер не в счет, он даже застрелиться не сумеет, значит, в игре только мы с тобой. Считаешь, что ты проворна? Тогда давай выясним, насколько проворен я.

Дженнифер сделала глубокий выдох и пожала плечами.

— Возможно, ты прав, — кивнула она.

— Вот теперь ты говоришь дело, крошка, — сказал толстяк, бросив быстрый взгляд на Лютера. Затем он снова стал смотреть на Дженнифер, а она, в свою очередь, глядела на этого коренастого бандита, не испытывавшего ни малейшего страха, несмотря на глядящий на него ствол пистолета. — Твой ход, крошка, — проговорил Гектор, по-бычьему наклонив голову. — Пешек больше нет, остались только король и королева. Как же ты пойдешь?

— Шах и мат, — сказала Дженнифер и дважды выстрелила, всадив одну пулю в жирное плечо Гектора, а второй раздробив его локоть. Сила ударов швырнула Гектора наземь, его голова со стуком ударилась об пол, а пакет с пистолетом отлетел в сторону и упал на коврик, рядом с наркотиками Лютера.

Услышав грохот выстрелов, Лютер дернулся, прижался спиной к поручням перил и принялся шарить правой рукой у пояса под пальто.

— Даже не думай об этом, — железным голосом сказала Дженнифер и, сделав шаг к раненому, пинком отбросила пакет с пистолетом подальше, чтобы Гектор не мог до него дотянуться. — Не забывай, что я пришла сюда за тобой, а Гектор просто под руку попался. Дополнительный приз.

— Он — главный приз! — плаксиво крикнул Лютер. — Он крупная птица, а я так, мелочь. Я никому не нужен!

— Не надо, Лютер, а то я сейчас расстроюсь, — фыркнула Дженнифер. — Ты нужен мне. Я не расстаюсь с твоей фотографией. А теперь сними пальто и брось его на пол. И

делай это так же медленно, как ты делаешь все остальное. Потом повернись и сделай шаг ко мне.

Лютер отлип от поручней и позволил пальто соскользнуть с его плеч. Затем он развел руки в стороны и повернулся. Дженнифер протянула руку и вытащила тупорылый револьвер тридцать восьмого калибра, который был засунут между его заляпанными штанами и порванной рубашкой. При этом она не сводила взгляда с Гектора, ловя каждое его движение. Из правой руки бандита шла кровь, и на полу уже натекла изрядная лужа. Дженнифер сунула руку в карман джинсовой куртки и вытащила наручники. Затем из заднего кармана брюк она достала полицейскую рацию и вызвала дополнительный наряд и «Скорую помощь».

— Сейчас я прикую тебя к Гектору, сложу оружие и наркотики в бумажный пакет, а после этого мы присядем и подождем моих друзей, — сказала она Лютеру. — Как тебе такой план?

— Я бы предпочел, чтобы ты меня пристрелила, чем быть прикованным к этому недоноску, — промычал Гектор, морщась от боли.

— Лучше бы помолчал, ты, гниль толстобрюхая! — окрысился Лютер. — После того как станет известно, что тебя повязала девчонка с пистолетом, ты весь срок в тюрьме будешь ходить на высоких каблуках и красить губы.

Дженнифер застегнула один браслет наручников на костлявом запястье Лютера, а второй защелкнула на мясистой лапе Гектора. Затем она положила револьвер Лютера в пакет, в котором уже находился мощный «Магnum» Гектора, и побросала туда же пакетики с кокаином. С улицы послышалось завывание полицейской сирены.

— Надеюсь, копы сберегут для тебя твое кожаное пальто, — сказал Гектор Лютеру. — Может, даже в химчистку его сдадут. Задница моего кота и то чище, чем эта мерзкая тряпка. Мне хочется, чтобы ты был в этом пальто, когда я пристрелю тебя. Я подожгу его, чтобы ты превратился в костлявое барбекю.

— Единственное, что ты будешь поджигать, это самокрутки своих муженьков в тюремной камере, — язвительно ответил Лютер. — А через некоторое время тебя будет впору перевести в женскую тюрьму. Ты сменишь «Больших котов» на «Больших шлях».

— Вам, ребята, впору собственное ток-шоу вести, — заметила Дженнифер, наблюдая за тем, как четверо полицейских в форме поднимаются по лестнице. — Говард Стерн ^[4] помрет от зависти.

— Кто такой Говард Стерн? — осведомился Лютер.

Ло Манто стоял в центре комнаты детективов Северного округа Среднего Манхэттена, изучая распечатку списка лиц, пропавших без вести на протяжении последней недели.

— Здесь почти пятьсот человек, — сказал он, поднимая глаза на Франка Фернандеса. — Сколько из них вы обычно находите?

— В зависимости от обстоятельств, — ответил Фернандес. — Начнем с того, что не все они на самом деле пропали, — так думают только их родственники. Поэтому этот список можно сразу сократить примерно на четверть. Вторая группа — люди, которые действительно пропали, но — по собственному желанию. А если ты — взрослый человек, не сделал ничего противозаконного и просто решил втихомолку уехать из города, это твое дело, а не полиции.

— Остается еще половина, — заметил Ло Манто, возвращая список капитану. — Что с ними?

— Четырех из десяти так и не находят, — сказал капитан. — Трех из десяти находят в моргах, и еще трех из десяти, если нам очень повезет, мы сумеем вернуть их семьям.

Ло Манто кивнул и оглядел просторное помещение, большую часть которого занимали шкафы с папками и огромные копировальные аппараты. В середине зала стояли небольшие, сдвинутые по два письменные столы, на черных телефонных аппаратах безмолвно вспыхивали и гасли красные лампочки.

— Ты обещал мне кофе, — сказал он Фернандесу, — и, может, даже что-то еще.

— Обещал, — согласно кивнул капитан, — но не обещал, что он будет хорошим.

— Когда я был здесь последний раз, кофе был отвратительным, и я не рассчитываю на то, что он вдруг станет лучше.

— Вот и хорошо, — сказал Фернандес. — Не люблю разочаровывать друзей.

Франк Фернандес был Одним из немногих представителей полицейского начальства округа, которые заработали свои нашивки не с помощью интриг и подхалимажа, а тяжким трудом. Его отец всю жизнь трудился водопроводчиком в Бронксе, а мать тридцать лет проработала в телефонной компании — еще с тех пор, когда та была единственной во всем городе. Родители надеялись на то, что их единственный сын выучится на врача или юриста и таким образом завяжет нарядную праздничную ленту на их американской мечте. Он обладал изрядными способностями и был готов работать, но загвоздка заключалась в том, что с того самого времени, когда Франк научился ходить и говорить, когда он стал разбираться в том, что происходит на улицах его родного Бронкса, он был одержим одной мечтой: стать полицейским, наказывать плохих людей и защищать хороших.

Меньше чем за три года Фернандес проделал путь от патрульного полицейского до детектива, а затем — до агента, действующего под прикрытием на ниве борьбы с наркотиками, заработав целый ящик медалей и благодарственных грамот. Какое бы задание ему ни поручали, какую бы банду ему ни предстояло разгромить, Фернандес неизменно действовал напористо и быстро. Он, подобно Ло Манто, не был сторонником пунктуального соблюдения всяческих правил и уложений, он использовал их по своему усмотрению и лишь ради пользы дела, но при этом был достаточно умен и, нарушая их, обставлял это так, чтобы в случае чего не быть прищученным в суде. Внушительный список произведенных им арестов и готовность идти на все, чтобы довести дело до конца, привлекли внимание

верхушки управления, которая как раз в это время тщетно подыскивала достойных кандидатов на вакантные должности руководителей среднего звена. Но Фернандес никогда не воспринимал себя в качестве потенциального выдвиженца. Каждое новое назначение он зарабатывал потом и кровью, и это было известно каждому, кто носил на груди или поясе полицейский значок.

Фернандес был взыскательным начальником. Он добивался, чтобы на его участке уровень преступности был как можно ниже и жители округа чувствовали себя в безопасности. Он требовал от своих подчиненных, чтобы каждый арест был достаточно обоснован, и обвинение не рассыпалось, даже не успев дойти до суда.

Каждый из его офицеров и детективов должен был быть подкован не хуже любого адвоката, чтобы грамотно отстаивать свою точку зрения в открытом суде. А продажных полицейских Фернандес давил даже с большей ненавистью, чем уличных бандитов, поэтому чиновникам из отдела внутренних расследований в Среднем Манхэттене делать было просто нечего. Для репортеров криминальной хроники он был иконой, для боссов в кабинетах штаб-квартиры Управления полиции Нью-Йорка — рыцарем в сияющих доспехах, и все, как один, ожидали того дня, когда Франк Фернандес будет назначен комиссаром полиции.

Все это внимание и уважение предоставляли Фернандесу относительную свободу действий. Он был избавлен от мелочной и назойливой опеки со стороны начальства и использовал это преимущество по полной программе. И вот, в то время, как других окружных капитанов регулярно поджаривали в связи с неприлично высокими показателями преступности в их районах и сомнительными перестрелками с участием их подчиненных, Фернандес преспокойно плыл своим курсом, вне зоны досягаемости бюрократических радаров. Это позволило Фернандесу сделать то, о чем не мог бы даже помыслить ни один другой полицейский капитан в городе. Из молодых офицеров он выбрал пятерых лучших — самых опытных и честлюбивых — и превратил их в молчаливых сторожевых псов, работающих далеко за территориальными границами его округа. Он поручил им собирать любую информацию о деятельности воровских шаек, бандитских группировок, а также злоупотреблениях и должностных преступлениях чиновников, о любых коррупционных нитях, ведущих к высшим чинам Управления полиции Нью-Йорка, о любых случаях шантажа, жертвы которого не стали делать официальное заявление. С молчаливого согласия заместителя начальника управления, давшего добро на эту операцию, Фернандес всего за полтора года собрал информацию обо всех видах преступной деятельности и криминальных структурах, действующих на территории пяти округов. Он знал также и о том, кто из полицейских начальников, политиков, адвокатов и судей запачкал себя коррупцией и связями с криминалитетом. Иными словами, Франк Фернандес был очень хорошим полицейским, и иметь его на своей стороне было большой удачей.

* * *

— Я полагаю, ты не позволишь мне ездить по городу в одиночку? — спросил Ло Манто. Они с Фернандесом потягивали черный кофе из кружек с надписями «Закон и порядок». — Вдруг мне захочется полюбоваться видами или, скажем, посетить бродвейское шоу?

— Ты меня знаешь, — ответил Фернандес, — я люблю ублажать своих друзей. Но город осматривать лучше, когда рядом находится кто-нибудь, кто хорошо его знает. Он может

обратить твое внимание на какие-то интересные вещи, которые иначе могут ускользнуть от твоего внимания. И этот же человек сможет уберечь тебя от возможных неприятностей.

— У моего нового друга будет полицейский значок и пистолет? — осведомился Ло Манто. Поставив кружку на край капитанского стола, он скользил взглядом по многочисленным расставленным на шкафах памятным предметам, связанным с бейсболом, — вымпелам, кубкам, потертым перчаткам и мячам.

— Да, у него значок и оружие будут, а у тебя — нет. И то и другое можешь оставить пока у меня — так же, как делаю я, приезжая в Неаполь. Я не могу никого арестовывать там, а ты — здесь. Правила могут нам не нравиться, Джанни, но некоторые из них мы обязаны соблюдать, и это — одно из них.

— Это хороший полицейский? — спросил Ло Манто. — Если уж мне суждено иметь тень, хотелось бы, чтобы она была стоящей и не заблудилась в трех соснах. Мне будет некогда постоянно оглядываться через плечо, чтобы убедиться, что мой призрак все еще на месте.

— Она будет там, где положено, — уверенным тоном заверил друга Фернандес. — Эта девочка настолько хороша, что не отстанет даже от такого болида, как ты, на самом крутом повороте. А если ты во что-нибудь вляпаешься, она прикроет твою спину.

— Что ей известно обо мне и о том, что привело меня сюда? — осведомился Ло Манто.

— Я обрисовал ей ситуацию лишь в общих чертах, — ответил Фернандес. — Дескать, прибыл детектив из Неаполя, чтобы помочь нам в розысках его племянницы. Твоя подноготная ей неизвестна. Она даже не знает, что мы с тобой друзья. Расскажи ей сам, что сочтешь нужным. По крайней мере, вам будет о чем поговорить, чтобы скоротать время в пробках.

Ло Манто встал, повернулся к капитану спиной и через стеклянную перегородку посмотрел на общую комнату, где детективы разговаривали по телефонам, допрашивали потенциальных свидетелей и подозреваемых.

— Она знает, что я говорю по-английски? — спросил он.

— Об этом она не спрашивала, — ответил Фернандес, поднявшись из-за стола и встав рядом с другом. — Но скорее всего, думает, что по-английски ты ни бум-бум. Если хочешь, можешь поиграть с этим. Оставляю это на твое усмотрение.

Ло Манто опустил голову на грудь, и длинные волосы упали ему на глаза. Затем он посмотрел на Фернандеса.

— Ты думаешь, моя племянница еще жива, Франк?

Фернандес пробежал пальцами по своим волосам с проседью и пригладил аккуратно подстриженные усы. Он ничуть не стыдился своей ранней седины. Наоборот, был благодарен. Она как бы компенсировала тот возмутительный в глазах некоторых факт, что Фернандес достиг столь высокого положения в какие-то тридцать пять лет. Несмотря на молодость, он хорошо знал истинное лицо города, его безжалостную жестокость, особенно когда дело касалось его наиболее незащищенных жителей. И он также знал, что не может солгать Ло Манто, которого считал не только своим близким другом, но и выдающимся детективом.

— Если бы я считал иначе, — проговорил он, — я бы отговорил тебя от приезда сюда. Я бы не хотел, чтобы ты находился здесь, когда мы найдем тело.

— Информация, которой располагаешь ты, совпадает с той, что получил от своих стукачей Бартони? Или тебе все же известно больше?

— У старого хрыча хорошие источники, — ответил Фернандес. — Хотел бы я знать, откуда он их берет. Они и мне могли бы помочь распутать кое-какие висяки.

— Существуют две вероятности, — сказал Ло Манто. — Либо это дело рук какого-нибудь маньяка, либо ее похитили, чтобы продать в один из подпольных борделей. На маньяка — не похоже, иначе мы бы к сегодняшнему дню уже что-нибудь услышали.

— Нет, это явно не маньяк, — покачал головой Фернандес. — Моя бригада ищет твою племянницу с того самого момента, когда стало известно о ее исчезновении. За последнюю неделю на улицах не было замечено ничего такого, что имело бы отношение к девушке ее возраста и с ее приметам. Мы также просеиваем сквозь мелкое сито всех известных нам торговцев живым товаром. У нас тут широкие возможности, поверь, но никого, кто хотя бы отдаленно напоминал по описанию Паулу, мы не обнаружили. Поэтому я полагаю, что мы все же имеем дело с похищением.

— С меня они вряд ли смогут получить хоть какие-то деньги, — сказал Ло Манто. — Если бы я планировал похищение с целью выкупа, я бы присмотрел объект более перспективный, нежели коп из Неаполя.

— За все эти годы ты обошелся каморре в кругленькую сумму, — заметил Фернандес, — срывая их операции и здесь, и в Старом Свете. Ты превратился для гангстеров в круглосуточный банкомат, который то и дело пожирает их сбережения. Это плохо для бизнеса, а когда кто-то наносит ущерб бизнесу бандитов, они обычно дают сдачи.

— А этот мой новый напарник...

— Дженнифер Фабини, — сказал Фернандес. — Работает в отделе по борьбе с наркотиками. По крайней мере, работала до твоего приезда сюда.

— Как она восприняла новость о том, что теперь ей предстоит стать нянькой? — спросил Ло Манто.

— Скверно, — усмехнулся Фернандес. — Она разозлилась бы меньше, если бы я понизил ее до простого патрульного. Долго бушевала и орала, что не желает менять подгузники копу-макароннику, решившему показать свою крутизну в большом городе. А потом грохнула дверь и помчалась в спортзал. Не завидую я нашей боксерской группе.

— Похоже, любовь с первого взгляда между нами вряд ли возникнет, — проговорил Ло Манто, открывая дверь в общую комнату.

— Будет хорошо, если она не пристрелит тебя... с первого взгляда, — ответил Фернандес. — Однако дай ей время. Если я не ошибаюсь на ее счет, из нее выйдет коп не хуже нас с тобой, а может, даже и лучше.

— Если она и впрямь так хороша, то у нее есть все основания злиться, — сказал Ло Манто, пожимая руку друга. — Мне бы тоже не понравилось попусту терять время, исполняя роль няньки копа-макаронника.

* * *

Дженнифер Фабини стояла в раздевалке, вытирая с лица холодную воду после душа и глядя в запотевшее зеркало. В ее темных глазах плескался гнев. Позади нее одевались, готовясь к выходу на работу, три другие женщины-полицейские. Они вполголоса о чем-то переговаривались и время от времени громко смеялись. На Фабини были черные джинсы, черные кроссовки и тонкий черный лифчик. Ее светлые волосы были зачесаны назад и

стянуты в маленький хвостик. Насухо вытерев лицо белым матерчатым полотенцем, она посмотрела на свое отражение и впервые почувствовала, что любимая работа загнала ее в западню.

Через две недели ей должно исполниться тридцать, и вот уже семь лет, как она работала в полиции, причем в течение последних трех лет — в ранге детектива третьего класса. С того дня, когда Дженнифер сдала последний выпускной экзамен в полицейской академии, она знала: ее работу будут оценивать через призму таланта и навыков ее отца, поэтому она не давала отдыха ни уму, ни телу, выжимая себя до последней капли. Никто не должен был скривить губу, поставив под сомнение способности единственного чада Сэла Фабини.

Дженнифер ежедневно совершала часовую пробежку, нередко — по грунтовой дорожке вдоль Риверсайд-драйв, расположенной в нескольких кварталах от ее тесной, с единственной спальней квартиры, расположенной на третьем этаже дома без лифта. Она регулярно занималась кикбоксингом и находилась в шаге от того, чтобы получить черный пояс по карате. При росте в пять футов и пять дюймов Дженнифер весила сто пятнадцать фунтов, но знала, что может свалить мужчину гораздо выше и в два раза тяжелее ее. А в ситуациях, где физическая сила оказывалась бесполезной, она выходила из положения с помощью пистолета. Ее стрелковые показатели были выше, чем у всех ее коллег, в тире мишень для нее устанавливали дальше других, но даже при этом она неизменно оказывалась поражена с удивительной точностью.

Живя под гнетущим весом авторитета своего отца, который пригибал к земле даже ветеранов, Дженнифер делала все, чтобы стать отличным полицейским. Она не считала часов, работая над каждым делом до тех пор, пока оно не оказывалось окончательно раскрытым, она могла следить за подозреваемым сутки напролет, позабыв о пище и сне. Она старалась сводить ошибки к минимуму, понимая, что каждая из них будет многократно увеличена в свете славы отца, но если они все же случались, Дженнифер извлекала из них уроки и никогда не повторяла их впредь. Она посещала курсы в школе Джона Джея, изучая преимущественно новые методики расследования и технологии на базе анализа ДНК. Она читала книги по юриспруденции, занималась йогой, чтобы сохранить гибкость тела и остроту ума, изучала документы по давно раскрытым делам, выясняя, как другие детективы собирали воедино кусочки мозаики, приближая момент истины. Она не курила, предпочитала красное вино белому и ненавидела танцы. В числе ее слабостей была только одна: устроившись на огромной кровати, которая занимала большую часть ее спальни, с шоколадкой и любимым котом Майло на коленях, Дженнифер обожала смотреть старые полицейские шоу, которые транслировались по кабельному телевидению поздно ночью.

Внешне Дженнифер напоминала обоих родителей. В ней сочетались мужественные черты отца и чистая скандинавская красота матери. Детективы, с которыми она работала или коротала время в темных коридорах здания суда на Центр-стрит перед тем, как принести присягу, частенько пытались ухаживать за ней, но неизменно натыкались на непробиваемую стену, слыша в ответ «нет». Дженнифер положила себе за правило никогда не встречаться с мужчинами-полицейскими и никогда не отступала от него. Большинство ухажеров были либо женаты, либо пытались сгладить горечь недавнего развода, поэтому дать им от ворот поворот было легче легкого.

Из копов обычно получались ужасные мужья и еще худшие любовники, поскольку лишь единицам удавалось даже в свободное время отрешиться от профессиональных забот и расслабиться в компании женщины. А если эта женщина также носила полицейский значок

и пистолет, перспектива достижения гармонии становилась и вовсе призрачной.

Одна из причин, по которой столь много женщин-полицейских встречались со своими коллегами мужского пола, заключалась в том — Дженнифер поняла это довольно скоро, — что с ними не хотели связываться мужчины, не имеющие отношения к полиции.

— Как только мы поступаем на полицейскую службу, наши шансы на удачную любовную связь сводятся практически к нулю, — как-то сказала Дженнифер ее подруга Кони Даттон, прослужившая в полиции восемь лет и недавно получившая чин сержанта. — Если свяжешься с копом, тебе придется выслушивать его нытье о жене, с которой он не может найти общий язык, или о бывшей жене, которая никогда его не понимала. Короче говоря, стандартный набор жалоб. И все это он станет вываливать на тебя ради одного — уложить тебя в кровать, где, *возможно*, если он не будет чересчур пьян или зажат, сумеет сделать хотя бы часть вечера более или менее сносной.

— Но тех мужчин, которые не служат в полиции, мы не очень-то интересуем, — сказала ей тогда Дженнифер. — По крайней мере, об этом говорит мой опыт.

— А почему мы должны их интересоваться? — парировала Кони. — Начнем с того, что мужчины ненадежны, как дети. И вот появляемся мы, девочки с полицейскими жетонами, пистолетами и соответствующим отношением к жизни, и они насмерть пугаются. Они не знают, что говорить и как общаться с бабами вроде нас. Сама подумай. Ведь мы в любой момент можем пристрелить, арестовать их или просто задать им трепку. А ты знаешь, что наша служба приучает нас видеть все окружающее не в самом лучшем свете. Если мы встречаем банкира или адвоката, то сразу предполагаем, что он грабитель и вымогатель. Если на нашем пути попадается журналист, мы начинаем подозревать его в том, что он ищет жареный материал для своей газеты. Встреться нам врач, первой нашей мыслью будет: интересно, сколько операций он запарол и сколько на его счету покойников?

— Как же тебе удалось заполучить такого парня, как Джо? — спросила Дженнифер.

— Должна признать: мне просто очень повезло. Мы оба ходим в одну церковь и поем в одном хоре. Выяснилось, что мы знали друг друга еще с детства, поскольку жили в одном квартале Бруклина, вот только он меня помнил, а я его нет. Как бы то ни было, он хороший человек. Он доволен своей работой в Con Ed и счастлив тем, что у него есть я. Ему нравится все, что я делаю, если не считать того, что он за меня переживает. Но такая уж у меня работа.

— Может, мне тоже стоит снова начать ходить в церковь? — проговорила Дженнифер. — Или даже поступить в хор? Кто знает, кого я там встречу?

— В наши дни выбор невелик, — скептически заметила Кони. — Встретишь либо святошу, замаливающего грехи, либо педофила, выискивающего чистеньких мальчиков.

* * *

Дженнифер натянула через голову белоснежную футболку и заправила ее в джинсы, а затем, кивнув знакомой женщине-офицеру, у которой через десять минут начиналась рабочая смена, подошла к своему открытому шкафчику, чтобы взять оружие и кобуру.

— На работе все в порядке? — спросила женщина. До сегодняшнего дня Дженнифер знала ее только в лицо и никогда с ней не разговаривала, если не считать обычных «привет» и «пока».

— Я бы не сказала, — ответила она. — Капитан попросил в течение нескольких дней присмотреть за каким-то детективом из Италии. Проследить, чтобы он не заблудился и ни во что не вляпался.

— Он хоть симпатичный?

— Не знаю, — пожала плечами Дженнифер. — Я должна встретить его через пятнадцать минут у входа в здание. Впрочем, мне все равно, симпатичный он или урод. Я с ним любовь крутить не собираюсь.

— А по-английски он говорит? — спросила молодой офицер.

— Тоже не знаю. В лучшем случае превращусь в Чико Маркса^[5], в худшем будем общаться с помощью двух слов: «пицца» и «паста».

— Зачем он сюда приехал?

— Пропала его племянница, — ответила Дженнифер, — и он хочет помочь нам в ее поисках, если сумеет. А заодно, наверное, ознакомиться с достопримечательностями.

— Ты, по-моему, не очень-то этому рада?

— Совсем не рада, — сказала Дженнифер, — хотя, с другой стороны, возможно, мне, наоборот, стоило бы радоваться. Я так давно не каталась вокруг Манхэттена на кораблицах «Серкл лайн», не ездила к статуе Свободы, не поднималась на Эмпайр-Стейт-билдинг. Правильно говорят: хуже всего знаешь тот город, в котором сам живешь. Ну что ж, вот мне и представилась возможность познакомиться с ним поближе.

— С каким удовольствием я поменялась бы с тобой местами! — воскликнула напоследок девушка-полицейский, надевая форменную фуражку и направляясь к выходу из раздевалки. — Мне следующие восемь, а то и двенадцать часов предстоит торчать в отеле «Плаза» и следить за тем, чтобы какая-нибудь ооновская шишка, направляясь на встречу с другой шишкой, не схлопотала пулю по пути от здания ООН до своего лимузина.

— Возможно, мы вас навестим, — ответила Дженнифер, помахав на прощанье девушке. — Я никогда не была в «Плазе». Моему итальянскому подопечному это тоже может быть интересно.

— А если совсем нечем будет заняться, можете посмотреть «Завтрак у Тиффани», — сказала напоследок девушка-офицер, и дверь медленно закрылась за ее спиной.

Поглядев на тяжелую деревянную дверь, Дженнифер закрепила кобуру и надела тонкую черную кожаную куртку.

— Ненавижу этот фильм, — пробормотала она.

Пит Росси сел напротив девочки-подростка и поставил перед ней холодную бутылку яблочного чая. Девочка посмотрела на бутылку, а потом перевела взгляд на мужчину. Она была в точности такой, какой он себе ее представлял: всего на несколько лет старше его собственной дочери и такая же дерзкая. Единственным признаком, выдававшим ее волнение, были слегка подрагивающие руки.

— Ты пробудешь здесь несколько дней, — сказал Росси. — Но бояться тебе нечего. У тебя будет все, что тебе понадобится и что ты пожелаешь. Ты можешь покидать комнату и выходить из дома, играть на солнышке или гулять по саду. Рядом с тобой будет постоянно кто-то находиться, но это только ради твоей собственной безопасности.

— Что вам нужно? — спросила девочка.

— От тебя, Паула, мне не нужно ровным счетом ничего, — ответил Пит Росси.

— Тогда почему я здесь?

Пленница оглядела большую комнату, расположенную на втором этаже ухоженного дома. Комната была явно предназначена для девочки, но обставлена гораздо богаче, чем та, в которой она жила до этого, в принявшей ее Нью-Йоркской семье. Она злилась на саму себя за то, что оказалась в подобной ситуации, нарушив все до единого правила, которые вбивал в ее голову дядя, вновь и вновь повторяя, что она не должна соглашаться ни на что, что предлагают незнакомые люди. Она поступила аккурат наоборот, поверив молодому человеку с располагающим искренним лицом, подкатившему к ней на сияющем черном авто и сообщившему, что ее мать тяжело больна и что он сейчас же отвезет Паулу в ее приемную семью. Хозяева уже забронировали для нее билет на первый же рейс, вылетающий в Италию. Он представился племянником, с которым ей только предстояло познакомиться за ужином в воскресенье. За ней, дескать, послали именно его, поскольку все остальные слишком заняты подготовкой к ее отъезду. Это была ловушка старая, как мир, и Паула попала в нее, словно младенец в подгузниках.

Поддавшись ноткам тревоги в его голосе, она села в машину, пристегнулась и услышала негромкий щелчок блокирующего механизма дверей. Через некоторое время Паула с ужасом осознала, что машина едет совершенно в другом направлении: выехав с улиц Нью-Йорка, водитель погнал по Вест-Сайдскому шоссе прочь от города. Он несколько раз поворачивался к Пауле, причем неизменно кивал и улыбался, при этом не снижая скорости и мастерски перестраиваясь из ряда в ряд. Они ехали почти два часа. Поначалу за окном тянулось бесконечное строительство, являвшееся такой же неотъемлемой частью Нью-Йорка, как автомобильные пробки и рытвины на дороге, но затем высокие офисные здания закончились, и вместо них по обе стороны дороги раскинулись рощи и загородные просторы.

Водитель — молодой, худощавый и симпатичный на вид человек — отвечал на все ее вопросы немногословно и при этом доброжелательно. Он ни разу не повысил голос, не сделал ни одного угрожающего жеста, иными словами, не пытался напугать девочку больше, чем она уже была напугана.

— Зачем вы это делаете? — спросила Паула, осмотрительно держа руки на коленях и не спуская глаз с водителя.

— Мы просто едем покататься, — ответил он, не отрывая взгляда от дороги. — Вам

никто не желает дурного и не причинит вреда. Я понимаю, это непросто, но постарайтесь получить удовольствие от этой поездки. Тем более что мы уже почти приехали.

— Если вам нужны деньги, то за меня вы вряд ли много получите. Моя семья — не из богатых.

— Не беспокойтесь по этому поводу, — бодрым тоном проговорил мужчина. — Думайте о том, что все будет в порядке, и, поверьте мне, так оно и случится.

— *Поверить вам?* — переспросила Паула, даже не пытаясь скрыть звеневшую в голосе злость. — Один раз я вам уже поверила, помните? Больше я этой ошибки не повторю, теперь уж вы мне *поверьте!*

— Вы, наверное, голодны, — сказал молодой человек, не обращая внимания на этот мини-бунт. — И пить хотите. На полу позади вашего сиденья стоит переносной холодильник с сэндвичами и газировкой. Угощайтесь. Берите, что хотите.

— Единственное, что я хочу, — выбраться из этой машины.

— Вам осталось потерпеть совсем немного, — сказал водитель.

— А вам придется отправиться за решетку, — ядовито проговорила Паула. Здравый смысл подсказывал, что в данной ситуации лучше молчать, но подростковая горячность брала верх. — Вас наверняка поймают и посадят в тюрьму. Вы готовы на это пойти из-за девчонки вроде меня?

Молодой человек перевел взгляд на сидевшую рядом с ним девочку. Он восхищался ее мужеством и выдержкой, ее непокорностью и красотой, которая совсем скоро должна была расцвести в полную силу.

— Я готов пойти на это ради кого угодно, — сказал он, — а для такого ценного для нас человечка, каким являетесь вы, особенно.

* * *

— Почему я здесь? — спросила Паула Пита Росси, глядя, как тот открывает бутылку с холодным чаем.

— Я хочу, чтобы ты мне помогла, — негромко, мягким тоном ответил Росси. Было видно, что этот человек умеет общаться с детьми. — Мне и моей семье.

— Каким образом я могу вам помочь? — спросила Паула, сделав глоток из бутылки с чаем. — Мне не разрешено выходить за пределы поместья, я не могу звонить и посылать сообщения по электронной почте. А если я попытаюсь кричать, кто-нибудь наверняка выпрыгнет из кустов и заткнет мне рот.

— Тебе нет нужды делать все это, — сказал Росси, и правая часть его лица искривилась в полуулыбке. — Одно то, что ты некоторое время побудешь здесь, уже станет для меня необходимой помощью.

Паула встала, мягко отодвинула качающееся кресло, в котором только что сидела, и подошла к окну, выходящему на просторный, идеально ухоженный сад.

— Дело в моем дяде, да? — спросила она, стоя спиной к Росси.

— С чего ты взяла? — вздернул брови Росси. Он был поражен самообладанием и сообразительностью девочки. Росси был дитя каморры, а в этом закрытом мире не терпели детских капризов и блажи. Юноши и девушки должны были взрослеть последовательно, без промежуточных остановок. Каждый день был наполнен постижением жизненных уроков,

причем отношение к этой своеобразной школе было самым серьезным. От того, как молодой человек усвоит их, в дальнейшем будет зависеть благополучие семьи.

— А зачем иначе я могла вам понадобиться? — спросила Паула, поворачиваясь лицом к мужчине. — Какой смысл похищать меня и везти «сюда — не-знаю — куда»?

— Ты очень умная девочка, — проговорил Росси, вертя пальцами крышку от бутылки, — как я и ожидал. А умные юные леди должны понимать, что иногда лучше перестать задавать вопросы и подождать, пока ответы придут сами собой.

— Что означает — да, — констатировала Паула, сделав шаг по направлению к Росси.

— Что означает, мне пора заняться другими делами, — сказал Росси. — И тебе тоже.

— Он лучше вас, — проговорила Паула. Ее лицо покраснелось от гнева. — Он вычислит, где я нахожусь, и придет за мной, и когда это случится, вам лучше находиться подальше отсюда.

— Не исключено, что он уже это знает. — Сунув руки в карманы брюк, Росси улыбнулся своей непокорной заложнице. — И, учитывая разницу во времени и время на дорогу, он, возможно, уже находится в Нью-Йорке и собирает воедино кусочки головоломки, которая приведет его к тебе.

— Он не купится на ваши фокусы и не угодит в ловушки, которые вы можете для него расставить, — сказала Паула. — Мой дядя — лучший коп в мире.

— Надеюсь, ты права, — ответил Росси. Впервые с того момента, как он вошел в эту комнату, улыбка сошла с его лица, и оно стало серьезным. — Надеюсь, что твой дядя именно такой, как ты говоришь. И после того, как все закончится, я хочу, чтобы ты продолжала думать о нем именно так. Это послужит тебе утешением, когда ты будешь приносить свежие цветы на его могилу. И ты будешь единственным человеком, который будет знать, *кто* на самом деле заманил его в эту яму.

Несколько секунд Росси молча смотрел на девочку, а затем повернулся и вышел, оставив ее стоять в центре комнаты — дрожащую, с влажными глазами и пересохшим горлом. Она посмотрела на стоящий справа комод с четырьмя выдвижными ящиками, на котором стояли керамические фигурки диснеевских персонажей, взяла одного из семи гномов и швырнула его в деревянную дверь. Твердые кусочки глины брызнули в разные стороны, как осколки от взрыва маленькой гранаты.

* * *

Фрэнк Сильвестри сидел на садовой скамейке рядом с подземным переходом под Восточной 102-й улицей и бросал на асфальт пригоршни зерен, наблюдая, как со всех сторон, шумно хлопая крыльями, слетаются десятки голубей и деловито клюют корм. Глядя на эту птичью кучу-малу, он заметил, что к нему подошли двое, только когда на его загорелое лицо упала тень.

— Вы опоздали на двадцать минут, — проговорил он, не отрывая взгляда от голубей. — Плохое начало. А плохое часто превращается в худшее, и, если это случится, виноваты будете вы.

— Сожалею, — ответил один из подошедших — хорошо сложенный молодой мужчина с длинными, до плеч, каштановыми волосами в наглухо застегнутой черной ветровке. Его руки были засунуты в карманы коричневых брюк от Тимберленд, шнурки ботинок —

развязаны. — Мы попали в пробку.

— В метро? — спросил Сильвестри, не рассчитывая на ответ, и бросил голубям еще одну пригоршню зерен.

— Нов конце-то концов мы здесь, — сказал второй, — и это главное.

Крупнее и на пару лет старше своего напарника, с мускулистым телом, покрытым шрамами от пулевых и ножевых ранений, он был одет во все светлое: белую футболку, светло-голубые джинсы и высокие кроссовки а-ля Майкл Джордан. В руке он держал бейсболку, непрерывно вертя ее пальцами.

— Кто из вас старший? — осведомился Сильвестри.

— Можете говорить со мной, — сказал тот, что вертел в руке бейсболку. — Меня зовут Арманд, а это мой кузен Джорджи.

— Приберегите свои имена для девушек, — буркнул Сильвестри. — Меня интересует только одно: готовы ли вы взяться за работу и не провалить ее. Это понятно?

Арманд еще крепче сжал в руке бейсболку, устремив взгляд бледно-голубых глаз на мужчину в дорогом костюме. Он ненавидел иметь дело с такими старомодными умниками, чья жизнь была подчинена нескольким заскорузлым правилам из прошлого века, о которых никто по эту сторону океана и слыхом не слыхивал. Они вечно лезли с поучениями, ставя в пример «преданных бойцов», которые посвятили десятилетия жизни беззаветному служению своим боссам и добились благодаря этому высокого положения. Многие молодые каморристы покупались на это и всю жизнь пахали, не покладая рук и лелея лишь одну мечту: стать на старости лет крестным отцом.

Арманд Кастиони не относился к их числу. Он даже не рассчитывал дожить до старости, не говоря уж о том, чтобы занять высокое положение в гангстерской иерархии. Он предпочитал ничего не откладывать на завтра и делал все, чтобы оказаться ближе к ядру каморры как можно скорее. В настоящее время он был боевиком средней руки, эффективно решал все проблемы, которые возникали перед старыми боссами, и получал за это зарплату, выражавшуюся суммой с пятью нулями. Если план, разработанный Армандом, сработает, его жизнь изменится кардинальным образом уже через полгода.

— Вы меня слышите? — спросил Сильвестри. — Или я разговариваю со сраным ветром?

— Я все слышал, — негромко ответил Арманд, избегая встречаться с Сильвестри взглядом. — И я все понял. Минимум информации.

— Мы рискуем, связываясь с вами, — сказал Сильвестри. — До сегодняшнего дня, как мне рассказывали, вы выполняли любую порученную вам работу на свой лад, чисто и эффективно. Возможно, вы действительно хороши, чего по вашему виду не скажешь. Возможно, вам просто везло. А может быть, вы до сих пор отбивали мячики для пинг-понга бейсбольными битами и имели дело со слабаками. Однако теперь вам предстоит выступить против высшей лиги, и мой совет: сделайте все как надо.

— Все, что нам нужно знать, это — где и как скоро, — самоуверенно ответил Арманд. — После этого вы можете спать спокойно.

— Я буду спать спокойно в любом варианте — облажаетесь вы или нет, — проговорил Сильвестри. — Если вы все сделаете нормально, мой босс закончит день с улыбкой на устах. Допустите промах — будете просыпаться в холодном поту. Картина ясна?

— Куда уж яснее, — кивнул Арманд.

— Ваша цель — коп, — продолжил Сильвестри, бросив голубям последнюю жменю

корма. — Он не из наших. Легавый, приехавший из другой страны. Правда, от этого вам будет не легче. Коп есть коп, неважно, откуда он приехал и какого он цвета. И это означает, что, если все получится, вам двоим придется жарко. Надеюсь, вам нравится Испания, поскольку именно там вам предстоит провести следующие три месяца после выполнения работы.

— Почему именно в Испании? — поинтересовался Арманд. — Почему мы не можем просто вернуться в Италию?

— Может, ты и прав. — Сильвестри встал, и его огромная фигура нависла над парнями наподобие каланчи. — Действительно, какого хрена отправлять вас туда, где вас никто не знает и даже не догадается искать? Не лучше ли отправить вас в ваш родной городишко, где вас знает каждая собака, включая легавых?

— Сколько у нас времени? — спросил Арманд, не удосужившись ответить на колкую реплику и вновь переходя к делу. — Когда нужно сделать работу?

— Если это займет у вас больше недели, я начну нервничать, — сказал Сильвестри. — Если больше двух недель, я объявлю охоту на вас самих.

— Где находится цель? — спросил Арманд.

— Первый дельный вопрос, — устало вздохнул Сильвестри. Он смял пустой пакет из-под птичьего корма и сунул его Арманду. — Я сейчас отойду, а вы присядьте и подождите минут десять — покурите или займитесь чем-нибудь еще. Потом выходите из парка и направляйтесь на восток. Когда дойдете до пятой улицы, разорвите пакет и прочтите то, что написано на внутренней стороне. Там вы найдете все, что вам необходимо знать. Дальше — дело за вами.

— Мы вас не подведем, — пообещал Арманд, садясь на лавку и провожая взглядом медленно удаляющегося Сильвестри. — Мы с Джорджи что банковский вклад! — крикнул он вдогонку.

— Очень скверно, — откликнулся Сильвестри, оглянувшись через плечо на Арманда и его молчаливого кузена. — Я поспорил со своим боссом на пять тысяч, что этот коп замочит вас обоих, как только вы попробуете грохнуть его. Я думал, что делаю беспроегрешную ставку. Будет жалко потерять деньги.

Арманд дождался, пока Сильвестри отойдет достаточно далеко, чтобы не слышать их, а потом сказал своему кузену:

— Я уберу легавого. А потом, в один прекрасный день, я грохну и самого Пита Росси, этого поганого питбуля. И еще я позабочусь о том, чтобы запихнуть пять тысяч баксов в глотку его холуя. Пусть жует их до тех пор, пока я не вгоню пулю ему в лоб.

— А после этого мы скормим его голубям, — сказал осмелевший после ухода Сильвестри Джорджи, с отвращением глядя на птиц, клюющих зерна. — Ведь ему так нравятся эти летающие крысы.

* * *

Пит Росси прошел по центральному проходу морозильного цеха. По обе стороны от него на толстых стальных крючьях висели первоклассные туши. В правой руке он держал пластиковый стаканчик с обжигающе горячим кофе, а левой похлопывал по бокам туш, мимо которых проходил. В дальнем конце помещения на раскладном стуле сидел связанный

мужчина, а над ним возвышались двое бойцов из бригады Росси, застывшие в ожидании приказов.

— Дайте нам пару минут, — сказал он, подойдя поближе. Оба были молоды, с каменными бицепсами и толстыми, как хлыст, жилами, перекачавшимися под кожей рук.

Росси подумал, что эти красавцы злоупотребляют не только поднятием тяжестей в спортзале, но и анаболиками, постепенно разрушающими их тела и мозги, а значит, толк от них будет еще пару лет, не больше, после чего они станут никчемными развалинами.

Костоломы послушно кивнули и, шаркая кроссовками по опилкам, которыми был посыпан пол гигантского холодильника, направились к толстой двери, ведущей наружу. Затем Росси повернулся к пленнику, привязанному к стулу. Это был красивый загорелый мужчина лет тридцати с небольшим, с коротко стриженной бородкой, густыми каштановыми волосами и ухоженными ногтями. Он находился в превосходной физической форме.

— А я ведь предупреждал тебя, когда ты первый раз пришел ко мне со своими проблемами, — проговорил Росси. — Я сказал тебе: «Чарли, не влезай в это, потому что выхода не будет». Но ты заявил, что я ошибаюсь, что у тебя все получится. И посмотри, чем все это кончилось.

— Я рассчитывал на то, что деньги вернутся быстрее, — ответил Чарли. — И я до сих пор продолжаю платить. Я не пропустил ни одной выплаты с тех пор, как взял деньги в долг. Но меня убивают проценты. Никто, даже Дональд Трамп, черт бы его побрал, не смог бы выплачивать долг из семнадцати процентов в неделю!

— Но это часть сделки, Чарли, — сказал Росси, отхлебнув из чашки. — Я не заработаю ни цента, если буду давать беспроцентные кредиты. Если бы у меня хватило на это глупости, то сейчас здесь сидел бы связанным я, а не ты.

— В таком случае можешь убить меня, — равнодушно откликнулся Чарли. — Лучше быть мертвым, чем до конца жизни мучиться, чтобы расплатиться с тобой. И можешь заодно забрать мою долю бизнеса, сколько бы она ни стоила. Но даже после того, как со мной будет покончено, тебе все равно не будет хватать денег. Так никто не выиграет — ни я, ни ты.

Росси бросил стаканчик с остатками кофе на пол, и коричневая жидкость сразу же впиталась в опилки.

— Есть много способов умереть, Чарли, — сказал он, тщательно подбирая слова. — Самый простой — пара пуль в голову, но это только в том случае, если я захочу облегчить твою участь, чего я делать не намерен. Ты соврал мне. Ты дал мне слово и обманул, и это будет стоить тебе гораздо дороже, чем две пули.

Чарли поднял глаза на Росси и с усилием сглотнул. Несмотря на царивший в помещении холод, его рубашка промокла от пота. В глазах его бился страх, нижняя губа дергалась, зубы стучали.

— Это дело касается только нас двоих, — сказал он. — Пусть никто больше не пострадает.

— Ты сам довел до этого, Чарли. Ты, а не я.

— Что ты собираешься сделать? — спросил Чарли тонким, как у маленького испуганного мальчика, голосом.

— То, что ты сам заставил меня сделать, — ответил Росси, и от его ледяного голоса в помещении стало еще холоднее. — То, что я должен.

— Дай мне еще неделю, Пит, — взмолился Чарли, и из уголка его глаза выкатилась

слеза. — Прошу тебя, как друга. Одна неделя — и я верну тебе все деньги плюс проценты. Пожалуйста, Пит! Умоляю!

Сунув руки в карманы, Росси стоял перед Чарли и смотрел на дрожащего мужчину холодными, как зимнее утро, глазами.

— Сейчас в твоей квартире находятся мои люди, — сказал он, — и забирают оттуда все, что можно быстро превратить в деньги. Там же находится твоя жена. Когда мои ребята закончат с побрякушками и шмотками, они примутся за нее и не успокоятся до тех пор, пока не натешатся вдоволь.

— Подонок! — прошипел Чарли. К страху в его глазах добавилась злость. — Ведь у тебя самого есть семья! Как же ты можешь так поступать с другими? Есть у тебя совесть?

— На твоем складе в южной части города сейчас тоже работают мои люди, — продолжал Росси, игнорируя вспышку гнева своего пленника и не сводя с него взгляда. — Там у тебя полна коробочка, ведь вчера вечером пришла новая поставка. Они подожгут все это хозяйство и спалят его дотла. Чек на покрытие ущерба страховая компания выпишет на третье лицо, и эти деньги пойдут на погашение остатка твоего долга.

Чарли закашлялся, а потом его стошнило на опилки и собственную рубашку. Он плакал, закрыв глаза, и слезы оставляли на его щеках влажные дорожки.

— Сейчас я уйду и пришлю сюда тех двух парней, которые были с тобой до моего прихода, — сказал Росси. — Они получили приказ не убивать тебя, даже если ты сам будешь просить их об этом. Но они подойдут вплотную к этому, и ты будешь мечтать, чтобы они довели дело до конца. Ты проведешь здесь всю ночь и если повезет, то замерзнешь насмерть. Если же утром ты еще будешь дышать, тебя вывезут и бросят рядом с ближайшей больницей. После этого мы будем в расчете.

— Я заплачу тебе в два раза больше, чем должен, — промычал Чарли, пытаясь использовать последние секунды, по истечении которых на его жизни можно будет поставить крест. — И тебе не придется ждать. Я смогу достать всю сумму к завтрашнему утру.

Росси погладил висевшую рядом тушу, покрытую слоем жира, и посмотрел на своего пленника. Впервые в его глазах вспыхнул долго сдерживаемый гнев.

— Ты был не способен делать еженедельные выплаты, а теперь предлагаешь мне сумму, в два раза превышающую весь твой долг? Ты что, успел выиграть в лотерею, пока валялся здесь привязанный к стулу?

— Это не мои деньги, — торопливо заговорил Чарли. Пот стекал по его лицу потоками. — Они принадлежат одному из моих партнеров, но у меня есть к ним доступ. В чрезвычайной ситуации я могу взять оттуда столько, сколько мне понадобится.

Росси кивнул и подошел ближе, осторожно обойдя блевотину.

— Это потребует твоего присутствия, — спросил он, — или все можно устроить с помощью телефонного звонка?

— Можно и так, и так, — ответил Чарли, голос которого к этому моменту превратился в шепот. — Все, что мне нужно сделать, это позвонить нашему старшему банкиру и назвать цифровой пароль. После этого мне будет предоставлен доступ к счету. Останется только сказать ему, сколько нужно денег и куда их перевести.

— Сколько лежит на этом счету? — задал вопрос Росси. — Сколько там всего денег?

— Достаточно, чтобы двукратно покрыть мой долг, — проговорил Чарли, постепенно возвращаясь к жизни и чувствуя, что он по крайней мере сумел заинтересовать Росси и,

возможно, побудил отказаться от его прежних кровожадных планов.

— Я не об этом спрашиваю, — нетерпеливо мотнул головой Росси. — Меня интересует общая сумма, которая лежит на этом счету, — вплоть до последнего цента.

— Шестьсот пятьдесят тысяч, — ответил Чарли. — По крайней мере, в пятницу, когда я в последний раз проверял состояние счета, там было именно столько.

— Ты уже одалживал деньги с этого счета?

— Да, — кивнул Чарли, — однажды. Примерно два года назад. У нас накопились счета на сто тысяч, ждаль, пока мы распродадим имеющиеся активы, было некогда, и я использовал счет для покрытия задолженности.

— Почему же ты не воспользовался счетом, чтобы расплатиться со мной? — спросил Росси. — Ведь, если ты не врешь, чтобы получить деньги, довольно одного телефонного звонка. Тогда дело не дошло бы до всего этого. Я уверен, твой партнер отнесся бы с пониманием...

— Я думал об этом, — сказал Чарли, — и с неделю назад почти решился позвонить. Но я занимал у тебя деньги в частном порядке, и этот заем не имел отношения к нашему бизнесу. Мой партнер относится ко мне как старший брат. Мне не хотелось, чтобы он стал думать обо мне как о никчемном паразите, который попал в паутину и ворует чужие деньги.

— Теперь он будет думать о тебе еще хуже, — хмыкнул Росси. — Он будет считать тебя самым гнусным из воров и, если у него есть хоть капля здравого смысла, пошлет тебя ко всем чертям.

— Я верну ему долг. Я пойду на все, но деньги достану.

— Ты будешь должен такую сумму, которую никогда в жизни не сумеешь собрать, — презрительно проговорил Росси. — Впрочем, мне на это глубоко наплевать.

— Я не должен буду возвращать всю сумму, ведь половина этих денег принадлежит мне. Я просто беру чуть больше своей доли, чтобы покрыть свой долг тебе в двойном размере и, таким образом, разойтись с тобой.

— Нет, — покачал головой Росси, — ты сделаешь звонок и снимешь со счета все деньги, дав указание перевести их третьей стороне. Третья сторона — это, естественно, я.

— Я должен тебе гораздо меньше! — в отчаянии выкрикнул Чарли. Из его рта вырывался парок. — Если я поступлю так, то и нашему партнерству, и нашему бизнесу придет конец. Ты не можешь сделать это!

— Я и не буду ничего делать. Делать будешь ты: позвонишь своему банкиру и прикажешь перевести деньги на счет, номер которого тебе сообщат. И сделаешь ты это по первому требованию.

— А что потом? — с замиранием сердца спросил Чарли. Ему было страшно оттого, что он, как ему казалось, уже знал ответ на свой вопрос.

— А потом мы вернемся к первоначальному плану, — ответил Росси, направляясь к дальнему концу холодильной камеры. — Ничего не изменилось, если не считать того, что я стал на шестьсот тысяч богаче. Было приятно иметь с тобой дело, Чарли. Наслаждайся тем, что осталось от твоей жизни.

— Ублюдок! — закричал Чарли и стал биться в своих путях, как муха, попавшая в паутину. — Злобный, бессердечный ублюдок! Ты всегда таким был!

Росси повернулся и посмотрел на Чарли — корчащегося и пытающегося освободиться от веревок и широкого лейкопластыря, которым он был примотан к стулу.

— Именно таким я всегда мечтал быть, — равнодушно ответил он.

Затем Росси открыл дверь и вышел в августовскую жару Нью-Йорка. Возле черного седана его поджидали двое молодых головорезов. Один из них предусмотрительно распахнул для шефа дверь.

— Ему нужно позвонить, — сказал Росси, — а потом он ваш.

— Что мы должны с ним сделать? — спросил тот, который держал дверь открытой.

— Заберите у него голову, руки и ноги, — проговорил Росси таким бесстрастным голосом, как будто заказывал в ресторане обед на вынос, — а остальное отправьте его семье. Пусть никто не сможет сказать, что мы не заботимся о людях, с которыми делаем бизнес.

Ло Манто скользнул на пассажирское сиденье «Крайслера» Фабини — четырехдверного угольно-черного седана без опознавательных знаков — и пристегнул ремень безопасности. Взглянув на Дженнифер, он улыбнулся, кивнул и протянул ей сложенный вчетверо лист бумаги. Женщина развернула его и быстро пробежала глазами написанную от руки записку.

— И что мы будем делать в Бронксе? — спросила она, возвращая записку итальянцу.

— *Come?* — переспросил ее по-итальянски Ло Манто.

— Вы вообще по-английски говорите?

— *Si, si*, английски, — лучезарно улыбаясь, сказал Ло Манто. — Да, я говорю. Очень хорошо. В *Italia* я учил четыре года и смотрел много-много фильмов. «Рожденные в Америке».

— Рада слышать, — буркнула себе под нос Дженнифер, бессовестно пересекая Пятую авеню на красный свет.

— А вы *parle Italiano*? — спросил Ло Манто. — Фабини, да? Вы ведь итальянка?

— Я Нью-Йоркская итальянка, — ответила Дженнифер, даже не пытаясь скрывать разочарование от порученного ей задания. — Это означает, что я люблю итальянскую еду, но не знаю итальянского языка.

— То же относится ко многим итальянцам в Америке, — проговорил Ло Манто, закидывая руки за голову и глядя на Фабини. — Они называют себя итальянцами, но не знают родной язык. Это просто *peccato* — не знать такой красивый язык! Особенно если вы сама такая красивая.

Фабини бросила на своего пассажира быстрый взгляд и усмехнулась.

— Вы, видимо, шутите, — сказала она. — Если только копы в вашей стране не говорят на каком-то своем, особом языке.

— Я *molto* серьезен, — возразил Ло Манто. — Я всем сердцем верю в то, что говорю. В *Italia* мы ищем красоту во всем, даже в полицейских.

— Это здорово, — сказала Фабини, — но, боюсь, у нас здесь все немного иначе. Мы первым делом смотрим на плохое, а к хорошему зачастую поворачиваемся спиной. По крайней мере, в Нью-Йорке дело обстоит именно так, а если ты коп — тем более.

— Вам нравится ваша работа?

— В основном да, — ответила Дженнифер и непроизвольно моргнула, когда переднее колесо ее «Крайслера» угодило в рытвину величиной с лунный кратер при въезде на бульвар Брюкнер. — Даже если мне приходится часами сидеть за составлением рапортов или дожидаться приведения к присяге в судебных коридорах. Но это тоже неотъемлемая часть моей работы.

— Но сегодня вы, похоже, не очень-то рады. Везти меня в Бронкс, следить за тем, чтобы я не потерялся...

— Не обижайтесь, — сказала Дженнифер. — Дело вовсе не в вас. Это задание было бы мне не по душе, кто бы ни находился на вашем месте. Я полагала, что сумела кое-чего добиться и заслужила, чтобы меня не превращали в шофера. Но, судя по тому, что я — здесь, вы тоже здесь и мы едем в Бронкс, я ошибалась.

— А может, это даже к лучшему, что ваш капитан прикомандировал вас ко мне? — предположил Ло Манто. — Если я сумею помочь вам, а вы — мне, из нас может получиться

неплохая команда. Он умный человек, а умные люди всегда смотрят на несколько ходов вперед.

— Послушайте, я уверена, что у себя в Неаполе вы первоклассный коп, — заговорила Дженнифер, — но здесь вы не для того, чтобы кого-то арестовывать или проводить глобальное расследование. Поэтому наше с вами сотрудничество сводится к тому, чтобы я не растерялась за рулем, а вы не потерялись в городе. По-моему, вполне понятно.

— Если вам так не по душе это задание, я могу попросить, чтобы ко мне приставили кого-нибудь другого, — сказал Ло Манто. — Уверен, капитан не станет возражать, ведь он мой друг.

— Ага, — саркастически подхватила Дженнифер, — а потом он разрежет меня на кусочки, замаринует и поджарит на гриле. Наш капитан не очень-то жалуется копов, которые отказываются от порученных им заданий, и очень наглядно доводит до их сведения свою точку зрения.

— В таком случае пусть все остается, как есть. К обоюдной пользе. Я научу вас тому, что знаю, и сам поучусь вашим методам работы. Возможно, именно этого и хотел капитан, сделав нас напарниками. Если это так, то, когда в Нью-Йорк приедет другой иностранный коп, вас не назначат ему в шоферы.

— Что вам понадобилось в Бронксе? — спросила Дженнифер, повернув на Уайт-Плейнс-роуд и проехав под метромостом.

— Один мой знакомый, — пояснил Ло Манто, выпрямившись на сиденье. От его недавней расслабленности не осталось и следа. Теперь он был напряжен и готов к действиям. — Я думаю, у него могут найтись ответы на мои вопросы.

— Вы ведь там жили? — спросила Дженнифер.

— Да, когда я был мальчишкой, это был мой *quatterie*. Как это будет по-английски?

— Район, — подсказала Дженнифер, перехватив взгляд Ло Манто. — В университете я три года изучала испанский. Многие его слова схожи с итальянскими, так что несложно догадаться.

— Мы можем остановиться возле того магазинчика? — попросил Ло Манто. — Перед которым стоит лоток с *giornales*.

— Куда мы пойдем? — поинтересовалась Дженнифер, останавливая машину у тротуара. — В кондитерскую или в соседний бар?

— Я пойду в бар, — ответил Ло Манто, сделав ударение на первом слове. Открыв дверь, он добавил: — А вы можете зайти в любой другой магазин.

— Я не имею права оставлять вас одного, — воспротивилась Дженнифер. — Я получила такой приказ, пусть даже он мне не нравится, и намерена выполнять его.

— А если я скажу вам волшебное слово? — улыбнулся Ло Манто. — Пожа-а-луйста-а! Дело в том, что человек, с которым я должен встретиться, не очень жалуется полицию.

— Я не собираюсь держать вас за руку, вертеться у вас под ногами или еще как-то мешать вам. Можете вспоминать со своим другом старые времена, играть в карты, пить кофе и даже смотреть итальянский телеканал — сколько угодно. Но я обязана находиться поблизости.

Ло Манто вышел из машины и подождал, пока Дженнифер заглушит двигатель, положит на приборную доску парковочное разрешение Управления полиции Нью-Йорка и выберется из-за руля.

— Итальянские женщины, американские женщины... — пробормотал он себе под

нос. — Никакой разницы.

— Разница все же есть, — услышав эту реплику, откликнулась Дженнифер, направляясь к темной стеклянной двери расположенного на углу бара.

— И какая же? — осведомился Ло Манто.

— Я вооружена.

* * *

Полы в баре были наощенными и начищенными до блеска, вдоль длинной полированной стойки бара приглушенным светом горели светильники. На высоких вращающихся табуретах сидели трое мужчин в хороших костюмах. Перед ними стояли стаканы со спиртным, в толстых пепельницах дымилась сигареты. Бармен в белоснежной рубашке и красном галстуке ставил в холодильник бутылки с пивом. В противоположном конце бара стояли шесть столиков, застеленные льняными скатертями, с разложенными на них столовыми приборами и горящими свечами. Стоя в центре бара, слева от себя Ло Манто видел освещенное помещение главного обеденного зала, откуда раздавался чарующий голос Фрэнка Синатры. Встретившись взглядом с барменом, Ло Манто кивнул ему и спросил:

— Где Эдуардо?

— В задней комнате, — негромко ответил бармен. — *Ti aspetto.*

— Хотите эспрессо? — обратился Ло Манто к Дженнифер. Она стояла рядом с ним, внимательно разглядывая бар и его обитателей. Ее куртка была расстегнута, но пистолет и полицейский значок прикрывала правая пола.

— Вам известно, кому принадлежит этот бар? — спросила она.

— Да, — ответил Ло Манто, и в голосе его прозвучали грубоватые, злые нотки. — Это всем известно.

— Вы уверены, что вам здесь ничего не угрожает? — Дженнифер говорила очень тихо, чтобы ее не мог слышать никто, кроме Ло Манто. — С этой публикой связываться очень опасно, можно в два счета оказаться в бетономешалке.

— Сядьте за стойку, пейте кофе, угощайтесь сладостями и слушайте музыку, — сказал Ло Манто. — Это поможет вам расслабиться.

— Я не могу допустить, чтобы вы попали в какую-нибудь переделку, — заявила Дженнифер. — А вдруг что-то пойдет не так, как вы рассчитываете?

— Эдуардо ждет меня, и для него будет оскорблением, если я заявлюсь к нему с незнакомым человеком. *Ti prego*, пожалуйста, подождите меня здесь!

Дженнифер посмотрела на Ло Манто, затем — на стойку бара, глубоко вздохнула и неохотно кивнула головой.

— Ладно, — согласилась она, — будь по-вашему. Но если я почувую неприятности, меня никто не остановит.

— *Un espresso per la Signorina, per cortesia*, — велел Ло Манто бармену, отходя от Дженнифер и направляясь к входу в заднюю комнату. — *A la bar.*

— Я лучше выпью американский кофе, — сказала Дженнифер, вскарабкавшись на табуретку и усевшись спиной к Ло Манто.

— Когда будете в Риме, синьорина, поступайте, как римляне, — сказал бармен, — а когда вы у меня в баре, пейте то, что я подаю.

— Мне всегда говорили, что ты любишь работать один, — проговорил Эдуардо, — а теперь ты заваливаешься ко мне с напарником, причем с женщиной! Да, брат, один из нас явно стареет, и это не я.

— Не обращай на нее внимания, — отмахнулся Ло Манто, — она не имеет отношения к тому, о чем я хотел с тобой поговорить. Смотри на нее как на обычную посетительницу, которая зашла, чтобы скоротать время и выпить чашечку твоего свежего кофе. По делу сюда пришел я.

— И что же это за дело? — спросил Эдуардо, отодвинув в сторону чашку с эспрессо и вытащив из нагрудного кармана рубашки полупустую пачку сигарет «Лорд».

— Примерно неделю назад пропала моя племянница, — сообщил Ло Манто. — Возможно, ты слышал об этом еще раньше, чем я. Я приехал сюда, чтобы помочь в ее поисках, и решил, что лучше всего будет первым делом навестить тебя.

— Это большой район, Ло Манто, — сказал Эдуардо, поднося горящую спичку к сигарете. — Дети здесь пропадают и возвращаются постоянно и по самым разным причинам. Я за этим не слежу. Я хозяин ресторана, а не директор школы.

— Ты — сутенер. — Ло Манто передвинул стул и сел прямо напротив Эдуардо, поставил локти на стол и подался вперед. — Ты был им, когда я уехал отсюда, и остался им по сию пору. Только раньше ты хотя бы использовал профессиональных проституток. А потом превратился в скрягу и стал использовать молоденьких девочек, поскольку они приносят больший доход.

— Послушай, — сказал Эдуардо, выпустив тонкую струйку дыма в направлении вентилятора, медленно вращавшегося под потолком, — может, в Неаполе ты и фигура, но здесь — полный ноль. Ты не можешь произвести даже гражданское задержание, поскольку не являешься гражданином Соединенных Штатов.

Ло Манто действовал, как рысь на охоте. Подобно стальной пружине, он распрямился и в мгновение ока оказался возле Эдуардо, приставив лезвие выкидного ножа к уху остолбеневшего от неожиданности сутенера, свободной рукой взяв его шею в захват. Эдуардо все еще сжимал зубами дымящуюся сигарету.

— Ты все правильно сказал, — заговорил Ло Манто. — В этой стране я невидимка. А это значит, что я могу делать все, что заблагорассудится, особенно с такой мразью, как ты. Ни один коп, как бы голоден он ни был, не потеряет аппетит, узнав, что ты валяешься мордой вниз в мусорном контейнере.

— Я ничего не знаю, — просипел Эдуардо. — Если бы знал, я бы рассказал тебе.

— Лезвие моего ножа достаточно тонкое и находится в дюйме от твоей барабанной перепонки, так что постарайся, чтобы твои следующие слова имели для меня хоть какой-то смысл.

— Да ты совсем спятил, мать твою! — хрипло выругался Эдуардо и выплюнул сигарету.

Лезвие ножа мелькнуло серебристой молнией, и мочка уха Эдуардо стала на сантиметр короче. В следующий момент Ло Манто зажал сутенеру рот, чтобы никто из сидевших в баре не услышал отчаянный вопль, вырвавшийся из его глотки.

— Я лишь хотел убедиться, что нож достаточно острый, — прошептал Ло Манто в ухо Эдуардо, кровь из которого брызнула на его куртку. — Поговори со мной, пока ты еще в

состоянии слышать. А если попробуешь позвать своих громил, я перережу тебе глотку раньше, чем они успеют слезть со своих табуретов.

— Говорят, ее посадили в какую-то машину, — сказал Эдуардо. — Не здесь, где-то в городе.

— Чья это была машина?

— Никого из известных парней. Ее взяли в аренду в какой-то загородной прокатной конторе на один день.

— Куда отвезли девочку? — спросил Ло Манто, еще крепче сжимая залитую кровью шею Эдуардо.

— Куда-то за город, — ответил Эдуардо. — В Вестчестер или в какое-то место вроде этого. Туда, где копы не додумаются ее искать.

— Она жива? — задал следующий вопрос Ло Манто.

— Я что, по-твоему, собственную газету издаю, черт побери? Мне никто ничего не рассказывает, а сам я вопросы не задаю.

— Если ты потеряешь слух, тебе действительно незачем будет задавать вопросы, — проговорил Ло Манто, прикоснувшись лезвием ножа к покалеченному уху Эдуардо.

— Убить ее не входит в их планы, — сказал Эдуардо. — По крайней мере, насколько мне известно.

— А что входит в их планы? — вкрадчиво осведомился Ло Манто.

— Убить тебя.

* * *

Дженнифер отъехала от тротуара, вдавила педаль газа в пол и тут же резко вывернула руль в сторону, чтобы избежать лобового столкновения с ехавшим навстречу такси.

— Я поверила тебе! — заговорила она, повернув к Ло Манто раскрасневшееся, как после бани, лицо. От нее разве что искры не летели. — Купилась, как девчонка, на твое вранье, и вот что из этого получилось!

— Ничего особенного не получилось, — хладнокровно парировал Ло Манто, вытирая кровь с куртки бумажным носовым платком, который достал из бардачка. — Произошел несчастный случай. Мой друг случайно порезался, когда мы с ним разговаривали.

— Чем порезался? — завопила Дженнифер. — Он что, размешивал сахар в чашке мясницким ножом?

— С ним все в порядке, — заверил свою спутницу Ло Манто. Ему было необходимо поскорее успокоить женщину, чтобы она отвезла его к следующему пункту назначения. — Он сам так сказал, ты ведь слышала.

— Ты делаешь то, что считаешь нужным, — заговорила Дженнифер. — Ладно, я согласна. Но уж коли мне суждено возить по городу мисс Дейзи^[6], было бы неплохо, если бы ты просветил меня относительно своих планов.

— Ты сегодня обедала? — спросил Ло Манто, бросив пропитавшуюся кровью салфетку на заднее сиденье.

— Нет, зато кофе напилась по самые уши. Пока ты изображал из себя Свини Тодда^[7], подрезая хозяина ресторана, я, как послушная девочка, сидела за стойкой бара и выхлебала четыре чашки этого вашего итальянского кофе, от которого сердце выскакивает из глотки.

— Мы уже рядом с Истчестером, — заявил Ло Манто, — а это значит, что мы — рядом с замечательной едой. *Antipasto misto*. Большая тарелка пасты и бокал вина вернут тебе хорошее настроение и, может быть, даже заставят тебя улыбнуться.

— Я улыбнусь только после того, как отвезу тебя в аэропорт, посажу на самолет, улетающий в Италию, и помашу на прощанье ручкой, — огрызнулась Дженнифер. — И давай не забывать о том, что, разъезжая на служебной машине в поисках пятизвездочного ресторана по классификации Загата^[8], мы тратим деньги американских налогоплательщиков. Может, в Неаполе на такую мелочь всем наплевать, но здесь, в Нью-Йорке, к этому относятся очень серьезно.

— Я заплачу, — успокоил свою спутницу Ло Манто. — И за еду, и за бензин. Из собственного кармана. Это будет по-честному?

— Если тебе вздумалось снова поиграть со мной, ты будешь жалеть об этом всю жизнь, которую я превращу в непрекращающийся кошмар, — пообещала Дженнифер.

— Ты ведь не замужем, верно? — спросил Ло Манто. — И любовника наверняка нет?

— Какое это имеет отношение к спагетти с томатным соусом? — постепенно успокаиваясь, вопросом на вопрос ответила Дженнифер. — Мое настроение не улучшилось бы, даже если бы у меня был муж с обложки «GQ», пять детей-вундеркиндов, а на коврике у порога лежал бы сам Рин-Тин-Тин^[9].

— Ты проводишь все свое свободное время в одиночестве, — сказал Ло Манто, — и именно поэтому постоянно злишься. Ты как вулкан, который в любой момент может начать плевать камнями и лавой.

— А тебя дома наверняка ждет пышнотелая женушка, — ядовито откликнулась Дженнифер, — которая готовит для тебя еду, гладит твою одежду и выполняет все твои прихоти. А учитывая, что ты не просто коп, а еще итальянец, у тебя на стороне наверняка есть кто-то еще, причем получше. Эта картинка так и стоит у меня перед глазами.

Ло Манто отрицательно покачал головой.

— Нет у меня ни жены, ни любовницы, — сказал он. — Я тоже провожу все свободное время в одиночестве и тоже готов в любую минуту разозлиться.

— Мужчине это больше подходит. Тебя не достают друзья, родственники и коллеги. Никто не пытается излить тебе душу и поплакаться в жилетку, после чего приходишь домой и гадаешь, что лучше: застрелиться или повеситься.

— Сразу видно, что ты никогда не была в Италии, — усмехнулся Ло Манто. — Быть сорокалетним холостяком у нас *una grande problema*. За твоей спиной постоянно перешептываются, делая самые невероятные предположения.

— Слова «коп» и «гомик» не сочетаются даже в игре «Скраббл», — заметила Дженнифер, — вне зависимости от того, по какую сторону океана ты живешь.

— Прибавь к этому целую кучу живущих в провинции незамужних кузин, с которыми тебя пытаются познакомить под любыми предлогами.

Глаза Дженнифер округлились от удивления.

— Ты женился бы на собственной кузине?

— Я-то нет, — пожал плечами Ло Манто, — но многие в Неаполе так поступают. И в Нью-Йорке, кстати, тоже. У меня есть тетя Клаудиа и дядя Франко. Они приходятся друг другу двоюродными братом и сестрой и при этом женаты уже почти сорок лет. Причем сейчас любят друг друга еще больше, чем в детстве. Это — *bella cosa*, смотреть, как они держат друг друга за руки, прижимаются друг к другу. Некоторые традиции умирают быстро,

а другие живут веками.

— Со мной бы такое не сработало, — сказала Дженнифер. — Я терпеть не могу даже находиться в одной комнате с родственниками, не говоря уж о том, чтобы выйти за кого-нибудь из них замуж.

— Одни люди рождены для брака, другие — нет, — философски заключил Ло Манто. — Но мне кажется, если хочешь быть хорошим полицейским — что здесь, что в Неаполе, — лучше не иметь семьи.

— Учитывая тот факт, что мой принц на белом коне никак не хочет показаться на горизонте, вынуждена с тобой согласиться. Если только не принимать в расчет Майло. Он без ума от меня уже на протяжении многих лет.

— Но ты же сказала, что у тебя нет *fidanzato*, — удивленно вздернул брови Ло Манто.

— Если это слово переводится с итальянского как «возлюбленный», то ты прав, — кивнула Дженнифер. — Майло — это мой кот, мой друг, существо, которое с готовностью выслушивает мои жалобы на подлую жизнь, когда всем остальным на меня наплевать. Он прибирает за собой, никогда не гадит мимо своего туалета и даже любит пиво. В моем представлении Майло — образец идеального мужчины.

— А обо мне он знает? — спросил Ло Манто.

— В моей жизни нет ничего, о чем бы он не знал. Между нами нет секретов и существует полное доверие.

— Даже кот хочет, чтобы я поскорее вернулся в Италию, — сокрушенно вздохнул Ло Манто. — Что ж, скоро ваше желание исполнится, и вы снова заживете счастливо.

— Как скоро? — спросила Дженнифер, резко затормозив перед светофором, на котором вспыхнул красный свет, и игнорируя злые взгляды напуганных пешеходов.

— Я не способен обсуждать серьезные вопросы на голодный желудок, — заявил Ло Манто. — Когда я голоден, то не могу даже думать. Мы должны поесть. Против этого не стал бы возражать даже великий Майло.

Дженнифер посмотрела на итальянца, тряхнула головой и нажала на педаль газа. Их «Крайслер» рванулся вперед, едва не задев встречный «Форд-Таурус», водитель которого возмущенно загудел.

— А вдруг мне повезет, — пробормотала она, — я получу пищевое отравление и ближайшие несколько дней буду вынуждена провести в постели.

— В таком случае рекомендую сырых моллюсков, — посоветовал Ло Манто. — В Неаполе это обычно срабатывает.

Фелипе Лопес наблюдал за тем, как мужчина в красной, заляпанной соусом рубашке шлепнул кусок пиццы на картонную коробку и поставил ее на стойку.

— Попить что-нибудь хочешь? — спросил он.

— Между тем, что я хочу и что я могу себе позволить, целая пропасть, — ответил Фелипе, потянувшись за красным перцем. — На этот кусок моих сбережений хватит, но этим я и ограничусь.

— Где ты спал все эти дни? — спросил мужчина, глядя, как Фелипе жадно поглощает пиццу.

— Это пиццерия или полицейский участок? — вежливым тоном осведомился Фелипе. — Ты должен спрашивать меня, нравится ли мне еда, а не о том, на какой адрес мне присылают почту.

— Значит, по-прежнему болтаешься на улице, — констатировал мужчина. — Потому и умничаешь вместо того, чтобы сказать правду.

Фелипе Лопесу исполнилось пятнадцать, и он был бездомным. Его отец, Энрике, был запойным алкоголиком, не имел работы, сидел по уши в долгах и кочевал из одной ночлежки в другую. Он нашел способ обвести вокруг пальца социальную службу, ежемесячно получал небольшое пособие по инвалидности и приносил его в жертву своему пристрастию к бутылке. Фелипе избегал отца всеми возможными способами, кочуя из приюта в приют в поисках горячей пищи, холодного питья и относительно чистой постели. Иногда — обычно во время учебного года — он пользовался гостеприимством друзей, ночуя на узкой раскладушке в спальне того или иного из своих одноклассников. Но нередко ему случалось проводить ночь, скорчившись возле горячей батареи в коридоре какого-нибудь многоквартирного дома, дожидаясь, пока взойдет солнце. Так или иначе, находясь на улице или в приюте, Фелипе удавалось оставаться в школе. Различными способами он научился добывать достаточно денег, чтобы поддерживать в приличном состоянии школьную форму, которую были обязаны носить все ученики, и не отставать от школьной программы, разработанной братьями католического ордена, управлявшими школой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Свою мать Фелипе видел в последний раз, когда ему исполнилось двенадцать. Она познакомилась с Энрике, едва успев выйти из подросткового возраста, и почти сразу же забеременела. Их брак оказался настоящей катастрофой: каждый занимался только собой, цепляясь за дрянную низкооплачиваемую работу и предоставив маленького сына самому себе. Потом Фелипе так рассказывал своему другу о том дне, когда он в последний раз видел мать:

— Она лежала, распластавшись на спине. Ее глаза вращались в глазницах, как стеклянные шарики, а на губах пузырилась пена. В правой руке она сжимала трубку для курения крэка — так крепко, как будто это был выигранный лотерейный билет. Она как будто куда-то уплывала. Там, в курильне опиума, я с ней и попрощался — в грязной комнате, набитой обдолбанными в мясо наркоманами.

— Она умерла? — спросил его друг.

— Для меня — да, — ответил Фелипе, пожав плечами. Он вырослел, и его голос ломался. — И для всех, кто знал ее раньше, наверное, тоже. Кроме, пожалуй, барыги.

который толкал ей дурь. Эта жалкая жизнь была последним, что видели глаза моей мамы перед тем, как она околела от передоза.

* * *

Мужчина за стойкой насыпал в пластиковый стакан льда, налил колы и поставил его перед Фелипе.

— Запей-ка пирог, — сказал он мальчику, — а то икать начнешь.

— Знаешь что, Джоуи, я тебе не сиротка и не убогий, — гордо ответил Фелипе. — Если хочешь заняться благотворительностью, позвони в Красный Крест.

— Я ничего и никому не даю бесплатно, — возразил Джоуи. — Ты обязательно расплатишься со мной за эту колу, но не сейчас.

— Ну, тогда ладно, — великодушно согласился мальчик и протянул руку за стаканом с газировкой, — в следующий раз рассчитаемся.

— Ты в школе-то успеваешь? — поинтересовался Джоуи. — Этим святым братьям, поди, наплевать, где ты живешь — в особняке или в канализации, лишь бы в учебе не отставал.

— Без проблем. У меня только отличные оценки, — заявил Фелипе. — И я никогда не отказываюсь от работы. Это позволяет мне торчать в библиотеке допоздна.

— Ты общаешься с дамой из социальной службы? Я тут недавно видел ее. Тебе от нее есть хоть какая польза или она просто болтает, чтобы получать свою еженедельную зарплату?

— Я ее к себе вообще не подпускаю, — сообщил Фелипе, впиваясь зубами в хрустящий край пиццы. — Она начинает догадываться, что у меня нет постоянного жилья. Если она уверится в этом, то меня отправят в детский дом, а я этого не хочу.

— А где, по ее мнению, ты живешь, на Плазе?

— В районе Бейчестера, в доме Джерри Боттена, — сказал Фелипе. — Помнишь такого? Старика, который потерял ногу на пирсе?

— Ага, он всегда требовал положить в пиццу побольше грибов и сыра, — кивнул Джоуи, вытирая поверхность прилавка влажной тряпкой. — Я помню всех своих постоянных клиентов. Он ведь помер два или три месяца назад, верно?

— Точно, — поддакнул Фелипе. — А теперь два его сына бодаются из-за этого дома. Никак не могут поделить. А пока они таскают друг друга за волосы, дом стоит в том же виде, в каком его оставил Джерри. Вот я и дал той тетке из социальной службы адрес этого дома. Я слышал, она приходила туда уже четыре или пять раз, разыскивая меня, но уходила, как свидетель Иеговы, несолоно хлебавши.

— А в школе она не пыталась тебя достать?

— Еще как пыталась! Приходила туда пару раз в надежде отловить меня во время перемены, но братья устроили ей дриблинг на манер Джейсона Кидда^[10], и она вылетела вверх тормашками.

— И где же ты теперь? — осведомился Джоуи.

— Здесь, с тобой. Ем твою пиццу и пью твою колу.

— А откуда берешь деньги? — задал новый вопрос Джоуи, наклонившись вперед и опершись локтем о прилавок.

— Беру на гоп-стоп пиццерии, — широко улыбнулся Фелипе. — Беру в основном наличные и тертый сыр.

— Я тебя серьезно спрашиваю, — проговорил Джоуи, и в его голосе прозвучало искреннее беспокойство. — Ты ошиваешься на улице, а это не место для любого человека, не говоря уж о пятнадцатилетнем парне, который к тому же учится в старших классах. Там с тобой может случиться что угодно. Можешь шутить, если тебе от этого легче, но на самом деле я не вижу повода смеяться.

— Я слишком взрослый, чтобы плакать, — сказал Фелипе и на шаг отступил от прилавка. Улыбки на его лице как не бывало. Это был стройный, гибкий, подвижный молодой человек — настоящий атлет, с красивым лицом и темными, широко расставленными глазами под густой шапкой угольно-черных волос. — И при этом слишком мал, чтобы не бояться. Но такие уж карты сдала мне судьба, и ими я должен играть. Остается только надеяться на лучшее и не опускать руки.

Фелипе великолепно играл в баскетбол и постоянно принимал участие в уличных баскетбольных поединках пять на пять человек. Шесть долларов выигрыша позволяли ему продержаться на плаву три, а то и четыре дня кряду. Он также состязался с бродягами и пропойцами в собирании пустых бутылок и алюминиевых банок на помойках, вдоль тротуаров и на пустынных аллеях. Однако целый день, посвященный этому неблагодарному занятию, приносил в самом лучшем случае лишь горстку никчемной мелочи.

Мальчик никогда не попрошайничал и не принимал подачки ни от святых братьев в школе, ни от своих многочисленных собратьев по уличной жизни, ни от профессиональных благодетелей из Армии Спасения.

— Я сам пробуюсь в этой жизни, — сказал он однажды брату Джозефу, преподававшему в школе историю Америки. Именно брат Джозеф убедил администрацию в том, чтобы повышение цен на обучение не распространялось на Фелипе, который иначе не смог бы окончить четырехлетний школьный курс. — Возможно, не таким образом, как того хотелось бы вам, но я это сделаю. Я не собираюсь болтаться на улице всю жизнь, чтобы рано или поздно меня нашли мертвым на решетке канализации.

— Выходит, ты воруеть, — сделал вывод брат Джозеф. Они находились в школьном спортзале — помещении размером с большой складе полом, размеченным белыми линиями под баскетбольную площадку. — Ты берешь чужое и присваиваешь его.

— Я вынужден делать это, святой брат, — ответил Фелипе. — Мне это нравится не больше, чем вам, но только так я могу выжить. И я никогда не ворую у тех, кто беднее меня.

— Беднее тебя нет никого, Фелипе, — сказал монах. — Даже у меня в карманах больше, чем у тебя.

— Вы сами сделали этот выбор, — возразил Фелипе. — Лично я никогда не хотел быть бедным.

— Одно преступление неизменно ведет к следующему, — проговорил брат Джозеф. — Сегодня ты воруеть еду, потому что голоден, а завтра совершишь вооруженный налет на банк. На моих глазах такое происходило со многими ребятами твоего возраста. Мне сейчас сорок два года, и я устал ходить на похороны и наблюдать, как в землю зарывают парней вдвое младше меня.

— Не перегибайте палку, святой брат, а то вы уже внесли меня в список особо опасных преступников. Я могу украсть шоколадку, сэндвич, бутылку колы, вытащить из сумки у зазевавшегося парня коробку с китайской едой. Но от такого никто не умирает.

— Кстати о еде, — проговорил брат Джозеф, а его голос отразился от толстых стен пустого спортзала. — Дениз из кафетерия пожаловалась на то, что пропала одна из жареных индеек, которые привезли накануне. Тебе случайно об этом ничего не известно?

— Нет, — мотнул головой Фелипе, — но если хотите, я ее для вас отыщу.

— Я был бы тебе крайне признателен.

* * *

Фелипе вышел из пиццерии в раскаленную духоту Восточного Бронкса. На его памяти это было самое жаркое лето в городе, и он направлялся на Эйли-авеню, где шпана то и дело курочила пожарные гидранты, из которых начинала хлестать ледяная вода. Пару минут под таким холодным душем — вполне достаточно, чтобы освежиться после августовской жары. А потом он перелезет через кирпичную стену в тупике Эйли и проберется в один из вагонов метро, делающих там техническую остановку, и проведет остаток ночи, путешествуя по рельсам между Манхэттеном и Бронксом. Если повезет, ему даже может попасться вагон с кондиционером. В любом случае это будет лучше, чем большая картонная коробка, в которой Фелипе провел последние две ночи. У него до сих пор болела спина и шея от асфальта, который служил ему матрасом.

Он переходил Восточную 235-ю улицу на зеленый сигнал светофора под метромостом, когда увидел Чарли Саншайна, выходящего из «Бара и гриля у Мерфи». Правую руку он крепко прижимал к боку, а рукав его рубашки пропитался кровью. Фелипе метнулся в сторону, спрятался за огромной ржавой опорой моста, по которому в этот момент грохотал поезд, и стал наблюдать за тем, как Саншайн, шатаясь, ковыляет к поджидающей его машине. Добравшись до черного «Шевроле Катлэс», он открыл заднюю дверь и нырнул внутрь, после чего автомобиль сорвался с места и, быстро набирая скорость, влился в плотный транспортный поток, двигавшийся по направлению к скоростной автомагистрали Мейджор — Диган.

Фелипе посмотрел по сторонам, чтобы не попасть под проезжающую машину, и кинулся через дорогу к «Бару и грилю у Мерфи». Подбежав к двери бара, он распахнул ее и замер на месте, чтобы глаза привыкли к полумраку. В воздухе плавали клубы дыма и стоял тяжелый запах подгоревшего жира. Кабинки в правой части помещения были пусты, столы слева — накрыты и готовы принять первых посетителей. Ступая осторожно, чтобы не наступить на осколки разбитого бокала и лужицу виски, вылившегося из лежащей возле одного из табуретов бутылки, Фелипе медленно направился к стойке бара. Телевизор, укрепленный над баром, был включен. Транслировали игру Нью-Йоркских «Янкиз».

— Бен! — позвал Фелипе. — Бен, ты здесь?

Из-за стойки послышался приглушенный стон. Фелипе обошел стойку и увидел хозяина заведения, сидевшего на покрытом синим линолеумом полу, прямо под выдвинутым до отказа ящиком кассового аппарата, привалившись спиной к металлической двери небольшого холодильника. Бен повернул голову, и Фелипе увидел, что круглое лицо мужчины покрыто кровоподтеками и ссадинами, на бритом черепе — кровоточащие порезы, кожа местами содрана. Грудь белоснежной сорочки пропиталась кровью, которая текла так обильно, что рядом с мужчиной уже образовалась красная лужа. Ноги Бена были раскинуты, и правая — слегка подрагивала.

Фелипе кинулся к раненому, опустился на одно колено, взял его руку и прижал ее к своей груди.

— Я вызову «Скорую помощь», — сказал он. — Через пять минут ты уже будешь в больнице, а там тебя вмиг заштопают.

Бен дернулся к мальчику.

— Не надо, — тяжело дыша, проговорил он, — не надо «Скорую помощь»! Ни врачей, ни полиции! Они не помогут, да и времени нет.

— Не могу же я оставить тебя вот так! — попытался протестовать Фелипе. — Если ничего не предпринять, ты истечешь кровью и умрешь, а я тебе помочь ничем не смогу. Бен, нужно позвать на помощь! Это твой единственный шанс!

— Выслушай меня, — сказал Бен мальчику. — Забудь про все это дерьмо, заткнись и просто слушай.

— Хорошо, — кивнул Фелипе, еще крепче прижимая руку мужчины к груди. — Я тебя слушаю.

— Эта гнида Саншайн заявился сюда за деньгами, — заговорил Бен, — но ушел отсюда с пустыми руками, сука такая!

— Почему ты не отдал ему деньги? — спросил Фелипе. — Сколько у тебя было в ящике и неужели из-за этого стоило рисковать жизнью?

— А как насчет ста тысяч долларов? — вопросом на вопрос ответил Бен. — Стоит, по-твоему, рисковать за такие бабки?

— Я не знаю никого, кто имел бы такие деньги, — признался Фелипе.

— Как раз сейчас ты смотришь на такого человека, — сказал Бен. Кровь теперь текла по его липу, заливая левый глаз.

— Черт, выходит, ты продаешь гораздо больше пива и гамбургеров, чем я думал.

— Пять лет назад... я и еще три парня организовали гоп-стоп, — стал рассказывать Бен, говоря рваными фразами и с усилием выталкивая слова из горла. — Все прошло без сучка без задоринки, мы... поделили бабки на четверых, припрятали их и продолжали жить... прежней жизнью. Мы решили выждать семь лет и только потом... начать их тратить по своему разумению.

— Чарли Саншайн был одним из вас? — уточнил Фелипе.

Бен насмешливо хмыкнул и тут же застонал от боли.

— Чарли Саншайн... даже собственную задницу не смог бы найти, — выдохнул он. — Примерно через полгода после этого... одного из нашей четверки повязали на ограблении со взломом, и он... сел. За сотрудничество со следствием ему скостили срок. Он получил от шести до десяти и оказался в тюрьме Комсток. Там же сидел и Чарли Саншайн. Они были знакомы, так как на воле жили по соседству.

— И именно там он рассказал Чарли о вашем налете? — спросил Фелипе. Он намочил в раковине полотенце и положил его на лоб Бена. — Именно так Чарли узнал о деньгах?

— Нет, среди моих ребят не было болтунов, потому мы с ними и провернули так много дел. Сделаем дело, разбежимся и сидим тише воды и ниже травы, пока не уляжется шум. Но в тюрьме Саншайн связался с одним придурком из Белой Силы^[11], они подкараулили моего парня и били его до тех пор, пока он не рассказал Чарли все, о чем тот хотел знать. После этого они оттащили его обратно в камеру, где на следующий день перед утренней поверкой его и нашли мертвым.

— Саншайн вышел из тюрьмы три, а то и четыре недели назад. Почему же он ждал так

долго, прежде чем прийти к тебе? — спросил Фелипе.

— Он разыграл все как по нотам. Стал заходить ко мне, заказывал пиво, иногда пожрать и вообще вел себя так, будто мы с ним приятели не разлей вода, мать его. Я сразу понял, что он что-то разнюхивает, к тому же до меня уже дошли слухи о том, что именно он разделался с моим дружкой.

— Почему же ты сразу не разобрался с ним? — удивленно спросил Фелипе.

— Наверное, я не такой крутой и умный, каким себя считал, — ответил Бен. — А может, я думал, что смогу поиграть с ним, полагал, что у такой погани, как Саншайн, духу не хватит наехать на меня и сделать то, что он сделал.

— Что же тут произошло?

— Чарли сказал, что, если я не отдам ему деньги, он позаботится о том, чтобы я никогда не сумел их потратить, и потом оставил меня в том виде, в каком ты меня нашел.

— Я заметил его на улице, — сообщил Фелипе. — Он сел в какую-то машину, и она поехала в сторону автострады Дигана. Он держался за бок, и с него капала кровь.

— Я разбил о стойку бара бутылку виски и получившейся «розочкой» полоснул его по брюху, — сказал Бен. — Десять, даже пять лет назад я бы залил его кровью весь пол, но сейчас он оказался проворнее. Жалею только об одном: нужно было не поскупиться и заплатить пару сотен какому-нибудь отмороженному юнцу-латиносу, чтобы тот порезал Саншайна на ленточки сразу после того, как тот вышел из тюрьги.

— Хочешь, я помогу тебе добраться до кровати? — спросил Фелипе.

— Нет, — качнул головой Бен, — мне и здесь неплохо. Но я хочу, чтобы ты сделал кое-что другое. Иди к двери, запири ее, повесь табличку «ЗАКРБ 1 ТО» и возвращайся ко мне.

Фелипе с готовностью кивнул, вскочил на ноги и кинулся к двери и меньше чем через минуту вернулся к Бену.

— Я еще и жалюзи на витринах опустил, чтобы никто не смог заглянуть внутрь, — сообщил он.

— Молодец, — похвалил его Бен. — А теперь протяни руку к центральному бочонку с пивом, что стоит под стойкой. Опрокинь его на пол.

— Эти штуки тяжелые, — с сомнением в голосе произнес Фелипе. — Не знаю, получится ли у меня справиться в одиночку.

— Не волнуйся, — успокоил его Бен, — с этим — получится.

Фелипе подошел к раздаточному устройству с несколькими кранами для разных сортов пива, наклонился и потянул к себе серебристый бочонок, стоявший в центре. Тот, к его удивлению, легко поддался и с гулким звуком упал набок.

— Он пустой! — удивленно воскликнул мальчик.

— Не совсем, — ответил Бен. — Потяни верхнюю крышку на себя. Если она не смялась то должна поддаться.

Фелипе стал дергать верхнюю крышку бочонка, пока она не отделилась и не упала на пол, откатившись к его ноге, обутой в черную кроссовку. Заглянув в бочонок, парень увидел внутри три больших желтых пакета, каждый из которых был туго перетянут широкой резиновой лентой.

— Вынь то, что там лежит, и принеси мне, — велел Бен.

Сунув руки в глубь бочонка, Фелипе достал оттуда пакеты и передал их Бену. Раненый широко улыбнулся, прижал их к груди, и желтая бумага сразу же окрасилась кровью.

— Вот за чем приходил Чарли, — сказал он. — Только хрен он это получит, по крайней

мере до тех пор, пока мое слово хоть что-то значит в нашем бизнесе.

— Что ты собираешься делать с этими деньгами? — спросил Фелипе.

— Отдать их тебе, — ответил Бен, оторвав взгляд от пакетов и посмотрев на мальчика. — Только так я буду уверен, что они не пропадут.

— Мне? — изумился Фелипе. — Но мне даже одежду держать негде, а ты хочешь, чтобы я спрятал сто тысяч баксов! Должен же быть еще кто-то, кому ты доверяешь, помимо меня!

— Договоримся так, — продолжал Бен, не обращая внимания на возражения мальчика. — Ты припрядешь бабки и сохранишь их до тех пор, пока я не поправлюсь и не придумаю, как отправить Чарли Саншайна в тихое место, куда родные и близкие, если они есть у этого дерьма, будут каждое воскресенье приносить ему свежие цветы. Куда ты спрячешь бабки, мне знать не надо, главное — чтобы они были в надежном месте, о котором будешь знать только ты.

— Мне даже в голову не приходит, что это может быть за место, Бен, — с отчаянием в голосе проговорил Фелипе. — Такая огромная куча денег! Мне не хотелось бы ввязываться в это, особенно после того, что здесь произошло.

— Не волнуйся, малыш, тебе ничто не грозит, и место подходящее ты найдешь. Хорошее место. Но запомни: ты не должен прикасаться к этим деньгам, не можешь взять из них ни одного доллара!

— Я бы никогда не поступил так с тобой! — возмутился Фелипе. — Ты мой друг, а я у друзей не краду!

— Не о том речь, приятель, — ответил Бен. — Ты хороший парень, иначе я не обратился бы к тебе с такой просьбой. Саншайн непременно вернется за деньгами, а помимо него сюда наверняка заявятся копы и еще один бандюга, который гоняется за Чарли. Наш район — небольшой, и слухи здесь разносятся быстро, особенно когда дело касается денег. Если пойдет молва о том, что у бездомного паренька появились большие бабки, тебе несдобровать. Вот почему я говорю: не трогай эти деньги и даже не заикайся о них. Ни одной живой душе!

— Я все понял, Бен. Можешь не беспокоиться.

— Хорошо. А потом, когда пройдет какое-то время — хотя бы пару лет или даже меньше, — ты придешь ко мне и принесешь деньги. Но не все, а только половину.

— А вторая половина? — спросил Фелипе. — Что мне делать с ней?

— Возьмешь себе, вот что, — ответил Бен, утирая с лица кровь, которая мешала ему видеть. — Перестанешь бродяжничать, найдешь жилье неподалеку отсюда. У тебя будет много денег, но ты и представить себе не можешь, как быстро они могут улетучиться и оказаться в чужих карманах. Распорядись ими по-умному.

Фелипе понадобилось некоторое время, чтобы переварить услышанное. Ему не верилось во все это, но, с другой стороны, какой смысл раненому Бену разыгрывать его? Бен всегда хорошо относился к парню: до отвала кормил его за несколько часов работы в заднем помещении — мытья грязной посуды и загаженных туалетов. И все же что-то тут было не так. Чтобы такой крутой мужик, как Бен Мерфи, попросил бездомного мальчишку припрятать деньги от Чарли Саншайна и его бывших поделщиков? Фелипе льстило подобное доверие, но все произошло слишком быстро и просто. И если за деньгами начнется охота, что сможет Фелипе противопоставить охотникам? Ведь Чарли Саншайн наверняка придет не с протянутой рукой.

— Почему ты выбрал меня? — спросил Фелипе. — Мы же не родственники, не родная кровь. Да, мы друзья, но мне известно, что ты водишь дружбу со многими людьми, которые тебе гораздо ближе, чем я. А вдруг я тебя обману? Вдруг, подождав два года, ты узнаешь, что меня и след простыл, а твои денежки тю-тю?

— Я выбрал тебя потому, что ты оказался здесь и сейчас, — стал объяснять Бен. — Ты, а не кто-то другой из моих знакомых, вошел в эту дверь и нашел меня истекающего кровью. Именно ты. А деньги мне нужно спрятать немедленно. Было бы замечательно, если бы у меня было время, чтобы выработать план действий, но у меня этого времени нет. Вот почему я вынужден обратиться с просьбой о помощи к тебе. Если ты не хочешь связываться с этим, так и скажи, но только решай быстро, прямо сейчас.

— Не волнуйся, я не подведу тебя, — заверил Фелипе. Он протянул руку, включил неоновую рекламу пива «Бадвайзер», и помещение залил синий мерцающий свет. — Насчет того, что я сбегу с деньгами, это я просто так ляпнул. Ты же знаешь, что я так никогда не поступлю.

— Я и не волнуюсь, — сказал Бен. — Если бы я хоть на минуту допускал, что ты можешь меня кинуть, то не сказал бы тебе ни слова, а просто истек бы здесь кровью, и деньги накрылись бы вместе со мной. Но, если я правильно тебя понял, несмотря на большую кровопотерю, то мне нечего опасаться, и, значит, мы с тобой теперь партнеры.

— Я с тобой, Бен, — заверил Фелипе, протягивая руку владельцу бара, и они скрепили свой договор рукопожатием. — Я спрячу деньги в надежном месте, где их не найдет никто, кроме меня.

— Вот и ладно, — с облегчением вздохнул Бен, отпуская руку мальчика. — Теперь можешь позвонить в «Скорую», если уж тебе так этого хочется. А потом возьми деньги и исчезни, пока сюда никто больше не заявился.

— Когда я найду подходящее место, куда спрятать бабки, я сообщу тебе.

— Я же сказал тебе: никому об этом не говори, — сказал Бен. — Никому, включая меня.

— Ты не хочешь знать, где будут храниться деньги? — удивился Фелипе. — А вдруг я спрячу их не там, где нужно?

— Это было бы колоссальной ошибкой, — проговорил Бен гораздо более жестким тоном, нежели прежде. — Причем хуже от этого будет главным образом тебе. Кроме того, мне не нужно знать, где находятся деньги. Мне нужно только знать, где находишься ты. Считай, что ты — моя карта, малыш. Карта острова сокровищ.

Фелипе посмотрел на Бена долгим взглядом и кивнул, а затем поднялся и протянул руку к стоявшему под стойкой бара телефонному аппарату.

— Ты справишься в больнице без моей помощи? — спросил он напоследок, повернувшись спиной к истекающему кровью раненому.

— Не переживай за меня, — ответил Бен. — Там целая куча докторов, они обо мне позаботятся.

Он смотрел на желтые, перепачканные кровью пакеты с деньгами, и на его лице блуждала улыбка.

Дженнифер вышла из ресторана «Чиччино», в котором она провела последние три часа за обедом с Ло Манто.

— Вот это еда! — сыто вздохнула она. — Не то что та дрянь в фастфудах, которой мы питаемся ежедневно!

— Именно по этой причине так много американцев умирают молодыми, — рассудительно заметил Ло Манто, надевая черные очки и пытаясь поспеть за широким шагом Дженнифер. На мгновение остановившись, он присел на корточки, якобы для того, чтобы завязать шнурок, и бросил быстрый взгляд в боковое зеркало припаркованной рядом машины. Черный автомобиль по-прежнему находился на стоянке через дорогу. Мотор работал, внутри сидели двое мужчин: один — за рулем, другой — на заднем сиденье.

Ло Манто обратил внимание на этот автомобиль, еще когда они с Дженнифер сидели в ресторане и он высказывал хозяину заведения комплименты по поводу качества и разнообразия блюд. Вряд ли эти двое планировали налет на ресторан. В столь ранний час выручка заведения была еще мизерной, и на приличный улов грабителям рассчитывать не приходилось. Поэтому Ло Манто решил, что это либо наемные убийцы, мишенью которых является он сам или Дженнифер, либо мелкие бандиты, которым поручено следить за каждым их шагом. Но в таком случае зачем им сидеть в автомобиле с включенным двигателем, тем более что двое полицейских провели в ресторане не один час?

Значит, это все же покушение, и мишенью является он, Ло Манто. Если это так, то у двух стрелков было достаточно времени, чтобы спланировать свои действия и выбрать наиболее удобное место для нанесения удара. А таким местом могла быть только узкая дорожка аллеи, по которой Ло Манто и Дженнифер предстояло пройти, чтобы добраться до своей машины. Следовательно, решение необходимо принимать немедленно.

— Ты обедаешь так каждый день? — не оборачиваясь, спросила Дженнифер. — По-моему, это невозможно, иначе ты очень скоро стал бы похож на Джона Гудмена и не смог бы появиться на работе.

— Кто такой Джон Гудмен? — спросил Ло Манто. — Твой знакомый полицейский?

Оглянувшись, он увидел, что у подозрительной машины включились огни заднего хода, и она стала выезжать со стоянки, видимо, намереваясь развернуться на Уайт-Плейнс-роуд. Значит, у них осталось лишь несколько секунд, чтобы добраться до своей машины, припаркованной в дальнем конце узкой аллеи, между мусорными баками и новеньким «Лексусом».

— Он актер, — сказала Дженнифер. — Потрясающий актер, но придется тебе не по вкусу, если тебе нравятся тощие.

Услышав визг колес подъезжающей машины, она обернулась и увидела автомобиль, на большой скорости проехавший перекресток и свернувший на подъездную дорожку ресторана. Женщина перевела взгляд на Ло Манто, а тот схватил ее за руку, дернул к себе, и они побежали по направлению к «Крайслеру» Дженнифер.

— Спрячься между машиной и стеной! — велел он, впервые с момента их знакомства заговорив без малейшего итальянского акцента. — А если у тебя есть запасной пистолет, лучше дай его мне.

— Ты говоришь по-английски? — удивилась Дженнифер, скорчившись за багажником

автомобиля и прижавшись спиной к гладкой бетонной стене. — Я имею в виду нормальный английский, а не тот ломаный, на котором ты изъяснялся с самого утра.

— На самом деле я говорю на четырех языках, — ответил Ло Манто, также прижавшись к стене и упершись ногами в бампер «Крайслера», — но эту тему мы можем обсудить позже. Сейчас мне нужно оружие.

Дженнифер колебалась, а черная машина тем временем мчалась прямо на их «Крайслер», и пассажир черного автомобиля высунулся из окна и целился в них из 9-миллиметрового револьвера. Дженнифер вытащила из кобуры табельный пистолет и направила ствол в сторону приближающегося автомобиля.

— Это против правил, — проговорила она. — Если я это сделаю, мне влетит от начальства.

— А если ты этого не сделаешь, мы оба погибнем, — парировал Ло Манто. — Выбор за тобой, но, каким бы он ни был, делай его скорее!

* * *

Арманд Кастиони и его двоюродный брат следили за машиной Дженнифер с того момента, когда та сделала первую за день остановку — у бара в Восточном Бронксе.

— Видимо, этот парень крут, если он вот так запросто заходит в такое место, — заметил Арманд. — Ведет себя так, будто не знает, кому принадлежит заведение и на чью территорию он влезает.

— А может, он и вправду не знает? — предположил Джорджи. — Может, ему просто выпить захотелось?

— А может, ты когда-нибудь все же научишься складывать два и два? — язвительно ответил Арманд. — Нет, этот молодец не промах, если заставил боссов нервничать до такой степени, что они наняли нас.

— Девка, которая с ним мотается, классная, правда? Я всегда думал, что бабы-копы лесбиянки, но эта вроде не похожа. Слишком хороша.

— Не обольщайся, — охладил кузена Арманд. — Половина хорошеньких телок, если не больше, любит покувыркаться в постели со своей сестрой. Уж ты мне поверь.

— Если это так, то очень жаль, — вздохнул Джорджи.

Они проследили машину без опознавательных знаков до Истчестера и припарковались на стоянке возле длинного торгового центра, через дорогу от маленького ресторанчика с синими оштукатуренными стенами. Арманд не стал глушить двигатель, включив кондиционер на полную мощность.

— Копы умеют жить, — с завистью вздохнул Арманд. — Сначала — бар, потом — ресторан. Легавые в Неаполе, видать, привыкли шиковать. Причем готов поспорить, что из своего кармана он не платит ни цента. Наверняка счета оплачивает баба, которая с ним.

— А после ресторана он потащит ее в гостиницу, чтобы вместе посмотреть похабное кино.

Арманд взглянул на кузена и покачал головой:

— На кино у него сейчас нет времени. И ни на что другое в этом роде. Мы сделаем его, когда он выйдет из ресторана. Лучше места не придумаешь. У подъездной дорожки — один въезд и один выезд. Мы можем грохнуть его и унести ноги меньше чем за две минуты.

Перелезай на заднее сиденье и будь готов. Мы начнем сразу же, как они выйдут.

Джорджи посмотрел в окно на торговый центр в виде полумесяца, пространство вокруг которого было заполнено спящими людьми.

— Прямо среди бела дня? — спросил он. — Здесь толпы народу, нас наверняка заметят. Почему бы не подождать, пока они сделают следующую остановку? Возможно, к тому времени уже стемнеет.

— Чего ты переживаешь? Весь народ толпится возле торгового центра, а здесь — пустыня. Мы торчим тут уже битых три часа, и за все это время мимо нас прополз только старик с ходунками и его злобная сиделка. Кроме того, когда кто-то что-то увидит, дело уже будет сделано. А теперь заряди пистолет и постарайся не промахнуться.

— На мой счет не сомневайся, братец, — сказал Джорджи, — если я что и умею в жизни, так это стрелять, и постоянно практикуюсь в этом деле. Ты, главное, постарайся вести машину ровно, а уж копа я сниму.

— Нет, Джорджи, ты должен снять обоих копов, — сказал Арманд. — Один — это только половина работы.

— Но бабу нам не заказывали. — Джорджи оторвал взгляд от пистолета и посмотрел на Арманда. — Она — не мишень.

— Да, она не мишень. Она — свидетель, причем самый хреновый, какого только можно себе представить, — с полицейским жетоном и наручниками. Всего минуту назад ты переживал, что нас могут заметить, а теперь готов пойти на то, что твою физиономию опознает баба-коп и тебя упакуют в тюрягу до конца жизни.

— Ну, я думал, что мы должны убрать только одного, — защищаясь, промямлил Джорджи, переводя взгляд с двоюродного брата на двери ресторана и обратно. — Ты сам знаешь, как взбесится этот Сильвестри, если мы не сделаем в точности так, как он велел. Я просто хотел, чтобы все было как надо.

— Мы замочим обоих копов, — отрезал Арманд. — Вот тогда и будет все как надо.

* * *

Ло Манто положил ствол пистолета 38-го калибра на капот «Крайслера» и прицелился в водителя мчавшейся на них машины. Дженнифер сжимала рукоятку второго пистолета. Как и многие полицейские, она хоть и с большой неохотой, но все же носила с собой запасное оружие.

— Если ты собираешься кого-нибудь пристрелить, — проговорила она, — постарайся сделать это чисто. Согласно правилам, у меня не должно быть этого пистолета, а значит, он, по идее, не может находиться в твоих руках.

— Я беру на себя водителя, — сказал Ло Манто. Его мысли мчались галопом, оценивая ситуацию и прокручивая каждый из четырех сценариев, по которым события могли развиваться в течение следующих минут. — А ты займись стрелком. Целься в стекло левее водителя. Так ты его не убьешь, а только выбьешь оружие из его рук. Если, конечно, попадешь.

— Побеспокойся лучше о своем клиенте, — откликнулась Дженнифер. Она прислонилась спиной к белой стене и уперлась одной ногой в заднее колесо машины. — Он едет прямо на нас. Если они врежутся в нашу машину, мы оба превратимся в консервы.

— Они врежутся в нас в любом случае — пристрелим мы их или нет, — сказал Ло Манто. — По моему сигналу начинай стрелять, и как можно быстрее, а потом отпрыгивай от «Крайслера».

— Почему это по твоему сигналу, а не по моему? — спросила Дженнифер.

Ло Манто бросил быстрый взгляд на свою напарницу и тут же снова перевел его на машину, от которой их отделяло уже не больше двадцати футов.

— Потому что я твой гость, — ответил он, — а по отношению к гостям принято проявлять уважение.

Две пули впились в стену над их головами, и на плечи Дженнифер и Ло Манто посыпалась бетонная пыль. Оба заметили, что в них стрелял пассажир, сидевший на заднем сиденье.

— Можешь не торопиться, — сказала Дженнифер. — Я не хочу, чтобы ты впутывался в то, к чему не готов.

— Давай! — крикнул Ло Манто.

Они с Дженнифер выпустили по три пули в приближающуюся машину и прыгнули в разные стороны, стремясь очутиться как можно дальше от «Крайслера». Дженнифер упала на большие черные мешки с мусором, оцарапав колени о щебень, которым была посыпана площадка, а Ло Манто приземлился на кузов пижонского «Лексуса». Основной удар пришелся на плечо, пистолет вылетел из его руки и упал прямо на середину дорожки. Машины столкнулись. Послышался отвратительный скрежет металла и несколько хлопков — сработали подушки безопасности, воздух наполнился белым дымом.

Дженнифер первой вскочила на ноги и осторожно стала приближаться к машине нападавших, держа пистолет в вытянутых руках. Заглянув в окно, она увидела неподвижное тело мужчины, распростершееся на кожаном заднем сиденье. По его липе стекали струйки крови. Затем она поглядела на водителя. Его безвольное тело наполовину вылетело из разбитого лобового стекла, перепачканные в копоти и крови руки раскинулись по капоту. По другую сторону машины Дженнифер увидела Ло Манто, открывшего заднюю дверь, чтобы проверить, жив ли стрелок. Она подошла ближе, готовая стрелять в любой момент, если противник сделает попытку напасть на Ло Манто. Рядом уже начали собираться зеваки, сгорающие от желания досмотреть окончание драмы, невольными свидетелями которой они только что стали.

— Нужно вызвать «Скорую помощь», — сказал Ло Манто, — да побыстрее. Этот еще жив, но, если ему не оказать помощь, он долго не протянет.

Вытащив из кармана сотовый телефон, Дженнифер направилась к столпившимся неподалеку ротозеям.

— Это место преступления, — проговорила она. — Вы должны отойти подальше и не мешать следственным действиям.

— Кто они такие? — спросил один из зрителей, официант из ресторана, в котором они только что обедали. — Эти двое, в машине?

— Кем бы они ни были, вы их все равно не знаете, — отрезала Дженнифер, повернувшись к толпе спиной и набирая номер экстренной службы, чтобы вызвать группу поддержки и бригаду «Скорой помощи».

Ло Манто отошел от дымящейся машины, подобрал с земли пистолет и пошел следом за Дженнифер, направлявшейся теперь к задней двери ресторана.

— Они все придут минуты через три, — сообщила она. — За парнем с заднего

сиденья — реанимация, а за водителем — черный фургон с пластиковым мешком.

— Хочешь получить обратно свое оружие? — спросил Ло Манто, протягивая ей пистолет.

— Пусть пока остается у тебя, — ответила Дженнифер. — Черт его знает, что нас еще ждет. Не исключено, что появятся еще какие-то твои друзья, чтобы преподнести нам очередной приятный сюрприз.

Ло Манто кивнул и сунул пистолет за ремень брюк.

— Ты отлично сработала, — сказал он, оглянувшись через плечо на разбитую машину и тела киллеров-неудачников. — Две твои пули попали ему в мягкие ткани, а третья легла рядом.

— Я же коп, или ты забыл? — ответила женщина, тряхнув волосами. — Именно поэтому я ношу пару пистолетов и значок.

Она посмотрела на итальянца и почувствовала, как в ее душе нарастает раздражение к самой себе. Получив задание сопровождать Ло Манто, она до такой степени взбесилась, что даже не позаботилась расспросить капитана о том, что он за человек, решив, что это очередной никчемный визитер, которому нужна нянька с водительскими правами. Она выскочила из кабинета шефа, кипя от злости и проклиная начальство за то, что у нее украли неделю, которую она собиралась провести с максимальным удовольствием для себя. Утро сегодняшнего дня полностью соответствовало ее ожиданиям — скучное и предсказуемое. Однако теперь пошла совсем другая игра. Прогремели выстрелы, один парень лежал лицом вниз на капоте своей машины, а второй плавал в луже крови на заднем сиденье, продырявленный двумя пулями, которые выпустила она, Дженнифер.

— Ты сама, кстати, не ранена? — осведомился Ло Манто, глядя на карету «Скорой помощи» и фургон со спецназом местного полицейского управления, подъехавших с завыванием сирен и включенными красно-синими мигалками. Машины остановились, и из открывшихся дверей посыпались люди. Медики, не теряя времени, побежали к дымящейся машине.

— Я в порядке, — немного запоздало ответила Дженнифер. — Но нам с тобой нужно найти какое-нибудь спокойное местечко, чтобы сесть и обсудить все произошедшее. Получая это задание, я подписалась выступать в роли твоего гида, но сейчас мне почему-то кажется, что тебе больше нужен телохранитель.

— Почему ты думаешь, что мне известно об этих двоих больше, чем тебе? — спросил Ло Манто. — Я тут чужак. Вполне возможно, что их мишенью была ты.

— Можешь впаривать эту чушь кому-нибудь другому! — огрызнулась Дженнифер, повернувшись к итальянцу и глядя на него тяжелым взглядом. — Именно ты первым заметил их, а это говорит о том, что у тебя были все основания предполагать наличие «хвоста». Ты был почти готов к тому, что произошло, ждал, когда это случится, и не знал только, откуда будет нанесен удар. Как-то это не вяжется с образом копа, который приехал на несколько дней, чтобы отдохнуть и потусоваться со старыми друзьями. Это больше подходит к копу, находящемуся на задании. Уж не знаю, может, это как-то связано с твоей пропавшей племянницей, но если нам суждено и впредь находиться рядом друг с другом, я хочу знать, что происходит!

Несколько долгих секунд Ло Манто смотрел на женщину сквозь пряди длинных волос, упавших на его лицо. Он привык действовать в одиночку, и даже когда ему приходилось работать с напарниками — в Италии или во время совместных международных операций в

Нью-Йорке и Лондоне, — он всегда находил возможность поступать так, как сам считал нужным. Ранними утренними часами Ло Манто бродил по темным улицам городов — таким чужим и одновременно знакомым, — пытаясь угадать побуждающие мотивы и дальнейшие шаги дичи, по следу которой он шел. Он всегда свято верил в то, что лучшие копы-одиночки, не зависящие ни от семьи, ни от слабостей и причуд напарника. Но теперь, глядя в горящие гневом глаза Дженнифер, отчего она казалась еще красивее, Ло Манто понял: либо он должен довериться ей целиком, либо пойти к Фернандесу и попросить у него другого сопровождающего. Но это было бы нечестно по отношению к капитану, которому придется разрываться между их дружбой и интересами дела. Значит, если ему суждено иметь в Нью-Йорке напарника, пусть им будет эта молодая женщина, глядящая на него с вызовом, скрестив руки на груди.

— Итак, что ты решил? — спросила она звенящим голосом. — Ты со мной или уже обдумываешь, что заказать на ужин?

Ло Манто отвернулся от нее и оглядел место преступления, где сновали полицейские. Двое патрульных и несколько детективов разглядывали тело водителя, в то время как санитары «Скорой помощи» осторожно извлекали через заднюю дверь раненого. Прибыли криминалисты и теперь фотографировали, снимали отпечатки пальцев и извлекали из стены пули.

— Если у вас тут действуют те же порядки, что и в Неаполе, нам обоим придется провести не меньше часа с этой братией, отвечая на их вопросы, — сказал Ло Манто. — А потом, как я подозреваю, придется вернуться в участок, где нам зададут еще кучу вопросов.

— Я тоже так думаю, — ответила Дженнифер. — Более того, перестрелка произошла за пределами городской черты, а здесь мои полномочия недействительны, не говоря уж о твоих. А это означает, что нам придется иметь дело с копами, которые будут настроены по отношению к нам вовсе не так дружелюбно, как ребята из Бронкса.

— Вали все на меня, — сказал он, — а заодно постарайся узнать как можно больше об этих двоих из машины. Выясни, местные ли они или заезжие, которых наняли для одного задания. Чем больше мы о них узнаем, тем легче нам будет просчитать наши дальнейшие шаги.

— А как мы объясним тот любопытный факт, что мой пистолет, из которого завалили водителя, оказался в твоих руках? — ехидно спросила Дженнифер, все еще не разобравшись в подлинных намерениях итальянца.

— Очень просто, — ответил тот. — Он выпал из кобуры, когда ты ударилась о стену, а я его подобрал и, учитывая напряженность момента, пустил в ход. У тебя просто не было возможности помешать мне, не ставя под угрозу наши жизни.

— Что-что, а сочинять ты мастер, — с неподдельным восхищением заметила Дженнифер. — Врешь даже быстрее, чем стреляешь. Видимо, у тебя в этом деле богатая практика.

— Все хорошие копы должны быть умелыми врунами, — парировал Ло Манто. — Они часто нарушают правила, и каждый раз им приходится «убедительно» объяснять, почему это было необходимо.

— Из-за тебя мне приходится ходить по лезвию ножа, — проговорила Дженнифер, делая шаг к Ло Манто и переходя почти на шепот. — Тебе в худшем случае вручат авиабилет до Рима и отвезут в аэропорт, но если прищучат меня, мне до пенсии придется вычищать дерьмо из собачьих клеток в службе К-9. Поэтому прежде чем во что-то вляпаться, я хочу

знать, что к чему.

Ло Манто протянул руку и взял Дженнифер за локоть.

— Если хочешь, чтобы я тебе доверял, — сказал он, — ты должна доверять мне.

Дженнифер посмотрела через плечо Ло Манто и увидела двух приближавшихся к ним детективов: женщину в синей блузке с короткими рукавами и мужчину постарше в поношенном клетчатом пиджаке и с бритой головой, усыпанной блестящими капельками пота.

— На сей раз я поддержу тебя, — проговорила она, — но если ты попытаешься перевести стрелки на меня, то в следующий раз увидишь меня с пистолетом, направленным тебе в голову.

— Не самое романтичное предложение из тех, что мне приходилось слышать, — с улыбкой ответил Ло Манто. — Но я был бы дураком, если бы поступил так. Я сделаю иначе: отойду в сторонку и предоставлю тебе разбираться с этими Уиллом и Грейс [\[12\]](#), а заодно с орлами из отдела внутренних расследований. Если тебе удастся выпутаться из этой истории, обещаю, я расскажу тебе все, что ты хочешь узнать.

— А как быть с капитаном? Тебе он — друг, а мне — начальник, и он будет страшно зол из-за всего, что здесь произошло.

— Если он действительно такой хороший друг, каким я его считаю, у нас с тобой не возникнет никаких проблем, — ответил Ло Манто.

— А если нет?

— Тогда тебе придется выгрести дерьмо из собачьих клеток, — сказал он, поворачиваясь к приближающимся детективам. — А я буду орудовать лопатой рядом с тобой.

Пит Росси сделал несколько больших глотков из высокого бокала, наполненного эспрессо с колотым льдом. Его лицо являло собой непроницаемую маску хладнокровия. Росси сидел напротив Гаспальди и слушал подробный рассказ пожилого мужчины о перестрелке в Истчестере, в результате которой один из наемных стрелков был убит, а второй из последних сил цеплялся за жизнь на больничной койке, подключенный к аппарату искусственного дыхания. За много лет, в течение которых Росси постигал уроки жизни а-ля каморра под жестким водительством приставленных к нему опытных наставников, он усвоил главное: никогда не обнажай свои истинные чувства перед теми, кто не входит в твое ближайшее окружение. Он также учился у других крестных отцов — столь же могущественных, как его отец, и столь же мстительных, как легендарный Карло Робуто, беспощадный дон, правивший Неаполем более двух десятков лет. Росси усовершенствовал вызубренные им правила, приспособив их под себя, поэтому теперь они были для него так же естественны, как потребность дышать.

Он прекрасно знал слабые места собственной натуры, одним из которых был его взрывной характер, прежде нередко заставлявший Росси буквально разрывать на части все, что вставало на его пути. Теперь он научился контролировать себя. Вместо того чтобы удерживать гнев внутри себя, Пит Росси давал ему волю в те моменты, когда это наиболее отвечало его потребностям. Таким образом, темперамент не только не ослаблял, а, наоборот, укреплял его позиции. Он редко первым брал слово, будь то официальное мероприятие или встреча в узком семейном кругу. Он привык изо дня в день выстраивать свою жизнь так, как если бы это была затянувшаяся на многие годы партия в покер и всех остальных игроков интересовало лишь одно: какие карты у него на руках.

— Итог таков, — подытожил Гаспальди, допив оставшееся в бокале виски со льдом. — Мы рискнули и выпустили на ринг двух любителей, надеясь, что им повезет и они отправят противника в нокаут. Оказалось, что мы ошиблись, и эти двое облажались по полной программе, в результате чего один сдох, а второй находится близко к этому.

— Существует хоть малейший шанс, что их каким-то образом могут связать с нами? — спросил Росси, поставив стакан на специальную подставку, чтобы ни одна капля не попала на полированную поверхность его дубового стола.

— Исключено, — ответил Гаспальди. — Они — залетные. Они использовали собственное оружие и действовали по собственному плану.

— Один из них — в больнице. Каковы его шансы? — осведомился Росси.

— Этот парень был законченным дебилом еще до того, как его подстрелили, — ответил Гаспальди, — а теперь он и вовсе превратится в овощ, если, конечно, сумеет выкарабкаться.

— Я думаю, не сумеет, — металлическим голосом отчеканил Росси. — А ты?

— Наверняка не сумеет, — ответил Гаспальди, поняв, что его босс не строит предположения, а констатирует факт.

— А это означает, что у нас остается одна нерешенная проблема, — сказал Росси, — решить которую теперь будет еще труднее.

— Прежде чем предпринять новую попытку, необходимо выждать два или три дня. Пусть шум немного уляжется. Возможно, этот коп достанет своих здешних коллег так же, как достал нас, и они решат отправить его обратно за океан.

— Плевать он хотел на то, что они решат, — проговорил Росси, поудобнее устроившись в кожаном кресле и откинув голову на его спинку. — Он никуда не уедет без девчонки, которую мы захватили. А это значит, что он останется здесь до тех пор, пока не выяснит, где она находится и кто ее похитил.

— И как, по-твоему, сколько времени ему для этого понадобится? — спросил Гаспальди.

— Не очень много, — предположил Росси. — Нью-Йорк для него такой же родной дом, как и Неаполь. Здесь, правда, ему придется проявлять большую изобретательность, но это для него никогда не было проблемой. Он умеет адаптироваться к любой ситуации. Если бы жизнь сложилась немного иначе, он вполне мог бы получить такое же воспитание, как я, и его учили бы те же самые люди.

— Мы используем его племянницу в качестве наживки?

— Мы уже сделали это, успешно заманив его в Нью-Йорк, — раздраженно ответил Росси. — Он здесь, как мы и хотели. Это оказалось не так уж и сложно. Убить его — дело потруднее, и это сейчас должно стать твоей главной задачей. Оставь все другие дела, передай их тем, кто сможет доделать их без твоего участия. С сегодняшнего дня этот человек, этот коп — твое единственное задание, и я надеюсь, что ты выполнишь его успешно.

Гаспальди посмотрел на своего дона и кивнул. Он состоял в каморре достаточно давно, чтобы понимать важность такого приказа, высказанного прямо и без обиняков. Из-за агрессивных действий Ло Манто на улицах Неаполя и здесь, в Нью-Йорке, семья Росси понесла много потерь — как в людях, так и в сфере бизнеса. Десятки более мелких ячеек каморры, составлявших обширную преступную сеть в обоих городах, также понесли немалые убытки, но они не были заинтересованы в том, чтобы тратить время, силы и деньги на охоту за копом-одиночкой. Что касается Росси, то он ненавидел Ло Манто уже не только за то, что тот лишил его стольких людей и денег. Он перешагнул некую линию, за которой это чувство перешло в разряд личных, чего всегда избегали великие крестные отцы прошлого. Теперь же, вынужденный подчиниться приказу, в этот крестовый поход оказался втянут и Гаспальди.

— Я не подведу вас, босс, — сказал он, стараясь, чтобы его слова прозвучали как можно более убедительно. — Обещаю, если этому копу и суждено вернуться в Италию, то только в гробу.

Пит Росси смотрел на Гаспальди, и лицо его было столь же непроницаемым, как в начале их разговора. Он взял бокал с эспрессо, сделал большой глоток и провел ладонью по холодному доньшку.

— Ты не первый говоришь мне это. Он воюет с нашей организацией вот уже пятнадцать лет, и никому за это время не удалось уложить его в могилу. Многие, правда, оказывались очень близко к цели, но большинство из тех, кто пытался, сами отправились на тот свет.

— Сначала я позабочусь о том, который лежит в больнице, — проговорил Гаспальди, ощущая на себе свинцовый взгляд хозяина, — а затем вплотную займусь нашим другом из Неаполя.

— Надеюсь, у тебя все получится. Ради нашей общей, а еще пуще — твоей пользы, — многозначительно произнес Росси, после чего встал, задвинул стул и вышел из кабинета.

В больничной палате царили тишина и полумрак. На металлической подставке висел флакон с физиологическим раствором для капельниц, в углу, рядом с зашторенным окном, была укреплена подставка с телевизором. Молодой человек на кровати спал. Его веки подрагивали, а лицо морщилось, когда с каждым вздохом его тело снова и снова пронизывала боль. Его голова была забинтована, а в центре повязки виднелось пятно запекшейся крови, выступившей в том месте, где на лоб раненого были наложены двенадцать швов. Именно этим местом он ударился о дверную стойку, когда их с напарником машина врезалась в «Крайслер». Шесть часов назад его отвезли в операционную, где над ним принялись — молча и деловито — колдовать хирурги, извлекая две пули, пущенные Дженнифер Фабини и застрявшие в грудной клетке их теперешнего пациента. Еще через два часа дело было сделано, и врачи ушли из операционной, чтобы сбросить заляпанные кровью халаты и помыться. Настоящие профессионалы, они сделали все, что могли, и все же понимали, что результатом их усилий явилась лишь временная отсрочка неизбежного.

— Если он доживет до утра, — пробормотал один из хирургов, обращаясь к операционной сестре, шедшей рядом с ним, — это будет означать, что мы сделали невозможное.

— Я уже много лет не видела такой чудовищной кровопотери, — ответила сестра, потрясенная, несмотря на то, что ассистировала на операциях уже более десяти лет. — Когда его положили на операционный стол, он почти умирал от потери крови.

— В какую передрагу он попал? — спросил хирург, стягивая маску, резиновые перчатки и бросая их в синий пластиковый контейнер. — Что произошло?

— Перестрелка с полицией, — сообщила сестра. — Так сказали ребята из бригады «Скорой помощи», которые привезли его к нам.

— Подобные вещи именно так и заканчиваются, — философски заметил хирург. — По крайней мере, в последние годы.

— Откуда вы знаете?

— Самые сложные хирургические операции мне приходится производить над преступниками, — пояснил врач, — и я до сих пор не решил, считать ли это потерянными временем или нет.

* * *

Дверь медленно отворилась, и в палату вошел молодой человек в белом больничном халате и голубой шапочке. Его лицо скрывала маска, а коричневые ботинки на каучуковой подошве не производили ни малейшего звука. Подойдя к кровати, он остановился и посмотрел на парня, который мечтал стать гангстером, но которому было не суждено встретить даже свой двадцатый день рождения. Затем пришедший вытащил из кармана халата 9-миллиметровый пистолет, прикрутил к стволу глушитель и дважды выстрелил, вогнав одну пулю в грудь, а вторую — в закрытый правый глаз лежащего. От выстрелов тело дважды подпрыгнуло на кровати, из новых ран выступила свежая кровь.

— Прости, Джорджи, — проговорил убийца, сунул пистолет в карман и вышел из палаты.

Гаспальди сидел в задней кабинке пустого в это время дня китайского ресторана. Он потягивал чай из маленькой чашки, в которую предварительно положил три ложки сахара, и поджидал грузного человека, пробиравшегося к нему, неуклюже лавируя между столиками.

— Ты всегда так опаздываешь? — спросил он, когда толстяк с трудом протиснулся в его кабинку.

— Судя по моим часам, я опоздал всего на десять минут, — обиженно запыхтел тот. — Для меня это не опоздание. Более того, это великолепный результат! Кроме того, в твоём голосе я не услышал истерических ноток, которые сказали бы мне, что ситуация не терпит промедления.

С трудом удержавшись от смеха, Гаспальди лишь позволил себе слегка улыбнуться. Практически никому из тех, с кем он имел дело, Гаспальди не позволял разговаривать с собой подобным образом, но этому пузану прощалось любое фиглярство. А все потому, что в их команде осталось всего несколько человек столь же безжалостных и смертоносных, как этот забавный с виду жирдяй. Гаспальди потратил массу времени, натаскивая молодых бойцов Росси, в надежде на то, что когда-нибудь они смогут либо заменить, либо хотя бы приблизиться к профессиональному уровню толстяка, но ни в одном из них не оказалось того убийственного хладнокровия, той неотвратимости, которые таились внутри этой горы мяса и сала. Какое бы задание он ни получил, толстяк не ведал поражений, неизменно доводя дело до мрачного конца, поэтому, учитывая то, сколь страстно Росси жаждал крови Ло Манто, было бы просто глупо обращаться к кому-то еще.

— Ты голоден? — спросил Гаспальди. — Хочешь заказать что-нибудь, прежде чем мы начнем говорить о делах?

— Помираю от голода, — ответил толстяк. — Так хочется жрать, что, кажется, съел бы дохлого поляка, но даже под дулом пистолета не соглашусь есть китайское дерьмо, которое они называют едой.

Закажи суп, — предложил Гаспальди. — Его трудно испортить.

— Эти косоглазые суют кошку во все, что едят, — фыркнул жирдяй, — включая суп. Я лучше попозже перехвачу что-нибудь в заведении «У Марио». Там, по крайней мере, знаешь, что лежит в тарелке.

— Тогда давай перейдем к делу, — предложил Гаспальди. — Ты хотя бы примерно представляешь, о чем пойдет речь?

— Есть коп, от которого вы хотите избавиться. Один раз попробовали, но облажались, как бакланы.

— Ты можешь получить всю необходимую информацию в известном тебе месте. Изучи ее за пару дней, а потом — действуй. В твоём распоряжении столько времени, сколько тебе понадобится. Главное, чтобы дело было сделано без промахов и осечек.

— То же касается и любого, кто будет с ним? — уточнил толстяк. — Он иностранец, а полицейская управа Нью-Йорка обычно приставляет к приезжим копам сопровождающих, которые висят на нем, как вши на собаке. Вот я и спрашиваю: можно ли валить и их, если до этого дойдет?

— Вали хоть самого комиссара полиции, коли он там окажется, — отмахнулся Гаспальди. — Вали всех, кто окажется на твоём пути. Главное — ликвидировать

итальянского легавого, а со всеми остальными проблемами мы справимся.

— А что представляет собой этот коп? — спросил толстяк. — Расскажи мне то, о чем не говорится в его досье, которое я еще почитаю.

— Он очень хорош, — ответил Гаспальди. — Лучше всех других копов, с которыми нам когда-либо приходилось сталкиваться. Я имею в виду не только умение стрелять, хотя он и в этом даст любому сто очков вперед. Он умен, предусмотрителен, рассчитывает свои действия на несколько ходов вперед и предусматривает любые неожиданные повороты. Он мастер своего дела. Не рассчитывай на то, что сможешь застать его врасплох, этого не будет. С ним такие штуки не проходят.

— Для начала расскажи, за каким дьяволом он приперся в Нью-Йорк, вместо того чтобы сидеть у себя в Италии и арестовывать сутенеров?

— Пропал один из членов его семьи, — сказал Гаспальди, — его племянница, и он приехал сюда, чтобы помочь найти ее. Он пока не узнал, где она и кто организовал похищение, но парень он умный и очень скоро сообразит, что к чему.

— Ее похитили, чтобы заманить его сюда, или это друг с другом не связано? — уточнил толстяк.

— Это не твое дело, — грубо ответил Гаспальди, — иначе я уже просветил бы тебя на этот свет. Я же сообщаю то, что тебе следует знать.

— Кроме одного, — раздраженно буркнул толстяк. Ему уже надоело сидеть в пустом китайском ресторане и хотелось поскорее оказаться на солнышке. — Сколько?

— Столько же, сколько обычно, — проговорил Гаспальди. — Плюс расходы.

— Не годится, — помотал головой толстяк. — Это не какой-нибудь старомодный придурок, который спрятался в негритянском квартале Лонг-Айленда и считает, что там его никто не найдет. Это коп со всеми вытекающими отсюда последствиями, не последним из которых является вышка, которую я могу получить, если меня сцапают.

— Тут ты можешь быть спокоен. Это в Италии он коп, а здесь — никто.

— Полицейский значок — он и в Африке значок, вне зависимости от того, в какой стране его сделали. А это дополнительный риск. Берясь за это дело, я рискую не только своим временем, но и жизнью, поэтому с вас двойной тариф плюс сумма, которой мне хватит, чтобы в течение трех недель нежиться на горячем морском песочке.

Гаспальди допил чай и махнул официанту, стоявшему, скрестив руки на груди, в углу зала.

— Это большие деньги, — проговорил он, глядя на приближающегося официанта. — Гораздо больше, чем то, на что мы рассчитывали. Тем более что речь идет о ликвидации всего-то одного парня.

— Насколько мне помнится, это ты обратился ко мне, — заявил толстяк. — Если хочешь, можешь поискать специалиста подешевле. Я свою цену назвал, а дальше — тебе решать.

Гаспальди сунул официанту сложенную вчетверо двадчатку и отмахнулся от протянутого ему чека.

— Сдачу оставь себе, — сказал он и подождал, пока молодой китаец унесет пустую чашку, а затем снова переключил внимание на собеседника. — Ладно, — проговорил он, — согласен на твои условия. Но работа должна быть сделана четко и чисто. За этим будут следить большие люди. Если ты провалишь дело и все еще будешь жив, они не пожалеют денег, чтобы исправить это упущение. Ты меня хорошо понял?

— Ты знаешь, как я работаю, — сказал толстяк. — Я не беру ни цента до тех пор, пока работа не сделана. Если этот ваш коп настолько хорош или удачлив, что сумеет замочить меня, то вам, ребята, вообще не придется платить. Так что побереги свои нотации в стиле Джона Пеши для сосунков. Это не первая моя вечеринка, и я не собираюсь позволить, чтобы она стала последней.

— Значит, договорились, — подытожил Гаспальди, поднимаясь из-за стола и бочком выбираясь из кабинки.

— Рад слышать, — заявил толстяк. — Теперь я наконец могу уйти из этой дыры и нормально пообедать.

— И все же, я думаю, здешний суп тебе понравился бы, — направляясь к выходу, добавил Гаспальди. — Зря ты его не попробовал.

* * *

Фелипе Лопес вышел из расположенной в цокольном этаже квартиры и выбросил маленький пластиковый пакет в мусорный контейнер, стоявший у кованых ворот. Подойдя к воротам, он отодвинул засов, распахнул их и вышел на тротуар перед четырехэтажным зданием. Было раннее утро, вслед за которым должен был прийти еще один знойный августовский день. Улица была безлюдной, если не считать одинокого джоггера, спешившего закончить ежедневную пробежку до наступления жары. Фелипе нащупал в кармане поношенных джинсов сложенную десятидолларовую бумажку, желая убедиться, что деньги, полученные только что от миссис Клэр Сэмюеле, все еще на месте. Он выполнял различные поручения для миссис Сэмюеле вот уже несколько лет — с тех пор, как ее муж, Эллиот, упал замертво в прихожей маленькой двухкомнатной квартиры, которую они снимали. Она нуждалась в малом, посылая Фелипе за молоком, соком, яйцами, полуфунтом ветчины и мясом. Похоже, эти продукты составляли весь скудный рацион бедной женщины.

Фелипе заходил к миссис Сэмюеле дважды в неделю — обычно по средам и воскресеньям, приносил ей почту, целая груда которой скапливалась у вечно запертой входной двери, и выносил мусор. Чаще всего она оставляла мальчика у себя на завтрак. Они ели сэндвичи, пили апельсиновый сок и смотрели последние новости по телеканалу WSNBC. Разговаривали они редко, предпочитая уютную тишину в приятной компании друг друга, но если разговор все же начинался, то говорила в основном миссис Сэмюеле. Она рассказывала о том Нью-Йорке, который когда-то знала, и который юный Фелипе Лопес по молодости лет просто не мог помнить, о тех временах, когда их район весело шумел голосами вновь прибывших иммигрантов, каждому из которых не терпелось поскорее обустроиться в новом доме. Она рассказывала о своем муже, Эллиоте, о том, как он гнул спину в своей прачечной, не отходя по двенадцать часов в день от огромных стиральных машин и барабанных сушилок, в коротком коричневом переднике с карманом, полным четвертаков. Миссис Сэмюеле скорбно качала головой, вспоминая о том, как муж просаживал деньги, делая ставки на лошадей и еженедельно картежничая в задней комнате магазина «Деликатесы Джакомо».

— У нас мог бы быть большой красивый дом, — говорила она Фелипе, — как те, что на Эйли-авеню. Может, даже машина и деньги на отпуск. Элли мог бы иметь все это, но все, что у него было, — это прачечная и долги. А после того, как он умер, они пришли ко мне. Те

люди, которым он задолжал, пришли и забрали его бизнес. Заставили меня подписать какие-то бумаги, и все было кончено.

— Почему же вы не сказали им «нет»? — спросил Фелипе.

— Тогда я тоже была бы мертва, — ответила женщина, — а прачечная все равно досталась бы им.

В те дни, когда миссис Сэмюеле не предавалась воспоминаниям о прежних деньках и несбывшихся мечтах своего покойного мужа, она рассказывала Фелипе о городах Европы, о которых он только читал в книгах, и о блюдах, о которых мальчик даже не слышал, не говоря уж о том, чтобы попробовать. Женщина вспоминала о своем сиротском детстве, когда ее передавали из семьи в семью — до тех пор, пока она не осела в детском доме при женском монастыре в небольшом городке Салерно на юге Италии. Там она жила до тех пор, пока — за неделю до своего восемнадцатилетия — не познакомилась со своим Эллиотом, встречу с которым в местном кафе устроили его родители и мать — хозяйка.

Миссис Сэмюеле рассказывала о своей юности, прошедшей в незнакомом городке за океаном, где она работала белошвейкой в ателье. Там из работниц выжимали все соки. Она подарила жизнь трем сыновьям, мучилась от жары летом в доме, где не было не только кондиционера, но даже вентилятора, и замерзала зимой, согреваясь лишь теплом от включенной газовой плиты.

Фелипе нравилось слушать эти истории, когда они с миссис Сэмюеле в ранние утренние часы потягивали горячий чай из кружек, в углу негромко бормотал телевизор, а за окном нарастал шум просыпающегося города. Женщина никогда не расспрашивала мальчика о том, как ему удастся выживать, не имея ни семьи, ни дома, а сам он предпочитал о себе не распространяться. Все, что ей нужно было знать о Фелипе, ей сообщил домовладелец Луис, тощий, низкорослый, вихляющийся человек, убедивший ее в том, что мальчику можно доверять. Только после этого она решилась впустить Фелипе в свой дом, чтобы он помогал ей с покупками и служил хоть какой-то защитой от непреходящего одиночества. Она ни разу не попросила его переночевать на кушетке рядом с книжными полками, ломившимися от редкостных изданий, которые давно никто не открывал. Фелипе на это не обижался и сам на ночлег никогда не напрашивался. Он принимал их взаимоотношения такими, какие они есть, испытывая благодарность к женщине за проведенные вместе часы и за деньги, которые она ему платила. Они ничего не требовали друг от друга и с самого первого дня знакомства были довольны тем, что имеют.

Фелипе никогда не крал у миссис Сэмюеле, хотя в те часы, когда женщина засыпала, послушав утренние новости, имел возможность покопаться в коробочке с драгоценностями, которую она хранила под тумбочкой возле кровати, «приделав ноги» столовому серебру и даже небольшому телевизору. Нет, такое Фелипе и в голову не приходило. Впрочем, спроси его почему, вряд ли он смог бы ответить. Ему нравилась эта пожилая женщина, но ведь нравился ему и парень — управляющий из бакалейно — гастрономической лавки «Ки фуд», а между тем за последние годы Фелипе украл оттуда столько всего, что магазинчик вполне мог бы разориться. Чем это объяснялось? Возможно, тем, что слишком легко красть у того, у кого и так почти ничего нет. А может быть, причина была в том, что Фелипе крал лишь то, что мог съесть или надеть на себя. Но, скорее всего, он просто не хотел подвести и разочаровать старую женщину, которая, хотя и не говорила ему этого, привязалась к нему, как к родному.

Фелипе доверял миссис Сэмюеле и, чтобы спрятать пакеты с деньгами, которые

передал ему Бен Мерфи, не мог придумать места лучше, чем темные углы ее квартиры. Парень также был уверен в том, что, если старушка каким-то чудом найдет три пакета с долларами, то не прикарманит их, а поинтересуется у него, откуда они взялись и кому принадлежат. Никому из знакомых Фелипе даже в голову не придет, что у него хранятся такие огромные деньги, и никто из тех, кто будет пресовать Бена Мерфи в безумной погоне за ста тысячами, не додумается даже взглянуть в сторону пятнадцатилетнего мальчишки. А если это все же случится или Бен даст слабину и откроет им правду, они будут искать где угодно, только не в полуподвальной норе сморщенной от старости вдовы. Ее муж давным-давно умер, друзей тоже не стало, и все трое сыновей — каждый по-своему — трагически погибли, не успев вкусить жизни.

Спрятав три толстых пакета с деньгами за излохмаченные томики рассказов о Шерлоке Холмсе, Фелипе решил, что здесь они — в такой же безопасности, как если бы лежали в банковском сейфе. И вот теперь, сунув руки в карманы, он шел по улице и думал: чтобы получить эти деньги назад и воспользоваться ими, нужно всего ничего — остаться в живых на этих самых улицах еще хотя бы два года.

* * *

Паула крадучись шла вдоль густых темно-оливковых кустов по направлению ко вторым воротам, избегая пятен света от вкопанных в землю садовых фонарей, освещавших заднюю часть поместья Росси. Сразу же после того, как сгустились сумерки, ей удалось выбраться через маленькое окошко ее комнаты, выходящее в сад. Осторожно пройдя по залитой гудроном кровле, Паула спустилась по водосточной трубе и оказалась в саду. Вскоре, не дойдя до трехметровых ворот, по обе стороны которых были водружены камеры наблюдения и открыть которые можно было лишь с помощью электронного ключа, она стала карабкаться по сложенной из дикого камня стене, царапая руки и колени, но, невзирая на это, упорно взбираясь все выше и выше. Вокруг царили лишь темнота, молчание и тени. Улица с двусторонним движением, тянувшаяся за воротами, была черна и безлюдна. Девочка понятия не имела, где она находится и в каком направлении ей следует идти после того, как она спрыгнет в заросли кустов, растущих вдоль стены. Но для нее имело значение лишь одно: после того, как это случится, она будет свободна.

Наконец Паула села верхом на стену. По ее рукам и ногам текла кровь. Она оглянулась на особняк. От нескольких горевших в нем окон ее надежно скрывали кроны высоких деревьев. Убедившись в том, что бегство осталось незамеченным, Паула спрыгнула с трехметровой высоты, надеясь, что приземлится на траву или в худшем случае на заросли кустов. Отчасти она оказалась права, вот только кусты, в которые она упала, были розовыми, и острые шипы в кровь исцарапали ей лицо. Укутанная ночным безмолвием, Паула лежала несколько бесконечных минут, пытаясь отдышаться и не открывая глаз. Совершенно одна, безмерно уставшая и страдающая от боли, она, тем не менее, была полна решимости идти по темной дороге навстречу помощи, от кого бы та ни пришла. И вот, поднявшись и отряхнувшись от листьев и травы, девочка пустилась в путешествие, надеясь на то, что спасение придет еще раньше, чем над горизонтом поднимется солнце.

Пит Росси наблюдал за каждым движением беглянки из своего кабинета, сидя в глубоком кресле черной кожи, стоявшем перед стеной, увешанной мониторами. На них передавалось изображение с многочисленных камер видеонаблюдения, снимавших происходящее в поместье под всеми мыслимыми и немыслимыми углами. Когда девочка взобралась на стену и спрыгнула с другой стороны, он улыбнулся.

— Никто не может проникнуть сюда и выбраться отсюда, — сказал он худошавому мужчине, стоявшему позади него. — Именно это ты твердил мне, когда устанавливал здесь все это оборудование. И еще ты говорил, что я могу спать спокойнее, чем президент Соединенных Штатов. Помнишь свои слова, Крис?

— Помню, — ответил Крис Романо. — И все, что я говорил, остается в силе. Не позволяйте обмануть вас тому, что вы видите, босс. Давайте не будем забывать, что это мы позволили ей бежать. Если бы не это, мы могли бы схватить девчонку с того самого момента, когда она вылезла в окно.

Росси отвел взгляд от мониторов, посмотрел на Романо и снова улыбнулся.

— У нее это здорово получилось, — проговорил он. — Я, откровенно говоря, сомневался даже в том, что ей удастся слезть с крыши. При том, что она до смерти напугана, у нее хватило на это духу. Большинство подростков, окажись они перед необходимостью сделать то же самое, дождались бы утра, чтобы не плутать в темноте, а этой и ночь нипочем, главное, чтобы никто ее не заметил.

— Трое моих людей ждут снаружи и проследят за ней, — сообщил Романо, — и, кроме того, в полумиле отсюда вверх и вниз по дороге дежурят две машины, так что, в какую бы сторону она ни пошла, ее непустят.

— Запомни, они должны только следить за ней, и ничего больше, — сказал Росси, вновь повернувшись к мониторам, на которых теперь не было ничего, кроме кустов и деревьев. — Я не хочу, чтобы с этой девочкой что-нибудь произошло. Она не мишень, она всего лишь приманка.

— В ее часы вмонтирован маячок, — ответил Романо. — Даже если ей каким-то чудом удастся улизнуть от наружки, наши люди обнаружат ее в течение нескольких минут.

— А если она снимет часы? Или потеряет? Что тогда? — спросил Росси.

— В ее сумочку вшито дублирующее устройство, а третье мы поместили в огонек на ее правой кроссовке. Девчонка может потерять одну из этих вещей, даже две, но никак не три.

— Надеюсь, что ты прав, — согласился Росси. — Мы не имеем права ошибиться.

— Вы думаете, она найдет его, босс? — спросил Романо.

Он был молод и красив, с точеным лицом, оливковой кожей, густой шапкой темных волос и черными глазами. Он принадлежал каморре с тех пор, как ему исполнилось шесть лет. Обнищавшие родители привели сына к местному дону и дали ему клятву верности, в том числе и от имени маленького сына. После этого мальчика переправили в Соединенные Штаты и поместили в семью, которая жила в зажиточном городе округа Вестчестер штата Нью-Йорк. Криса отдали в лучшую частную школу, чтобы раскрыть его потенциальные таланты и пристрастия, главным из которых оказалась склонность к электронике.

После окончания колледжа Романо стал работать на Пита Росси, обеспечивая электронную охрану всех семейных предприятий — как официальных, так и подпольных. В

этом деле Романо оказался настоящим кудесником и размещал приборы наружного наблюдения в таких местах, которые никому до него и в голову не приходили. Первой его заметной победой стала установка мини-камеры в настенном бра в квартире молодой секретарши, задолжавшей Росси крупную сумму. В качестве отработки долга девушка переспала с руководителями двух крупных финансовых структур и выяснила подробности планируемого слияния компаний. После этого запись была продемонстрирована любвеобильным финансистам, и Росси сорвал многомиллионный куш с обоих в обмен на молчание, получив от них заодно обещание в дальнейшем делиться прибылями.

— Либо она его найдет, либо он ее, — ответил Росси Романо. — Меня устроит любой вариант.

— Завтра мы установим наблюдение и за ним, — сказал Романо. — Нам понадобилось некоторое время, чтобы подобраться к машине, к его комнате и женщине-копу, которая его сопровождает. Когда мы установим все необходимое оборудование, мы будем знать, куда он направляется еще до того, как он выйдет на улицу.

— Возможно, — проговорил Росси, но в его голосе не было уверенности. — Ты не первый, кто полагает, что он с легкостью обыграет этого копа. Так думали многие, но теперь большинство из них мертвы, а остальные отбывают такие сроки, что жалеют о том, что не умерли. Теперь на сцену вышли мы, и мы обязаны довести это дело до конца. Так что давай будем хвастаться не *до*, а *после* того, как все закончится.

Романо кивнул, понимая, что спорить с боссом не стоит.

— Я не доверил это дело никому и сам закладывал устройства, — сообщил он. — Завтра, в крайнем случае послезавтра мы начнем получать видеосигнал.

— Сообщай о каждом своем шаге Сильвестри, — велел Росси подчиненному. — Он работает по собственной схеме, и я не хочу, чтобы вы путались друг у друга под ногами. Пусть все будет просто и ясно, и пусть каждый знает, что делает другой.

— Я буду держать его в курсе, — пообещал Романо, испытывая некоторое раздражение. — Я всегда так делаю. Но вы знаете, как Сильвестри относится к тому, чем я занимаюсь. Он старомоден, как граппа, и считает, что электронике самое место лишь на полках магазинов «Радиошэк». И переубедить его не в состоянии ничто из того, что я говорю, делаю или демонстрирую ему.

— Решай свои проблемы с ним, а не со мной, — равнодушно отмахнулся Росси. — Для меня главное, чтобы вы действовали слаженно и четко. Я решил убрать этого копа, и мне плевать, сколько человек умрет ради того, чтобы эта цель была достигнута, с его стороны или с моей. Так что призовите на помощь все свои таланты и сделайте работу на совесть.

— А что, если он встанет на моем пути? — спросил Романо. Он учуял возможность не только произвести на босса впечатление, убрав копа, но и использовать ситуацию для собственного возвышения в иерархии каморры. — Я имею в виду Сильвестри.

— Я скажу тебе то же самое, что сказал ему: устраняй любые препятствия и делай дело. Ясно?

— Яснее ясного.

Ло Манто не спеша двигался по оживленной улице района, в котором когда-то жил, созерцая ломящиеся от товаров витрины и заметно изменившиеся с давних пор окрестности. Шла вторая половина изнурительного дня, озадачившего его десятками сложных вопросов, ответов на которые пока не было. Капитан Фернандес и Дженнифер взяли ответственность за произошедшую перестрелку на себя, выдержав атаку сначала со стороны детективов из Вестчестера, которые решили поджарить двух заезжих копов, осмелившихся устроить смертоубийство на их территории, а затем — отбиваясь от охотников за правдой из отдела внутренних расследований из городского управления полиции.

Ло Манто достаточно часто оказывался в ситуациях, которые могли быть разрешены только с применением силы, и знал, что потом, во время разбора полетов, лучше всего «прикинуться шлангом» — либо помалкивать и разводиться руками, либо отвечать коротко и наивно, изображая святую простоту. Они с Дженнифер придерживались заранее обговоренной версии, признавая лишь очевидные факты и избегая любых предположений относительно возможных причин нападения. После того как следователи собрали свои диктофоны и удалились, вполне довольные полученными сведениями, на Дженнифер и Ло Манто обрушился гнев Фернандеса.

— Ладно, от этих придурков вы отвернулись, и они сожрали всю ту брехню, которой вы их попотчевали, — прорычал он, допивая четвертую за последний час чашку черного кофе, — но теперь выкладывайте всю правду! Если я услышу хоть слово вранья, — обратился он к Ло Манто, — я лично отвезу тебя в аэропорт Кеннеди и дам на прощанье коленом под зад.

— Ты еще не получил данные на стрелков? — спросил Ло Манто. — Хотелось бы все же знать, кто подослал ко мне убийц.

— Водитель был не из местных, — сообщил Фернандес, — и мечтал о том, чтобы стать полноправным бойцом каморры. Он взялся выполнить работу, которая, как выяснилось, оказалась ему не по силам. Но если бы ему все же удалось ликвидировать тебя, это могло бы произвести благоприятное впечатление на боссов, и он оказался бы в игре.

— От кого поступил заказ? — осведомилась Дженнифер.

— Это могла сделать любая из ветвей каморры. Сто процентов дать не могу, но готов поспорить, что тут не обошлось без Росси, поскольку последняя работа Джана в Неаполе обошлась ему в кругленькую сумму.

— А о моей племяннице до сих пор никаких известий? — спросил Ло Манто.

— О ней нам пока ничего не известно. Ночью возле шоссе на Нью-Джерси были найдены мертвыми парочка сбежавших из дома подростков, но, судя по описанию, ее среди них нет. Я бросил на поиски девочки всех своих свободных людей, так что не волнуйся, рано или поздно мы ее найдем.

— А что теперь? — спросила Дженнифер, сидя напротив капитана и сложив руки на коленях. Она походила скорее на девочку-школьницу, нежели на закаленного в уличных баталиях полицейского. — Я имею в виду, что делать нам с Ло Манто?

— Это зависит от обстоятельств, — почесал в затылке Фернандес. — В частности, от того, насколько откровенно вы расскажете мне о том, что произошло. От того, посвятит ли меня Джан в то, что ему известно, и что он собирается предпринять. А еще от того, хочешь

ли ты, Дженнифер, и дальше участвовать во всем этом. Возможно, для твоей карьеры — а то и жизни — будет лучше, если ты сейчас отвалишь в сторону. Если ты примешь такое решение, я возражать не стану.

— Сегодня прозвучали выстрелы, — заговорила Дженнифер, переводя взгляд с Ло Манто на капитана, — и я не отвалою, как вы выражаетесь, пока не узнаю, во-первых, с какой стати мне пришлось отправить человека в реанимацию, а во-вторых, почему он хотел отправить меня в морг.

Капитан Фернандес сидел, упершись ногой в край стола и закинув руки за голову.

— Что ж, теперь слово за тобой, Джан, — сказал он. — Просвети нас, темных.

— Я от вас ничего не скрываю, поскольку знаю не больше вашего, — ответил Ло Манто, повернувшись спиной к Дженнифер и капитану и глядя на комнату детективов, где, как обычно, царила кипучая деятельность. — Если бы у меня было что скрывать, я бы не приехал сюда в поисках ответов. Да, я догадываюсь о том, кто стоит за исчезновением Паулы и сегодняшней пальбой, но это всего лишь предположения, но никак не уверенность.

— Ты хочешь убедить меня в том, что не имеешь ни малейшего представления, почему эти двое решили пригвоздить тебя к бетонной стенке после сытного обеда? — недоверчиво переспросил Фернандес. — Не надо вешать мне лапшу на уши, Джан, я на это не куплюсь.

— Я знаю, что это — каморра, — передернув плечами, ответил Ло Манто. — Знаешь об этом и ты, да и Дженнифер очень быстро во всем разобралась. Но это не приближает нас к решению проблемы. Мы всего лишь знаем, на чьей территории играем. Кроме того, кому, черт возьми, могла понадобиться смерть полицейского из Неаполя!

— В таком случае они должны были знать о том, что ты собираешься в Нью-Йорк, — сказал Фернандес. — На то, чтобы найти киллеров, разработать план убийства и привести его в действие, требуется время, такие вещи не делаются за один день. А это означает, что они начали строить планы твоего устранения еще до того, как ты сел в самолет. Их кто-то поставил в известность.

— Следовательно, им было известно и о том, *зачем* я прилетаю, — подчеркнул Ло Манто, — и, следовательно, мою племянницу можно вычеркнуть из списка добровольно сбежавших из дома.

— И в какую же категорию ты предлагаешь ее внести? — осведомилась Дженнифер.

— Она у них, — решительно ответил Ло Манто, — как и предполагал Бартони.

— Мне следует запомнить это имя? — спросила Дженнифер.

— Только если мы сойдемся поближе, — ответил Ло Манто.

— Вам понадобится помощь, — сказал Фернандес. — Я позвоню Джейкобсу и Ривере. Самая лучшая молодая команда из отдела по раскрытию убийств.

Ло Манто перехватил разочарованный взгляд Дженнифер. Ее губы сложились в куриную гузку, нижняя челюсть выдвинулась вперед, а в глазах вспыхнула злость.

— Я не могу указывать тебе, что делать, — проговорил Ло Манто, обращаясь к Фернандесу, — поскольку это твой кабинет, капитанские нашивки — на твоем кителе, и я уважаю это. Но прошу тебя как друга: оставь все как есть нам с Дженнифер. Она знает улицы, я — врага, а больше нам ничего и не нужно. Два новых копа, как бы хороши они ни были, могут стать причиной новых проблем, а нам их и без того хватает.

— Ты тоже так считаешь? — обратился Фернандес к Дженнифер.

— Да, сэр.

— Еще совсем недавно ты едва не растерзала меня за то, что я поручил тебе это задание,

а сейчас вы двое стали ближе, чем Люси и Рики^[13]. Поразительно, как может подействовать на людей сытный обед и хорошая перестрелка!

— Я хочу помочь найти девочку, — ответила Дженнифер, не сводя с шефа холодного взгляда. — И тех, кто ее похитил.

Фернандес откинулся на спинку стула и отвел взгляд от двух детективов. Несколько минут он молчал, погруженный в свои мысли, а Дженнифер и Ло Манто оставалось только ждать, когда капитан соизволит снова обратить на них внимание. Наконец он заговорил:

— Я прикрою вас обоих, но только в меру своих возможностей. Если трупы станут сыпаться, как кокосы с пальмы, и высшее начальство посадит меня на жаровню, мне придется поступить в соответствии с существующими правилами. И это лучшее, что я могу вам предложить как капитан и как друг.

— Принимается, — ответил Ло Манто.

* * *

Ло Манто сидел спиной к окну с чашкой эспрессо в правой руке и озирали внутренности обшарпанного магазинчика Дельгардо.

— Похоже, здесь не делали ремонт с тех пор, как я был мальчишкой, — сказал он. — Тогда стены были желтыми, и сейчас они желтые.

— Я покрашу их тогда, когда они будут нуждаться в покраске, и ни днем раньше, — ответил Кармине Дельгардо. — Сикстинская капелла Микеланджело тоже старенькая, но никто не додумался до того, чтобы взять пару галлонов краски «Бенджамин Мур» и освежить штукатурку, закрасив древнюю мазю. Так и я.

— Вот уж не знал, что окажусь на святой земле, — проговорил Ло Манто, сделав глоток кофе, — а то оделся бы подобающим образом.

Дельгардо поставил на выдавший виды проигрыватель виниловую пластинку «Сьюпримз»^[14], осторожно опустил звукосниматель на потертую черную поверхность, и помещение наполнил чарующий голос Дайаны Росс.

— Ты находишься в городе всего пару дней, и, как мне рассказали, кто-то уже попытался тебя грохнуть. Или я что-то перепутал?

— Что тебе еще рассказали? — осведомился Ло Манто, ставя пустую чашку на стол.

— Много чего, — уклончиво ответил Дельгардо. — По слухам, в твою сторону сейчас направлено столько стволов, что для меня было бы безопаснее сидеть на электрическом стуле, чем за одним столиком с тобой.

— А про мою племянницу что-нибудь слышал?

— Тут идет какая-то странная игра. Ее похитила каморра, сделав так, что об этом узнала вся округа. Они используют ее в качестве чучела кролика на собачьих бегах, рассчитывая, что ты придешь за ней. Главное для них — прищучить тебя, и ради этого они готовы на все.

— А как, по-твоему, должен поступить я? — осведомился Ло Манто, сунув в рот шарик жевательной резинки.

Дельгардо прошелся по скрипучему полу своей кондитерской лавочки. Это был высокий человек с густой копной седых волос и аккуратно подстриженной бородкой. На нем была просторная светлая рубашка с короткими рукавами и брюки с такими острыми стрелками,

что о них можно было порезаться. Синие глаза, белая кожа, татуировка змеи, ползущей вниз по правой руке... Это был красивый и уверенный в себе мужчина, проживший всю жизнь по законам, которые пишутся не на Капитолийском холме, а в темных коридорах преступного мира. Он доверял только тем, кого знал, и знал, что, когда не помогают слова, может помочь пуля.

— Мое мнение значения не имеет, — ответил Дельгардо. — Ты уже принял решение, иначе сейчас ты бы здесь не сидел. Ты ведь сюда приперся не потому, что соскучился по моей тощей заднице, а жвачка и в Италии есть. Значит, вопрос в другом: кто в этой игре за тебя, а кто — против?

— Они к тебе приходили?

— Весь мой бизнес так или иначе связан с каморрой, — ушел от прямого ответа Дельгардо. — Нравлюсь я им или не нравлюсь, это дело десятое. Главное — бабки.

— После того, как я начну действовать, они вполне могут нагряться к тебе и поинтересоваться, что тебе известно, — предупредил собеседника Ло Манто. — Я постараюсь держаться от тебя подальше, но ветераны каморры могут знать, что мы с тобой раньше общались.

— Это мои проблемы, — беззаботно отмахнулся Дельгардо. — Я не принадлежу к каморре, я всего лишь делаю с ней бизнес. Нам и раньше приходилось бодаться, но я, как видишь, жив и здоров. Пусть приходят и спрашивают все, что угодно. Может, им понравится то, что они услышат, а может, они разозлятся. В любом случае это не испортит мне сон.

— Мне нужно кое-какое оборудование и кое-какие припасы, чтобы оно нормально работало. Не беспокойся, что бы со мной ни случилось, тебе заплатят.

— Насчет денег я и не беспокоюсь, — ответил Дельгардо. — Мы с тобой не первый год знакомы. Но в качестве аванса выслушай добрый совет.

— Всегда рад послушать умного человека.

— Ты сейчас находишься в Нью-Йорке и готов ввязаться в игру, все правила которой тебе неизвестны. Ты не в старом добром Неаполе, где знаешь всех игроков, носят ли они полицейский значок или нет, знаешь, кому верить, а кого опасаться. Ты отсутствовал много лет, а несколько дерьмовых командировок в Нью-Йорк — не в счет. Ты должен понимать это лучше меня. Поэтому сейчас ты, как Стиви Уандер, будешь двигаться вслепую.

— Тебе только детям перед сном сказки рассказывать, — проговорил Ло Манто. — Они после этого неделю не уснут. Мог бы хоть пошутить, прежде чем сообщать пациенту, что он скоро помрет.

— Сейчас не время для телячьих нежностей, — даже не улыбнувшись, ответил Дельгардо. — Ты доставил этим людям много неприятностей, и им не терпится поквитаться. Поверь моему опыту: коли они в кого-то прицелились, то непременно нажмут на курок, особенно в том случае, если сильно разозлились. Ты — классный коп, иначе я уже много лет назад присутствовал бы на твоих похоронах. Но ты всегда ввязываешься в драку один, но сейчас как раз тот случай, когда эта дурная привычка может выйти тебе боком.

— На сей раз у меня есть напарник, — лаконично сообщил Ло Манто, не желая вдаваться в детали.

— Лучше бы твой партнером был чертов робот из «Терминатора», который умеет жрать пули. Все остальные тебе мало чем помогут.

Ло Манто вытащил из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул его Дельгардо.

— Это список того, что мне нужно, — сказал он. — Если решишь, что я что-то упустил, добавь по своему усмотрению.

Дельгардо развернул листок и прочитал написанный аккуратным почерком список.

— Первые три пункта я могу раздобыть уже сегодня к вечеру, — пробормотал он. — Следующие три — завтра после полудня. Насчет последних двух нужно подумать. Если повезет, сможешь получить их послезавтра. Если, конечно, еще будешь жив.

Ло Манто открыл скрипучую дверь магазина.

— Уж я постараюсь, — бросил он напоследок через плечо. — Хотя бы для того, чтобы ты, старый хрыч, не радовался.

* * *

Ло Манто шел по Восточной 238-й улице, направляясь к квартире на первом этаже дома по Бойд-авеню, когда начался проливной дождь. Он поднял воротник своей тонкой кожаной куртки и продолжал шагать мимо витрин и подъездов. Грянул гром, сверкнула молния, ливень хлынул еще сильнее, и Ло Манто юркнул в первую попавшуюся открытую дверь, располагавшуюся между закрытой пиццерией и магазинчиком дамского белья. Он прислонился к ряду почтовых ящиков и смахнул воду с волос. Домофон, судя по всему, давно не работал, и дверь в главный вестибюль была отперта. Ло Манто распахнул ее и медленно вошел внутрь. В вестибюле царил сумрак, и единственная слабая лампочка, горевшая в дальнем конце холла, не могла разогнать его.

Ло Манто дошел до лестницы, ведущей на второй этаж, присел на растрескавшийся цемент и стал разглядывать выцветший цветочный орнамент, окаймлявший пол вестибюля. Откинув голову назад, он сделал глубокий вдох, впитывая шорохи и запахи здания. Звуки, доносившиеся из тесных, перенаселенных квартир, представляли собой приглушенную смесь разговоров и бормотания телевизоров, перед которыми замерли жильцы, загипнотизированные телеиграми и нескончаемыми ток-шоу. В этот час дома могли сидеть только пенсионеры, безработные или те, кто собирался на работу во вторую смену.

Волосы Ло Манто были мокрыми, и капли дождевой воды падали ему за воротник. Он прислонился головой к стене и закрыл глаза. Он устал, замерз и хотел есть, но, несмотря на все это, его мозг безостановочно работал, анализируя сложившуюся ситуацию и пытаясь составить мало-мальски приемлемый план действий. Очевидно, что теперь ход за ним и медлить нельзя.

Первым делом нужно как можно быстрее и незаметнее собрать на улицах необходимую информацию и затем нанести удар по одной из важных точек каморры: подпольному тотализатору или какому-нибудь развлекательному клубу, в котором за одну ночь реализуется половина недельного оборота наркотиков. Это, с одной стороны, станет компенсацией морального ущерба за покушение на его жизнь, а с другой стороны, даст понять каморре, что он не собирается паковать чемоданы и возвращаться восвояси. Одновременно с этим нужно было выяснить, какая именно из ячеек каморры похитила его племянницу и где теперь Паула может находиться. Ло Манто все еще полагал, что девочке была отведена роль приманки, предназначенной для того, чтобы вытащить его в Нью-Йорк, где он окажется безоружным, но теперь в его душу вползла холодная змея сомнений. Почему похитители до сих пор не вступили с ним в контакт? Все это говорило об одном: теперь Ло

Манто не имеет права на ошибку.

Он открыл глаза, и тут до его слуха донесся звук шагов и шорох одежды. Кто-то спускался с верхнего этажа. Итальянец продолжал сидеть неподвижно, но его тело было готово к действиям. Повернув голову влево, он увиделдвигающуюся и увеличивающуюся в размерах тень на стене. Вот она остановилась, согнулась, стала подбирать тени каких-то предметов и складывать их в тень мешка. Затем тень выпрямилась и продолжила спускаться по лестнице, а через несколько секунд Ло Манто увидел мальчика лет пятнадцати с пластиковым пакетом, перекинутым через плечо. Низко склонив голову, он направлялся к двери подъезда и был полон решимости выйти под немилосердно хлещущий на улице дождь.

— Если подождешь минут двадцать, потом не придется сушиться, — проговорил Ло Манто в спину парню. — А если выйдешь на улицу прямо сейчас, промокнешь, как водяная крыса.

Фелипе Лопес повернулся и посмотрел на мужчину, сидящего на ступеньках лестницы. Лицо его было Фелипе незнакомо, на жителя этого дома он тоже не походил, хотя по одежде и повадкам, бесспорно, напоминал местного. Он сидел с равнодушным лицом и в расслабленной позе — так, как если бы находился у себя дома.

— Так ведь я же промокну, а не ты, — пожал плечами, ответил Фелипе. — Чего ж тебе беспокоиться!

— Эдуардо там где обычно? — спросил Ло Манто, не обращая внимания на вызов, прозвучавший в голосе мальчика. — Возле химчистки на 241-й улице?

— А куда ж ему деваться! — ответил Фелипе. — Там всегда полным-полно народу. Даже те, кто переехал в другой район, приезжают по субботам, чтобы получить еду.

— Что ж, если еду по-прежнему готовит Ида, она стоит того, чтобы израсходовать на поездку бак бензина, — откликнулся Ло Манто. Упершись руками в колени, он встал. Мальчик заметно напрягся, ожидая следующего движения незнакомца. — Еда там лучше, чем в любом ресторане в Италии.

— Я этого не знал, — сказал Фелипе. — Никогда там не обедал.

— Почему? — спросил Ло Манто, потянувшись, чтобы размять затекшие мышцы. — Не любишь итальянскую кухню?

— Денег нет, — пояснил Фелипе, — а в этом месте принято платить за жратву.

— Сейчас есть хочешь?

— Я всегда есть хочу.

— Мне вдруг захотелось фаршированных моллюсков или чего-нибудь в этом роде, — неожиданно заявил Ло Манто, — а есть в одиночку я не люблю. Не составишь мне компанию?

— Вообще-то я обычно не обедаю с незнакомыми людьми, — сказал Фелипе.

— Я тоже, — откликнулся Ло Манто, открывая дверь и пропуская мальчика вперед. — Незнакомцам нельзя доверять. А теперь нам предстоит преодолеть добрых семь кварталов под дождем, значит, придется бежать. Кто добежит первым, занимает столик и заказывает вино. Если первым каким-то чудом окажешься ты, закажи красное, и непременно «Брунелло».

— А что, если я прибегу первым, закажу вино, а ты там и не покажешься? — спросил Фелипе, выходя в маленький вестибюль и глядя на Ло Манто. Дождевые струи колотили по асфальту с такой неистовой силой, что выходить под них было просто страшно.

— Если это случится, ты поймешь.

— Пойму — что?

— Что я — один из тех незнакомцев, которым нельзя доверять, — ответил Ло Манто, улыбнулся мальчику и кинулся бежать по тротуару.

Они сидели за столиком уже больше часа. Ло Манто наслаждался мешаниной из поджаренных на гриле креветок, кальмаров, морских гребешков, угря и мидий с большим помидором и салатом из красного лука в качестве гарнира, а Фелипе смаковал стейк в чесночном соусе с пюре и маринованными баклажанами. По дороге сюда они буквально пробивались сквозь стену дождя, перепрыгивая через большие лужи и прижимаясь к стенам, когда мимо проезжали машины, обдавая тротуар каскадами воды из-под колес. Свои насквозь промокшие куртки они отдали молоденькой девушке-гардеробщице с длинными, ярко накрашенными ногтями, темными вьющимися волосами и милой улыбкой, а затем их проводил к столику величественного вида метрдотель в смокинге, знавшем лучшие времена. В ресторане царила тишина, и за немногочисленными занятыми столиками сидели в основном пожилые посетители, пришедшие сюда не столько поесть, сколько погреться.

Ло Манто заказал блюда для них обоих, обращаясь к седовласому высокому официанту, который аккуратно записал все их пожелания, высказал свое мнение по поводу выбора вина и улыбнулся, когда мальчик попросил первым делом принести ему кока-колу без льда. Затем они молча дожидались, когда им принесут антипасту — набор закусок, состоящий из кусочков салями, вяленого окорока, сопрессаты из осьминогов и множества сортов сыра. Наполнив тарелку закусками, Ло Манто залил все это разнообразие оливковым маслом, не скупясь, посыпал все это красным перцем и отвернулся в сторону, когда мальчик сделал то же самое.

Фелипе заговорил только после того, как допил второй стакан кока-колы и дочиста вытер хлебом тарелку.

— Ты не здешний, — сказал он, — но ведешь себя как местный. В чем тут дело?

— Я жил здесь когда-то, — ответил Ло Манто, — и уехал примерно в твоём возрасте, когда мама вместе со мной и моей сестрой решила переехать в Италию. А вот теперь я вернулся.

— Повидаться с семьей? — уточнил Фелипе.

— Нет, — ответил Ло Манто, доедая последнюю закуску и вновь наполняя бокал вином, — вся моя семья в Неаполе, а здесь у меня несколько друзей и столько врагов, что ими можно наполнить весь этот ресторан.

— Ты поэтому пригласил меня пообедать? — спросил Фелипе.

— Не совсем, — улыбнулся Ло Манто. — Просто приятно видеть напротив себя дружелюбное лицо. От этого даже еда кажется вкуснее.

— Вкуснее всего она, наверное, все же в Италии? По крайней мере, я читал об этом в книгах и слышал от семьи Гвидо, которая живет неподалеку отсюда. Кроме того, там у тебя семья и друзья, так что всегда есть с кем пообедать, не так ли?

— Да, — кивнул Ло Манто, глянув мимо мальчика, на молодую парочку, сидевшую в дальнем конце ресторана под репродукцией Неаполитанского залива и иступленно целовавшуюся.

— Зачем же тогда было приезжать в Нью-Йорк?

Хочешь вернуть себе свою бывшую квартиру или что-то в этом роде?

— Я приехал по работе.

— Что же это за работа такая, — не понял Фелипе, — которая заставляет постоянно

болтаться через океан? Разве что за нее платят кучу денег?

Ло Манто засмеялся, тряхнул мокрыми волосами и сделал большой глоток вина.

— И из этого ты делаешь вывод, что я дьявольски богат? — спросил он. — Богаче Дональда Трампа?

— На тебе кожаная куртка, дорогая рубашка и джинсы. Дональд Трамп вполне мог бы так одеваться.

— Думаю, он одевается получше, — сказал Ло Манто, откинувшись на спинку стула, чтобы подошедший официант мог поставить перед ним тарелку с дымящейся пастой-спагетти в томатном соусе с говяжьим и свиным фаршем. — Но он не может уехать из Нью-Йорка даже на выходные, а я могу.

Фелипе положил вилку на край своей тарелки с пастой под соусом маринаре и, упершись ладонями в край стола, отодвинулся от него на несколько дюймов. Он пристально смотрел на Ло Манто, и в его широко открытых глазах уже не было прежней доверчивости.

— Ты — коп? — спросил мальчик внезапно севшим голосом.

Ло Манто кивнул с непроницаемым лицом, сунув в рот очередную порцию пасты.

— Правда, не здешний, — прожевав, добавил он, — а вот у себя в Неаполе я занимаюсь в основном делами, связанными с убийствами и наркотиками. Так что, если ты не убийца и не наркобарон, то можешь расслабиться и лопать дальше. Я обычно стараюсь не арестовывать тех, кто со мной обедает.

— А после обеда? — опасливо спросил Фелипе.

— Я думал, мы с тобой прогуляемся и потолкуем, — ответил Ло Манто. — Надо переварить еду, да и получше познакомиться не помешает.

— Не стоит тратить время на то, чтобы поближе со мной знакомиться, — быстро проговорил Фелипе, беря вилку и снова приступая к еде. Похоже, напряжение постепенно оставляло его. — Я стараюсь держаться от копов подальше, из какой бы страны они ни были.

— Прекрасно тебя понимаю, — ответил Ло Манто, ломая пополам большой кусок теплого хлеба. — К людям нужно подходить с разбором, а к полицейским — тем более. Поглядим, как у нас с тобой сложится. Если к концу прогулки ты решишь сказать мне «прощай», я на тебя не обижусь, а если это решу сделать я, ты тоже не взыщи.

— Что у тебя на уме? — спросил Фелипе. Помимо всего прочего, он был еще и крайне любопытен, а обедать с копом ему не приходилось еще ни разу в жизни. Ло Манто был ему симпатичен, и, не обращая внимания на внутренний голос, который по привычке требовал от него убраться подобру-поздорову, Фелипе расслабился, как советовал ему новый знакомец, и получал удовольствие от приятной компании. Если не считать того, что он был копом, этот мужчина ничем не отличался от остальных знакомых Фелипе, разве что блюда заказывал самые дорогие.

— Я долго отсутствовал, — заговорил Ло Манто. — Кое-что осталось прежним, но многое поменялось с тех пор, когда мне было столько же лет, сколько сейчас тебе. Если бы у меня было достаточно времени, то я, наверное, сумел бы разобраться с этим самостоятельно, но в том-то все и дело, что времени у меня в обрез, поэтому мне не помешает дополнительная пара зорких глаз, кто-то, кто ответит мне на внезапно возникший вопрос и поможет разобраться в местных тонкостях.

— Если тебе нужен стукач, то на меня можешь не рассчитывать, — набычился Фелипе. — Я такими вещами не занимаюсь. Кроме того, показать здесь на кого-то

пальцем — это то же самое, что подписать себе смертный приговор.

— Я и не прошу тебя этого делать, — ответил Ло Манто. — Стукач мне не нужен. Этого добра у меня хватает.

— А кто же тогда тебе нужен? — озадаченно спросил мальчик.

— Союзник.

Сидя за рулем «Крайслера», Дженнифер потягивала из пластикового стаканчика фраппачино «Старбакс» — кофе с колотым льдом. Окно с ее стороны было опущено, двигатель негромко урчал. На пассажирском сиденье расположился Ло Манто. Он читал спортивный раздел итальянской газеты, поставив стаканчик с горячим кофе на приборный щиток. День обещал быть жарким и душным, но сейчас, ранним утром, воздух был прохладным и свежим. Витрины были еще закрыты металлическими ставнями, и лишь несколько лавочников поливали из шлангов тротуар перед своими магазинами, сосредоточенно наблюдая за тем, как грязь и мусор, крутясь в потоке воды, пропадают в полукруглых канализационных решетках.

— О чем вы говорили с Фернандесом после того, как я ушла? — спросила Дженнифер, ставя стаканчик с кофе в углубление под радио. — И не увиливай от ответа. Я хочу знать правду, пусть даже горькую. Я думаю, что после вчерашнего я это заслужила.

Ло Манто отложил газету и взял кофе. Сделав несколько глотков, он снова поставил стаканчик на приборную доску и повернулся к Дженнифер.

— Он пытался решить, годишься ли ты для этого задания или нет, и поэтому анализировал твои сильные и слабые стороны.

— И каков вывод? Подхожу я или нет?

— Ты же здесь, — развел руками Ло Манто, — и по-прежнему в игре, а все остальное не имеет значения. По крайней мере сейчас.

— Отправляясь на задание — на любое задание, — полицейский должен быть совершенно уверен в своем напарнике, — пояснила Дженнифер. — Поэтому мне нужно знать, хочешь ли ты, чтобы я находилась в эти дни рядом с тобой, или попытаешься сбить меня с рук при первой же возможности.

— Мне в данной ситуации нужен только я сам, и дело вовсе не в том, считаю я тебя хорошим копом или нет. Просто это дело касается только меня, и мне не хочется, чтобы пострадал кто-то еще. Это моя война. В Неаполе я веду ее каждый день и привык делать это один.

— Фернандес больше не предлагал подключить вместо меня двух этих клоунов из убойного отдела — Джейкобса и Риверу?

— Их кандидатуры даже не обсуждались, — мотнул головой Ло Манто. — Предложи он мне в напарники самого Франка Серпицио, если бы тому надоело сидеть на пенсии, я бы и то отказался. Говорю же тебе, я привык работать в одиночку, и тут ни при чем конкретные люди — ты или кто-то другой.

— Но он отказал тебе? — спросила Дженнифер, повысив голос, чтобы перекричать шум проехавшего мимо автобуса.

— Он сказал: «Либо — напарник, либо — обратный билет до Неаполя», — сообщил Ло Манто. — Но уехать домой я пока не могу.

— Значит, мы обречены работать вместе, — подвела итог Дженнифер, — как бы противно ни было нам обоим.

— Ты мне вовсе не противна, — возразил Ло Манто, глядя на ее лицо без малейших признаков косметики, светлые глаза и красиво очерченные губы, готовые в любой момент либо улыбнуться, либо гневно сжаться в узкую полоску. — Даже наоборот, особенно после

вчерашней передраги. Тем более я не хочу, чтобы ты пострадала из-за моих проблем, которые не имеют к тебе никакого отношения. Теперь уже речь не идет о том, чтобы «нянчиться с копом-макаронником». Предстоит схватка с преступной «семьей».

Дженнифер глубоко вздохнула и посмотрела в открытое окно.

— Когда начнем? — спросила она, посмотрев на Ло Манто.

Итальянец указал на маленький цветочный магазин, втиснувшийся между солярием и баром.

— Сразу же после того, как цветочник откроет свою лавку, — ответил он.

* * *

Остановившись с центре магазина, Дженнифер наклонилась, чтобы понюхать гардению, росшую в цветочном горшке. Мужчина за прилавком оторвался от кипы бумаг, поглядел на раннюю посетительницу поверх очков и улыбнулся.

— Могу я вам чем-то помочь? — спросил он.

— Я только что привезла домой из больницы старую тетушку, — принялась фантазировать Дженнифер. — Она очень любит цветы, вот я и ищу что-нибудь, чтобы порадовать старушку.

— Она ходячая или прикована к постели? — уточнил продавец.

— А разве это имеет значение? — удивилась Дженнифер. — Ведь речь идет всего лишь о цветке.

— Не скажите! За цветком нужно ухаживать: поливать, подкармливать, — тоном школьного учителя начал рассказывать мужчина. — Если ваша тетя не в состоянии это делать, то и растение ей покупать не имеет смысла. Все равно оно очень скоро погибнет.

Дженнифер отошла от гардении и приблизилась к прилавку. Мужчина снял очки и отодвинул в сторону бумаги. Он был высок и крепко сложен, с густыми каштановыми волосами, небольшим шрамом под нижней губой и белоснежными, словно только что покрашенная стена, зубами.

— В таком случае я возьму дюжину роз, — сказала Дженнифер. — Желтых, если можно. Пусть в квартире будет хоть что-то, что умрет раньше моей тетушки.

— Вот теперь вы размышляете здраво, — проговорил мужчина, и его тонкие усики искривились в улыбке.

— Едва ли, — вздохнула Дженнифер, — поскольку тогда я купила бы цветок в горшке. Он нанес бы меньший урон моей кредитной карточке.

— На родственниках нельзя экономить, мисс, — заметил продавец.

— Можно, — отрезала Дженнифер. — Если это моя тетя.

Мужчина вышел из-за прилавка и, слегка прихрамывая, подошел к стеклянному ящику с охлажденным воздухом, в котором хранились свежие цветы.

— Я выберу для вас лучшие, — сказал он, — такие красивые, что при взгляде на них улыбка появится даже на самом грустном лице.

Дженнифер оперлась локтями о прилавок и оглядела магазин.

— Вы работаете здесь один? — спросила она, глядя, как продавец сдвинул в сторону стеклянную дверь и вынул из шкафа большое пластиковое ведро с нераспустившимися желтыми розами. Услышав вопрос, он на секунду замер, повернулся к ней и спросил

внезапно затвердевшим голосом:

— А это имеет значение?

— Да нет, — невинным тоном ответила Дженнифер, чувствуя, как напрягся продавец. — Я просто так спросила, для поддержания беседы. Не надо меня за это убивать, хорошо?

— Если вам хочется поговорить, мы можем обсудить погоду. Для двухминутной беседы эта тема подойдет как нельзя лучше.

— Могу я заказать доставку этих цветов? — осведомилась Дженнифер. — Моя тетя живет недалеко, всего в нескольких кварталах отсюда.

— Если вашу тетю, как вы говорите, только что привезли домой из больницы, возможно, она была бы рада увидеть и ваше милое личико вместе с этими цветами? — предположил мужчина, возвращаясь к прилавку с дюжиной желтых роз, длинные стебли которых покоились на сгибе его правой руки.

— Сегодня я выхожу на новую работу, — сказала Дженнифер, — и не хотела бы опаздывать в первый же день. Тетя всю свою жизнь делала карьеру, она поймет.

Мужчина кивнул и положил цветы на прилавок. Затем он достал из-под прилавка рулон прозрачного упаковочного целлофана, ножницы и положил их рядом.

— Вон там, — мотнул он головой, — поздравительные открытки. Выберите ту, которая вам понравится, напишите на ней какие-нибудь приятные слова, и я прикреплю ее к цветам.

Дженнифер подошла к стеклянному стенду с открытками и взяла ту, на которой было изображено улыбающееся лицо ангела. Написав на ней свое имя, она засунула открытку в небольшой конвертик и передала продавцу. Взяв конверт, мужчина прикрепил его степлером к целлофану, которым уже успел обернуть розы.

— Цветы будут доставлены от пяти до шести часов вечера, — проговорил он, — если, как вы говорите, она живет неподалеку.

— Да, — закивала головой Дженнифер, — ее дом — чуть дальше по улице, напротив театра «Уэйкфилд», коричневое кирпичное здание с цветочными ящиками на балконах. Квартира — на третьем этаже, фамилия тетушки — Розетта.

— За доставку с вас еще пять долларов, — сообщил продавец. — Сам я не разношу заказы, это делает для меня соседский мальчик-пуэрториканец. Впрочем, в последнее время доставку заказывают не так часто.

— Я понимаю, — согласилась Дженнифер. — Приплюсуйте эту сумму к счету.

— Вместе с доставкой с вас 49 долларов, — сообщил продавец. — Если, конечно, вам больше ничего не нужно.

— Кое-что нужно, — ответила Дженнифер, — но это не будет стоить ни вам, ни мне ни цента.

Мужчина поправил очки и посмотрел на посетительницу холодным немигающим взглядом.

— И что же это? — спросил он.

— Мне нужно, чтобы вы опустились на пол и заложили руки за спину, — проговорила Дженнифер, распахнув полу куртки и продемонстрировав продавцу кобуру с пистолетом. — Пожалуйста, — нарочито вежливо добавила она.

Мужчина стоял с прямой спиной, положив руки на прилавок. От его былой учтивости не осталось и следа. Теперь взгляд его темных глаз был тяжел и мрачен.

— Я допускаю, что многие владельцы магазинов, которые вы грабите, отдадут вам все,

что вы хотите, и еще радуются тому, что остались живы, — сказал он, — но я не из таких.

— Для цветочника вы весьма решительны, — проговорила Дженнифер. — А теперь ложитесь на пол, как я вам велела!

— А если не лягу? — с вызовом спросил мужчина. — Что вы со мной сделаете?

Несколько секунд Дженнифер молча смотрела на него, затем глубоко вздохнула и попросила:

— Назовите мне свое имя.

— Это важно? — вопросом на вопрос ответил он.

— Очень, — подтвердила Дженнифер.

— Джордж, — сказал продавец. — Джордж Пальмеро.

— Вам лет шестьдесят или чуть больше? — предположила Дженнифер, подходя к прилавку. — Я угадала?

— Почти, — ответил мужчина, слегка передернув плечами.

— Вот теперь я снова попрошу вас — по-хорошему, — сказала Дженнифер. — Так, как я обратилась бы к любому ровеснику моего отца, включая и его самого. Опуститесь на пол, Джордж, и заложите руки за спину.

— А если я откажусь? — нисколько не спасовав, повторил свой вопрос Джордж.

— Тогда я в вас выстрелю, и вы упадете, — как только могла спокойно ответила Дженнифер, однако в голосе ее прозвучало напряжение.

Джордж медленно убрал руки с прилавка, завел их за спину, а затем опустился на колени и, свесив голову на грудь, стал смотреть на обшарпанный деревянный пол. Дженнифер обошла прилавок и встала над мужчиной, держа в руке наручники.

— Ты не проживешь достаточно долго, чтобы потратить деньги, которые возьмешь в кассе, — пригрозил он.

— А мне твои деньги не нужны, — отрезала женщина, двумя быстрыми движениями защелкнув наручники на его запястьях. — И цветы тоже.

— Что же тебе нужно? — недоуменно спросил пожилой человек.

Дженнифер опустила глаза и, встретившись взглядом с мужчиной, широко улыбнулась.

— Весь твой чертов магазин.

* * *

Ло Манто взобрался по красной кирпичной стене и спрыгнул с другой стороны, оказавшись позади цветочного магазина, черный ход которого был заперт на засов. Он оглянулся, осмотрев темный узкий переулок, заваленный пластиковыми мешками с мусором и пачками старых газет. Окна были закрыты выкрашенными в черный цвет деревянными ставнями. Перешагнув через пустые картонные коробки, Ло Манто подошел к освещенной единственной тусклой лампочкой лестнице, ведущей в подвал. Затем он вытащил из кармана 38-миллиметровый револьвер и стал спускаться навстречу царившему внизу полумраку.

Прижавшись спиной к деревянной стене, Ло Манто наблюдал за тем, как четверо молодых людей укладывают целлофановые пакеты с героином в длинные белые коробки, а сверху кладут свежие, недавно срезанные цветы. Затем они закрывали коробки, перевязывали их цветной бечевкой и грузили в тележки вроде тех, которыми покупатели пользуются в супермаркетах. В комнате находился и пятый мужчина — ниже и гораздо

старше других. Его нос и рот закрывала медицинская маска. Склонившись над столом, похожим на мясницкий, он мерной ложкой раскладывал наркотики в пакеты для сэндвичей. Где-то в глубине комнаты играло радио, и в вязком воздухе подвала плыл страстный голос Лауры Паузини.

Ло Манто прислонился затылком к стене и на несколько секунд закрыл глаза. В течение многих лет он часто наблюдал подобные сцены как в Нью-Йорке, так и в Неаполе, но каждый раз не мог подавить в себе чувство горечи и злость. Этот сырой и душный подвал, как и сотни таких же гадючников, разбросанных между Неаполем и Нью-Йорком, был тем источником, из которого каморра черпала свою темную силу. Наркотики стали первым шагом на пути каморры к богатству. Если бы не наркотики, у нее сейчас не было бы ни одного из многочисленных легальных предприятий — банков, брокерских контор, агентств недвижимости, которые превратили гангстерское сообщество в процветающую и приносящую многомиллиардные доходы империю. Торговля героином являлась фундаментом благосостояния каморры, и, чтобы ослабить ее, было необходимо уменьшить поток наркотиков, ежемесячно приносивший в карманы гангстеров 750 миллионов долларов.

Ло Манто оттолкнулся от деревянной стены и вышел на середину комнаты, направив револьвер на мужчину, стоявшего у мясницкого стола. Увидев его, парни побросали пакеты с героином, подняли руки и отступили на несколько шагов. Глянув на Ло Манто, пожилой понимающе кивнул, бросил на стол ложку и присоединился к своим товарищам. Это были нелегальные иммигранты, и высылки они боялись больше, чем тюрьмы. Они отработывали деньги, которые когда-то одолжили у каморры, в надежде на то, что их рабский труд даст возможность их сыновьям вести более обеспеченную жизнь в процветающей стране. Перед Ло Манто стояли пятеро несчастных с измученными непосильной работой телами и усталыми глазами. Они были такими же жертвами каморры, как те наркоманы, в вены которых попадет героин, который сейчас расфасовывали эти пятеро. Для них Америка никогда не станет благословенной страной равных возможностей. Единственное, что сохранит их память, будут подвалы вроде этого, бесконечные часы и дни, проведенные за работой, посильной разве что мулу, и беспрекословное подчинение приказам неведомой силы, которая распоряжается их судьбами.

Ло Манто заговорил с ними по-итальянски, понимая, что если они и могут объясняться на английском, то наверняка через пень-колоду. Он сказал им, чтобы они уходили через черный ход и ничего не боялись, поскольку он не причинит им вреда. Мужчины стащили резиновые перчатки, грязные передники и бросили все это на пол, а потом, поблагодарив его молчаливыми кивками головы, один за другим двинулись к выходу из подвала. Когда мимо Ло Манто проходил пожилой мужчина, тот остановил его, схватил за руку и повернул ее тыльной стороной вверх. На грубой коже запястья отчетливо виднелась татуировка: ворон, держащий в клюве кинжал.

— *Camorrista?* — спросил он старика.

Тот кивнул головой:

— *Si.*

Взгляд его темных глаз был тяжелым и вызывающим, держался старик, несмотря на свои годы, прямо и бодро.

— Из какой семьи? — спросил Ло Манто по-английски. Этот гангстер, судя по всему, провел в Америке достаточно времени, чтобы выучить язык. — И кому принадлежат

наркотики?

Старик улыбнулся, продемонстрировал два ряда белоснежных вставных зубов.

— Если я скажу тебе хоть слово, я умру, — проговорил он. — Для меня проще молчать и ждать, пока они убьют тебя. А потом я снова вернусь к своей работе.

— Меня зовут Ло Манто, — сказал полицейский, отпуская руку старика. — Я полицейский из Неаполя, и я не имею права арестовать тебя. Я не могу даже приказывать тебе.

— Тогда зачем ты здесь? — спросил старик. — Неужели ты проделал такой путь лишь для того, чтобы умереть? Даже если ты сейчас остановишься, спрячешь оружие и позовешь сюда тех четверых парней, предоставив нам заниматься своим делом, тебя все равно пришьют. В назидание другим, чтобы не путались под ногами.

— Значит, мне нет смысла останавливаться, — заключил Ло Манто. — Ты согласен?

— Я ничего никому не расскажу, — пообещал старый каморрист. — И ребятам велю держать язык за зубами. Но только если ты сейчас же убереешься восвояси.

— А я, наоборот, хочу, чтобы ты все рассказал своим боссам, — заявил Ло Манто. — Все, что ты видел, и то, что увидишь сейчас. И, главное, не забудь мое имя. Чтобы Пит Росси знал, за кем охотиться.

— С чего ты решил, что я знаком с кем-то по имени Росси? — спросил старик, пятясь к выходу.

— Просто сделай, как я говорю.

* * *

Ло Манто прошел мимо пустых коробок, вороха оберточной бумаги и открыл большую деревянную дверь. Перешагнув порог, он очутился в цветочном магазине и приветственно кивнул Дженнифер, которая уже убрала пистолет в кобуру и стояла над Джорджем, скрестив руки на груди.

— Куда ты запропастился? — немного раздраженно спросила она. — Даже непослушные мальчики в это время уже возвращаются домой.

— Встретил старого друга, — пояснил Ло Манто, подойдя к прилавку и опустив взгляд на Джорджа. — А тебе дал возможность завести нового.

— Я не в его вкусе, — ответила Дженнифер. — Ему не нравятся девочки, которые ходят со своими наручниками.

Джордж поднял голову и посмотрел на двух полицейских.

— Веселитесь, — проговорил он, скривив губы в ухмылке. — Развлекайтесь, пока вы живы. Потому что не успеет стемнеть, как вы оба будете мертвы.

— Вот видишь, — сказала Дженнифер. — Я же тебе говорила. Такого в хорошую компанию не приведешь, если только твои друзья не копы. Впрочем, им он тоже не понравится.

Ло Манто наклонился и рывком поднял Джорджа на ноги. Посмотрев мимо него на дверь, он увидел струйки дыма, просочившиеся через щели из подвала.

— Я собираюсь попросить своего напарника, чтобы она сняла с тебя наручники, — сказал он.

— Первые разумные слова, которые ты произнес с тех пор, как вошел, — ворчливо

произнес хозяин магазина. — Твою жизнь это не спасет, но я хотя бы убедился в том, что ты не совсем законченный кретин.

— Позволь задать тебе один вопрос, умник, — сказал Ло Манто. — Как, по-твоему, долго ли ты проживешь после того, как твои боссы узнают о том, что здесь произошло?

— А здесь ничего не произошло, — ответил Джордж. Сейчас он выглядел уже гораздо увереннее, нежели минуту назад.

— Ошибаешься. Сначала тебя повязала девушка, — стал загибать пальцы Ло Манто. — Потом какой-то мокрый макаронник вошел через черный ход и запалил подвал. Чувешь запах? Одних только цветов погибнет тысяч на тридцать.

Джордж повернул голову и с ужасом уставился на дверь в подвал, из-под которой уже выбивались языки пламени, а затем снова перевел взгляд на Ло Манто. На его лбу выступил пот, нижняя губа дрожала.

— Ты прав, они убьют меня. Но я умру быстро и безболезненно, а вам с девчонкой предстоит помучиться.

— Но разве можно их за это осуждать? — ерническим тоном задал вопрос Ло Манто. — В дым превратилась партия героина на полмиллиона долларов. От такого даже самый мирный из каморристов станет пускать кровавые пузыри.

— Зачем вы все это делаете? — спросил Джордж, выходя следом за Ло Манто и Дженнифер из цветочного магазина, который уже наполнился дымом и огнем. — Если вы ищете смерти, было бы куда проще и безболезненнее прыгнуть с крыши небоскреба.

Ло Манто повернулся лицом к магазину, в котором уже всюду бушевало пламя. От невыносимого жара в безмолвной муке корчились цветы, лопались вазы и стекла. Дженнифер и Джордж прислонились к припаркованной рядом машине. Вокруг их троицы уже стали собираться зеваки, а в отдалении послышалось завывание пожарных машин. Ло Манто посмотрел на Джорджа, который всего за минуту превратился из самоуверенного гангстера в перепуганного старика.

— Скучно умирать в одиночку, — ответил он, отвернулся и пошел к машине без опознавательных знаков, стоявшей чуть дальше по улице.

* * *

Пит Росси направил нос 42-футовой яхты в кипящую белую пену встречной волны, приготовившись к прыжку, который неизменно следовал за таким маневром. Обнаженный по пояс, он стоял за штурвалом на верхней палубе двухъярусного судна, сражаясь с волнами посередине залива Лонг-Айленд. День выдался жарким и влажным, но ветер, поднявшийся сразу после того, как солнце стало клониться к горизонту, остужал кожу и ерошил волосы.

Росси включил нейтральную передачу, уселся во вращающееся кресло и, развернув его на 180 градусов, уставился на Сильвестри. Его взгляд не предвещал ничего хорошего, а тело было напряжено, как у змеи перед прыжком.

— Ты никогда не задумывался о том, откуда Ло Манто узнает, где и когда нанести очередной удар? — задал он вопрос, который, впрочем, не требовал ответа. — Можно подумать, что у него в кармане — карта. Или что ему сообщает об этом таинственный голос, звучащий в его сотовом телефоне.

— Возможно, он завербовал в информаторы одного или двух наших ребят, —

согласился Сильвестри. — Но кто бы они ни были, я не допускаю, чтобы им были известны все наши точки. Эта информация держится в строжайшем секрете. Уличные барыги могут узнать про одну или, если очень повезет, про две точки, но не больше того, и уж тем более не про самые главные из них. наших людей, которым известно про *все* точки, можно сосчитать на пальцах одной руки.

— Во что нам обошелся пожар? — спросил Росси.

— В подвале было порошка на пол миллиона долларов, — сообщил Сильвестри, вытирая пот, выступивший на лбу. — На улицах такая партия ушла бы за два с половиной. Уличные толкачи могут ждать не более двух дней, и за это время, до четверга, мы должны поставить им новую партию.

— Значит, мы попали на три миллиона, — подытожил Росси ледяным голосом, от которого по спине Сильвестри побежали мурашки. — И все из-за того, что один — повторяю, ОДИН! — коп знает, где и когда нанести удар. У него есть осведомитель в моем окружении, и я хочу знать имя этого человека.

— Он наступал нам на хвост и в Нью-Йорке, и в Неаполе, но все наши усилия по поиску его источников среди приближенных к тебе людей не принесли результатов. На мой взгляд, это вообще невозможно.

— Значит, твой взгляд не туда смотрит! — ответил Росси, вставая и принимаясь расхаживать по палубе, слегка покачивающейся от ударов боковых волн. — Этому копу явно нашептывает кто-то из наших, и шептуна нужно найти.

— Я займусь этим сразу же после того, как мы причалим, — пообещал упавшим голосом Сильвестри. Меньше всего ему хотелось браться за заведомо невыполнимое задание.

Организационная структура каморры напоминала собой гигантского кальмара. Каждое из щупалец действовало автономно, но все они были накрепко прикреплены к огромной, находившейся посередине голове. Это давало возможность всем предприятиям, приносившим многомиллионные прибыли, действовать, не опасаясь вмешательства боссов со стороны. Если мафия — итальянский аналог каморры — нередко оказывалась на грани катастрофы только из-за того, что полицейским информаторам было известно все о ее деятельности, то у каморры на протяжении всей ее долгой истории такие провалы случались крайне редко. Каждый ее член, вне зависимости от своего статуса и ранга, знал ровно столько, сколько было необходимо знать для выполнения поставленной перед ним конкретной задачи, и не более того. Благодаря этому вся полнота власти и исчерпывающая информация всегда находились в руках правящего в данный момент крестного отца, а эта публика привыкла никому не доверять. Молчание было главным оружием каморры. Еще никогда и никому из противников не удалось внедрить своего агента в высшие круги организации.

— Что там у нас с девочкой? — спросил Росси. Он выключил моторы, бросил якорь, и теперь яхта покачивалась на волнах в трех милях от побережья Лонг-Айленда.

— Ей удалось добраться до станции метро «Северная», — ответил Сильвестри, вытащив сигарету из полупустой пачки, лежавшей в нагрудном кармане его рубашки. — То ли было слишком поздно, то ли девчонке просто повезло, но у нее никто даже не спросил билет. Наши ребята успели погрузиться в тот же поезд и поехали вместе с ней в центр.

— Она пыталась связаться с дядей? — осведомился Росси, открыв холодильник и достав оттуда запотевшую бутылку воды «Олений парк».

— Пока нет. Провела ночь на скамейке станции «Гранд-Сентрал», а когда начался час пик, встала и принялась ходить по перрону.

— Наши по-прежнему пасут ее? — спросил Росси, сделав три больших глотка и поставив затем бутылку в углубление на ручке кресла.

— Да. Стонут, жалуются, но продолжают пасти.

Они не выпустили ее из виду ни разу с тех пор, как она смылась из дома.

— Пусть все так и остается, — приказал Росси, выдернув незажженную сигарету изо рта Сильвестри и щелчком отправив ее за борт. — И позаботься о том, чтобы, когда мы начнем разбираться с дядей, ее не было поблизости. Я хочу, чтобы закопали копа, а не девочку.

— Ребята прицепились к ней намертво. Куда девчонка, туда и они.

— Пусть они докладывают о своих передвижениях кому-нибудь другому, а ты вплотную займись Ло Манто. Возвращайся к себе и покопайся в его прошлом. Выясни о нем все, что можно, начиная с того момента, как он появился на свет.

— У нас на него и без того исчерпывающее досье, — попытался возразить Сильвестри, — с первого года его обучения в средней школе. Я знаю об этом типе больше, чем о собственной жене.

— И все же мы что-то упустили, — настаивал Росси. — В этой колоде обязательно должна быть карта, которую мы не заметили, уж больно крепко он в нас вцепился. Это может быть связано с тем, что случилось с его отцом. Для некоторых людей это становится причиной, чтобы посвятить всю свою жизнь мести, и, возможно, он один из них. Я думаю, на кону нечто большое, и чем раньше мы выясним, что это такое, тем раньше сможем его прихлопнуть.

— Ты хочешь, чтобы я использовал уже имеющуюся у нас информацию, или начал все с чистого листа? — спросил Сильвестри.

— Поработай над базовыми данными, а затем постарайся взглянуть шире. Этот человек — великолепный коп и никогда не действует вслепую. Но таких — много. Возможно, не такого высокого класса, но близко к этому. Он должен иметь или знать что-то, что дает ему дополнительные преимущества перед всеми остальными, позволяет предвидеть наши действия и узнавать о них еще до того, как мы к ним приступаем.

— Выяснить это будет не так-то просто, — почесал в затылке Сильвестри, — учитывая, что мы даже не знаем, что искать.

— Если бы это было просто, мы бы сейчас об этом не толковали. Тот факт, что нам об этом до сих пор неизвестно, свидетельствует лишь об одном: это «что-то» надежно укрыто от посторонних глаз.

— Я позвоню в Неаполь, — сказал Сильвестри, — и узнаю, можно ли получить какую-то дополнительную информацию оттуда. Возможно, удастся найти там кого-то — другого копа, друга или даже родственника, — кто сообщит нам то, чего мы еще не знаем.

— Насколько близко мы можем подобраться к его семье? — задал вопрос Сильвестри. Подтекст был ясен и страшен.

— Его племянница уже у нас, — сказал Росси. — Если будет нужно нагадить его сестре, то это удобнее всего сделать через ее мужа. Их с Ло Манто не связывают узы кровного родства, поэтому он, возможно, согласится поделиться кое-какой информацией в обмен на то, что ему сообщат о судьбе дочери.

— А что с его матерью? — поинтересовался Сильвестри. — Из Неаполя мне сообщили, что они очень близки. Она предпочитает не распространяться о своей жизни в Нью-Йорке, а

он и не спрашивает. По крайней мере, они хотят, чтобы мы думали именно так. Готов поспорить, старуха знает гораздо больше, чем говорит. Думаю, имеет смысл поближе подобраться и к ней.

— Только сделайте это чисто, — велел Росси, — не напрямую. Вероятно, от ее подруг можно будет узнать не меньше, чем от нее самой. И, главное, чтобы бабка не пронюхала о ваших, гм, изысканиях. Я не хочу, чтобы она настучала об этом своему сынуле.

— В середине недели нам должна поступить новая партия товара, — сообщил Сильвестри. — Можно придержать ее на несколько дней, пока не уляжется шум и не будет решен вопрос с этим копом.

— Как вести бизнес, будем решать мы, а не какой-то там итальянский легавый, вцепившийся нам в хвост, — отрезал Росси, зажмурившись то ли от яркого солнца, то ли от злости. — Кроме того, если ему и впрямь известен каждый наш шаг, он заподозрит неладное. Пусть все идет своим чередом, а ты сделай все, чтобы как можно скорее вырвать у него зубы.

— Он проявляет подозрительное спокойствие в том, что касается судьбы его племянницы, — проговорил Сильвестри, отводя глаза в сторону и наблюдая за брызгами от волн, бьющих в борт яхты. — Это меня беспокоит. Вместо того чтобы трясти своих информаторов относительно наших сделок, коп должен был выжимать из них любую информацию относительно девочки, но он этого не делает. Как ты думаешь, почему?

— Возможно, он приставил к ней соглядатаев, о которых нам неизвестно, — предположил Росси. — Но даже для него это было бы слишком круто. Может, ему просто наплевать? Впрочем, нет, это тоже не катит.

— И что нам тогда остается? — спросил Сильвестри.

— Поскорее найти ответы на вопросы. Иначе мне придется закопать не его, а кое-кого другого, — со зловещей многозначительностью в голосе ответил Росси.

* * *

Паула медленно шла по переполненному пассажирами вокзалу «Гранд-Сентрал», разглядывая величественные потолки с нарисованными на них звездами и планетами, которые, казалось, парили в воздухе сами по себе. Она проголодалась и устала, хотя ночь, проведенная в зале ожидания, прошла достаточно спокойно. Больше всего на свете ей сейчас хотелось, чтобы это неприятное приключение поскорее закончилось. Мысленно проклиная тех, по чьей милости она не имела возможности почистить зубы и принять душ с тех пор, как выбралась из запертой комнаты, Паула подошла к круглой информационной кабинке, возле которой уже успела выстроиться длинная очередь. Люди задавали вопросы относительно наиболее удобных маршрутов и мест пересадки, и служащие справочной службы, сидящие за толстым пуленепробиваемым стеклом, отвечали на них равнодушными голосами роботов, которые невозможно было бы услышать, если бы не микрофоны возле их губ. Паула посмотрела на скопившуюся на перроне толпу пассажиров, готовых отдать свою жизнь, чтобы только втиснуться в очередной прибывающий поезд. Затем она двинулась к расположенным в конце зала закусочным, выискивая глазами свободное место.

За каждым ее шагом неотступно наблюдали две пары глаз. Двое мужчин в кожаных пиджаках и обтягивающих джинсах стояли под электронным табло с расписанием

прибывающих и отходящих поездов, надписи на котором менялись с быстротой сообщений об изменении курсов акций в главном зале Нью-Йоркской биржи. Тот, что был повыше, с зачесанными назад густыми черными волосами и застегнутым под горло воротником рубашки, держал в правой руке свежий номер «Нью-Йорк пост». Опустив взгляд на своего напарника, что был пониже ростом, но зато более упитанным, он проговорил:

— Сдается мне, Отто, эта девчонка сама не знает, куда направляется. Иначе она не болталась бы столько времени в этой треклятой подземке.

— Может, ты прав, — ответил Отто, — а может, и нет. Но как бы то ни было, мы не можем упустить ее. Если проморгаем девчонку, то на следующей неделе наши жены посетят двое похорон.

Высокий положил газету на прилавок билетной кассы и направился следом за девочкой, а Отто двинулся рядом с ним.

— Интересно, — пробормотал он, — почесался хоть кто-нибудь после того, как она пропала? Хотя бы для того, чтобы сделать вид, что им не все равно.

— Прошло-то всего два дня, — ответил Отто, — а такие дела быстро не делаются. Не тебя это все равно не должно касаться. Твое дело — быть начеку и не зевать, когда начнется.

— Думаешь, за ней придет тот коп? — Высокий посторонился, чтобы пропустить мамашу с дочкой, спешащих на отходящий Вестчестерский поезд и пытающихся при этом не растерять многочисленные пакеты, которыми были заняты их руки. — Или кто-то другой, кого мы не знаем?

— Это не имеет значения, Фредди, — ответил Отто, не спуская глаз с девочки, проходившей в этот момент мимо книжного киоска. — Наше дело — повязать его прежде, чем он успеет к девчонке прикоснуться.

— Похоже, она собралась позавтракать, — высказал предположение Фредди, мстительно пихнув локтем задевшего его бизнесмена в дорогом костюме.

— Самое время, — кивнул Отто. — Я бы тоже не отказался что-нибудь слопать. — Затем он поглядел вправо и добавил: — Но сначала, как мне кажется, она сделает заход в клозет.

* * *

Паула подставила руки под холодную воду и стала смотреть на свое отражение в зеркале. Ее длинные волосы были грязными, спутались и срочно нуждались в щетке, под глазами появились синяки от недосыпания. Девочка сложила ладони пригоршней, наклонилась и плеснула ледяной водой себе в лицо. Она повторила это действие несколько раз, не обращая внимания на высокого мужчину, стоявшего у крайней раковины и не сводившего глаз с двери. Вот она открылась, вошла пожилая женщина в коричневом жакете. Вымыв руки, она вытерла их двумя бумажными полотенцами, которые затем бросила в бак для мусора, и вышла.

Мужчина сдвинулся с места и подошел к девочке, которая все так же стояла, наклонившись над раковиной, и плескала себе в лицо холодной водой. Положив руку на ее спину, он спросил, улыбаясь ее отражению в зеркале:

— Ну и как тебе нравится Нью-Йорк?

Паула подняла глаза, и на ее лице тоже расцвела широкая улыбка.

— Zio!^[15] — прошептала она и, повернувшись, повисла на шее у мужчины. — Я знала, что ты появишься! Не знала, где и когда, но была уверена, что ты найдешь меня!

Ло Манто нежно поцеловал племянницу в макушку, поднял ее лицо и заглянул в ее чистые, невинные глаза.

— Я не нашел бы тебя лишь в том случае, если бы умер, — ответил он, с нежностью глядя на девочку.

— Мне ужасно хочется в душ, — призналась Паула, — а потом я готова съесть целого слона.

Ло Манто отвел взгляд в сторону и посмотрел на закрытую дверь.

— Со слонем придется немного подождать, — проговорил он. — Я еще должен закончить кое-какие дела, а без твоей помощи мне это не удастся.

— Дядя Джанни, прошу тебя! — взмолилась Паула с детской непосредственностью. — Ты уже сделал все, что было нужно. Ты спас меня, и теперь я в безопасности. Тебе больше ничего не нужно делать, кроме того, что отвезти меня туда, где я смогу принять душ и поесть.

Увидев, как поворачивается дверная ручка, Ло Манто сгреб Паулу в охапку и втащил ее в ближайшую свободную кабинку. Затем он закрыл дверь, запер ее на задвижку, взобрался на унитаз, чтобы его ноги не были видны снизу, и приложил палец к губам, делая знак племяннице не произносить ни звука. Они услышали, как цокают по кафельному полу каблук вошедшей женщины, которая заперлась в крайней кабинке и зашуршала в наступившей тишине одеждой.

Паула набрала в легкие воздуха и взглянула на дядю. Тот, встав на цыпочки, смотрел на вновь открывающуюся дверь дамской комнаты. Присев на корточки, девочка посмотрела под дверь и увидела мужские кроссовки, появившиеся словно из ниоткуда. Ло Манто сунул руку под куртку и вытащил пистолет.

Вошедший остановился перед раковиной, пустил воду и, глядя в зеркало, стал осматривать помещение. Ло Манто прикоснулся к плечу племянницы и знаками велел ей приоткрыть на несколько дюймов дверь кабинки и выйти. Но прежде чем она успела пошевелиться, послышалось возмущенное восклицание женщины, которая, видимо, вышла из своей кабинки и увидела мужчину:

— Эй! Что вы здесь делаете? Это дамская комната!

— Знаю, — ответил Фредди. Он говорил спокойным, миролюбивым тоном. — Мужской туалет затопило. Мужчина снаружи сказал мне, что дамская комната свободна, и я могу помыть здесь руки.

— Он ошибся, — сердито буркнула женщина и подошла к раковине.

— Теперь я это вижу и сейчас уйду, — сказал Фредди.

Ло Манто отодвинул защелку на двери и слегка подтолкнул Паулу, вжавшись спиной в стену, чтобы его не заметили снаружи. Паула вышла, с удивлением посмотрела на мужчину и обратилась к даме:

— Что ему тут понадобилось?

Фредди поднял руку в успокаивающем жесте:

— Не переживайте так, леди! Расслабьтесь. Говорю же вам, я уже ухожу.

Он посмотрел на Паулу, на пустую, как ему показалось, кабинку за ее спиной, а затем бросил быстрый взгляд на отчитавшую его даму средних лет. Затем он галантно склонил голову, улыбнулся обоим женщинам и, повернувшись к ним спиной, вышел из туалета.

Вытирая руки коричневыми бумажными полотенцами, женщина обратилась к Пауле:

— Не стоит здесь задерживаться, милочка. Этот тип может вернуться. Нет, не может, а наверняка вернется. От подобных типов ничего другого ожидать не приходится. Если бы кто-то из нас оказался тут в одиночестве, все могло бы закончиться иначе.

— Не волнуйтесь за меня, — поспешила успокоить матрону девочка, — я пробуду здесь не больше минуты.

Как только за спиной женщины закрылась дверь, из кабинки появился Ло Манто.

— Ну что, — повернувшись к нему, спросила Паула, — мы уже можем отсюда выходить?

— Послушай, сага^[16], — заговорил Ло Манто, взяв племянницу за плечи. — Мужчина, который только что заходил сюда, — один из тех двоих, что следят за тобой в надежде на то, что ты приведешь их ко мне.

— Что же теперь будет? — замирающим голосом спросила Паула.

— Теперь они попытаются меня убить, — ответил Ло Манто, — и это именно то, что мне от них нужно.

— Зачем? — не поняла Паула. — Мы снова вместе. Мы можем просто уйти — вдвоем. Проскользнем мимо них в толпе, и все. Тебе больше не нужно ни с кем воевать. Пусть все закончится, пока один из них и вправду не убил тебя.

— Взять и уйти — это не выход из подобных ситуаций, — покачал головой Ло Манто. — Слишком много крови пролилось из-за того, что происходит сейчас. Я слишком близко, и они это знают.

Паула расширившимися от страха глазами смотрела на дядю. Она слышала захватывающие дух истории про этого человека с тех пор, когда была еще ребенком. Когда Паула подросла, она добавила к этим легендам реальные события, прочитав о них в газетных вырезках, которые хранила ее мама. Даже сейчас, еще не успев превратиться во взрослого человека, она понимала, что это решительный и упрямый человек, нацеленный на то, чтобы очистить улицы Неаполя от той заразы, которую представляла собой каморра. Ее мама считала, что Ло Манто — самый «неправильный» человек из всех, кого она знала, а в глазах Паулы он был одиноким героем, сражающимся с невидимым и превосходящим его по силе противником. Девочка знала, что дядя без колебаний отдаст за нее жизнь и, не моргнув, убьет за нее любого.

Однако дядя был для нее больше, чем просто рыцарем в сияющих доспехах. Это был человек, которого она любила всей душой и знала, что он отвечает ей тем же. Он появлялся через несколько дней после Рождества с кучей подарков и извиняющейся улыбкой. Он поздравлял ее с днем рождения через месяц после того, как оно прошло. Он был первым, кто, одевшись в халат врача и повесив на грудь стетоскоп, проник в ее больничную палату после того, как она перенесла сложную операцию. Он водил Паулу на отличные старые фильмы, покупал ей диски с последними хитами итальянских и американских групп. Они ходили на каток, обошли все музеи Неаполя, и во время этих экскурсий дядя рассказывал ей о жизни тех, чьи волшебные кисти сотворили эти шедевры.

Он являлся важной частью ее юной жизни, и Паула была готова на все, чтобы только не потерять его. И вот сейчас, в пропахшем мочой общественном — женском! — туалете на станции метро «Гранд-Сентрал» он стоял перед ней и просил о помощи.

— Что я должна делать? — спросила Паула.

Дженнифер сидела в одиночестве за столиком, стоящим в задней части скверно освещенной комнаты. Голубоватое мерцание компьютерного монитора освещало ее лицо, большой пластиковый стакан с кофе «Старбакс», стоявший справа от нее, и блокнот с ручкой, лежавшие возле ее левого локтя.

Дженнифер находилась в центральном архиве, размещавшемся в подвальном помещении дома номер один на Полицейской площади^[17], и пришла она сюда для того, чтобы по кусочкам, словно мозаику, сложить для себя картину жизни Джанкарло Ло Манто. Один из уроков, которые твердо усвоила Дженнифер за годы службы в полиции, гласил: ты должен знать человека, прикрывающего твою спину. Менее чем за семьдесят два часа Ло Манто превратился из итальянского копа, за которым она должна была присматривать, в полноценного напарника, вместе с которым Дженнифер предстояло сунуть голову в пасть каморры. По его милости в нее уже стреляли и ей самой пришлось убить человека, но она до сих пор не знала почему. О Ло Манто ей было известно лишь то, что она видела собственными глазами и слышала от других копов, которые также знали итальянца лишь понаслышке.

Для опытных ветеранов вроде капитана Фернандеса он был кем-то вроде Шерлока Холмса, который противопоставлял грубой силе противника хитрость и ум и неизменно выходил победителем из любых схваток. Копы помоложе описывали его совершенно иначе. Они видели в Ло Манто некое итальянское воплощение Грязного Гарри — вспыльчивого и быстрого на расправу. По их словам, выхватить пистолет и всадить пулю в грудь подозреваемому было для Ло Манто проще, чем выкурить сигарету. Сражения были ему необходимы, как героин наркоману, и эта зависимость подпитывалась энергетикой погрязших в преступности улиц Неаполя, где он был свободен от любых барьеров и ограничений наподобие предупреждения Миранды^[18]. Отрубая одну за другой ветви каморры, он работал над каждым делом упорно и самоотверженно, словно был единственным человеком, кому это под силу. На него работали десятки уличных стукачей, через которых Ло Манто как получал любую необходимую информацию, так и распространял выгодные для него слухи. Он обладал фантастической способностью нагрянуть в нужное место именно в ту минуту, когда там заключалась очередная преступная сделка на сумму с шестью нулями. Копы, которым пришлось участвовать в нескольких совместных с Ло Манто операциях, называли его «самоходной пушкой с мозгами», но Дженнифер это сравнение вовсе не покорило. Наоборот, покопавшись в себе, она поняла, что с готовностью отправилась бы на самое опасное задание с таким непреклонным и бесстрашным копом, как Ло Манто, готовым рисковать жизнью ради успеха операции. Ее волновало другое, и, копаясь в компьютерных файлах, посвященных Ло Манто, Дженнифер надеялась хотя бы приблизиться к пониманию того, что этот человек представляет собой как личность.

Инстинкт подсказывал ей: он столь отчаянно рискует жизнью не только ради того, чтобы получить очередную запись в своем списке успешных арестов. Нет, тут было нечто большее, какой-то тайный мотив, который заставлял Ло Манто с открытым забралом выступать против лучших бойцов каморры и уходить не просто с победой, а оставляя позади себя дымящиеся руины очередного преступного гнезда.

Дженнифер сделала несколько больших глотков кофе, массируя свободной рукой затекшие мышцы шеи, а затем открыла сайт Информационной службы, ввела свое имя, регистрационный номер и стала ждать, пока загрузятся нужные данные. Бросив пустой стакан в корзину для бумаг, она подалась вперед и стала читать о человеке, который за немыслимо короткое время стал первым напарником, готовым без колебаний отдать за нее жизнь.

— А я тебя по всему зданию ищу! — прогремел над ухом Дженнифер голос капитана Фернандеса. Это было тем большей неожиданностью, что здесь, как в библиотеке, было принято либо молчать вовсе, либо говорить шепотом. От испуга она уронила карандаш и лягнула ногой нижнюю перекладину компьютерного стола.

— Похоже, вы меня нашли, капитан, — проговорила Дженнифер, пытаясь выдавить улыбку и надеясь, что начальник улыбнется в ответ.

Фернандес кинул быстрый взгляд на ее записи, экран монитора и, похоже, заметил охватившее ее чувство неловкости.

— Я отвлек тебя от чего-то важного? — спросил капитан.

Дженнифер отодвинулась от стола и встала. Теперь их с капитаном отделяли друг от друга считанные дюймы. За те годы, в течение которых она работала под начальством Фернандеса, Дженнифер привыкла уважать этого человека и доверять ему, поэтому сейчас она не сочла нужным скрывать предмет своих изысканий.

— Я пытаюсь узнать как можно больше о своем новом напарнике, — сказала она.

Фернандес улыбнулся.

— И ты решила, что компьютер расскажет тебе все, что ты хотела бы выяснить?

— Надо же с чего-то начинать! Ведь мне о нем практически ничего не известно, если не считать слухов и того, что я видела сама.

— А почему ты считаешь, что тебе необходимо знать что-то еще? — осведомился Фернандес. — Он в нужный момент прикроет тебя, а ты — его, и это все, что нужно знать о своем напарнике.

— Этого недостаточно, капитан, — возразила Дженнифер. — Он замахнулся на главарей каморры, и, я уверена, не только потому, что у них хватило наглости похитить его племянницу. Тут что-то еще, что-то гораздо большее, и я хочу знать, что именно.

— Ему известно, чем ты сейчас занимаешься?

— Я ему не сообщала, — ответила Дженнифер, — но если он действительно такой хороший коп, как про него говорят, то наверняка сумел это предвидеть.

— Что именно ты ищешь? — полюбопытствовал Фернандес.

— Историю его жизни, — ответила Дженнифер, снова садясь на стул и мечтая о новой чашке кофе. — Если я узнаю, как она складывалась, кто его родственники, я смогу почувствовать его самого. Мне также интересно, что он представлял собой как полицейский в Италии, я хочу почитать о самых громких произведенных им задержаниях, о преступниках, которых он арестовывал. Не знаю, как объяснить это, но мне действительно необходимо получить ответы на вопросы, которые не дают мне покоя.

Фернандес скрестил руки на бочкообразной груди и прислонился плечом к стене.

— Джана всегда было непросто раскусить, — вздохнул он. — Крепкий орешек, что и говорить. Если бы Джан был машиной, я бы сказал, что он работает на каком-то особом топливе, которое делает его в десять раз быстрее и сильнее остальных. Он и впрямь на несколько голов превосходит всех копов, которых я когда-либо знал. Я участвовал вместе с

ним в полудюжине совместных операций и убедился: никто лучше Ло Манто не знает, какой враг нам противостоит. Да, он не подпускает никого близко к себе, но это результат того, что, не доверяя никому, он на протяжении многих лет работал один. Но если Ло Манто разработал какой-то план, мой тебе совет: разбейся в лепешку, но сделай все так, как он велит.

— Вам приходилось работать с ним в Неаполе? — спросила Дженнифер. — Видеть, как он действует на своей территории?

Фернандес кивнул:

— Три или четыре раза. Мы проводили трехмесячную совместную операцию. Нью-Йоркская полиция разбиралась с банковскими счетами, а Ло Манто — с наркотиками в Неаполе. Он работал день и ночь, принимал спонтанные, но неизменно правильные решения, позволявшие ему на несколько ходов опережать противника, с легкостью управлял игроками так, как если бы они были фигурами на шахматной доске. Он обладал большим объемом агентурной информации, нежели дюжина других копов, вместе взятых, знал людей из всех слоев общества — от бомжей до аристократов — и мог без стука войти в любую дверь. В итоге каморра потеряла четыре миллиона долларов плюс наркотиков на такую же сумму. Об этой операции писали газеты в обеих странах, но Ло Манто позаботился о том, чтобы его имя не было упомянуто ни разу.

— Значит, он не охотник за славой, — подытожила Дженнифер. — Мне, кстати, тоже так показалось в первые же минуты знакомства. Его больше заботит цель, нежели средства ее достижения.

— Это для тебя так важно? — с интересом спросил Фернандес. — Влезть в душу Ло Манто, выяснить, что у него внутри?

— Он не единственный коп, который привык находить ответы на интересующие его вопросы, — ответила Дженнифер. — Кроме того, так нам будет легче работать вместе.

— А тебе не приходило в голову спросить его самого?

— И много бы, по-вашему, я узнала? — с улыбкой ответила она вопросом на вопрос.

— Думаю, он залез бы в свою скорлупу и уклонился от ответа, — сказал Фернандес, — но на это по крайней мере было бы любопытно посмотреть.

— Думаете, я попусту теряю время? Вы ведь наверняка читали все эти файлы, так скажите, найду ли я там больше, чем мне уже известно?

— Это зависит не от того, *что* ты ищешь, а от того *как*, — проговорил капитан. — Отправляйся в Восточный Бронкс, в район, где он жил, постучи в двери его бывших соседей, большинство из которых наверняка не откроются перед тобой. Именно там, на тех улицах, за теми дверями и находятся ответы на твои вопросы. Отыскать их, правда, будет непросто. Я и сам пару раз пытался это сделать, но остался ни с чем.

Дженнифер кивнула и снова повернулась к монитору компьютера, а Фернандес, оторвав от стены свое большое тело, двинулся по узкому проходу между компьютерами и ящиками, в которых хранилась картотека. Когда он прошел уже половину пути до двери, ведущей наверх, Дженнифер окликнула его так громко, что все люди, сидевшие за другими компьютерами в отдельных стеклянных кабинках, оторвались от работы и повернули головы в ее сторону.

— Капитан!

Фернандес остановился посередине прохода и, обернувшись, сказал:

— Я долго ждал, когда ты спросишь, кто надоумил меня поискать тебя здесь.

— Ну и кто же? — спросила Дженнифер.

Улегшись животом на залитую твердым гудроном поверхность, толстый мужчина в черных джинсах и футболке положил локти на невысокий парапет крыши и смотрел на оживленную улицу внизу. Солнце палило немилосердно, и по шее мужчины катились струйки пота. Слева от него лежала небрежно брошенная черная кожаная куртка, справа — бинокль и длинный серебристый термос с горячим кофе. К нижней губе мужчины прилипла сигарета без фильтра, а черные очки защищали глаза от слепящих солнечных лучей. В руках он держал оптический прицел от винтовки и, зажмурив один глаз, смотрел сквозь него на подъезд многоквартирного дома на противоположной стороне улицы. Поняв, что цель будет находиться в пределах досягаемости пули, он просчитал в уме свои предстоящие действия с учетом температуры воздуха, угла выстрела, направления и скорости, с которой будет двигаться цель, не забыв и о том, что в самый решающий момент, как это часто бывает, могут возникнуть самые непредвиденные помехи. Он задумался о том, чтобы перенести акцию на раннее утро или вечер, но затем отказался от этой мысли. Да, избежав дневной жары, солнечных бликов и чрезмерного потока пешеходов и машин, он столкнется с другими, неучтенными факторами — такими, например, как вечерние тени.

Кроме того, толстяк в последнее время брался выполнять заказы не только ради денег, но и для удовлетворения профессионального честолюбия. А может ли быть для профессионального стрелка цель достойнее, чем та, которая быстро движется, да еще и под слепящим солнцем! Он поразит ее одним выстрелом в голову, который не только принесет ему моральное удовлетворение, но и пополнит его банковский счет 75 тысячами долларов.

Единственной любовью всей жизни толстяка были деньги. Его родители были врачами, широко известными в академических кругах учеными-медиками и вырастили сына в достатке и роскоши. Впрочем, ни первое, ни второе не радовали сердце мальчика. Ему было восемь, когда он получил в подарок от своего взбалмошного дяди охотничью винтовку, а в девять мальчик совершил первое убийство, застрелив оленя, пасшегося на берегу реки на севере Мэриленда. Именно в тот момент, когда пуля вонзилась в тело животного, разрывая живую плоть и дробя кости, юный Грегори Рэнделл понял: вот оно, его истинное призвание!

Это произошло три десятка лет назад, а теперь толстяк, известный в узком кругу коллег под кличкой Флэш^[19] из-за невероятной скорости, с которой он убирал намеченную цель, вплотную приблизился к завершению своего трудового пути. Он твердо вознамерился остепениться, спрятать в чулан винтовки, прицелы и начать зарабатывать на жизнь каким-нибудь другим, более мирным способом. С того, первого, выстрела в лесу Мэриленда толстяк убил столько живых существ, что потерял им счет, причем для него не имело никакого значения, кто в данный момент является его дичью — животное или человек. Он устал от своей работы, от непрекращающихся ночных звонков и встреч с невозмутимого вида мужчинами, имена которых он никогда не трудился запоминать. Все эти годы он не боялся ни тюрьмы, ни предательства. Людям, с которыми он имел дело, не нужны были лишние хлопоты. Не желая нажимать на курок лично, они были готовы платить огромные деньги за то, чтобы их неприятелей чисто и в назидательной для других манере устранил профессионал. Флэш Рэнделл всегда любил и сам акт убийства, и процесс подготовки к

нему — все эти маленькие детали, необходимые для того, чтобы выполнить заказ именно так, как было желательно заказчику.

И тем не менее он решил завязать с ремеслом душегуба по найму. Больше всего ему надоело ныть миллионеров по поводу непомерно высоких, по их мнению, расценок на его услуги и связанные с этим «производственные» расходы. Каждый раз, когда приходило время расплачиваться, они сокрушались так горько, как будто у них отбирали последние тапочки. А если ему суждено потерпеть неудачу, чего, впрочем, пока ни разу не произошло, он сам превратится из охотника в дичь, и эта перспектива ну никак не устраивала Флэша Рэнделла.

Перевернувшись на спину, толстяк подставил солнцу лицо и грудь, рубашка на которой успела пропитаться потом. Это будет его последняя охота. И лучшая.

Убийство Джанкарло Ло Манто станет шедевром, который навсегда останется в памяти потомков.

* * *

Ло Манто стоял на третьей ступеньке крыльца дома и смотрел сверху вниз на Фелипе Лопеса. Глаза мальчика светились, как две темных звезды. Он говорил с таким напором, с каким может говорить только взрослый, но никак не пятнадцатилетний парень, живущий впроголодь в безжалостных джунглях городских улиц.

— Тебя ищет больше народа, чем бородатого чувака по имени Усама. Разница между вами только в том, что за твою голову дают меньше и у тебя нет пещеры в горах, где ты мог бы спрятаться.

— И кому я нужен больше всего? — осведомился Ло Манто, сунув руку в нагрудный карман синей рубашки мальчика и вытащив оттуда пачку жевательной резинки со вкусом корицы.

— Это зависит от того, какой смысл ты вкладываешь в слово «больше». Кто готов заплатить за твою шкуру дороже или кто бросил на твои поиски больше всего людей?

— И то, и другое, — ответил Ло Манто. Он смотрел мимо Фелипе, и его взгляд скользил по равнодушным лицам проходящих мимо незнакомых людей, озабоченных только своими проблемами.

— На улицах говорят, что тот, кто притащит тебя живым или мертвым — лучше, конечно, мертвым, — получит столько бабок, что целый год, а то и два сможет валяться кверху брюхом, не заботясь ни о чем.

— Это щедрое предложение касается всех?

— Всех, у кого имеются две ноги и пара зорких глаз, — ответил Фелипе. — Им плевать, кто принесет твою голову, главное, чтобы ты оказался на том свете.

— Не появились ли в округе какие-нибудь новые люди? — задал следующий вопрос Ло Манто. — Я имею в виду не обычных быков из подвала, а какого-нибудь солидного человека — с кожаным «дипломатом» и серьезным лицом.

— Сам я никого такого не видел, — помотал головой мальчик, — но на улицах говорят, что приехал какой-то крутой стрелок — только для того, чтобы всадить пару пуль тебе в спину. По слухам, он настоящий виртуоз. Если он промахнется или хотя бы только ранит тебя, это будет первый экзамен, который он провалил.

Ло Манто сел на ступеньку, вытянул ноги и прислонился спиной к цементному ограждению крыльца. Взглянув на Фелипе, он ободряюще улыбнулся и заявил:

— Видимо, мы движемся по правильному пути, коли они развили такую бурную деятельность.

— Или у тебя просто здорово получается доводить людей до белого каления, — продолжил его мысль Фелипе. — И, как я слышал, у тебя проблемы не только с итальянцами и их стрелками. Я слышал, что в связи с выдачей лицензии на твой отстрел, на охоту вышли все имеющиеся в городе претенденты на членство в каморре, которые умеют давить на курок.

Несколько секунд Ло Манто молча смотрел на мальчика, а затем задумчиво проговорил:

— Я втянул тебя в эту историю для того, чтобы ты был моими глазами и ушами. Того же самого я хочу от тебя и сейчас. Но как только раздастся первый выстрел, ты должен немедленно исчезнуть. Ты должен слушать, а не ловить пули.

— По правде говоря, ты мне даже за это платишь слишком мало. Я мог бы легко получать по двадцать баксов в день, просто собирая пустые бутылки и банки на улицах Вест-Сайда.

— Правда? — переспросил Ло Манто, едва заметно улыбнувшись. — Тогда почему ты согласился на мое предложение? Из-за того, что у тебя закончились мешки для пустых банок?

— Фигня! — отмахнулся мальчик. — Просто мне захотелось заняться чем-то новеньким, а то, что ты попросил меня делать, казалось не слишком сложным.

— Похоже на правду, — сказал Ло Манто. — Вот и продолжай слушать. Не задавай слишком много вопросов и не приближайся к тем, кто, как тебе подсказывает нутро, может догадаться о том, что мы с тобой связаны.

— Начнем с того, что эти ребята очень осторожны с тем, что говорят. Впрочем, ты сам здесь вырос и должен знать, как тут распространяются слухи. Может, с тех пор, как ты отсюда уехал, места и лица изменились, но все остальное осталось прежним.

— А этот стрелок, про которого все говорят... — Ло Манто помедлил. — Ты знаешь его имя?

— Только кличку, — ответил мальчик. — Крутые называли его Флэш. Слышал про такого?

— Я проверю его по полицейской картотеке, — ответил Ло Манто. — Если нам удастся найти его фото и личные данные, значит, он не такой уж великий, как про него говорят.

— Ему не обязательно быть великим, — возразил Фелипе. Другой раз достаточно простого везения. Я надеюсь только на то, что он не промахнется и не прикончит какого-нибудь невинного парня, оказавшегося поблизости.

— Ты имеешь в виду невинного парня вроде тебя? — с улыбкой уточнил Ло Манто.

— А чего ты смеешься? — ошетинился Фелипе. — Во всех трех библиотечных книжках, которые я прочитал в последнее время, погибали невинные. А что происходит с главным героем? Ему хоть бы хны! Остается живой и невредимый, и даже прическа не растрепалась.

— Возможно, ты просто не те книги читаешь, — предположил Ло Манто.

— Возможно, — согласился Фелипе, — но то же самое пишут в газетах, говорят по радио и показывают по телевизору. Везде происходит одно и то же. Парни вроде тебя всегда выходят сухими из воды, а такие, как я, получают дырку в голове.

— Я постараюсь, чтобы этого не произошло, — пообещал Ло Манто, скользнув

взглядом по соседним крышам.

— В случае успеха ты будешь первым, у кого это получилось, — скептически откликнулся мальчик. — Кроме того, я не особо и боюсь. Просто предпочитаю быть начеку.

Ло Манто восхищался этим мальчиком: его способностью, невзирая на бедственное положение и уличное окружение, сохранять уверенность в себе и контроль над ситуацией. Он во многом напоминал Ло Манто детей бедноты из Неаполя, вечно голодных ребятишек, которые выживали лишь благодаря попрошайничеству и воровству с лотков уличных торговцев. Жизнь обрушилась на этих мальчишек и девчонок всей своей невыносимой тяжестью, поставив их в равное положение со взрослыми и подвергнув таким же испытаниям: существование впроголодь, разрушенные семьи, отсутствие крыши над головой, нескончаемая борьба за еду, лекарства или место в ночлежке. И каждый такой экзамен оставлял неизгладимый след на их повзрослевших раньше срока лицах. В их глазах — темных, пронизательных — Ло Манто неизменно видел печаль, упрямство, злость и покорность судьбе.

Уличные воришки Неаполя боготворили Ло Манто. Они знали, что он никогда не станет их арестовывать, и чувствовали, что в случае чрезвычайных обстоятельств могут обратиться к нему, и он обязательно поможет. В благодарность юные бродяжки щедро снабжали его информацией. Таким образом итальянский детектив обзавелся сотнями глаз и ушей во всех концах города. Он никогда не демонстрировал по отношению к ним унижительной жалости, не обращался с ними как с презренными нищелюдами или ворами, всегда расплачивался за информацию, накормив маленького босяка обедом, угостив стаканом холодной газировки или отведя к доктору. Общаясь с уличной ребятней, Ло Манто умел сделать так, что они ощущали себя его партнерами в каком-то очень важном взрослом деле. Это льстило их самолюбию и позволяло почувствовать собственную нужность.

Оказавшись в Нью-Йорке, Ло Манто решил использовать в этом качестве Фелипе. Он понимал, что взваливает на хрупкие детские плечи тяжелый груз, но этот мальчик обладал весьма важными качествами: способностью чувствовать царящее на улицах настроение и отделять факты от домыслов. В Фелипе ощущалась целеустремленность, а его бравада являлась не чем иным, как защитным панцирем, наподобие шубы, призванной уберечь его от царящего вокруг нестерпимого холода. И еще под всеми этими наслоениями Ло Манто ощутил живущий в душе мальчика страх. Страх, который он научился чувствовать в других с первых дней своей службы в полиции. Страх, который он научился понимать. Страх, который и сам Ло Манто ощущал ежедневно и ежечасно.

— Ну, спасибо тебе, — сказал Ло Манто, поднимаясь с бетонных ступеней и направляясь ко входу в станцию подземки. — Было приятно услышать, что в меня не попадут.

— В богатеньких никогда не попадают! — крикнул ему в след Фелипе. — Даже если они копы.

* * *

Увидев Ло Манто, неспешно приближающегося к машине, Дженнифер захлопнула полицейскую папку, бросила ее на полку под бардачком и, нажав на кнопку, опустила стекло со стороны пассажира. Когда итальянец приблизился, она проговорила:

— Хорошо бы начать трудовой день с чашечки горячего кофе.

Никак не отреагировав на ее слова, Ло Манто открыл дверь и плюхнулся на пассажирское сиденье.

— Я не пью кофе перед обедом, — сказал он. — И перед стрельбой.

— А что именно у нас на повестке дня сейчас? — осведомилась Дженнифер.

— Крыша в двух кварталах отсюда. На ней сидел какой-то парень с оптическим прицелом от винтовки. Я находился прямо напротив него, и у него было навалом времени, чтобы подстрелить меня, но он этого не сделал.

— Тебе нравится так развлекаться? — поинтересовалась Дженнифер. — Стоять на улице, изображая из себя неподвижную мишень, и ждать, хватит ли у снайпера куражу вцепиться тебе пулю в лоб или нет?

— Это помогает скоротать время, — пожал плечами итальянец.

— Если бы ты попробовал поймать этого парня, то сумел бы занять себя еще на пару часов, — язвительно проговорила Дженнифер. — Если только ты не намеревался выяснить, насколько метко он стреляет.

— Я был не один, — пояснил Ло Манто. — Кроме того, действовать был не намерен не только я, но и тот, что сидел на крыше.

— И что теперь? — спросила Дженнифер. — У него было достаточно времени, чтобы сбежать, побриться и принять душ.

— Он не сбежал, — возразил Ло Манто своим, как обычно, спокойным тоном. — В этом не было необходимости. Этот человек — профессионал и находился там лишь для того, чтобы его увидели. Он как бы говорил мне: «Я здесь, и скоро мы посмотрим, кто круче».

— Тебе уже приходилось с ним сталкиваться? — спросила Дженнифер.

— Пару раз мы оказывались очень близко друг к другу, — ответил Ло Манто. — Один раз в Неаполе и один раз здесь, во время совместной итало-американской полицейской операции. Мне говорили, что каморра несколько раз пыталась заказать меня этому стрелку, но он каждый раз отказывался.

— Тебе удалось выяснить почему?

— Из-за денег, — пожал плечами Ло Манто. — Это единственная причина, по которой люди вроде него занимаются своим ремеслом. Он получает удовольствие от процесса подготовки к убийству, ему нравится выслеживать жертву, а потом красиво уничтожать ее. Но нажимать на спусковой крючок их все же заставляет только одно — деньги.

— Из этого следует, что каморра либо повысила гонорар, либо стрелок умерил свои аппетиты, — сделала заключение Дженнифер. — Иными словами, у тебя на спине нарисовали мишень.

— Не волнуйся, — сказал Ло Манто, — ему заплатили только за меня. За дополнительную работу он денег не получит.

— Я и не волнуюсь, — ответила Дженнифер, чувствуя, как в ней нарастают злость и раздражение, — иначе сейчас я бы разговаривала с тобой в более безопасном месте.

— Он предупредил меня, — проговорил Ло Манто. — В следующий раз это будет не просто солнечный отблеск в стекле оптического прицела. Он нанесет удар.

— Судя по всему, у тебя есть какой-то план?

Ло Манто повернул голову и посмотрел на лицо женщины в ореоле солнечного света, который еще больше подчеркивал ее природную красоту. На какое-то короткое мгновение ему захотелось, чтобы она не была копом и они сидели бы не в полицейской машине,

обсуждая, как обезопасить себя от наемного убийцы. Насколько было бы лучше, если бы они могли провести время без всей этой гангстерской возни, спокойно разговаривая на самые разные темы, чтобы лучше узнать друг друга. И Дженнифер, и Ло Манто в равной степени испили горькую чашу так называемых служебных романов. Любовные отношения между мужчиной и женщиной полицейскими всегда были пропитаны какой-то горечью, проистекающей из присущего этой профессии одиночества, долгих часов, проведенных наедине друг с другом, и выбросам адреналина в те минуты, когда начиналась настоящая работа. По большей части эти связи представляли собой короткие интрижки, продолжавшиеся от нескольких дней до — максимум — полугода. Зная это, Ло Манто старался не поддаваться искушению и держаться от коллег противоположного пола на безопасном расстоянии. Ведь все равно пламя страсти в конечном итоге обернется либо ожогами, либо, в лучшем случае, копотью.

— Итак, — нарушила затянувшееся молчание Дженнифер, — что делать со стрелком?

— Уворачиваться, — ответил Ло Манто. — Таким способом, если повезет, я заставлю его выбиться из графика.

— Хватит шутить! — вскинулась Дженнифер. — Я тебя серьезно спрашиваю!

— Ладно, не сердись, — примирительно проговорил Ло Манто. — Если увернуться от снайпера не представляется возможным, остается лишь одно.

— Что именно?

— Убить его первым.

Несколько секунд Ло Манто смотрел в глаза Дженнифер, а потом отвернулся и стал глядеть на пассажиров, спешащих куда-то по улицам Восточного Бронкса.

* * *

Джоуи Макгроу по кличке Тягач сидел на пустом деревянном ящике в темноте и прохладе и вслушивался в слова, которые эхом отдавались от поперечных досок настила длинного пустынного пирса. В левой руке он держал большой флоридский апельсин, в другой — острый нож. Разрезав оранжевый шар на четыре равные части, он впился зубами в сочную мякоть. Голос зазвучал громче:

— Тебе предоставляется возможность легко срубить миллион, а то и больше, — произнес голос. — И за что? Просто приехать, взять товар, а потом сбросить его. Если бы это было чуть легче, я забрал бы из школы своего сына и поручил бы это ему.

— Так чего ж ты не сделаешь этого? — равнодушно осведомился Макгроу, поднимая глаза на говорившего. — Я ведь не могу тебе в этом помешать.

Мужчина был высоким, под метр девяносто, и весил не меньше полутора центнеров. Некоторую часть этого веса составлял жирок, и с тех пор, как восемь лет назад они с Макгроу провернули первую совместную сделку, мужчина отрастил небольшое пузцо, но в основном его тело состояло из сплошных мускулов. Широкие плечи, руки, толстые, как корабельные канаты, шершавые мозоли на костяшках пальцев — все это внушало невольное уважение и намекало на род занятий этого человека. Макгроу так часто видел, как эти страшные клешни рвут и давят человеческую плоть, что не имел ни малейшего желания даже примерно подсчитывать, скольким людям они помогли отправиться на тот свет.

— Потому что парень только в четвертом классе и не умеет водить машину, умник ты

эдакий, — ответил Рено по кличке Головоногий. — Иначе зачем мне было бы разговаривать с тобой! Парень хотя бы умеет выполнять то, что ему велят.

Грубый и хриплый голос Рено, казалось, царапал барабанные перепонки. О юных годах Головоногого было известно мало, помимо того, что он приехал в Нью-Йорк еще подростком и проделал долгий путь по запутанным коридорам иерархического лабиринта каморры, неизменно доказывая свою незаменимость во всем, что ему поручали. У него был врожденный дар проворачивать самые сложные сделки с наркотиками, и, не успев перешагнуть двадцатилетний рубеж, он превратился в наиболее доверенного наркодилера каморры. За несколько десятилетий, минувших со времени его прибытия в Нью-Йорк из Неаполя, Головоногий сумел создать разветвленную сеть в портах обоих городов, встав во главе цепочки наркоторговли, ежегодно приносившей, по самым скромным подсчетам, не менее ста пятидесяти миллионов долларов. Он выстроил эту структуру в несколько ярусов, сделав для блюстителей закона практически невыполнимой задачей определить, кто поставляет наркотики и кто получает за них деньги.

Единственной вредной привычкой самого Рено было курение, а жил он в пятикомнатной квартире в двадцати минутах езды от города. В Неаполе у него также была квартира — двухкомнатная, которую он унаследовал от матери. В налоговой декларации Рено указывал ежегодный доход в размере семидесяти пяти тысяч долларов плюс двадцать пять тысяч в виде прибыли от небольшой подрядной компании на Манхэттене. Он никогда не привлекался к уголовной или какой-либо иной ответственности, не был замечен в местах, где традиционно ошивались члены каморры, и поэтому не попадал в облавы. Каждые полтора месяца Рено менял номер сотового телефона, а дома имел телефон, номер которого не значился ни в каких справочниках, и с которого ни он сам, ни его жена, ни двое их детей никогда не делали исходящих звонков. Он был идеальным представителем каморры — добропорядочным и законопослушным снаружи, коварным и беспощадным внутри.

Рено шагнул к Макгроу, наклонился и уставился на него своими мертвыми глазами.

— Сделка назначена на вторник, — медленно заговорил он. — Все должно пройти, как запланировано, — без сучка и задоринки. Если что-то пойдет не так, ты должен будешь все исправить. Я на тебя полагаюсь. Понял?

— Люди, с которыми я буду встречаться, известны? — спросил Макгроу. — Я, знаешь ли, люблю сюрпризы, только когда мне дарят подарки на Рождество.

— Двое мужчин, одна женщина, — сказал Рено, скользнув взглядом по пустой пристани. — Мужчины — немцы, говорят с акцентом, но ты это вряд ли услышишь, поскольку они предпочитают помалкивать.

— А зачем там нужна женщина?

— Она — банкир, — ответил Рено. — Немцы перевозят наркотики, но не могут выложить деньги за большую партию. Она — может.

— Ты с ней уже имел дело?

— Было такое, — кивнул Рено, — пару раз за последние пять лет. Тогда все прошло чисто, сейчас все должно быть так же.

— Она симпатичная? — осведомился Макгроу, и на его рябом лице мелькнула змеиная улыбка.

— Во вторник увидишь, — буркнул Рено. — Но я бы на твоём месте был с ней осторожен. За то время, что я ее знаю, у нее пять раз сменились напарники, причем все они были мужчины и европейцы.

— А что с ними стало?

— Можешь сам у нее спросить, — ответил Рено. — Будет, с чего начать разговор. Но сначала — дело. Во вторник отдашь ей наркотики, в среду заберешь деньги. Если решишь в нее влюбиться, жениться и переехать на Мауи, отложи это до четверга.

— Ладно, я все сделаю, как надо, можешь не сомневаться, — сказал Макгроу, швырнув апельсиновые корки на доски пирса.

— И вот еще что, — проговорил Рено. — В городе появился коп из Неаполя. Он уже пару раз за последний год наступил нашим боссам на мозоль, причем очень больно. Каким-то непонятным образом он узнает о том, где и когда произойдет очередная сделка, а потом забирает и товар, и деньги. Боссы не хотят, чтобы это произошло и на сей раз.

— Не произойдет, — беспечно откликнулся Макгроу. — Нужно просто держать язык за зубами, и тогда все будет в порядке. О наших делах знает не так много народу, поэтому я не беспокоюсь, если только ты мне не говоришь, что для этого есть причина.

— Беспокоиться нужно только о том, чтобы коп, о котором я сказал, не сорвал сделку, — сказал Рено Головоногий. — Если же это случится, то о тебе позаботятся не наши боссы, а я лично.

Макгроу встал, отпихнул деревянный ящик, на котором сидел, поднял глаза на Рено и сказал:

— Если этот или любой другой коп приблизится к этой сделке хоть на милю, я его в порошок сотру. Как всегда. Так что побереги свои угрозы, на меня они не подействуют.

Головоногий молча кивнул, повернулся и растаял в грязной туманной дымке пустого пирса.

* * *

Управляя машиной одной рукой, Дженнифер плавно вывела ее на забитое автомобилями шоссе Генри Хадсона. Ло Манто сидел на пассажирском сиденье, держа обеими руками большой стакан с кофе «Старбакс Верона».

— Я надеюсь, у тебя были достаточные основания для того, чтобы загнать нас в эту жуткую пробку? — осведомилась она, переставляя ногу с газа на сцепление и обратно, по мере того, как автомобили то начинали двигаться, то вновь замирали на месте.

— Надеюсь, что так, — уклончиво ответил итальянец.

— Не хочешь поделиться?

— Какая ты нетерпеливая! Хочешь знать все сразу, иногда даже раньше времени. Для женщины это, наверное, естественно, но в нашей работе — никуда не годится.

— Что? — закипая, переспросила Дженнифер. — Ты хочешь сказать, что я плохой коп? Только потому, что я осмелилась задать тебе один-единственный вопрос?

— Вот и еще один из твоих недостатков, — покивал головой Ло Манто. — Ты вспыливаешь, как спичка. Это тоже тебе мешает.

— Мешает в чем? — спросила Дженнифер, изо всех сил вцепившись в рулевое колесо правой рукой.

— У тебя великолепные инстинкты полицейского, — стал перечислять Ло Манто, отхлебнув предварительно кофе. — Ты быстро просчитываешь ситуацию и оцениваешь противника. Ты научилась подавлять страх. Ты бросаешься в драку, забывая об опасности.

— Довольно комплиментов, переходи к порке, — велела Дженнифер.

— Ты легко теряешь над собой контроль, — продолжал Ло Манто. Его голос звучал мягко и успокаивающе, словно он был доктором, описывающим симптомы редкой болезни менее опытному коллеге. — И неважно, чем это вызвано — темпераментом или отсутствием выдержки. Ты должна научиться использовать это качество себе во благо, превратить его из слабости в силу.

— И что будет, если мне это удастся? — спросила Дженнифер. — Просто интересно.

Ло Манто поставил стакан в подстаканник возле автомобильной печки, откинулся затылком на подголовник и на несколько секунд закрыл глаза.

— Тогда ты станешь неприкасаемой, — ответил он. — Ты будешь лучше, чем просто хороший коп. Тебя никто не сможет просчитать, и это сделает тебя одновременно опасной и внушающей страх.

Некоторое время они молчали. Машина медленно ехала по тихим улицам Ривердейла. День был жарким и душным, тепло поднималось от нагретого асфальта колеблющимися прозрачными волнами. Все стекла в машине были подняты, работал кондиционер.

— А ты — такой? — нарушила молчание Дженнифер, вырвав на платную полосу движения. — Или хотя бы считаешь себя таким?

— Я пытаюсь быть таким, — ответил Ло Манто. — Я должен контролировать ситуацию, управлять ею так, как это нужно мне. Это получается не всегда, но можно хотя бы попробовать. Однако за это приходится расплачиваться.

— Чем?

— Возможностью иметь более или менее сносную личную жизнь.

Впервые с момента их встречи Дженнифер уловила в голосе итальянца грустные нотки, тоску по обычному человеческому существованию. То время, что он провел вдали от Нью-Йорка, не смогло изгладить из его души горечь, накопившуюся за годы жизни в этом незнакомом жалости городе. Работа на бульварах и улицах Неаполя, где Ло Манто от рассвета до заката защелкивал наручники на запястьях гангстеров, жирующих на царящей вокруг нищете, сделала его защитный панцирь еще толще. И все же под этой непробиваемой оболочкой горел негасимый теплый огонек.

— После того, как ты научишься контролировать ситуацию, сталкиваясь с бандитами, это быстро входит в привычку, и ты помимо своей воли начинаешь предпринимать попытки контролировать нормальных, обычных людей, которые тебя окружают. Именно по этой причине большинство копов либо холосты, либо разведены, либо предпочитают говорить по душам не со своей женой, а с барменом.

— Или, — добавила Дженнифер, — что еще хуже, женаты на своих коллегах.

Ло Манто кивнул и улыбнулся.

— Мы почти приехали, — сказал он. — Вон там нужно будет повернуть налево.

Дженнифер перестроилась в левый ряд, взглянула на дорожные указатели и с любопытством осведомилась:

— И что нас ожидает в Музее средневекового искусства?

— Ответ на твой вопрос скрывается в нем самом. Там нас ожидают великие произведения средневекового искусства. А также двое наркоторговцев, желающих без помех проверить очередную сделку. Это идеальное место для того, чтобы не спеша прогуляться и побеседовать.

Двое мужчин равнодушно смотрели на древний крест, стоявший в прозрачном кубе из толстого стекла. После удушающей жары, царившей снаружи, находиться в этих прохладных залах было просто наслаждением.

Тот, что был повыше, в черной рубашке с короткими рукавами и коричневых слаксах, пристально рассматривал небольшую группу посетителей и следил за их реакцией на в изобилии представленные здесь шедевры. Несмотря на то, что часы показывали всего одиннадцать, народу здесь было полным-полно. Это был обычный для буднего дня набор публики: старшекласники со скучающими лицами, которых вывезли на экскурсию помимо их воли, пенсионеры, решившие на старости лет расширить кругозор, и ученые, рассматривавшие экспонаты с таким видом, будто обладают неким тайным знанием, недоступным для остальных. Никто из этих людей не заинтересовал высокого мужчину. Свернутой в трубку музейной брошюрой он похлопал по плечу своего спутника и сказал:

— Тут его нет. Пойдем посмотрим в других залах.

— Это место буквально пропитано историей, Бруно, — мечтательно проговорил второй мужчина — ниже ростом, с длинными, до плеч, волосами, помятым, но все еще моложавым лицом и обходительными манерами. — Какая жалость, что я не знал об этом музее раньше!

— Знаешь что, Терри, когда будет свободное время, придешь сюда и разглядывай всю эту рухлядь хоть до ночи, — грубовато ответил долговязый. — А сейчас нужно дело делать.

И они двинулись по прохладным сумрачным коридорам.

В трикотажной рубашке и серых брюках с безупречными стрелками, подтянутый, с идеальным пробором, Терри скорее походил на школьного учителя рисования, нежели на наркодилера каморры. Обычно он предпочитал работать один, но эта сделка свалилась как снег на голову, поэтому пришлось взять с собой в качестве охранника этого верзилу, который теперь тащился рядом с ним.

Бруно Магро была уготована участь простой шестерки, наемного ствола на службе каморры, чем он был обязан своему умению быстро и ловко обходиться с оружием. Если возникала возможность того, что кто-то попытается сорвать сделку, Бруно был готов палить даже по толпе безоружных, ни в чем не повинных людей.

Люди, подобные Бруно, использовались в качестве пушечного мяса. О деталях очередной сделки им если и рассказывали, то очень немного, но они не роптали, довольные хотя бы такой работой. Они надеялись, что в дальнейшем им будут поручать более ответственные и, значит, более высокооплачиваемые задания и со временем они сумеют войти в круг избранных лидеров каморры. Однако этим надеждам было не суждено сбыться.

Будущих членов каморры отбирали, когда они находились еще в детском возрасте, начиная с шести лет, а затем давали им образование, развивая в этих мальчиках и девочках их природные склонности и таланты. Войдя во взрослую жизнь, они были готовы начать зарабатывать деньги — как законными, так и преступными методами.

Терри был сыном неаполитанской проститутки. За два дня до того, как ему должно было исполниться семь лет, мать отвела мальчика в местную семью каморры и оставила там навсегда, а в благодарность за щедрый дар ее на целую неделю освободили от уплаты обязательной дани. Во время обучения в ребенке открылась природная склонность к математике и геометрии. Он окончил среднюю школу в Неаполе, а затем продолжил

образование в Англии и получил степень бакалавра в Нью-Йорке. К тому времени, когда Терри Фоссино получил последний из своих дипломов, он уже был опытным и пользующимся доверием оперативником каморры, работающим на ниве наркоторговли. Он осуществлял миллионные сделки и отмывал вырученные деньги, прогоняя их через шесть банков в пяти разных странах, прежде чем они — уже совершенно легальным образом — оседали на счетах каморры. Терри Фоссино был поистине неоценимым приобретением для каморры.

Терри привел Бруно в боковой коридор, и оба мужчины прислонились спинами к стене, пропуская цепочку экскурсантов.

— Ты уверен, что это — именно то место? — спросил Бруно, в голосе которого уже слышались нервные нотки. — Для меня здесь все выглядит одинаково.

— Если они не появятся через пять минут, станет понятно, что либо я ошибся, либо они решили не приходить, — ответил Терри, оставаясь невозмутимым, словно хирург.

— И что тогда? — задал новый вопрос Бруно, пытаясь разглядеть в полумраке выражение лица Терри.

— Тогда мне придется кого-то наказать за то, что этот кто-то что-то напутал, — ответил Терри еще более бесстрастным тоном. — И, возможно, это будешь ты.

Бруно фальшиво хихикнул.

— Очень смешно, — проговорил он. — Обожаю работать с юмористами.

Слушая писклявый голос Бруно, Терри Фоссино оглядел пустое пространство вокруг себя. Он знал: чем бы ни закончился сегодняшний обмен, ему с этим парнем больше не работать. Не тот это человек. Если их арестуют, он скорчится на заднем сиденье полицейской машины и расколется еще до того, как его привезут в участок. Если их захватят члены конкурирующей банды, Бруно, стоит на него чуть-чуть надавить, тут же выложит все известные ему имена. В эти короткие секунды, стоя в темном коридоре Музея средневекового искусства, Терри раз и навсегда решил судьбу находящегося рядом с ним молодого человека. Это, решил он, будет последним заданием Бруно Магро.

Почувствовав, как ствол пистолета уперся в его ребра, Терри сделал глубокий вдох и замер. Он не раз попадал в подобные переделки и поэтому знал, что в таких ситуациях лучше молчать и не шевелиться. Затем он расслабил тело и стал ждать дальнейшего развития событий.

—левой рукой возьми пистолет своего дружка и брось его на пол, — очень тихо проговорил спокойный и размеренный мужской голос. — И учти, если ты сделаешь хоть одно резкое движение, я трижды нажму на курок — ты и пикнуть не успеешь.

Терри протянул в темноту левую руку, нащупал грудь Бруно и, немного опустив руку, вытащил у него из-за пояса 9-миллиметровую «Беретту».

— Какого черта ты делаешь? — возмутился Бруно, сделав попытку отодвинуться.

— Дай мне взять пистолет и заткнись, черт тебя возьми! — прошипел Терри. Взяв пистолет напарника за ствол, он переместил руку в сторону, разжал пальцы, и оружие глухо звякнуло, ударившись о каменный пол. Затем он повернул голову в ту сторону, откуда раздался голос, и спросил: — Мой тоже?

— Разумеется, — ответил незнакомец. — Если бы он у тебя был. Но ты не носишь оружие уже лет двадцать, и музей — не самое подходящее место для того, чтобы нарушать традиции.

— В таком случае что тебе надо?

— Вашу одежду, — ответил мужчина. Затем он передвинулся, и из густых теней появилось его лицо и верхняя часть туловища. — А еще — пятьдесят тысяч, которые лежат в боковых карманах твоего пиджака от Армани.

Терри взглянул в лицо мужчины, выискивая признаки страха или тревоги, но не обнаружил ни того, ни другого.

— Ты не успеешь их потратить, — негромко сказал он. — Я позабочусь о том, чтобы тебя убили раньше, чем ты разменяешь первую двадцатку.

— Я не собираюсь их тратить, — ответил Ло Манто, делая шаг вперед и оказываясь в круге света от тусклой лампочки. — Я использую их на благотворительные цели. И не волнуйся, пожертвование будет сделано от твоего имени.

— Это не мои деньги, — сказал Терри, — а человек, которому они принадлежат, ненавидит благотворительность.

— Еще один недостаток Пита Росси, — недобро улыбнулся Ло Манто. — А теперь раздевайтесь! — скомандовал он. — И ты, и твой жирный приятель!

— Мы можем и отказаться, — сказал Терри.

Ло Манто больно ткнул его стволом под ребра.

— Этим вы окажете плохую услугу и своему здоровью, и своей одежде. А мне, учти это, испорченный пиджак ни к чему.

Угловатое лицо Терри покраснело от злости, но он кивнул головой и безропотно стащил с себя пиджак и протянул его Ло Манто.

— Хорошо, — заявил тот, — а теперь разденьтесь догола и бросьте одежду в угол.

— Деньги у тебя, — мрачно проговорил Терри, — что тебе еще нужно?

— Я в Нью-Йорке совсем недолго, а вы, ребята, гоняетесь за мной с того момента, как я сошел с трапа самолета. Поэтому у меня не было времени пройтись по магазинам и обзавестись приличной одеждой. Поэтому я выберу что-нибудь подходящее из ваших тряпок.

— Я раздеваться не буду! — прорычал Бруно. — Я скорее сдохну, чем останусь здесь с голой жопой!

Ло Манто несколько секунд смотрел на низкорослого гангстера, а затем нанес молниеносный и сильный удар рукояткой пистолета по губам Бруно, выбив ему сразу три передних зуба. Затем он сунул дуло под подбородок Терри, заставив того прижаться затылком к каменной стене.

— Я опаздываю на обед, — сообщил он, — а приходите в ресторан, не приодевшись, я не привык.

Терри расстегнул штаны, и они упали ему на колени. Бруно, по подбородку которого текли струйки крови, снял рубашку и бросил ее поверх пиджака Терри.

Ло Манто стоял в двух футах от гангстеров и наблюдал за тем, как они освобождаются от одежды. Когда оба оказались в чем мать родила, он протянул им полиэтиленовый пакет с эмблемой и логотипом музея и приказал:

— Положите одежду и ботинки сюда. Сворачивать не трудитесь, и так сойдет. А вот пиджак я надену прямо сейчас. Будет в чем появиться в ресторане. Такая уж у меня работа — не могу позволить себе шмотки от Армани!

— Я позабочусь о том, чтобы тебя в этом пиджаке и похоронили, — пообещал Терри.

— Моей маме это понравится, — хмыкнул Ло Манто. — Она постоянно пилит меня по поводу того, как я одеваюсь.

Сунув пистолет за пояс, Ло Манто взял пакет, набитый одеждой и обувью, и пошел в ту

часть музея, что была ярко освещена.

— Поосторожнее, когда будете уходить, — предупредил он двух голых торговцев наркотиками. — Полы могут быть скользкими, а мне бы не хотелось, чтобы вы ушиблись.

* * *

Фрэнк Сильвестри смотрел на стоящего перед ним молодого человека. В пропитанной потом и покрытой пятнами синей рубашке он нервно мямлил в руках стаканчик с кофе.

— Значит, товар ты потерял, — бесстрастным тоном констатировал Сильвестри. — Каким образом?

Они находились в стойле пустой конюшни, вход в которую стерегли двое мужчин в одинаковых коричневых пиджаках. Приближались сумерки, и в огромном помещении, где в беспорядке валялись снопы сена, седла и попоны, начинали сгущаться тени. Люди Сильвестри подобрали парня, когда тот в панике бежал по авеню Форт-Вашингтон. Он был босиком, а в руке держал кожаную сумку. Еще утром он получил ее, полную наркотиков, теперь же в ней находились флаконы с кремом для рук. Сейчас парень изо всех сил пытался не расплакаться.

— Эта леди подошла ко мне в музее, — рассказывал молодой человек, торопясь и глотая окончания слов, — и сказала, что заблудилась. Попросила помочь ей выбраться, найти выход из музея.

— Что ты и сделал, несмотря на то, что тебя предупреждали: не говорить ни с кем и даже не смотреть ни на кого, включая тех, кому ты должен был передать товар, — подвел итог Сильвестри. — Я правильно понял?

— Мы находились почти рядом с выходом, — продолжал говорить молодой человек. — Я думал, это займет у меня не больше трех-четырёх минут.

— Когда она вытащила пушку? — задал вопрос Сильвестри.

— Откуда вы знаете, что у нее была пушка? — спросил парень. Любопытство заставило его на секунду забыть о страхе.

— Потому что, если бы ты отдал ей на пятьдесят тысяч дури не под дулом пистолета, а ради ее красивых глазок, тебе сейчас было бы совсем хреново.

— Это случилось, когда мы подошли к ее машине, — ответил парень, потея словно после шестичасового марафона. — Она приставила пистолет к моей спине, взяла сумку и бросила ее на заднее сиденье своей машины.

— Ты запомнил марку и модель? Может, хотя бы несколько цифр номера? Хоть что-нибудь, мать твою, чтобы я мог отыскать эту суку?

Молодой человек повесил голову на грудь.

— Извините, — промычал он, — я в тот момент ничего не соображал. Я не ожидал ничего такого, и она застала меня врасплох.

— Неудивительно, — проговорил Сильвестри. — Лучше бы я поручил это дело умственно отсталому из фильма «Человек дождя». Он хотя бы сумел бы запомнить номер ее машины.

— Не знаю, что сказать, — продолжал мямлить парень в ожидании неизбежной расплаты. — Я действительно облажался. Поверьте, такого больше не повторится.

— Это уж точно, Реймонд, — печально кивнул Сильвестри, — такого больше не

повторится. По крайней мере с тобой.

Протянув руку, Сильвестри обнял юношу за хрупкие плечи и повлек в дальний угол стойла. Тот едва волочил ноги, цепляя носками кроссовок валявшиеся на полу комочки земли и пучки сена.

— Дай мне еще один шанс, Фрэнк! — молил парень. — Я не подведу тебя, клянусь!

— Зачем торопиться, — проговорил Сильвестри, вынимая из кармана пиджака нож с изогнутым шестидюймовым лезвием. — Сначала нужно довести до конца одну сделку и уж потом приниматься за другую.

— А что для этого нужно? — замирая, спросил Реймонд.

— Самую малость, — ответил Сильвестри. В следующий момент он всадил нож в грудную клетку Реймонда и, удерживая его одной рукой, смотрел в его глаза до тех пор, пока в них не погасла последняя искорка жизни.

Чарли Саншайн затаился в темном углу под лестницей. На его руке был кастет, в кобуре на правой щиколотке ждал своего часа коротконосый револьвер, а на толстой цепи вокруг шеи висел закрытый нож с зазубренной верхней стороной лезвия. Дыхание вырывалось из его впалой груди болезненными толчками. Чарли до сих пор не пришел в себя после очередного приступа астмы. Правая часть его тела была туго забинтована, а под бинтами скрывались пятнадцать швов, которые пришлось накладывать после того, как Бен Мерфи полоснул его разбитой бутылкой. Рана заживала плохо.

Саншайн знал, что Бен припрятал деньги, доставшиеся ему в результате давнего ограбления, но не знал, куда именно и кому он их для этого передал. Однако Чарли было известно, что первым человеком, который вошел в бар после их с Беном потасовки, был бездомный мальчишка Фелипе Лопес. Этот парень время от времени помогал Бену по хозяйству, поэтому в том, что он заглянул в бар погожим летним утром, не было ничего странного. Было бы также логичным предположить, что через пару часов после этого он вышел оттуда — грязнее, чем прежде, но зато богаче на несколько долларов. Однако кое-кто шепнул Чарли, что мальчишка вышел из бара меньше чем через час после того, как вошел туда, за несколько минут до того, как раненого Мерфи забрала «Скорая помощь». Этого было вполне достаточно, чтобы в душе Чарли Саншайна зародились подозрения в отношении Фелипе. Он стал следить за каждым его шагом, пытаясь выяснить, не изменилось ли его поведение с того дня, когда он в последний раз наведился в бар, нет ли каких-нибудь признаков того, что мальчишка подобрался к главному призу.

Тот факт, что спустя пару дней парня заметили в компании копа, еще больше укрепило Чарли в его подозрениях. Этот коп был незнаком Саншайну. На улицах шептались, что он залетный, но Чарли не сомневался, что легавый каким-то образом подцепил мальчишку на крючок и намерен урвать свой кусок жирного пирога.

Устав стоять, Саншайн прислонился плечом к стене, и в этот момент хлопнула входная дверь. Он повернул голову в сторону темного коридора и увидел мальчика, присевшего в углу вестибюля и разрывающего целлофановую упаковку на сэндвиче с копченой колбасой и американским сыром. Саншайн подождал еще две минуты, и, убедившись, что, кроме них, в подъезде никого нет, вышел из темноты. Он возник словно из темного облака, бесшумно ступая мягкими кроссовками, и, приблизившись к мальчику, сказал:

— Не люблю кушать в одиночестве. Ты, я уверен, тоже.

Фелипе поднял голову, пытаясь не показать страх, растерянность и злость на самого себя за то, что позволил застать себя врасплох. Он всегда гордился своим умением предвидеть любую ситуацию, буквально кожей ощущать опасность и, таким образом, выживать в жестоких условиях бездомного существования.

Главным для этого было постоянно оставаться настороже и улавливать все сигналы, подаваемые враждебной окружающей средой.

— Нет, — ответил он сдержанным, без эмоций, тоном, — я люблю побыть один. Можно поразмыслить в тишине.

— Какой аппетитный у тебя сэндвич, — сказал Саншайн, обнажив в ухмылке желтые, крошащиеся зубы. — Он тебе, наверное, обошелся в целый бак пустых алюминиевых банок.

— Подумаешь, деньги! — беспечно откликнулся Фелипе, впившись зубами в

сэндвич. — Есть-то все равно надо!

— И жить тоже, — добавил Чарли Саншайн. Сделав шаг вперед, он наклонился и навис над мальчиком зловещей тенью, заслонив от него единственный солнечный луч, падавший сквозь слепое оконце над дверью. — Так что давай, доедай свой сэндвич. Он слишком хорош, чтобы его выбрасывать. А пока будешь жевать, держи ушки на макушке и очень внимательно слушай то, что я тебе буду говорить. Врубился?

— Валяй, рассказывай, — откликнулся Фелипе, — а я пока поем.

— Хозяин бара, Бен Мерфи, отдал тебе то, что принадлежит мне, — заявил Саншайн, обдавая жующего мальчика своим зловонным дыханием. — Верни это мне, и я оставлю тебя в покое до конца твоей жизни. И, кто знает, может, я даже отблагодарю тебя, и тогда ты получишь гораздо больше, чем дал бы тебе старый пьяница.

— О каком вознаграждении идет речь? — уточнил Фелипе, сунув в рот последний кусок хлеба и ища глазами возможный путь, чтобы смыться.

— Пятьсот баксов, — ответил Саншайн, лицо которого было скрыто тенями. — А может, даже тысяча, если там больше, чем я думаю.

— А сколько там, по-твоему? — невинным тоном спросил Фелипе.

— Не шути со мной, ты, дерьмо мелкое! — взвился Саншайн. — У хозяина бара хранились деньги, взятые во время налета. Мои деньги. Но вместо того, чтобы вернуть их мне, он по каким-то еще непонятным для меня причинам передал их тебе. Теперь все это уже не имеет значения, если только ты вернешь их законному хозяину. То есть мне.

Фелипе потряс головой и посмотрел на Саншайна, пытаясь разглядеть в темноте его черты.

— Если бы у меня действительно было то, о чем ты говоришь, стал бы я сидеть в грязном подъезде, жрать поганый сэндвич и ждать, когда заявится кто-нибудь вроде тебя и станет вышибать из меня эти бабки? Я давно валялся бы под большим зонтиком на песочке где-нибудь в Пуэрто-Рико.

Саншайн наклонился и сильно хлестнул мальчика по правой щеке.

— Получи пока голый рукой, — проговорил он сквозь сжатые гнилые зубы, готовые в любой момент вывалиться из десен, — а потом, если понадобится, я возьмусь за нож. Так что побереги здоровье и расскажи по-хорошему все, что мне нужно знать.

— Тебе нужно знать, что я ни хрена не знаю об этих украденных деньгах, — сказал Фелипе. Его правый глаз начал слезиться, а в ушах звенело от удара. — Единственные деньги, которые мне дал Бен, были платой за то, что я прибирался в его заведении. Если тебе нужны они, то ты и тут пролетел, потому что я их уже потратил.

— Я думал, ты умный парень, — процедил Саншайн. — Похоже, я ошибался. — Он поднес руку к вороту рубашки, отцепил нож и указательным пальцем правой руки открыл лезвие. — Уши понадобятся тебе, чтобы слушать, язык — чтобы говорить. Все остальное принадлежит мне.

Саншайн схватил Фелипе за волосы и сильным рывком заставил его встать на ноги, а затем провел кончиком ножа по его ладони. На коже мальчика тут же выступила кровь.

— Это твой последний шанс, ты, грязная дворняжка! Не заговоришь, начну тебя резать по-настоящему.

Фелипе посмотрел в глаза Чарли и улыбнулся.

— Делай, за чем пришел, — сказал он, — только помни: нет меня — нет денег. А сам ты не сможешь их найти, даже если они окажутся в твоём кармане.

— Может, и так, — согласился Саншайн, — но я уж позабочусь о том, чтобы ты не потратил ни цента из этого куша.

— Все равно бабки пропадут. Мне не достанется ничего, а тебе и того меньше.

Саншайн воткнул нож в ладонь мальчика, у которого от боли подкосились ноги и потемнело в глазах. Но именно эта боль не позволила ему упасть на колени.

— Если уж я не получу деньги, то хотя бы позабавлюсь, — прошипел Чарли в ухо Фелипе.

Мощный удар пришелся бандиту чуть ниже затылка, пронизав все его тело острой болью и заставив его упереться руками в стену, чтобы не упасть. После второго столь же сильного удара в левую почку бандит согнулся и стал хватать ртом воздух. Он медленно повернулся и получил третий удар — прямо в лицо. В его носу что-то громко хрустнуло, во все стороны полетели кровавые брызги. Стоя над поверженным Саншайном, Ло Манто вытащил из кармана белый носовой платок, протянул его Фелипе, а затем выдернул из его ладони нож и отшвырнул в сторону.

— Завяжи рану крепче, — велел он, — и держи руку поднятой. Это поможет остановить кровь.

Внезапно лежавший на кафельном полу Саншайн вцепился обеими руками в ногу Ло Манто. Итальянец поднял свободную ногу и нанес Чарли в лицо удар, от которого его голова откинулась назад, как боксерская груша, передние зубы вылетели начисто, и в стороны снова полетели брызги крови. Несколько секунд Ло Манто смотрел на Саншайна, готовый врезать бандиту еще раз, если тот пошевелится, а затем повернулся к стоявшему рядом Фелипе. От пережитого потрясения тело мальчика до сих пор была дрожь, а из глаз текли слезы, будто глаза таяли. Некогда белый носовой платок, обмотанный вокруг ладони, пропитался красным, пальцы тряслись, и кровь тонкими струйками стекала к локтю. Фелипе опустил голову, уткнулся ею в грудь Ло Манто и замер, дав наконец волю своему страху. Ло Манто обнял мальчика и крепче прижал его к себе. Фелипе уже плакал. Его худые плечи вздрагивали с каждым всхлипом, а от напускной бравады, которую он демонстрировал в разговоре с Саншайном, не осталось и следа. Он сбросил маску крутого и грубого уличного парня и позволил себе хотя бы на несколько минут стать испуганным маленьким мальчиком. Ло Манто не стал мешать ему, и только ласково и успокаивающе поглаживал мальчика по затылку.

Ло Манто не на шутку разозлился из-за того, что произошло с Фелипе, что его ранил какой-то мелкий уличный отморозок, который валялся теперь в луже крови на полу рядом с ними. Но одновременно с этим ему было приятно, что случившееся окончательно растопило настороженность мальчика по отношению к нему — человеку, которого Фелипе знал всего три дня. Ло Манто, как и Фелипе, умел контролировать свои слабости и не показывал их никому, особенно противнику. Он прятал свой страх и чувство уязвимости на протяжении стольких лет, что сейчас, наверное, не смог бы вытащить их на поверхность, даже если бы захотел. Если бы только бандиты знали правду про копа, у которого, как они считали, было каменное сердце!

— Извини, — сказал Фелипе, поднимая заплаканное лицо и глядя на Ло Манто. — Со мной такое нечасто случается.

— Ты это про слезы? — уточнил Ло Манто. — Не стесняйся, тебя ведь не каждый день режут. Видел бы ты меня, когда меня ранят. Я тогда напоминаю старуху на похоронах.

Фелипе улыбнулся, вытер лицо грязной ладонью и посмотрел на Саншайна.

— Я должен был предвидеть, что рано или поздно он до меня доберется. Таким, как он, нет покоя, когда дело касается денег.

— А почему он считает, что у тебя есть деньги?

— Потому что они у меня действительно есть, — ответил Фелипе и тут же осознал, что он раскрывает секрет, который должен хранить, как могила. Да, он испытывал симпатию по отношению к Ло Манто и доверял ему, но разбалтывать чужие тайны было все же не по-мужски. — Мне подарил их один местный, хозяин бара. Только я не могу ими пользоваться. По крайней мере года два.

— И где же они?

— В надежном месте, где их никто не станет искать, — ответил мальчик, приложив палец к губам и кивнув на истекающего кровью мужчину, лежавшего рядом с ними. — Особенно такая погань, как Чарли Саншайн.

— Он сумел бы развязать тебе язык, — проговорил Ло Манто. — Это единственное, что умеют люди вроде него.

— Ты тоже хочешь узнать, где находятся эти деньги? — спросил Фелипе. Хотя кровотечение из ладони теперь уменьшилось, но боль стала сильнее, и руку немилосердно дергало.

— Почему ты решил, что мне это интересно? — вздернул бровь Ло Манто. — Это ведь твои деньги, и ты спрятал их там, где счел нужным.

— Но ты ведь коп! — пожал плечами Фелипе так, словно смысл его вопроса был очевиден.

— Коп, да не такой, как все, — ответил Ло Манто. — Мне не нужно ни цента из этих денег, и я не хочу знать, откуда они взялись. Сколько бы ни продлилась наша дружба — неделю или всю оставшуюся жизнь, — ты не обязан рассказывать мне об этом.

— Тот человек, который мне их дал... Я время от времени работаю на него, — выдавил из себя Фелипе. — Он сказал, что я должен использовать их, чтобы начать новую жизнь и завязать с теперешней.

— Отличный совет, — кивнул Ло Манто, положив руку на плечо мальчика, — и я надеюсь, что ты им воспользуешься.

— Я так и собираюсь поступить. Если до этого меня не грохнут.

Ло Манто улыбнулся и, переступив через распростертое тело Чарли Саншайна, повел мальчика к выходу из подъезда.

— В этом я, возможно, смогу тебе помочь, — сказал он. — Для начала нам нужно найти врача, чтобы он заштопал тебе руку.

— Не волнуйся, — пообещал Фелипе, когда они вышли под жаркое августовское солнце, — я тебя не опозорю: не стану вопить в кабинете доктора и не свалюсь в обморок.

— К сожалению, не могу обещать тебе то же самое, — вздохнул Ло Манто. — Честно говоря, при виде иголок у меня всегда начинает кружиться голова, так что всякое может случиться.

— Я тебя поддержу, — улыбнулся Фелипе. — Можешь на меня рассчитывать.

— Я это знаю.

С рожком ванильного мороженого в руке Паула сидела на ступеньке пожарной лестницы, болтая худыми ногами, свисавшими между ржавыми перилами. Полуденное солнце скрылось за целым эскадроном густых облаков, каждое из которых было наполнено еще не пролившимся дождем. Девочка слизнула с руки каплю растаявшего мороженого и от удовольствия даже причмокнула.

Паула передвигалась по городу с самого утра, когда в женском туалете на станции «Гранд-Сентрал» она встретила с дядей Джанкарло. Девочка отправилась в южную часть Манхэттена, перемежая ходьбу пешком по людным и жарким улицам с поездками на автобусах с кондиционированным воздухом, а следом за ней неотступно следовали двое каморристов.

Она нашла нужный ей дом на Эйли-авеню — пятиэтажное здание с выходящими на улицу окнами и глянцево-белой входной дверью, расположенное, как и рассказывал дядя, между цветочным и продуктовым магазинами. Миновав узкий проход, она оказалась на заднем дворе, уставленном коробками со свежими цветами и ящиками с овощами и фруктами. Подпрыгнув, она ухватилась за нижнюю ступеньку пожарной лестницы, вскарабкалась наверх, вытащила из своего маленького рюкзака упакованный в целлофан рожок с мороженым и уселась — впервые за весь день. Девочка устала, вымоталась и даже теперь, отчетливо видя, какая опасность грозит дяде, не понимала, почему он просто не забрал ее и не отвез в какое-нибудь безопасное место. Она уже успела сообразить, что удавшийся побег из особняка Росси явился не результатом ее блестяще разработанного и выполненного плана, а всего лишь хитрой и смертоносной ловушкой, в которую гангстеры намеревались заманить ее дядю.

Опустив взгляд на раскинувшийся внизу густой палисадник, Паула сразу заметила двоих, которые шли по ее следам с того самого момента, когда она перелезла через ограду поместья. Чтобы не так бросаться в глаза, они опустили на колени прямо в коричневую грязь и были частично скрыты зеленью. Вид у них был усталый и растерянный. Эта парочка знала о планах Паулы даже меньше, чем она сама, и теперь они, видимо, гадали, куда еще им придется тащиться за этой чертовой беглянкой.

От неожиданности девочка едва не выронила остатки мороженого, услышав позади себя старушечий шепот. Медленно повернув голову, она увидела темное морщинистое лицо, улыбающееся ей из окна, между колышущихся на ветру белых занавесок.

— Отвернись и внимательно слушай, — негромко проговорила старая женщина скрипучим голосом, в котором звучал сильный итальянский акцент. — Мы с твоим дядей — друзья.

— С ним все в порядке? — спросила Паула.

— У него сердце святого, — поцокала языком старуха, — и сердце дьявола. Однажды он умрет, но не так, как хотелось бы его врагам.

— Где он сейчас?

— Делает то, что должен, — ответила женщина, — а теперь пора и тебя определить в безопасное место. Хватит тебе бегать от этих головорезов.

— Как же это сделать? — удивилась Паула. — Вон они, в палисаднике, и следят за каждым моим движением.

— Красивое у тебя платье, — казалось бы, невпопад ответила старуха. — У моей внучки — почти такое же: и по цвету, и по размеру. Вы с ней почти ровесницы.

— Возможно, когда-нибудь мы с ней встретимся, — проговорила Паула, пытаясь не

показать своей растерянности, — но сейчас для этого, по-моему, не самое подходящее время.

— Ошибаешься, — кивнула старуха, — сейчас как раз самое время.

— Только если вы хотите рискнуть и ее жизнью, — предупредила Паула. — Если эти двое внизу увидят кого-нибудь рядом со мной, им не останется ничего другого, кроме как стрелять. Не думаю, что вам бы этого хотелось.

— Медленно поднимись, — деловито велела женщина, — возьми свой рюкзак и иди к ступеням, ведущим вниз, но держись поближе к моему окну.

Паула на секунду закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Затем она встала и взглянула вниз на двоих мужчин, делавших вид, что не смотрят в ее сторону. Взяв рюкзак все еще липкими от мороженого пальцами, девочка шагнула к ступеням, ведущим вниз, и, вытянув левую руку, прижала ладонь к коричневой кирпичной стене всего в нескольких дюймах от открытого окна, за которым стояла старуха. Повернув голову, она встретилась с ней взглядом. Старая женщина улыбнулась девочке и кивнула головой. Из окна доносился вкусный запах жареного цыпленка и кипящего на плите соуса. Старуха подалась вперед, вцепилась узловатыми, покрытыми венами руками в деревянный карниз и высунула голову в окно.

— Влезай внутрь! — велела она. — Быстрее! — А затем отступила на три шага и прислонилась к стене. Паула нырнула в окно головой вперед и упала на низенький кофейный столик, стоявший возле дивана. После этого началось что-то совсем уж непонятное. Старуха забрала у Паулы рюкзак, передала его девочке, вышедшей из тени, и помогла ей вылезти на пожарную лестницу. Девочка — такого же роста и возраста, что и Паула, и с такой же прической — стала спускаться по пожарной лестнице и вскоре скрылась из вида. На окна упали плотные шторы, и воцарился полумрак. Ошеломленная Паула стояла посередине гостиной не в силах пошевелиться.

— Что здесь произошло? — наконец проговорила она пересохшим, как бассейн без воды, ртом. — Те двое очень быстро сообразят, что следят не за тем человеком, и вернуться сюда, желая узнать, куда я подевалась.

— Правильно, — кивнула старуха, — только это случится не сразу. А когда они сюда заявятся, тебя здесь уже не будет.

— Как же мы выберемся отсюда? — спросила девочка. — Один из них наверняка останется во дворе, а второй пойдет к парадному входу в здание, и очень скоро к ним прибудет подмога.

— Именно поэтому мы не должны терять время. Прежде чем они поймут, что моя Регина — это не ты, мы должны оказаться в подвале, после чего пройдем по подземному коридору и выйдем на улицу через три дома отсюда, рядом с бензоколонкой, что находится на углу. Там тебя будет ждать машина. Человек за рулем знает твоего дядю много лет. Когда вы уже будете ехать, ты отдашь ему свои часы и кроссовки. Он знает, что с ними делать.

— И куда же он меня отвезет?

— Туда, куда просил нас отвезти тебя твой дядя, — ушла от прямого ответа старая женщина. С этими словами она взяла Паулу за руку и потащила ее за собой. Она была невысокой и полной, но двигалась с завидным проворством. Ее густые седые волосы были зачесаны назад и закреплены множеством заколок, а на ее шее висел медальон с изображением Богоматери. На правой стороне ее лица виднелся косой шрам, а дыхание пахло застарелым табаком. Ее звали Ассунта, и она была вдовой Альберто Конте, убитого на

глазах у нее и их троих детей почти двадцать пять лет назад из-за того, что он отказался платить вымогателям из каморры, которые правили прибрежной частью Нью-Йорка. С того самого утра, когда четверо крепких мужчин опустили гроб с телом ее мужа в холодную землю кладбища «Вудлон», Ассунта вела собственную войну против членов преступной организации, столь безжалостно разрушившей ее жизнь. Она спасала тех, кого они искали, предоставляла убежище тем, кого они собирались убить, ссужала деньги тем, кто не мог расплатиться с огромными долгами. Это сделало ее своего рода легендой, мстительницей, которая расправляется с подонками, причинившими ей столько боли. Война с каморрой превратилась для Ассунты Конте в дело всей ее жизни, и она отдавалась ему без остатка. Почти так же, как и ее крестник, Джанкарло Ло Манто.

Старая женщина и молоденькая девочка бегом спускались по лестнице, стремясь достичь подвала раньше, чем у дома появится кто-то из шпиков каморры. Путь прокладывала Ассунта, держась крепкой не по годам рукой за шаткий деревянный поручень и нередко перепрыгивая сразу через две ступени.

— А если у нас не получится? — спросила Паула, легкие которой уже пылали от бега, а душа корчилась от страха и тревожных мыслей. Что, если они поджидают нас в подъезде?

— Тогда ты отпустишь мою руку и сломя голову кинешься в подвал, — не задумываясь, ответила старуха. — А я разберусь с каморристами.

Они миновали площадку второго этажа и продолжили спуск. Паула слышала, как воздух с громким хрипом вырывается из горла ее спутницы: усталость и возраст брали свое. Несколько заколок потерялись, и прядь седых волос повисла вдоль морщинистой щеки, на мясистой шее выступили капельки пота. Паула тоже взмокла. Майка прилипла к ее спине, шнурок на правой кроссовке развязался, она задыхалась. Наконец они оказались в просторном вестибюле, стены которого были увешаны выцветшими репродукциями с видами сельских пейзажей Италии. Паула выдернула ладонь из руки Ассунты и остановилась, но старуха, словно не заметив этого, свернула в боковой коридор и через несколько секунд оказалась возле большой красной двери, ведущей в подвал. Отодвинув засовы, Ассунта распахнула ее и заглянула в царившую за ней темноту. Затем она повернулась и стала ждать Паулу, которая уже бежала к ней. Волосы старухи окончательно растрепались, и теперь она походила на постаревшую Медузу Горгону.

Именно в этот момент Ассунта увидела вооруженного мужчину, вошедшего в вестибюль подъезда. Его тяжелые шаги эхом отзывались в гулком пустом пространстве. В его правой руке Ассунта заметила пистолет — взведенный и готовый к стрельбе. Сжав хрупкие плечи девочки, она ободряюще улыбнулась и сказала:

— Будь осторожна, не поскользнись. Когда спустишься вниз, сразу же сверни налево и продолжай идти, пока не дойдешь до бойлера. Рядом с ним ты увидишь отверстие в стене. Полезай в него и беги что есть сил. Этот проход приведет тебя к короткой лестнице и выходу на улицу. Как только выберешься наружу, увидишь машину с включенным двигателем. Залезай в нее, а все остальное сделает водитель.

— А как же вы? — спросила Паула, глянув поверх плеча старухи на неумолимо приближающийся мужской силуэт. — Разве вы со мной не пойдете?

— Мы еще увидимся, детка, обещаю тебе.

Паула заглянула в наполненные решимостью глаза женщины и кивнула, а затем быстро побежала вниз по узким ступеням и через две секунды скрылась во мраке.

— Это была большая ошибка, — проговорил мужчина, остановившись перед Ассунтой и

держит пистолет у пояса. — Ей не уйти, и тебе тоже.

Медленно сунув руку в карман домашнего платья в клеточку, Ассунта повернула голову к говорившему.

— Ты убьешь старуху и ребенка? — спросила она.

— Только если они встанут на моем пути, — ухмыльнулся гангстер, — а сейчас на моем пути стоишь ты. Девчонка, впрочем, тоже, но с ней мне придется повременить. Она еще успеет умереть.

— Только не от твоей руки, — сказала Ассунта. Она развернулась и встала лицом к мужчине, твердо упершись босыми ногами в плиточный пол и глядя на противника неподвижным взглядом. Ее ладонь в кармане платья сомкнулась на рукоятке старого револьвера, оставшегося еще от мужа, указательный палец лег на спусковой крючок, и, не вынимая оружие из кармана, женщина один за другим сделала три выстрела. Все пули угодили гангстеру в грудь, причем вторая пробила артерию. Пистолет выпал из его руки, а затем и он сам с глухим стуком повалился на пол, ударившись головой о край ступеньки. Кожа на его виске лопнула, и из раны хлынула кровь.

В течение некоторого времени старуха смотрела на свою истекающую кровью жертву, а затем равнодушно отвернулась. Она заперла дверь в подвал, переступила через уже успевшую набежать лужу крови и стала подниматься по лестнице на свой этаж. Револьвер в кармане ее платья все еще дымился.

* * *

Пит Росси стоял в центре кухни ресторана, уставленной разнокалиберными кастрюлями и увешанной сияющими сковородами. Подойдя к раковине, он открыл холодную воду и сунул руки под ледяную струю. Затем он намочил матерчатую салфетку, выжал ее и, расправив, положил себе на лицо. Закрыв глаза, Росси вдыхал запах свежести и ощущал, как напряжение последних дней покидает его. Наконец, откинув голову назад, он снял мокрую салфетку с лица, скомкал ее и бросил в раковину. Только после этого Росси обратил внимание на человека, стоявшего в нескольких метрах от него. Человека била мелкая дрожь, и он смотрел на Росси глазами, полными ужаса.

Росси подошел к кухонной плите, снял с нее кофейник с эспрессо, от которого поднимались тонкие струйки пара, а затем, вынув из посудного шкафа чистую чашку, до краев наполнил ее густой горячей жидкостью. Сделав несколько глотков, он ощутил, как кофе согрел его грудь, а душистый аромат наполнил легкие. Мужчина напротив него продолжал дрожать, вцепившись рукой в деревянную стойку, чтобы не упасть. Росси приблизился к кухонной плите фирмы «Викинг» и включил ее, установив датчик температуры на максимальную мощность.

— Чего ты так боишься? — спросил он. — Меня или того, что ты провалил порученное тебе задание и людей, которые зависели от твоего усердия?

— Я всего лишь выполнял приказ, — клацая зубами, ответил перепуганный человек. — Мне было велено оставаться на заднем дворе — на тот случай, если девчонка выйдет через черный ход, что я и сделал. Но она так и не появилась.

— И пока ты там торчал как вкопанный, один из моих людей погиб, а девочка, с которой я велел не спускать глаз, растворилась.

— Но что я мог поделывать, мистер Росси? — жалобно проговорил Отто. — Если бы я нарушил приказ и ушел со двора, а девчонка возьми, да и появись там, я бы оказался в таком же положении, в котором нахожусь сейчас, даже хуже.

— Сколько времени ты на меня работаешь? — осведомился Росси, поставив пустую чашку на кухонный стол.

— В ноябре будет полгода, — ответил Отто. — И до сих пор все порученные мне задания я выполнял безупречно.

— Меня не интересуют удачи, — проговорил Росси, роняя слова размеренно и весомо. Босс гангстеров обращался к мелкой сошке, которая и находится-то здесь недостойна.

— Я... не виноват, дон... Росси, — проблеял Отто, отчаянно потея и с огромными усилиями выдавливая из себя каждое слово. — Я делал все, чтобы племянница полицейского не ускользнула от нас. Это случилось не по моей вине.

— Но из вас двоих, кому было поручено это задание, ты один находишься здесь. Твой напарник погиб, девчонка — где-то в безопасном для нее и недоступном для нас месте. А ты — здесь, со мной, в теплой кухне и смотришь, как я пью кофе.

— Я разыщу ее, мистер Росси! Клянусь вам! Я выслежу ее и верну вам — живой и здоровой, как вы хотели.

— Мне это не нужно, — помотал головой Росси. — И я не хочу, чтобы ты ее искал. Все, о чем я просил, так это не упускать ее из вида. Девочка никогда не являлась моей мишенью, а была всего лишь приманкой. Теперь же из-за тебя и твоего мертвого друга она пропала, а вместе с ней провалился и столь тщательно разработанный план. И знаешь, что из этого следует? Если мне больше не нужен этот план, значит, не нужен и ты.

— Вам нужен коп, мистер Росси, — простонал Отто, понимая, что его участь была решена задолго до того, как его сюда привели. — Я могу принести вам его шкуру. Единственное, что мне нужно, это ваше согласие. Дайте мне еще один шанс, прошу вас!

Пит Росси повернулся, открыл дверцу большой духовки, и ему в лицо дохнуло жаром.

— Нет у тебя больше шансов, — сказал он стоящему перед ним молодому человеку, а затем нажал на черную кнопку, расположенную посередине телефонного аппарата, висевшего на стене рядом с фотографией его отца. На снимке Росси — старший был молод и стильно одет: в синюю тройку и мягкую фетровую шляпу коричневого цвета. Через несколько секунд трое дюжих мужчин в темных костюмах вошли в кухню и окружили Отто. — Разденьте его, а потом зажарьте, — приказал Росси и двинулся к выходу.

Отто был готов потерять сознание, каждая клеточка его тела наполнилась ужасом. Одному из громил пришлось взять его за локти, чтобы он не упал.

— Вы не можете это сделать, мистер Росси! — завопил Отто. — Вы не можете так поступить со мной!

Росси повернулся к Отто, пожал плечами и улыбнулся.

— Не бойся, Отто, я не намерен портить из-за тебя новую духовку. Я просто хотел убедиться в том, что она работает. Но сегодня ты все равно умрешь.

Несколько секунд Росси молча смотрел на приговоренного им к смерти человека. Он всегда был против того, чтобы держать в организации подобных людей. Они обычно проваливали задания, а в тех редких случаях, когда этого не случалось, начинали трезвонить о своих «победах» на каждом углу. Каморра не должна идти на такой риск. Новобранцев следует выбирать среди самых талантливых, умных, одаренных, а затем они должны постепенно подниматься по иерархической лестнице, начиная с самой грязной и

унизительной работы. Если это годилось для корпорации «Форчун-500», стодится и для самой элитной преступной организации мира.

— Не тратьте на него патроны, — приказал Росси самому высокому из своих головорезов. — Закопайте его живьем.

* * *

Джоуи Тягач Макгроу поставил портфель с чистым героином на блестящую поверхность большого коричневого стола, поднял взгляд на стоявшего напротив мужчину и склонил голову набок.

— Ваши руки пусты, — проговорил он, — и никакого портфеля рядом с вами я тоже не вижу. Надеюсь, это не означает, что вы забыли принести деньги?

— Деньги в машине, — спокойным и уверенным голосом сообщил мужчина. — Вся сумма — до последнего Эндрю Джексона.

— Так почему бы вам не принести их сюда? — осведомился Тягач. — Это входит в условия сделки. А я подожду вас здесь.

— Откройте чемоданчик и отойдите от него на несколько шагов, — властным тоном распорядился его собеседник. — Я должен убедиться в том, что товар на месте и что он отменного качества, как вы обещали. Для меня это условие сделки гораздо важнее.

— Что ж, — хмыкнул Макгроу, — теперь, когда ясно, что мы не доверяем друг другу, как мы будем выходить из этого положения?

Мужчина глубоко вздохнул и сунул руку в карман пиджака. Когда он медленно вытащил ее, в ней оказалась пачка жевательной резинки.

— Обычно я жую сразу по три штуки, — сообщил он. — Остается одна — для вас. Будете?

Макгроу зло мотнул головой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Жуйте хоть три, хоть четыре! Если хотите, так хоть всю пачку вместе с фольгой в рот засуньте, мне плевать. Я пришел сюда, чтобы закончить сделку и уйти с деньгами. Если бы мне хотелось надуть пузыри, я бы отправился к детишкам.

Мужчина открыл упаковку и одну за другой сунул в рот несколько подушечек.

— А как вы смотрите на то, чтобы взять свой чемоданчик и пойти вместе со мной? — спросил он. — Я открою багажник, вы взглянете на деньги, а я тем временем проверю порошок.

— На улице, при людях? Вы сами до этого додумались или такие инструкции дал вам сегодня утром какой-нибудь кретин из вашего начальства?

— У вас слишком негативный настрой, чтобы заниматься такой работой, — ответил мужчина. — Это означает, что вы либо новичок в этом деле, либо впервые отправились на такую крупную сделку. Как бы то ни было, мне это не нравится.

— Чихать я хотел на то, что вам нравится или нет, — огрызнулся Макгроу, и от злости в уголках его губ вспенилась слюна.

— Очень хорошо вас понимаю, — с готовностью закивал головой мужчина. — Но вот ведь какая штука: вы должны уйти отсюда с деньгами, а я — с порошком, и обмен нужно совершить как можно скорее. Иначе я просто развернусь и уйду восвояси, а вам придется

вернуться не солоно хлебавши. В конце концов не мне же придется объяснять Головоногому, почему вы вернулись с товаром, но без денег.

— Я свалю все на вас, — ответил Макгроу. — Мне вовсе не хочется отвечать за чужую глупость.

— Попробуйте. Возможно, это поможет вам прожить лишних десять минут, пока Головоногий будет решать, каким ножом порезать вас на кусочки, чтобы пустить на наживку для рыбалки. Потом он снова найдет меня, но только для того, чтобы сообщить о вашей смерти и о том, что он отправляет на встречу со мной другого, более толкового человека с товаром.

— Откуда мне знать, что, когда я выйду наружу, меня там не будут поджидать трое или четверо молодцов?

— Вы же сами сказали: на улице, при людях? — проговорил мужчина, крепко упершись ладонями в крышку стола и подавшись вперед. — Кроме того, если мне нужно кого-то убить, я никогда не зову помощников. Всю грязную работу я делаю сам.

Взгляд Тягача Макгроу переместился с говорившего на чемоданчик, на его верхней губе выступили капельки пота.

— Ладно, — сказал он, — пошли к вашей машине. Вы пойдете первым, и если хотя бы одно ваше движение покажется мне подозрительным, получите пулю. Ясно?

— Как дважды два.

Мужчина вышел из тесного кабинета, спустился на два лестничных пролета вниз и, распахнув стеклянную дверь, вышел на улицу с тремя полосами движения. Макгроу шел сзади, с чемоданчиком в левой руке. Правая, находившаяся в кармане его джинсовой куртки, крепко сжимала рукоятку пистолета «380-спешал». Шедший впереди мужчина миновал полупустую автомобильную парковку и двинулся по направлению к новенькому черному седану с номерами штата Нью-Джерси. Дойдя до машины, он подождал Макгроу, указал на задок машины и сказал:

— Мне нужно открыть багажник. В нем вы найдете все, что вам нужно.

— Делайте, что хотите, лишь бы поскорее покончить со всем этим. Но торопитесь не спеша, помните, что я слежу за каждым вашим движением.

— Именно на это я и рассчитываю, — ответил мужчина. Он сунул ключ в замок багажника и открыл его.

Макгроу заглянул внутрь и тут же отпрыгнул на несколько шагов назад. В багажнике, скрючившись, словно зародыш в утробе матери, лежал молодой человек в кожаной куртке. Его голова покоилась на портфеле с деньгами, которые Тягач, как предполагалось, должен был принести Головоногому. Макгроу выхватил из кармана пистолет, а чемоданчик с героином уронил на асфальт.

— Я предупреждал тебя, чтобы ты не пытался меня кинуть, — прорычал он. — Теперь ты дал мне уважительную причину, чтобы грохнуть тебя.

Мужчина развел руками.

— Неужели ты даже не хочешь узнать, кто я такой? — спросил он. — Иначе как Головоногий узнает, кого ты убил?

Макгроу не успел ответить, так как в следующий момент в его шею уперся ствол 9-миллиметрового пистолета.

— Не напрягайся, — проговорила Дженнифер, — и не упускай свой шанс. Мне наплевать даже на моего напарника, а уж на тебя тем более.

— На самом деле это не так, — сказал Ло Манто, шагнув к Макгроу и на лету поймав пистолет, выскользнувший из его руки. — Она говорит это только тогда, когда хочет позлить меня и поугубить ребят вроде тебя.

— Вы собираетесь забрать и деньги, и наркотики? — надтреснутым от страха и напряжения голосом спросил Макгроу. — Вы хоть представляете, что за это сделает с вами Головоногий?

— Могу только догадываться, — ответил Ло Манто. — Наверное, что-нибудь крайне неприятное, да? Но даже подумать страшно о том, что он сделает с тобой за то, что ты допустил такое. Да уж, не хотел бы я оказаться на твоём месте!

— Вы что, не арестуете меня? — спросил Макгроу, удивленный самой этой мыслью.

— Не имею права, — ответил Ло Манто. — Я в этом городе не имею полномочий, а моя напарница, что стоит позади тебя, умирает от желания всадить пулю тебе в шею. Ей неохота возиться с арестованным, писать рапорты и все такое. Она хочет только одного: поскорее разделаться со всем этим и отправиться домой.

— Но я же приехал сюда для того, чтобы купить наркотики! — возмутился Макгроу. — Вы не можете взять и просто отпустить меня! Мне плевать, из какой страны ты приехал! Ты — коп и, значит, должен делать свое дело!

— Никогда еще не встречал человека, который столь сильно мечтает попасть за решетку! — восхитился Ло Манто. Он оперся рукой на открытый багажник машины и смотрел, как Дженнифер убирает в кобуру свой пистолет. — Но я не вижу, чтобы здесь каким-то образом нарушался закон. Авиакомпания потеряла мой багаж, поэтому я всего лишь одолжу у тебя чемоданчик, но при первой же возможности верну его тебе. Так что тебя никто не задерживает, и ты можешь идти. Я знаю, что Головоногий с нетерпением ждет тебя, и не хочу, чтобы ты опоздал из-за нас с напарницей.

— Чего ты хочешь? — спросил Макгроу. — Назови свои условия. Чтобы полицейские перехватили наркотики и деньги, а участников сделки отпустили восвояси? Такого не бывает! Значит, если вы не собираетесь поделить бабки и дурь между собой, у вас на уме что-то другое.

Ло Манто опустил голову, чтобы солнце не било в глаза, и, поглядев на Дженнифер, произнес:

— Вот видишь, он не такой уж и идиот, каким ты мне его рекомендовала. Такую работу не доверят первым двум попавшимся кретинам только потому, что у них есть пушки и машины.

— А разве они не провалили сделку? — возразила Дженнифер. — Значит, все равно кретины! Тот, который в багажнике, был готов отдать деньги еще до того, как мы наставили на него пистолеты, а этот бежал за тобой до сюда, как щенок без поводка.

— А ведь она права, — проговорил Ло Манто, вновь поворачиваясь к Макгроу, — и, похоже, приняла решение. Тебе придется убедить меня в том, что ты чего-то стоишь, иначе — ты свободен. Головоногий ждет не дождется услышать про твои приключения.

— Так вам нужен он, я угадал? — спросил Макгроу. — Не я и не тот, второй, неудачник, что лежит в багажнике? Впрочем, понятно: вы уже знаете все, что знаем мы, а вот Головоногий — совсем другая история. Если вы повесите на него этот порошок и бабки, то станете героями.

— Правильно мыслишь, — откликнулся Ло Манто, — но твоя болтовня не поможет мне добраться до Головоногого. Повторяю: если не скажешь мне что-то действительно полезное,

ты свободен как ветер и можешь отправляться на все четыре стороны.

— Я могу сдать вам Головоногого, — торопливо заговорил Тягач Макгроу. Он стоял достаточно близко к багажнику, чтобы видеть скрючившегося в нем человека в темной кожаной куртке. Его запястья и голени были скручены серебристой липкой лентой, и ею же был залеплен рот, а с лица струями лился пот. — Только скажите, когда и где.

Ло Манто поглядел на Макгроу и покачал головой, а затем заговорил таким жестким голосом, что даже у Дженнифер от удивления округлились глаза:

— Мы с тобой заключим сделку. Я отпускаю тебя вместе с деньгами, чтобы ты смог показать их Головоногому и он убедился в том, что обмен прошел как по нотам. А после этого ты устроишь мне встречу с ним.

Один на один. Но если в какой-то момент ты попробуешь меня кинуть, я найду тебя и убью, не поморщившись. Если же погибну я сам, это сделает за меня кто-нибудь другой. Ну что, тебе нужно время подумать или сразу позвонишь?

Макгроу задыхался. Он изо всех сил пытался взять себя в руки, но страх и растерянность не позволяли ему сделать это. Тягач не знал, кто этот коп и откуда он взялся, но ему было ясно как день: тот не шутит и в случае чего расстреляет его с такой же легкостью, как бумажную мишень в тире. Сам Макгроу ничем не был обязан Головоногому. Наоборот, если бы того вдруг не стало, перед Тягачом открылся бы путь вверх, а это означало — сделать еще один шаг к вершине, попасть в высшую лигу, самому назначать сделки, а не выступать в роли мальчика на побегушках. Можно было даже устроить дело так, чтобы играть сразу на две стороны. В таком случае этот коп мог бы обеспечивать ему защиту и прикрытие Макгроу покосился на копа, стараясь не обращать внимания на светившуюся в его глазах угрозу, и согласно кивнул.

— Я согласен, — сказал он. — Говори, что нужно делать.

* * *

Кармине Дельгардо стоял в центре бильярдной. Единственным источником света были три тусклые, по сорок ватт, лампочки над его головой. Наклонившись над выдавшим видом столом, он с легкостью опытного игрока загнал в угловую лузу шар номер шесть. Фрэнк Сильвестри сделал глоток бурбона из короткого стакана, подтянул к себе стул и сел возле стойки пустого бара.

— Тебе не кажется, что эту дыру неплохо было бы покрасить? Хотя бы немного освежить. А то складывается впечатление, что тебе плевать, будут сюда приходить посетители или нет.

— Настоящие игроки готовы гонять шары хоть на помойке, — ответил Дельгардо. — Им неважно, покрашены ли стены, а волнует их только одно — поставленные на кон бабки.

— Как идут дела в твоей кондитерской лавке? — задал новый вопрос Сильвестри, закуривая тонкую сигару и выпуская струйку дыма в темный потолок. — Туда, по-моему, тоже не заходил ни один покупатель еще с тех пор, как в Белом доме поселился Буш-старший.

— Во-первых, я работаю ради удовольствия, а не для денег, — ответил Дельгардо, прицелившись и готовясь сделать новый удар. — Во-вторых, ты не играешь в пул и не ешь сладости, А поскольку оба эти здания принадлежат мне, ты пришел сюда не за арендной

платой. Так что же тебя ко мне привело?

— Нужно найти четырех стрелков. Самых лучших, — без дальнейших околичностей сказал Сильвестри. Его низкий голос звучал серьезно и деловито. — Дон хочет, чтобы они собрались уже на этой неделе. Каждому — по полмиллиона долларов. Он хочет, чтобы они работали вместе, как одна команда. Деньги получит каждый вне зависимости от того, кто завалит мишень.

— Эта новость не заставляет мое сердце биться быстрее, — ответил Дельгардо. — В первый и последний раз я стрелял из ружья, когда был мальчишкой. Да и тогда, признаться, промахнулся.

— Мишень — твой приятель, — сообщил Сильвестри. — Тот самый коп из Неаполя. Босс хочет, чтобы его стерли с лица земли, причем не позже чем до конца недели.

Дельгардо сделал удар, выпрямился и стал натирать мелом кончик кия. Лицо у него было бесстрастным и равнодушным, как если бы он только что выслушал прогноз погоды на завтра.

— А с чего такая крутизна? — осведомился он. — Четыре лучших ствола против одного копа да еще два миллиона баксов на кону. Когда об этом станет известно, к вам набегит охотников больше, чем во всем Нью-Йорке есть таксистов-арабов.

— Как оказалось, этот коп — трудная мишень, — пояснил Сильвестри, — но даже если ему помогают, я не представляю, как он сумеет выпутаться на этот раз. В него будут целиться на каждом углу, с каждой крыши.

— Вот и радуйтесь, — пожал плечами Дельгардо. — Насколько мне известно, он торчит у вас костью в горле с тех самых пор, как нарисовался. Возможно, вам следовало бы придумать этот план немного раньше — годков эдак десять назад. Сберегли бы кучу денег и нервов.

— И как же ты теперь поступишь? — спросил Сильвестри.

— А разве у меня богатый выбор? — задал встречный вопрос Дельгардо. — Наверняка телефонные звонки уже сделаны, киллеры пакуют вещи и проверяют запасные обоймы. Я с этим уже ничего поделать не могу.

— Почему же, выбор у тебя есть, — не согласился Сильвестри. — Ты можешь вернуться в свою кондитерскую лавку и заниматься своими обычными делами, а можешь пойти к своему другу, шепнуть ему о том, что сейчас услышал, и посоветовать держать ухо востро.

— В таком случае у меня два вопроса, — проговорил Дельгардо, медленно обходя бильярдный стол. — Зачем мне это делать и зачем тебе об этом спрашивать?

— Этот коп слишком много лет досаждал нам, — заговорил Сильвестри. — Необходимость убрать его никогда не подвергалась сомнению, вопрос заключался в другом: когда и как? Ты знал его с тех пор, когда он был еще щенком, общался с ним, баловал его, делал ему всякие одолжения. Сделай еще одно: предупреди его о том, что его ожидает, прежде чем он свалится с пулей в голову. Пусть он будет готов. Что бы ты ни сказал и ни сделал, конечный результат не изменится — он все равно умрет, предупредишь ты его или нет.

— Ладно, ты объяснил, почему я, возможно, захочу помочь этому сорвиголове. Но остается еще один вопрос: тебе-то это зачем?

— Можешь считать, что я отдаю долг, — сказал Сильвестри, — не более того.

— Люди вроде тебя редко оказываются в долгу у таких, как он, — недоверчиво покачал головой Дельгардо. — Нас с ним связывает хотя бы прошлое — я был дружен с его папой, —

а вот вас...

Фрэнк Сильвестри встал, и его громадная тень почти целиком накрыла бильярдный стол.

— Не у тебя одного есть прошлое, продавец сладостей, — сказал он, а затем бросил недокуренную сигару на пол, допил остатки бурбона и, тяжело ступая, вышел из комнаты.

Дженнифер еще раз сверилась с именем, закрыла блокнот и сунула его в задний карман джинсов, а затем поднялась на ухоженное крыльцо дома и толкнула полированную дверь. Она мягко нажала на кнопку домофона расположенной на пятом этаже квартиры и стала ждать, когда из серебристой коробочки ей кто-нибудь ответит. Однако ответа не последовало. Раздался негромкий щелчок, и женщина вошла в подъезд, который всего лишь днем раньше стал местом преступления. Поднявшись на площадку первого этажа, Дженнифер посмотрела направо, где на украшенном орнаментом полу виднелись следы больших кровавых пятен. Подход к ним был перегорожен желтой полицейской лентой.

За годы работы в полиции она так часто видела подобное, что легко могла представить себе картину произошедших здесь событий. Она умела отрешиться от эмоций и относиться к очередному преступлению как к загадке, которую во что бы то ни стало необходимо отгадать. Жизнь ежедневно вбивала в голову этот урок всем полицейским: что отцу Дженнифер, что преподавателям в академии, что ее первому напарнику, что капитану Фернандесу. И все же, несмотря на выработавшийся у нее иммунитет к переживаниям, Дженнифер так и не смогла до конца привыкнуть к холодной безысходности убийства.

Ассунта Конде открыла дверь за секунду до того, как Дженнифер успела постучать. Она посмотрела в ясные умные глаза молодой женщины и отступила на два шага назад.

— Если хотите войти — пожалуйста, — проговорила она, — но я уже рассказала другим полицейским все, что знаю, и они, похоже, были вполне удовлетворены моими ответами.

— Я здесь не в связи с убийством, — сказала Дженнифер, входя в квартиру. — Этим преступлением занимаются другие, и, насколько мне известно, к вам в связи с этим ни у кого нет претензий.

— Хотите кофе? — спросила Ассунта. — Я только что сварила свежий. Скверная привычка: всегда готовлю больше, чем могу выпить одна. Но когда доживешь до моего возраста, дурные привычки — это единственное, что у тебя остается.

Дженнифер кивнула:

— Если вы добавите туда молока и два кусочка сахара, не откажусь.

— А еще — пирожные и бисквиты, — сказала Ассунта и пошлепала на свою кухню, где она не только готовила, но, судя по всему, и ела. — Кофе помогает быстрее биться сердцу, но мало что дает желудку, поэтому его нельзя пить пустым.

Дженнифер прошла следом за женщиной на кухню, отодвинула от массивного резного стола тяжелый стул и села. Она наблюдала за тем, как хозяйка квартиры, двигаясь с необычной для ее возраста ловкостью, достала из шкафа две большие чашки. Глядя на Ассунту, нипочем нельзя было поверить в то, что всего двадцать четыре часа назад она всадила три пули в гангстера, чтобы позволить пятнадцатилетней девочке скрыться от его боссов.

Кухня была точь-в-точь такой же, как и у большинства других обитателей Бронкса итальянского происхождения: на стенах — обои в цветочек, множество сувенирных тарелок с изображениями президента Кеннеди и папы Иоанна XXIII, календарь с ликами святых на каждой странице и обведенными красным карандашом датами католических праздников. В раковине, до половины заполненной мыльной водой, ждала — и, по-видимому, довольно давно — своего часа грязная посуда, на покрытых гарью горелках газовой плиты стояли две

большие кастрюли. В одной булькал томатный соус для пасты, во второй варились спагетти. Аромат пищи смешивался с резкими запахами чистящих веществ. Дженнифер словно вернулась на много лет назад и снова очутилась в кухне своей бабушки Франчески. Вот она, еще школьница, сидит за столом и делает домашнее задание, а круглолицая бабушка, напевая сентиментальные неаполитанские песенки, стряпает для всей их большой — из двенадцати человек — семьи. Она всегда готовила больше еды, чем могла съесть даже такая орава. Счастливые мгновения детства! Они оборвались вместе с жизнью ее матери, но Дженнифер хранила воспоминания о них, как самое дорогое.

Усевшись напротив, Ассунта разлила кофе по чашкам, а затем протянула руку, взяла с подоконника блюдо с итальянскими пирожными и бисквитами и поставила его на стол.

— Предупреждаю, — сказала она, — кофе у меня очень крепкий, на любителя. Но такой любил мой муж.

Дженнифер сделала маленький глоток. Кофе был густым и вязким, словно гудрон, которым заливают крышу, и имел привкус лакрицы. Он обжег ей небо и растекся горячей волной по пищеводу, оставляя ни с чем не сравнимое послевкусие.

— Да уж, — призналась она, — не кофе, а сущий динамит. В «Старбакс» такого не найдешь.

— Еще бы! — с гордостью ответила женщина, взяв чашку двумя руками и отпив за два глотка не меньше половины. — Отлично прочищает мозги. Так что вам будет легче задавать мне вопросы.

— Вы храбрая женщина, — проговорила Дженнифер. — Вчера вы спасли жизнь девочке и ради этого даже убили человека. Пойти на такое — очень непросто. Я прожила не такую долгую жизнь, как вы, но повидала достаточно, чтобы знать это.

— Возможно, мы обе делали то, что должны были сделать, — ответила Ассунта, допив кофе. — Каждый сам выбирает себе жизнь. У вас есть пистолет и полицейский значок, а у меня — воспоминания о моем муже.

— Я пришла сюда потому, что нуждаюсь в вашей помощи, — сказала Дженнифер, не сводя глаз с покрытого морщинами лица Ассунты. — Вы, конечно, не обязаны помогать мне, но, если вы рисковали своей жизнью ради Ло Манто, полагаю, он для вас что-то значит. А он, в свою очередь, безгранично верит вам, коли вручил в ваши руки жизнь своей племянницы. Для меня этого вполне достаточно.

— Старикам всегда проще довериться, — улыбнулась Ассунта. — В нашем распоряжении осталось слишком мало времени, чтобы предавать тех, кого мы любим. Возраст не позволяет нам разбрасываться друзьями.

— Вы ведь знаете Ло Манто с тех пор, как он был еще ребенком. Вы знали его родителей. Вам известно, каким он был тогда и почему он уехал в Италию. Вы знаете его и как полицейского, и вы — единственный человек, у которого есть все ответы.

— Это зависит от вопросов, — ответила Ассунта, — и от причин, по которым их задают.

— Единственная причина, по которой я хочу получить ответы, это желание сохранить ему жизнь, — сказала Дженнифер. — А заодно, если получится, и самой остаться в живых.

— У Джанни прекрасно получается справляться с этим в одиночку, — проговорила старуха. — По крайней мере, получалось до сегодняшнего дня.

— Сейчас все иначе, — заверила ее Дженнифер, — ему противостоит не просто кучка мелких преступников, которых в обычной ситуации он мог бы переловить чуть ли не сачком

для бабочек. Против него ополчилось много могущественных людей, которые жаждут его смерти. Я не знаю точно, сколько их, но я проработала в полиции достаточно долго, чтобы понимать: против нас замышляется что-то очень серьезное, и вдвоем мы справиться с этим не сумеем.

— И тем не менее вы остаетесь с ним, хотя можете в любой момент уйти в сторону, сказатьсся больной или даже попросить своего босса дать вам другое задание? — В устах Ассунты это прозвучало даже не как вопрос, а как констатация факта. — Мои племянники тоже работают в полиции, поэтому я кое-что в этом понимаю. Вы остаетесь, поскольку считаете это правильным, поэтому первый вопрос задам я: почему?

Дженнифер отодвинула чашку в сторону и поставила локти на стол.

— Отчасти — потому, что это моя работа и я не хочу бросать ее, не доведя до конца, — ответила она.

— Это ответ копа, — заметила Ассунта, — а меня интересует то, что вы можете ответить мне как женщина.

— Я не хочу, чтобы он пострадал, — призналась Дженнифер, — и могла бы помочь ему в большей степени, если бы знала, что им движет. Я работаю с ним всего несколько дней, но мне хватило и этого, чтобы понять: все эти перестрелки, аресты, захваты наркотиков, которые он совершает, выходят далеко за рамки повседневной полицейской работы. Тут замешано что-то личное, что-то, уходящее корнями в его детство.

— Его отца убила каморра, а если точнее, семья Росси, — сказала Ассунта. — Но этот факт наверняка фигурирует в его личном деле, а вы производите впечатление умной женщины и наверняка успели ознакомиться с ним.

— Более того, он похоронил это в себе, — проговорила Дженнифер, положив ладонь поверх сложенных рук старухи. — Так же, как, возможно, и вы. Я не знаю этого наверняка, но хочу узнать, прежде чем уйду отсюда.

— Он вам не безразличен, — сказала Ассунта. — Я слышу это в вашем голосе и вижу по вашим глазам.

Дженнифер улыбнулась и откинулась на спинку стула.

— Мы знакомы всего несколько дней, — проговорила она. — Слишком рано для того, чтобы все получилось, как в «Касабланке».

— А сколько, по-вашему, на это нужно времени? К тому моменту, когда я поняла, что буду любить своего будущего мужа всю жизнь, мы были знакомы меньше часа. Сердце женщины — не часы, оно живет по собственному времени.

— Возможно, в других обстоятельствах... — начала Дженнифер и замаялась. — Но только не сейчас. Мы даже не обсуждали эту тему.

— И, значит, он ни о чем не догадывается, — подытожила Ассунта, обнажив в широкой улыбке два ряда прокуренных зубов. Она встала, собрала со стола грязные чашки и поставила их в раковину. — Сейчас, если позволите, я закончу готовить пасту и помою посуду, — сказала она, — а потом отправлюсь к себе в спальню и подремлю. А вы тем временем погуляйте в свое удовольствие. Потом мы встретимся, где вы назначите, и я дам вам ответы на все ваши вопросы — даже те, которые неизвестны моему крестнику. А вы пока готовьтесь, поскольку порой даже самый простой ответ способен вызвать у человека оторопь.

Эдуардо Гаспальди смотрел на волны, бьющие в бок большой лодки, пришвартованной к пустынному пирсу. Он закурил сигарету без фильтра, выпустил дым сквозь сжатые зубы и подставил лицо лучам послеполуденного солнца. Сняв крышку с пластмассового стаканчика с горячим чаем, он обхватил его обеими руками, согревая свои мясистые ладони. На борту лодки его ожидали четыре стрелка. Все они только что прибыли, находились в полной готовности и жаждали поскорее получить столь выгодный заказ. Он разработал идеальный, как ему казалось, план, нацеленный на то, чтобы раз и навсегда покончить с человеком, не дававшим ему покоя на протяжении последних пятнадцати лет.

Дорожки Гаспальди и Ло Манто впервые пересеклись в Неаполе еще в начале девяностых, тогда Эдуардо заправлял небольшим борделем, расположенным всего в десяти милях от центра города. Гаспальди исправно, каждую неделю, платил дань двум своим «крышам»-каморре и полиции, что позволяло ему вести свой бизнес открыто и безбоязненно. В течение первых трех лет восемь девушек, работавших на Гаспальди, ежегодно приносили ему сорок восемь тысяч американских долларов чистого дохода.

А потом, во время ссоры с молодой проституткой, которая не сумела должным образом ублажить постоянного клиента, Гаспальди изуродовал ей лицо разбитой бутылкой из-под мартини. Семнадцатилетняя девушка, которую звали Розалия Вентура, попала к нему после того, как сбежала от своей семьи, жившей в каком-то городишке на севере Италии. После досадного инцидента девушку отвезли в ближайшую больницу, где ей наложили швы, накачали снотворным и оставили под присмотром пожилой сиделки. И вот ночью, когда больная крепко спала, сиделка возьми да и позвони молодому детективу, работавшему в отделе по борьбе с проституцией. Коп заявился в больницу, поговорил с сиделкой, посмотрел на девицу, а потом отправился напрямиком в бордель, к самому Гаспальди.

— Вы пришли на два дня раньше срока, — сказал ему Гаспальди, решив, что полицейский явился за данью. — Приходите в понедельник, когда у меня будут наличные.

— В понедельник вас здесь не будет, — ответил коп. — Ни вас, ни кого-либо еще. Здесь будет царить тишина и запустение.

— И куда же мы отсюда переедем? — громко засмеялся Гаспальди. — В церковь?

— Девушки окажутся в приюте для бездомных, — сообщил содержателю притона коп, — а ты на больничной койке с трубочками в носу.

Гаспальди кинулся на полицейского, но тот проворно увернулся и ловкой подножкой свалил здоровяка на пол. Затем он схватил бутылку красного вина, разбил ее о деревянный стол и получившейся «розочкой» ударил Гаспальди в грудь, проткнув ему правое легкое и наградив на всю оставшуюся жизнь безобразным шрамом и тяжелой одышкой. Затем он склонился над залитым кровью сутенером, ухватил его за волосы и, поднеся к его горлу окровавленное стеклянное оружие, лаконично сказал:

— Когда выйдешь из больницы, уезжай из города. Еще раз увижу тебя в Неаполе — убью!

Спустя две недели Гаспальди перебрался в Нью-Йорк и присягнул на верность семье Росси. Это был не совсем тот тип, представителей которого Росси обычно брали себе на службу, но он знал толк в содержании подпольных борделей, а очень скоро освоил азы наркоторговли и ресторанного бизнеса. Со временем Гаспальди превратился в ценного

члена каморры, который приносил организации весомый доход, а в случае необходимости мог взять вину на себя и на какое-то время даже сесть в тюрьму. Пит Росси также знал, что, если копам ради саморекламы понадобится крупная жертва, он всегда сможет бросить Гаспальди им на растерзание.

Когда Ло Манто в качестве участника совместных полицейских операций приезжал в Нью-Йорк прежде, Гаспальди удавалось не попадаться ему на глаза, но на этот раз удача изменила ему. Меньше недели назад Ло Манто неожиданно вошел в ресторан и отрезал ему кусок уха. Тогда Гаспальди оказался бессилён, но теперь, когда четверо стрелков в предвкушении огромного куша в два миллиона долларов только и ждали команды «фас», он мог наконец привести в действие план, в результате которого ненавистный ему человек сгинет раз и навсегда.

Гаспальди допил чай, скомкал стаканчик и бросил его в воду, плескавшуюся внизу. Затем сутенер из Неаполя глубоко вдохнул соленый морской воздух, встал и направился к трапу, ведущему на нижнюю палубу судна, чтобы отдать приказ убить итальянского копа на улицах Нью-Йорка.

* * *

Ло Манто стоял спиной к двери, выходящей на плоскую крышу, упершись руками в кирпичные стены. Стояла поздняя ночь, с неба сыпался мелкий дождь, охлаждая мир, раскалившийся в течение жаркого, как адские сковородки, дня. Свет, лившийся из окон расположенных на верхнем этаже квартир, создавал вокруг него туманный светлый ореол. Он встал поудобнее и проверил обойму в своем «380-специал». Как правило, он не настраивал себя заранее на перестрелку. Наоборот, он делал все возможное, чтобы избежать этого. Многим его коллегам был присущ подход, суть которого можно было сформулировать так: сначала стреляй, а там разберемся. Однако за годы работы в полиции Ло Манто сумел избавиться от этого своеобразного профессионального комплекса. Он предпочитал брать свою дичь живой, а не мертвой. Но в эту ночь такой подход мог и не сработать. В эту ночь дичью Ло Манто должен был стать сам Рено Головоногий.

Ло Манто прошел по краю крыши и поглядел вниз, а затем переместился к пожарной лестнице, взялся за ржавые поручни и встал на первую ступеньку. На секунду он задержался, чтобы бросить взгляд на широкие улицы и приземистые здания Восточного Бронкса, где прошло его детство. Эти улицы сформировали его, дали ему смысл жизни и определили ее направление. На этих улицах он играл в футбол, по ним он ходил в школу, бегал под холодными струями открытых гидрантов. Здесь он учил слова любимых песен «Роллинг Стоунз», Боба Сигера и Фрэнка Синатры, здесь впервые поцеловал девочку. Здесь он был алтарным служкой в местной католической церкви, еле живой от усталости приходил домой после пятничасовых субботних и девятичасовых воскресных месс. Здесь он начал работать в «Химчистке Делвуда». По четыре часа кряду он проводил бок о бок с ее владельцем, мистером Мюрреем Зальцманом — сутулым вдовцом, работавшим не покладая рук и рассказывавшим Ло Манто жалостливые истории о сломанных жизнях и истерзанных душах, погубленных войной и ненавистью, которые он никогда не мог понять. Зальцман был первым не-итальянцем, встретившимся Ло Манто. Глубоко религиозный человек, он ежедневно обедал деревенским сыром и постоянно смеялся собственным глупым шуткам.

Зальцман построил собственный бизнес, взяв небольшой заем у своего тестя, и отрабатывал его по двенадцать часов в день шесть раз в неделю на протяжении сорока лет. Ло Манто уважал его как человека и любил как друга. Зальцман открыл для юного Ло Манто прелесть коротких рассказов Ирвина Шоу, комедий Мела Брукса и гений Сида Сезара. Именно благодаря Зальцману Ло Манто впервые попал в бродвейский театр, на воскресную постановку «Смерти коммивояжера» Артура Миллера.

— Все было так по-настоящему! — сказал он Зальцману, когда они шли к станции метро, чтобы вернуться в Бронкс. — И так грустно.

— Разумеется, ведь это — про жизнь.

Именно через Зальцмана Ло Манто познакомился с вероломством каморры. В течение многих лет старик каждую неделю платил семье Росси по пятьдесят долларов, а взамен каморра обеспечивала ему защиту от всяческой местной шпаны. Ло Манто видел, как в конце каждой недели в химчистку заходил высокий, худощавый молодой человек и, опершись на кассовый аппарат, с ухмылкой наблюдал за тем, как старик отсчитывает пять купюр по десять долларов. После этого мистер Зальцман обычно притихал и весь остаток дня молчал, думая о чем-то своем.

— Почему он берет ваши деньги? — как-то раз спросил его Ло Манто. Он работал в химчистке уже почти полгода и не раз успел обменяться враждебными взглядами с молодым сборщиком податей в коричневом пиджаке.

— Потому что именно так он зарабатывает себе на жизнь — отбирая то, что другие заработали потом и кровью, — ответил Зальцман. — Я думал, в этой стране будет иначе, не так, как у меня на родине, но нет, везде одно и то же, вне зависимости от того, по какую сторону океана ты живешь. Везде есть люди, которые у тебя что-то отбирают: в Европе — твою жизнь, здесь — твои деньги.

— А если вы откажетесь платить? — спросил Ло Манто. — Что будет тогда?

— Не знаю, — печально покачал головой Зальцман, — никогда не пробовал. Но знаю, что ничего хорошего из этого не выйдет — ни для меня, ни для моего заведения.

— И все же он поступает несправедливо! Эти деньги принадлежат не ему! Это ваши деньги!

Мистер Зальцман обнял мальчика за крепкие плечи.

— Пройдет совсем немного времени, мой юный друг, и ты поймешь: большая часть происходящего в мире не имеет ничего общего со справедливостью.

Через месяц банда Росси удвоила дань, которую должен был платить мистер Зальцман, доведя ее до ста долларов в неделю. Старику стало трудно сводить концы с концами: держать на плаву бизнес и платить такие деньги гангстерам оказалось ему не под силу.

— Я понимаю, что должен уйти, мистер Зальцман, — сказал ему однажды вечером Ло Манто, когда они запирали химчистку и ставили помещение на сигнализацию. — Я не хочу, чтобы из-за меня вы оказались в еще более тяжелом положении.

— Если я тебя отпущу, Джанни, кто же будет слушать мои истории? — ответил мистер Зальцман. — Ты не просто работаешь на меня. Ты — мой друг, а я друзьями не бросаюсь. У меня их и так осталось слишком мало.

Десять дней спустя Мюррея Зальцмана — веселого и в то же время полного достоинства седовласого коротышку, прошедшего через два концлагеря и видевшего, как в землю заживо закопали двух его младших сестер, — обнаружили в заднем помещении химчистки. Мертвым. Скрученный в три погибели, с перерезанным до шейных позвонков

горлом, он был засунут в барабан огромной стиральной машины. За все годы работы он пропустил всего лишь одну выплату, но для молодого сборщика податей с ухмылкой подонка этого оказалось достаточно.

Ло Манто увидел молодого каморриста спустя три месяца после похорон Мюррея Зальцмана. Парень зашел в магазин Кармине Дельгардо за пачкой «Мальборо» и банкой пива «Будвайзер». Взяв сигареты и пиво, он уже направился к выходу, когда раздался мрачный голос хозяина магазина.

— Это Соединенные Штаты, жопа! — угрожающе сказал Дельгардо. — Если ты берешь что-то в магазине — плати!

Молодой подонок обернулся и посмотрел на него исподлобья.

— Тебе что, неприятностей захотелось? — спросил он.

— У меня их не будет, если ты заплатишь за товар или положишь сигареты и пиво на место.

Молодой гангстер, стоя у двери, бросил упаковку с пивом на пол и проговорил со своей обычной ухмылкой:

— Ладно, зайду как-нибудь в другой раз, когда у тебя будет настроение получше. Может, тогда мы на пару выпьем пивка и покурим. Нравится моя идея?

— Как утро в аду, — буркнул Дельгардо, поворачиваясь к негодюю спиной, а тот выскользнул на улицу и устремился в соседнюю лавку.

Ло Манто посмотрел на Дельгардо, кинул на прилавок два четвертака, показав взятую им пачку жевательной резинки, и спросил:

— У этого типа есть имя?

— Рено Сензани, — нехотя ответил мужчина, — но так его называет лишь мать и жалкие венгерские образины, с которыми он оттягивается. Все остальные зовут его Рено Головоногий.

— Почему? — спросил Ло Манто.

— Говорят, в нем столько дерьма, что ему нужно как минимум восемь рук, чтобы повсюду таскать его с собой. Ну, как осьминогу, — пояснил Дельгардо. — И, не поверишь, тощий кретин в восторге от этого прозвища. Считает, что так его лучше запомнят.

— Он прав, — пробормотал Ло Манто.

* * *

Ло Манто начал спускаться по пожарной лестнице и остановился на первой сверху площадке. Заглянув в окно, он увидел большую ухоженную гостиную, обставленную импортной мебелью и увешанную дорогими картинами. Головоногий сидел спиной к окну с бутылкой вина в одной руке и бокалом в другой. Ло Манто отступил назад и взглянул на часы. По договоренности с Джоуи Тягачом, он должен был встретиться с Головоногим на пирсе Челси в два часа ночи. Макгроу должен был заочно представить его как наркодилера из Италии, который готов выбросить на улицы Нью-Йорка партию чистого героина на шестизначную сумму. Он якобы очень торопится и готов отдать весь товар тому, кто предложит сходную цену. Однако, не доверяя Макгроу, Ло Манто решил, что с его стороны будет гораздо предусмотрительнее навестить Головоногого примерно за час до назначенного времени и в более уютном месте.

Ло Манто снова посмотрел на часы. Четверть первого. Самое время для того, чтобы нанести визит человеку, который убил Мюррея Зальцмана.

Гудение мощного кондиционера заглушало любой шум, который Ло Манто мог произвести, находясь на тонких ступеньках пожарной лестницы. Головоногий был без пиджака. Широко раскинув ноги, он развалился на кожаном диване и, потягивая вино, щелкал телевизионным пультом дистанционного управления. На кофейном столике рядом с ним лежали два полуавтоматических пистолета. Ло Манто опустил глаза и увидел, что пингалет на оконной раме открыт. Сунув пистолет за пояс, он наклонился и просунул два пальца между рамой и косяком. Затем он сделал глубокий вдох, еще более интенсивно заработал челюстями, плюща зубами жевательную резинку «Базука», и потянул окно вверх. Оно не поддавалось, и тогда Ло Манто, недолго думая, высадил стекло ногой.

Через две секунды он уже стоял в гостиной. Услышав посторонний звук, Головоногий вскочил на ноги. Бокал полетел на пол, красное вино выплеснулось на диван и его брюки. Глядя на гангстера с приветливой улыбкой, Ло Манто проговорил:

— Люблю встречи со старыми знакомыми. Они навевают так много воспоминаний.

— Надо было убить тебя, еще когда ты был маленьким вонючим засранцем, а не ждать так долго, — прорычал Рено.

— В те времена ты был слишком занят. Кроме того, ты, помнится, тогда предпочитал убивать стариков. Они ведь не могли постоять за себя.

Головоногий посмотрел на разбитое окно, осколки стекла, лежащие у ног Ло Манто, и сказал:

— Не помню, как там, в Неаполе, но в Нью-Йорке проникновение в чужое жилище является преступлением, и еще более серьезным в том случае, если ты — коп.

— Не думаю, что ты станешь подавать на меня жалобу, — ответил Ло Манто. — Тем более что произошло всего лишь досадное недоразумение. Я спускался по пожарной лестнице, поскользнулся на ступеньке и влетел в твоё окно.

Головоногий отвернулся от Ло Манто и бросил быстрый взгляд в сторону кофейного столика, на котором лежали его пистолеты. Это не укрылось от Ло Манто, и он проговорил:

— Если ты не утратил былой реакции и быстроты, тебе понадобится десять секунд. Десять секунд на то, чтобы добраться до пистолетов, схватить их, прицелиться и открыть стрельбу.

— Ты все равно умрешь, коп, — сказал Головоногий, и его губы искривились в злобной ухмылке, которую Ло Манто так хорошо помнил. — Я долго ждал, подожду еще немного.

— Я отвлек тебя от каких-то важных дел? — спросил Ло Манто. — Ты собрался проверить очередную сделку с наркотиками или убить какого-нибудь незащитного старичка?

Детектив прошел в глубь комнаты. Под его подошвами хрустело битое стекло. Возле телевизора, включенного на канал документальных фильмов, он увидел чемоданчик — тот самый, что был у Макгроу во время сделки, которую сорвал Ло Манто.

— Не возражаешь, если я тут осмотрюсь? — спросил он. — Я, знаешь ли, подумываю о том, чтобы купить себе квартирку неподалеку. Если получится, мы с тобой снова будем соседями.

— Вряд ли тебе тут понравится, — ответил Головоногий. — Здесь теперь все изменилось. Негров и пуэрториканцев стало больше, чем итальянцев, растет преступность, вот почему я вынужден носить оружие.

— И как только они терпят, что по соседству с ними обосновался дешевый кусок дерьма, торгующий наркотиками? — притворно удивился Ло Манто.

— Если тебя это интересует, спроси у латиносов и ниггеров. Я тут ни при чем.

Ло Манто взял чемоданчик, положил его на кофейный столик и открыл. Внутри находились четыре пакета с героином, по килограмму каждый.

— Значит, вся эта дурь — не твоя? — проговорил Ло Манто, переводя взгляд с пакетов на Головоногого. — А знаешь, если сюда по какой-то случайности — ну, примерно как случилось со мной — войдет полицейский из отдела по борьбе с наркотиками, он может не догадаться, что во всем виноваты черные и пуэрториканцы, а решит, что эту наркоту вознамерился толкнуть ты, и засадит тебя за решетку.

— Понятия не имею, как это сюда попало, — заявил Головоногий, даже не пытаясь скрыть ухмылку. — А если бы и знал, то что с того? Что ты можешь со мной сделать? Арестовать? Это тебе не Неаполь, макаронник! Здесь ты — пустое место!

— Значит, у нас обеих проблемы, — сказал Ло Манто. — Не знаю, как ты, но я не могу себе позволить в очередной раз сесть в лужу. Мой Неапольский босс, инспектор Бартони, терпеть не может сотрудников, которые доставляют ему неприятности. Но если наркотиков нет, значит, мы оба чисты.

— Ты начинаешь меня утомлять, коп, а я этого терпеть не могу.

Головоногий посмотрел поверх плеча Ло Манто на узкий коридор, уходящий вправо, и на тень Джоуи Тягача Макгроу, который крался по направлению к гостиной. Обеими руками он сжимал рукоятку пистолета, а босыми ногами осторожно ступал по восточному ковру ручной работы, стараясь, чтобы не скрипнула ни одна половица. Ло Манто перехватил взгляд Головоногого, но сделал вид, что ничего не заметил. Он бросил два пистолета хозяина квартиры в открытый чемоданчик с наркотиками и отнес его на кухню. Пустив из крана холодную воду, детектив огляделся и сказал:

— А ты неплохо устроился. Я впечатлен. Видно, за преступления и впрямь щедро платят.

— Так сделай правильные выводы, — ответил Головоногий. — Переходи на нашу сторону или, по крайней мере, бери пример с большинства своих коллег: работай и на наших, и на ваших.

Ло Манто вытащил из деревянной подставки большой кухонный нож и разрезал один пакет с героином, а затем открыл его, бросил в раковину и стал смотреть, как тает белый порошок, растворяясь под сильной струей воды и стекая в сливное отверстие. Подняв глаза на противника, он увидел на его лице смесь страха, злости и растерянности.

— Расслабься, гнида, — проговорил Ло Манто. — Ты же не думаешь, что боссы обвинят в пропаже столь ценной партии первоклассного товара тебя. Скорее всего, они, как и ты, решат, что во всем виноваты черные и пуэрториканцы.

— Не могу дождаться того момента, когда я убью тебя! — От волнения голос Головоногого охрип. — Твоя смерть станет еще мучительнее, чем смерть старого еврея. Ты будешь визжать, как свинья, с которой заживо сдирают кожу.

Ло Манто надрезал второй пакет с наркотиком, вывалил его содержимое в раковину и переложил нож в левую руку. Правой он вытащил из-за пояса пистолет, вернулся в гостиную и остановился в двух футах от Головоногого.

— Говорят, полицейский не может применить силу против безоружного человека, — сказал он. — Слышал про это?

Головоногий кивнул, переведя взгляд с Ло Манто на Макгроу, который стоял уже на пороге гостиной.

— Да. Ну и что с того?

— А то, что это правило действует только в Нью-Йорке. Мы в Неаполе не обращаем внимания на такие глупости.

Первая пуля впиалась гангстеру в ногу, заставив его сложиться пополам. Из маленького отверстия в джинсах, чуть ниже коленной чашечки, толчками хлестала кровь. Красные ручейки потекли вниз и вскоре образовали лужицу на оранжевом ковре. Головоногий был слишком потрясен, чтобы кричать, его глаза расширились, из прокушенной нижней губы тоже потекла струйка крови.

Ло Манто повернул голову и взглянул на тень, что двигалась слева от него, а затем развернулся и выпустил в сторону прихожей четыре пули, три из которых попали в Джоуи Макгроу, причем одна-точнехонько в сердце. Оба пистолета, которые Тягач держал в руках, упали на пол, а в следующий миг за ними последовал и он — уже бездыханный.

Сзади на Ло Манто налетел Головоногий, впившись обеими руками в шею детектива и упершись здоровым коленом ему в поясницу. От неожиданности Ло Манто выронил пистолет, от нехватки воздуха у него потемнело в глазах.

— Отведай-ка этого, коп! — рычал Головоногий. — Готовься к смерти!

Ло Манто присел и изо всех сил ударил локтем в раненое колено гангстера. Боль заставила Головоногого ослабить хватку, и тогда, мгновенно развернувшись на 180 градусов, Ло Манто всадил в живот противника кухонный нож, который держал в левой руке. Несколько бесконечных секунд он не шевелился, а затем рванул нож кверху, разрезая плоть и мелкие кости — так что лезвие оказалось в груди подонка. Руки Головоногого повисли вдоль тела, голова затряслась, глаза вылезли из орбит и покраснели. Из его рта пошла белая пена, а на шее вздулись тугие синие вены. Ло Манто слегка оттолкнул Головоногого, сделал шаг назад, а затем сильным ударом правой ноги вогнал нож еще глубже в грудь врага. Гангстер упал спиной на диван, его голова свесилась вниз, глаза были все еще открыты, но уже мертвы.

Ло Манто посмотрел на труп, покачал головой и негромко проговорил:

— Простите, что я так долго тянул с этим, мистер Зальцман.

Затем, переступив через тело Джоуи Тягача Макгроу, он вернулся в кухню, чтобы покончить с двумя оставшимися пакетами героина.

* * *

Дженнифер сидела на скамейке в зоопарке Бронкса, прямо напротив загона с белыми медведями. В руках она держала маленький пакетик с жареными орешками. Утреннее солнце согревало ее лицо, слабый ветерок ерошил пряди волос. Она улыбнулась, увидев процессию ребятишек, возглавляемую исполненными чувства долга родителями. И дети, и взрослые с одинаковым восторгом смотрели на обитателей Арктики, перенесенных вопреки их воле в этот жаркий, удушливый город. Некоторые животные самозабвенно плескались в холодной воде, другие нежились на мокрых камнях загона, ставшего для них новым домом. Зоопарк Бронкса всегда являлся для Дженнифер чем-то вроде святилища, местом, где она отдыхала душой в те моменты, когда груз повседневных проблем начинал казаться

невыносимым. В накрахмаленном форменном платье, она часто приходила сюда еще девочкой, когда училась в католической школе, чтобы поглазеть на тигров, похихикать над уморительными ужимками обезьян и повизжать от страха в темных закоулках серпентария. Чаще всего она приходила сюда одна, чтобы посидеть на скамейке, подумать и принять то или иное важное решение. Она приходила сюда в то утро, когда ее приняли в полицейскую академию, и в тот день, когда ей присвоили звание детектива третьего класса. Четыре долгих дня она, словно примерзнув к скамейке, просидела напротив вольера со слонами после своей первой перестрелки. А еще она приходила сюда на следующий день после похорон матери.

Дженнифер с хрустом разгрызла орех, бросила скорлупу в мусорное ведро, стоявшее справа от скамейки, и стала смотреть, как к ней медленно приближается Ассунта.

— Я думала, вы не придете, — сказала она, — но рада, что ошиблась.

— Автобусы шли с опозданием, — пояснила старая женщина, глядя на счастливые лица ребятишек. — Кроме того, я уже не так резва, как в молодости.

— А я слышала, что совсем недавно вы двигались с завидной быстротой, — с улыбкой проговорила Дженнифер. — Убежали от одного стрелка и прикончили другого.

— Но сейчас, когда я направлялась в зоопарк, за мной не гнались мужчины с пистолетами, — ответила Ассунта, улыбнувшись девочке с коротким «хвостиком», которая задорно помахала ей рукой. — В противном случае я оказалась бы здесь раньше вас.

— Я решила, что это вполне подходящее место, где мы могли бы побеседовать, — сказала Дженнифер. — Здесь спокойно и безопасно. А если мы проголодаемся, то без труда найдем место, где можно перекусить.

— Я ем только у себя дома и только то, что приготовила своими руками, — слегка скривилась Ассунта. — Терпеть не могу грязных кухонь и неприятных сюрпризов.

— Расскажите мне про Ло Манто, — попросила Дженнифер. — Но только не то, что я уже знаю или могу выяснить сама. Я хочу узнать то, что скрыто, о чем никогда не говорят. То, что знают и помнят лишь единицы.

Ассунта повернула голову и посмотрела на молодую женщину-полицейского. Старой итальянке нравилось ее тонко очерченное лицо, теплый взгляд, за которым таились решимость и упрямство. Она чувствовала, что Ло Манто небезразличен Дженнифер, и они во многом похожи, особенно в отношении к работе и сдержанности. Ассунта прожила на свете достаточно долго, чтобы понимать: рядом с ней сидит женщина, у которой хватает своих секретов, которая сама сдается жаждой мщения.

— Для того, чтобы узнать все эти вещи, чтобы правильно понять их, чтобы у тебя не осталось вопросов, — Ассунта незаметно перешла на дружеский, почти материнский тон, — ты должна узнать нечто большее, чем один только Ло Манто.

— Что же это? — спросила Дженнифер, бросив пустой пакет из-под орешков в урну.

— Ты должна узнать все о каморре.

Правление каморры началось в шестнадцатом веке, после завоевания Италии испанцами. Именно тогда появилось тайное преступное общество под названием «Гардуна» — средневековый прототип неаполитанской каморры. То, что начиналось с невинных еженедельных встреч горстки местных жителей, стремившихся занять более прочное положение в своей захваченной неприятелем и разоренной стране, в течение веков и под покровом зловещего молчания превратилось в одну из самых мощных ветвей международной преступности. Испокон века всей деятельностью каморры руководила узкая

группа боссов, называвших себя Великим правящим советом.

Если сицилийская мафия стремилась распространять свое влияние на маленькие провинциальные городки, то каморру интересовали в первую очередь крупные города — такие, как Неаполь и Нью-Йорк. Первым из известных каморристов в Нью-Йорк в 1916 году прибыл некто Алессандро Воллеро, который быстро организовал в городе Большого яблока бизнес рэкета. Настоящую охоту за ним устроил Джозеф Петрочино — американец итальянского происхождения, первый полицейский герой Америки начала прошлого века. Упрямый молодой детектив, объявивший войну хищникам, которые не давали житья простым людям, под конец отправился в Неаполь, чтобы сразиться с каморрой на ее территории, и был убит.

Ло Манто тщательно изучил способы и приемы, которые использовал Петрочино, и приспособил их к своей тактике полицейской работы, добавив изрядную дозу весьма жестких методов. В тот день, когда Ло Манто присвоили звание детектива, инспектор Бартони подарил ему взятую в рамку фотографию Петрочино — как постоянное напоминание о войне, которую он ведет, и о жертвах, которых она может потребовать. Ло Манто поставил фотографию в своей гостиной.

Со временем каморра полностью подчинила себе Неаполь и все итальянские кварталы Нью-Йорка, решая, кто будет работать, а кто — нет, кому суждено поужинать, а кому придется остаться голодным, кто будет жить, а кто умрет. Боссы, возглавлявшие различные банды, без колебаний проливали кровь как чужих, так и своих, легенды об их жестокости преодолевали огромные расстояния, и с каждым новым убийством их могущество росло и укреплялось.

Пеллегрини Морано, бандит с Кони-Айленда, был первым среди известных крестных отцов каморры, который создал в Нью-Йорке свою преступную базу. Вскоре его примеру последовали другие, вроде Джона Эспозито по кличке Левша, Луиджи Бизарро и Тони Умбриако, получившего кличку Торпеда. Они нажили огромные состояния, наладив систему рэкета, установив контроль над портами, мясными и рыбными рынками, уборкой мусора и строительными контрактами, которые получали от продажных чиновников. Гарантируя стабильную работу и регулярную выплату зарплат, они взамен получали тридцать процентов от всех доходов тех, кто находился под их «крышей». Пять процентов этой суммы они затем передавали выборным руководителям пяти городских районов, а еще три процента делили между начальниками местных отделений полиции, также находившимися на содержании у каморры.

— Они разбогатели, обирая других, — рассказывала Ассунта. Она и Дженнифер неторопливо шли по направлению к огромному бассейну, в котором резвились тюлени. Вдоль перил выстроились восторженно визжащие дети и их уставшие родители. — Это самый короткий путь к богатству — что здесь, что в любой другой стране.

— Самый короткий путь не только к богатству, но и к тюремной камере, а то и к пуле в голову, — добавила Дженнифер. — Мало кто из бандитов живет достаточно долго, чтобы потратить награбленное.

— Это верно для большинства других банд, — возразила Ассунта, — но не для каморры.

К концу Второй мировой войны, когда рухнула мечта дуче, страна оказалась в отчаянном положении, а Неаполь был разорен больше, чем любой другой итальянский город, каморра не преминула воспользоваться открывшимися возможностями. Местные доны придумали отвратительный по своему цинизму план, нацеленный на сохранение и,

более того, расширение их преступной империи. Они занялись... благотворительностью. Вскоре едва ли не каждая семья в городе пришла на поклон к каморре, считая это единственным способом выжить в условиях беспросветной нищеты и разрухи.

— Это был дьявольский план, — продолжала свой рассказ Ассунта. — Если работающий человек задолжал каморре, ему предлагалось на выбор три возможности: он мог либо заплатить долг, либо умереть, либо отдать гангстерам своего младшего сына, чтобы те воспитали его так, как считают нужным, дали ему образование по собственному усмотрению и научили своему образу жизни.

— Получается, они просто отбирали детей у их родителей? — не веря собственным ушам, спросила Дженнифер.

— Зачастую родители были настолько бедны и обездолены, что не могли собственными силами сохранить жизнь своему ребенку. Тогда они добровольно отдавали его каморре, — ответила Ассунта. — Тогда эти мальчики получали хорошую еду, их отдавали в лучшие школы и ставили на дорожку, которая со временем приводила их к большим деньгам.

— Сколько же их было, таких мальчиков, и как долго это продолжалось?

— Сотни, — качнула головой Ассунта, — и продолжалось это на протяжении многих десятилетий. У детей выявляли природные таланты и всячески поощряли их развитие. Если, скажем, у мальчика была склонность к математике, его отдавали в бизнес-школу, если он проявлял склонность к биологии, его ожидала карьера врача. Такая система позволила каморре проникнуть во все без исключения сферы общественной деятельности.

— Подобная практика существовала и здесь, в Нью-Йорке? — спросила Дженнифер.

— Здесь это появилось значительно позже, но к тому времени, когда Ло Манто стал подростком, да, это уже было.

Николо Росси стал первым крестным отцом каморры, который установил в Нью-Йорке порядки, царившие до этого только в Неаполе. Он понял, что юные умы, обладающие острым чутьем в области бизнеса, необходимо поощрять, дабы они завоевывали лидирующие позиции в крупных брокерских домах и финансовых институтах. Его план, рассчитанный на многие годы вперед, предполагал, что Нью-Йорк станет поставлять организации «мозги», а Неаполю отводилась роль поставщика «мускулов». Подобная форма союза между городами станет неуязвима и обеспечит процветание каморры как в Нью-Йорке, так и в Неаполе.

Отец Ло Манто был человек хороший, но слабый, — продолжала Ассунта. Теперь женщины сидели за маленьким столиком кафе под открытым небом и потягивали капучино со льдом. — Заядлый игрок, он однако не имел средств, чтобы удовлетворять эту пагубную страсть, и постоянно сидел по уши в долгах у ростовщиков дона Николо. Обычно у них с женой получалось заработать денег, чтобы расплатиться с долгами, но однажды случилось так, что ему это не удалось.

— И из-за этого они его убили? — спросила Дженнифер.

Ассунта посмотрела на молодую женщину, улыбнулась и покачала головой:

— Нет, это только Ло Манто так думает. Ему сказали, что отец взбунтовался против каморры, устав отдавать большую часть своего заработка преступникам и выплачивать долги с бешеными процентами. Такова была легенда, которую ему преподнесли в детстве и в которую он верит до сих пор.

— Он хороший полицейский, — проговорила Дженнифер, — просто великолепный и смог бы докопаться до истины, если бы захотел.

— Мы ищем только те ответы, которые хотим найти, — философски заметила

Ассунта. — Но даже в этих случаях нам не всегда хочется верить в то, что мы узнали.

— Так что же случилось на самом деле?

Ассунта сделала большой глоток кофе и посмотрела на молодую женщину пристальным взглядом. Она собиралась раскрыть ей секрет, известный лишь горстке людей, секрет, который — стань он достоянием гласности — мог привести к еще более беспощадному кровопролитию и новым смертям. Затем старая итальянка сделала глубокий вдох, откинулась на спинку железного стула и подставила свое морщинистое лицо солнечным лучам.

— Они собирались убить его. Приказ уже был отдан. Дон Николо знал, что денег назад он не получит, поэтому каморре оставалось только убить его.

— Ло Манто знал о том, как все это происходило?

— Отец может многое утаить от сына, каким бы умным ни был мальчик, — ответила Ассунта. — А соседи-то ли от страха, то ли из уважения — хранили молчание.

— Но все же отца Ло Манто убила каморра? — задала вопрос Дженнифер. — Хотя бы это — правда?

— Это было и всегда останется правдой, — кивнула Ассунта. — Вот только от мальчика скрыли истинную причину убийства его отца.

Женщины встали и снова пошли по асфальтовой дорожке, направляясь к выходу из зоопарка. Старая держала молодую под руку, и со стороны они выглядели как мать и дочь, в кои-то веки вышедшие погулять вдвоем.

— Мать Ло Манто отправилась к дону Николо. — Теперь в голосе Ассунты зазвучали низкие загробные нотки. Так обычно дети, собравшись вокруг костра, рассказывают друг другу страшные истории. — Она была гораздо храбрее своего мужа и решила попробовать найти выход из того тупика, в который он их завел. Она попросила крестного отца сохранить мужу жизнь и простить долг, а взамен пообещала отдать ему своего сына. Но не того, которого она родила от мужа, Джанни. Она сказала, что отдаст дону Николо сына, которого родит от него и в жилах которого будет течь кровь семьи Росси.

Дженнифер остановилась и повернулась к своей спутнице. Чудовищность услышанного обрушилась на нее тяжестью девятого вала.

— И он согласился? — спросила она охрипшим шепотом.

— А как же! — пожалала плечами Ассунта. — Получить единокровного ребенка от прекрасной женщины, ребенка, которого никто и никогда даже пальцем тронуть не осмелится! Может ли быть что-либо более упоительное, нежели власть, достигшая таких пределов?

— И у них родился сын? — вновь спросила Дженнифер, боясь услышать ответ, который уже был ей известен.

— Да, — кивнула Ассунта, — у них родился сын. Он появился на свет в местной больнице, за два месяца до того, как Джанни исполнилось шесть лет. Роды принимала я.

— Пит Росси... — прошептала Дженнифер.

— Преступный дон, которого с такой силой ненавидит Джанкарло Ло Манто, против которого на протяжении последних пятнадцати лет он ведет непримиримую войну, мстя за смерть отца, на самом деле является его младшим братом.

— Значит, отца Ло Манто убили не из-за долгов, — протянула Дженнифер. — Он погиб, потому что каким-то образом узнал обо всей этой истории и отправился к дону выяснять отношения.

— Он ничего не подозревал до той самой ночи, когда ребенок появился на свет, — подтвердила догадку Дженнифер Ассунта, горестно качая головой. — Он шел по коридору больницы с букетиком цветов в руке и вдруг увидел, как из палаты его жены выходит дон Николо со своей свитой. Он отступил в темный угол и слышал, как гангстеры поздравляют своего босса с рождением такого сильного и красивого сына.

— Он все же повидался с женой? — спросила Дженнифер. — Попытался выяснить, как такое стало возможным?

— Как любой другой мужчина, он был слишком горд и не умел признавать собственные ошибки. Он ушел из клиники и отправился неизвестно куда в поисках бутылки вина и пистолета.

— Ло Манто был уже достаточно взрослым, чтобы понять, что у его мамы вскоре родится второй ребенок, — проговорила Дженнифер, — он, наверное, спрашивал, что произошло.

— Спрашивал, конечно, но разве ему рассказали бы правду?

— Но они еще долго жили по соседству, и мать Ло Манто покинула Америку, только когда мальчику исполнилось семнадцать, — сказала Дженнифер, остановившись возле машины и распахнув переднюю дверь для старой женщины. — Зачем было так долго ждать?

— Она втайне ухаживала за маленьким Питом — до тех пор, пока ему не исполнилось шесть лет. Ей было позволено посещать ребенка три раза в неделю и иногда брать его на воскресные прогулки. Затем мальчика забрали и отправили учиться. Для Пита Росси началось долгое путешествие, которое со временем привело его туда, где он находится сегодня. Несколько месяцев Анджела оплакивала своего потерянного сына и потом уехала в Неаполь.

— Бедная женщина! — вздохнула Дженнифер. — Столько лет жить с такой болью в сердце и даже не иметь возможности ни с кем поделиться ею!

— Хуже того, жить, зная о том, что изо дня в день двое твоих сыновей ведут войну друг против друга, войну, которая в итоге неизбежно унесет жизнь либо одного из них, либо их обоих.

— Я полагаю, что если ничего этого не знает Ло Манто, то Пит Росси — тем более?

— Пит — один из них и является таковым с тех пор, как сделал свой первый вдох, — ответила старуха. — Он — Росси. Он — крестный отец каморры. Надеяться на то, что в этой груди бьется человеческое сердце, равносильно ожиданию чуда.

Дженнифер открыла водительскую дверь и села за руль, а затем вставила ключ в замок зажигания и завела двигатель, однако ехать не торопилась. Повернув голову вправо, она посмотрела на пожилую итальянку и сказала:

— Я понимаю, вам было непросто рассказать мне все это, и я не знаю, почему вы так поступили, но, как бы то ни было, я рада, что вы сделали это.

— Видишь ли, детка, — невесело усмехнулась Ассунта, — ответы на наши вопросы очень часто ведут к появлению новых вопросов. Я взвалила на тебя тяжкий груз. Узнав все, ты можешь либо молчать, либо начать действовать, но что именно выбрать, решать только тебе.

— Я что-нибудь придумаю, — сказала Дженнифер, — и мне лишь остается надеяться на то, что я найду правильное решение.

— Если оно существует, ты его непременно найдешь, — сказала Ассунта, прикрывая глаза ладонью от солнца. — Я верю в это.

— Если я допущу промах, погибнут люди, — произнесла Дженнифер, — поэтому прежде чем сделать следующий шаг, мне нужно все хорошенько взвесить.

— Смерть неизбежна, — философски заметила Ассунта. — По причине, без причины — все равно. Это лишь вопрос времени.

Дженнифер кивнула и, включив передачу, бросила машину в автомобильный поток, наводнивший Бронкс.

Пит Росси стоял на платформе пригородных поездов «Метро-Норт» в Нью-Рошели, читая утренний номер «Нью-Йорк пост». Его внимание было сосредоточено на спортивном разделе газеты — он прочитал не менее полдюжины статей, расписывающих в подробностях игру бейсбольных команд «Янкиз» и «Ред соке», которая состоялась накануне вечером. Его не отвлек даже поезд фирмы «Амтрак» из Бостона, со скрежетом притормозивший у платформы в пятнадцать минут третьего, сделав очередную местную остановку по пути на вокзал Пенн-стейшн. Росси неспешно подошел к скамейке, сиявшей свежей синей краской, и сел на нее, не забыв при этом вытянуть ноги, чтобы не повредить стрелки на брюках от Рокко Чикарелли. Ему вовсе не хотелось оказаться в толпе спешивших на поезд и с поезда. Перелистав несколько страниц, он переключился со спортивного раздела на деловой — проверить курс принадлежавших ему акций, а заодно получше ознакомиться с последними скандалами и слухами. Через некоторое время Пит оторвал глаза от скучной заметки, в которой рассказывалось об участии какого-то корпоративного босса в махинациях с паевыми фондами. Взгляд Росси упал на плотно сбитого мужчину, стоявшего на другой платформе — через рельсы.

Росси едва заметно кивнул, поднялся и зашагал к ступенькам перехода над железнодорожными путями, чтобы перебраться на противоположную платформу. Шел он не спеша, не проявляя никаких признаков суеты, зная, что толстяк во что бы то ни стало должен его дождаться и, если понадобится, будет ждать день и ночь напролет. Поначалу у него были сомнения относительно того, стоит ли соглашаться на эту встречу. Он всегда зорко выискивал даже малейшие признаки измены, которая могла зародиться в его ближнем окружении, поскольку знал, что при той жизни, которую ведет, ни в ком не может быть уверен на сто процентов. К тому же не в его привычках было встречаться с кем-либо, имеющим прямое отношение к заказной работе. В таких делах Росси всегда тщательно заметал следы, пряча их даже не под одним, а под несколькими слоями пыли. Будучи опытным гангстером, он хорошо знал, что ловушки подстерегают его на каждом шагу. Стоило одной из них захлопнуться — и ему обеспечены несколько десятилетий за решеткой федеральной тюрьмы. Росси редко разговаривал по телефону, а если разговаривал, то только о самых безобидных вещах. Номер своего сотового менял каждые две недели, причем сотовых у него было два: один — для входящих звонков, другой — для исходящих. В инвестиционную фирму, которой он управлял, Росси аккуратно являлся на работу каждый день, всегда декларировал свой законный доход и платил все налоги, причитающиеся с его жалованья, составлявшего 500 тысяч долларов в год. А мощный поток в размере семи миллионов, который шел ему лично как крестному отцу семьи Росси, поступал через разветвленную систему офшорных банковских счетов, европейских брокерских домов и облигационных бирж, действующих на американском Среднем Западе. Для того чтобы деньги могли вращаться, ему пришлось купить дюжину разных фирм по финансовому менеджменту. Каждая ежедневно перемещала крупные суммы наличности и ценных бумаг, отмывая их еще через дюжину многонациональных подставных компаний и пятнадцать частных лиц, которые и не подозревали, для каких целей используются их имена.

Росси был очень богатым человеком с очень малыми возможностями насладиться выгодами своего положения. Он отправил своих детей учиться в самые лучшие частные

школы, не жалел денег на удовлетворение капризов супруги, оставил свой Манхэттенский особняк изысканной мебелью и начинил его всевозможной электроникой. Он работал каждый день, включая выходные. Каморра приучила его к жизни, в которой было крайне мало времени на отдых и праздные посиделки с приятелями. Самые влиятельные доны каморры жили, словно затворники в монастыре, держась подальше от таких удовольствий, как выпивка, наркотики и интрижки с дамами, потому что подобные слабости заключали в себе опасность. Какие бы страсти ни терзали крестного отца, он никогда не терял голову. Таков был секрет долголетия на криминальном троне.

Росси дошел до северного края платформы и остановился рядом с толстяком.

— Пройдемся, — предложил он. — Тут через три квартала есть кафе. Поговорим по пути.

— Очень вам признателен за то, что согласились встретиться со мной вот так, запросто, — ответил толстяк. — Знаю, что вы вообще-то не охотник до таких свиданий.

— Ты сказал, что у тебя есть для меня важная информация, — небрежно обронил Росси. Тон его был холоден и равнодушен. — Такие новости я предпочитаю получать из первых рук.

— По правде сказать, есть две темы, которые я хотел бы с вами обсудить, — сказал толстяк.

Остановившись на красный свет, оба умолкли, ожидая, когда мимо проползет отрезок автомобильного потока, становившегося в предвечерние часы все гуще. Толстяк переминался с ноги на ногу, стараясь справиться с волнением, явно не уверенный до конца, правильно ли он поступил, решив встретиться с доном один на один. Последние шесть лет он работал исключительно на Пита Росси, занимаясь заказными убийствами по обе стороны Атлантики. Однако это был всего второй раз в его жизни, когда он стоял рядом с молодым боссом так близко, что мог его потрогать. А разговаривал с ним вообще впервые. Толстяк, которого звали Грегори Рэнделл, по кличке Флэш, проработал наемным убийцей достаточно долго, чтобы хорошо узнать жесткие правила своего мира. Пойдя на прямой контакт с действующим доном, он пересек черту. Ему было положено иметь дело только с посредниками, а он двинулся напрямик. И теперь его жизнь зависела от того, насколько информация, которую он вот-вот передаст, окажется важной для Пита Росси. Если босс сочтет ее достаточно важной для того, чтобы взять на заметку, а затем и предпринять соответствующие действия, то предприятие можно считать успешным и надеяться на покорение новых высот в мафиозном царстве. Ведь отныне тебе будет по гроб жизни обязан тот, кто ранее не доверял никому в целом мире. С другой стороны, если он передаст под видом информации уличные сплетни и сообщит имена людей, которые уже проверены и признаны чистыми Питом Росси и его командой, то рассчитывать можно только на то, что тебя попросту утопят. Еще один купальщик, сгинувший в прекрасный летний вечер в темных глубинах Гудзона.

— Я знаю, что на этого итальянского копа идут четыре профессионала, — поведал Рэнделл, когда они пересекали улицу, причем оба старались не наступать на канализационные люки, которыми был буквально утыкан пешеходный переход. — Они постараются завалить его где-нибудь в открытую. Идея хорошая. Не сомневаюсь, что у них есть умный план.

— К чему ты клонишь? — спросил Росси, дивясь тому, что простому наемному убийце может быть известно столь многое.

Киллеры вращались в бизнесе, где было принято держать язык за зубами и скрывать свою работу даже от закадычных друзей. Вряд ли Рэнделл пронюхал о четырех наемниках от кого-то, кто с ними тесно связан. Тем не было никакого интереса распространяться о том, что они согласились на это задание. Росси не оставалось ничего, как обратить взгляд на собственный лагерь. Именно там были впервые упомянуты эти имена и составлены планы убийства. Там же следовало искать и следы измены.

— Я бы хотел, чтобы эта работа досталась мне, — пояснил Рэнделл. — В группу, с которой вы сейчас работаете, я не хочу. Я, конечно, понимаю, что заказ они получили и сделают все, чтобы его выполнить. Но я хочу пойти на этого копа сам. За работу запрошу умеренно. Гораздо меньше, чем вознаграждение, для которого эти четверо, по слухам, уже оттопыривают карманы...

Они стояли поодаль от станции, спиной к сетчатой ограде. Жара была невыносимой — казалось, она свинцом наваливается на плечи.

— Но к чему ты говоришь это мне? — поинтересовался Росси. — И почему сейчас?

— Без разрешения я и шагу не ступлю, — заверил Рэнделл. — На сцене появляюсь только тогда, когда того хочет заказчик. Пусть приказ четверем парням остается в силе, и пусть они делают что хотят. Мне на них наплевать. Вы — другое дело. Только намекните: «нет» — и я спокойно уйду, словно мы никогда не встречались. Если же решите держать меня в игре, то обещаю: когда коп упадет, это моя пуля его свалит.

— Ты бокс смотришь? — спросил Росси у Рэнделла.

— Вообще-то, смотрю, хотя особо с ума не схожу, — ответил тот. — По Эйч-Би-Оу^[20] все бои просматриваю, но не более того.

— Ну, для того, чтобы понять мой пример, более чем достаточно, — хмыкнул Росси, повстречавшись взглядом с высокой брюнеткой в узкой черной юбке, которая неуверенно шла на шпильках по растрескавшемуся асфальту. — Упасть может любой. Неважно кто. И чаще всего он даже не замечает удара, который посылает его на канаты. Просто падает. И если я делаю ставку на нокаут, то мне все равно, когда и как это случится. Главное, чтобы парень, против которого я ставлю, выбыл из игры.

— Нокаут всегда возможен, — подтвердил Рэнделл. — Уж в этом-то можете не сомневаться, если вас именно это волнует при заключении пари.

— Так на какую выручку можно рассчитывать, когда ставишь на то, что парня собьют с ног? — спросил Росси, оторвав взгляд от дамы, но не раньше, чем одарил ее небрежной улыбкой. — Учитывая вероятную случайность и силы противника...

— Четверть существующего спреда, — ответил Рэнделл.

— Неплохая ставочка, — заключил Росси. — Я бы и сам поставил деньги на дело, сулящее такой куш. Ей-богу, поставил бы...

Отойдя от ограды, Росси зашагал по узкой улочке. Рэнделл пошел рядом.

— Ты сказал, что хотел обсудить со мной две вещи, — бросил ему Росси. — Полагаю, одной из них был бокс. Не хотелось бы уходить, не услышав о второй.

— Своим бизнесом я занимаюсь уже много лет, — повел речь Рэнделл. — Прирожденный специалист. Можно сказать, наследственная профессия.

— Если я хочу узнать биографию выдающейся личности, то включаю телевизор. Там и для этого специальный канал есть, — проговорил Росси, уже не скрывая раздражения. — Хочешь сказать мне что-то стоящее — говори.

— В вашей бригаде есть стукач, — сообщил Рэнделл. — Всякий раз, когда у него

зачешется язык, сливает информацию тому самому итальянскому копу. Вот почему тот всегда опережает вас на один шаг — и здесь, и на другой стороне.

Пит Росси как вкопанный остановился посередине улицы и вперил в Рэнделла испепеляющий взгляд.

— Слушай, стрелок, — процедил он, — если знаешь его имя, говори. А имеешь доказательства — предъяви. Тут тебе не телевикторина. Расспрашивать, что да как, не буду. Выкладывай сразу ответы.

Рэнделл огляделся. По ухабам разбитой улочки прыгали легковые автомобили и грузовики. Впритирку к ним пронеслась стая пешеходов. Многие торопились на следующий поезд в Нью-Йорк.

— Вы уверены, что это подходящее место для такого разговора?

— Единственно возможное. Другого не будет, — ответил Росси.

— Это один из ваших капо, — сообщил Рэнделл.

Во рту у него пересохло, по шее потекли крохотные капельки пота. Он стоял под палящим солнцем, уже начавшим медленно клониться к закату, и знал, что только что поставил на кон собственную жизнь — вот здесь, на какой-то безвестной улочке в Нью-Рошели.

— Прежде чем назвать его имя, скажи, откуда тебе это известно.

— Капо родился в Неаполе и доводится легавому дальней родней, — произнес Рэнделл. — Сликает ему секреты еще с тех дней, как тот пошел в школу для полицейских. Вот так тому и становится известно о делах, которые вы крутите.

— И давно тебе об этом самом известно? — поинтересовался Росси.

— Меньше недели, — сказал Рэнделл. — Хотя, если честно, подозрения меня мучили примерно год. Не насчет родственных связей между ними. Насчет того, что он — главный источник утечек.

— А основания какие у тебя есть? — настаивал Росси. — Он что, рекламные плакаты о себе расклеивает?

— Была у меня работенка за границей месяцев десять назад, а может, меньше, — сообщил Рэнделл. — Один из вашей организации попался на том, что запустил лапу в общак, ну и поступила команда его ликвидировать.

— Короче, — поторопил его Росси.

Он внимательно слушал, продолжая идти, наклонив голову и засунув руки в карманы. Его ум переваривал информацию, которую сообщал ему стрелок, а душа горела от тайной ярости. Ее вызывала мысль о ключевом советнике, который на протяжении нескольких лет мог работать с Ло Манто. Человек, вхожий в святая святых, заслуживший доверие и уважение дона, нарушил священную заповедь каморры. И позволил этому случиться не кто иной, как Росси. Если то, о чем болтает наемный убийца, окажется правдой, всему миру могут открыться трещины в стальном фасаде империи Росси. В подобной ситуации надлежало действовать быстро и точно. Это означало ликвидацию не только информатора, но и стрелка, открывшего всю серьезность сложившегося положения.

— Подхожу, значит, к финишу, — продолжал между тем Рэнделл. — Все идет по графику. Остается сходить поужинать, возвратиться в отель, собраться и отправиться на точку. А вместо этого час спустя, не закончив ужин, оказываюсь на воде, в катере, — втянув голову в плечи, смываюсь от итальянской полиции. Мой же объект растворяется в воздухе, воспользовавшись всеми благами программы защиты свидетелей.

— Доминик Мурино, — проговорил Росси. — Как же, читал о нем. Прятался в маленьком прибрежном городке Кассино. Судя по бумагам, которые я видел, эксперимент провалился из-за слабого планирования. Да и охотник слишком высунулся из засады.

— Вы мою работу знаете. И как я ее выполняю, тоже знаете, — огрызнулся Рэнделл, гордость которого была явно уязвлена. — Я бы не играл в эту игру столько лет и на таком уровне, если бы не знал, как зализать все так, что комар носа не подточит. С моей стороны все было чисто. Причина, по которой я попался, а дичь ускользнула, состоит в том, что кто-то оказался стукачом. И этот кто-то играл в вашей команде.

— Так назови игрока. — Росси остановился, чтобы закурить сигару от тоненькой бутановой зажигалки. — А слова свои подкрепи чем-нибудь.

— Фрэнк Сильвестри, — произнес Рэнделл. — Он доводится кузеном мамаше полицейского. Родственные связи не засохли — тянутся еще с Италии. В общем и целом, он человек верный, своему делу преданный и сделает все, что вы ему прикажете. А отступает от принципов только в одном случае — когда дело касается копа, за которым вы ведете охоту. Постоянно его подкармливает информацией. И заметьте, ставит его в известность не о каждом деле. Говорит ровно столько, чтобы ему было за что уцепиться, а вам — не застаиваться на месте.

— Чего ж ты ждал так долго? Почему раньше не сказал? — спросил Росси. — В нашем деле неделя — это целая жизнь.

— Мне нужно было быть уверенным на тысячу процентов, — стал оправдываться Рэнделл. — Для меня слишком большой риск приставать к вам с такими разговорами, не имея достаточных доказательств.

— Но сегодня ты пришел, — подчеркнул Росси. — Значит, никакого риска больше нет?

— Когда у тебя есть доказательства, риск исчезает, — сказал Рэнделл. — Доказательства я получил позавчера. И как только полностью в них удостоверился, начал хлопотать о встрече с вами.

— Эти доказательства у тебя при себе? — спросил Росси. Он завернул за угол и пошел через Норт-авеню обратно к железнодорожной станции и находящейся поблизости стоянке, где был припаркован его черный «шестисотый» «Мерседес», совсем новенький. — Можешь предъявить?

— У меня их достаточно, чтобы вы мне поверили, — заверил Рэнделл. — Свеженькие. Им нет и пяти дней.

Пит Росси остановился, бросил недокуренную сигару на тротуар, посмотрел на часы, а затем в упор уставился на Рэнделла.

— Встреча окончена, — объявил он. — Следующий поезд на Нью-Йорк прибывает примерно через шесть минут. Успеешь сесть на него. Но если тебе еще куда-то надо, можешь идти пешком, а хочешь — лови такси. Решай сам — это меня уже не касается.

— А как же пакет? — протянул Рэнделл. И голос его, и весь облик олицетворяли недоумение. — Сейчас заберете или как-нибудь попозже?

— Нет необходимости показывать его мне, — сказал Росси. — Важнее всего для меня было то, что видел его только ты и никто другой.

— О нашем разговоре знают только двое, — заверил Рэнделл, — вы и я. Я не сажаю за стол никого, кому нет необходимости за ним сидеть.

— Значит, наше дело сделано, — подытожил Росси.

— Так вы не хотите, чтобы я рассказал, что же ваш парень слил копу? — удивился

Рэнделл.

— А ты все уже рассказал, — усмехнулся Росси. — Рассказал — и сам не заметил.

Он повернулся к Флэшу Рэнделлу спиной и пошел вниз по склону холма к своей припаркованной машине, детально обдумывая план тройного убийства.

* * *

Ло Манто вскочил в поезд метро на станции «Восточная 233-я улица» за несколько секунд до того, как захлопнулись двери вагона. Прошел три вагона, цепляясь за поручни ради сохранения равновесия. Поезд был набит обитателями Нью-Йорка, которые являли собой весьма разношерстную публику. Студенты устало глазели на блеклые здания, тянувшиеся нескончаемой чередой вдоль железнодорожной эстакады. Ехали домой измотанные строители после десятичасовой смены, от которой запросто можно было дать дуба. Особняком сидела стайка старичков и старушек, шутивших подслеповатые глаза на раскрытые газеты и толстые журналы. Девушки подчеркнуто городского облика, напялив на голову наушники плееров, с закрытыми глазами слушали музыку под ритмичный стук колес.

Он сел на свободное место прямо напротив схемы Нью-Йоркской подземки. Разнообразные линии причудливо соединяли один городской район с другим. Их дополнял беспорядочный набор букв и цифр. Слегка повернув голову направо, Джанкарло бросил взгляд на Кармине Дельгардо, с головой ушедшего в статью в «Нью-Йорк пост», где красочно было описано убийство нескольких человек в каком-то бруклинском дискоклубе.

— Должно быть, что-то важное случилось, — пробубнил Ло Манто, рассеянно глядя на необитаемые здания, которые по-прежнему торчали на улицах Южного Бронкса, несмотря на то что городские политики десятилетиями клялись снести это уродство. — Не припомню, когда в последний раз доводилось видеть тебя вдали от магазина или бильярдного зала. Что стряслось? Или эти заведения сгорели?

— Не твоего легавого ума дело, макаронник, — огрызнулся Дельгардо, не поднимая глаз от газетной статьи. — И шутки твои дурацкие.

— Могу тебе спеть, если тебя простой разговор не устраивает, — широко улыбнулся Ло Манто. — Ты прожил в Неаполе не меньше моего, так что в музыке толк знаешь.

— Что-то не греет мне душу твоя музыка, — пробурчал Дельгардо. — Ладно, кончай трепаться. Перейдем к делу.

— Поезд наш не скорый, — заметил Ло Манто, прислоняясь затылком к жесткому краю карты подземки. — Времени хватит поговорить обо всем.

— Ты заработал себе две крупные проблемы, — сообщил Дельгардо, — и обе достанут тебя вернее, чем пуля.

— Начнем с первой, — проговорил Ло Манто.

— Бригада Росси, — откликнулся Дельгардо. — Один наемник, который величает себя Флэш, напел обо всем прямо в ухо дону. Привел, в общем, в состояние готовности. Не скажу, когда именно, но довольно скоро твой человек исчезнет, так что будь к этому готов.

Ло Манто смотрел мимо Дельгардо на женщину средних лет в пиджаке из искусственной кожи. Она читала книгу в толстом переплете, лежащую у нее на коленях. Была эта женщина худощавая, длинные каштановые волосы заслоняли половину ее лица. Красота ее была ясной и неброской, словно с достоинством и деловитым спокойствием

ожидала наступления преклонных лет.

— А в чем заключается вторая проблема? — спросил он.

— В четырех стволах и двух миллионах долларов наличными, — поведал Дельгардо. — Каждый целит тебе прямо в голову. Работать будут вместе. Сдается мне, подкараулят они тебя на улице, чтобы можно было ударить с любого направления, куда бы ты ни сунулся. Они не отстанут от тебя до тех пор, пока твою дохлую задницу не запихают в черный мешок и не застегнут на нем «молнию».

Поезд со скрипом затормозил у станции «Тремонт-авеню». Двери распахнулись, и в них ввалилась орава испаноязычных подростков в высоких кроссовках и мешковатых джинсах. Все дружно ржали над какой-то историей, сюжет которой остался на платформе.

— Имена есть? — осведомился Ло Манто. — Стрелков или их хозяев?

— Пока ничего определенного, — сказал Дельгардо. — Надо думать, ребята в своем деле не последние, учитывая, сколько бабок им отстегивают и какого кабана заказывают. Готов побиться об заклад, что местных умельцев к такому делу не привлекут. Штучки импортные — почти что от Армани.

— Ты эту тему проработай, — попросил Ло Манто, — прощупай импортных душегубов. Росси больше склонен полагаться на заграничных стрелков. А своего человека я переведу в более безопасное место.

— Может быть, уже поздно, — усомнился Дельгардо. — Эти итальянские ковбои жуть как не любят, когда их кидает кто-то из своих. С такими они разбираются молниеносно. Так что рискну предположить, что его уже нет в живых. А если еще жив, то ненадолго. Тут и к бабке ходить нечего.

Поезд погрузился в темноту, въехав в главный туннель на Восточной 149-й улице и помчавшись во весь опор к 125-й улице — первой остановке на «большой земле», Манхэттене. Ло Манто встал, ухватился за перекладину и посмотрел сверху вниз на Дельгардо. На коленях у того все еще лежала сложенная газета.

— Сойду на следующей, — сообщил он. — Свяжусь с тобой, когда опять окажусь на Ист-Сайде^[21]. А ты к тому времени наскреби по улицам данных понадежнее. Передашь мне через посредника.

— Следующая остановка — Гарлем, — заметил Дельгардо. — Мало у тебя врагов, которые мечтают изрешетить тебе задницу? Еще и черных гангстеров разозлить хочешь?

— Может, проводишь? — проговорил Ло Манто. — Чтобы со мной не случилось чего плохого.

— В Гарлеме я сойду только в одном случае — если ты меня наружу силком на себе вытащишь, — ответил Дельгардо. — А хожу я только по улицам своего района. Того, где родился, и где, как я очень надеюсь, меня когда-нибудь найдут дохлым.

— Да не беспокойся ты, — усмехнулся Ло Манто, выходя из вагона. — Здесь тоже выходцы с юга Италии живут. Такие же, как мы с тобой.

Кармине Дельгардо улыбнулся и быстро махнул рукой на прощание.

— Ну, коли так, — пробормотал он, когда двери уже закрывались и Ло Манто направился к длинной лестнице, ведущей вниз, — то гуляй и ничего не бойся.

Дженнифер стояла, облокотившись на капот своей машины, — руки сложены на груди, на лице выражение смертельной скуки. Ло Манто подошел к ней с левой стороны и подал ей картонный стаканчик с черным кофе.

— Не знаю, какой тебе нравится, — произнес он, — а потому заказал попроще.

Дженнифер приняла стаканчик из его рук и приподняла пластмассовую крышечку.

— Сойдет, — благосклонно сказала она. — Вообще-то, я люблю с молоком и двумя пакетиками сахара. Но лишние калории мне ни к чему — стараюсь соблюдать диету.

Ло Манто отхлебнул из своего стаканчика и улыбнулся.

— Американцы всю жизнь борются с собственным весом, — заметил он. — Перескакивают с одной диеты на другую — все перепробуют, лишь бы выглядеть худыми.

— Хочешь сказать, что итальянцы на диете не сидят? — спросила Дженнифер. — И о собственной внешности не заботятся?

— Очень даже заботятся, — согласился Ло Манто. — Только не сходят по этому поводу с ума. И смысл в жизни видят в том, чтобы плотно поесть, а не в том, чтобы этого избежать. Еда для них важна не менее, чем дружба, любовь, религия. Это один из ключей к нашей душе. Хочешь понять итальянца — узнай, какую еду он любит.

— Это и на тебя распространяется? — поинтересовалась Дженнифер.

— А что? — переспросил Ло Манто, пристально посмотрев на Дженнифер поверх своего стаканчика. — Хочешь поближе со мною познакомиться?

Дженнифер смотрела ему прямо в глаза в течение нескольких секунд, а затем скосила взгляд на нескончаемую череду автомобилей, катящую через Ленокс-авеню.

— А с какой радости мы тут стоим, пьем кофе посреди Гарлема? — спросила она, попытавшись переключить разговор обратно на дела полицейской службы. — И что потом? Экскурсия вокруг Манхэттена на кораблике «Серкл Лайн»?

Ло Манто зашагал по тротуару навстречу движению, отхлебывая кофе на ходу. Его глаза цепко следили за тем, что творится на улице. Как всегда во второй половине дня, тут было полно народу. Пожилые женщины уже закупили продукты и с натугой везли их домой. Тележки, набитые пластиковыми мешками с провизией, жалобно повизгивали колесами. Перед витринами кондитерских лавочек отирались средних лет мужички. У этих тоже было постоянное занятие — сигареты и болтовня. В магазинах было не протолкнуться. Широкая улица жила полной, активной жизнью. Это был район, населенный рабочим людом, где уже чувствовались результаты борьбы с преступностью. Его понемногу осваивало новое, более преуспевающее поколение. Люди с энергичными молодыми лицами и карманами, набитыми деньгами, приезжали сюда, желая немедленно взяться за дело и превратить обветшалые халупы в свеженькие, симпатичные особняки.

— Не знаю, хватит ли у нас сегодня времени, — ответил он Дженнифер, швырнув пустой стаканчик в уже переполненный мусорный бак. — Может, завтра, если все удачно сложится.

— Действительно, что же это такое — съездить в Нью-Йорк, а по Гудзону не поплавать? — поддакнула Дженнифер, постаравшись вложить в каждое слово максимум сарказма. — Но прежде чем я побегу за парой билетов на кораблик, может, все-таки хоть намекнешь мне, какого дьявола нам здесь нужно?

— Хочу повидаться со старым другом, — пояснил Ло Манто, остановившись перед темно-серым фасадом здания, немывтым, наверное, уже несколько десятилетий. — Думал, и тебе будет интересно с ним познакомиться.

— Очередной друг детства? — спросила Дженнифер, с усилием проталкиваясь сквозь древнюю вращающуюся дверь из стекла и дерева в длинный темный коридор, где воняло старым засохшим пивом.

Ло Манто толкнул дверь посильнее и повел Дженнифер в конец коридора, к не менее старому и скрипучему лифту.

— Надеюсь, ты не боишься собак, — обронил он, оставив ее вопрос без внимания. — Мо — человек дружелюбный, во всяком случае, становится таким, когда поближе с ним познакомишься. А вот Малыш Мо — это совсем другая история. Этой псине непременно надо, чтобы ее любили и уважали. И если у него складывается впечатление, что ему недостает любви или уважения, он становится невыносим.

— Как же тебе удастся с ним ладить? — удивилась Дженнифер, ступая внутрь зыбкой кабины лифта, когда Ло Манто уже нажимал на кнопку шестого этажа.

Он вытащил из кармана пакетик с сухариками для собак.

— Любит он меня, — пояснил Ло Манто. — Этому мне удалось добиться с помощью регулярных взяток.

Дверь лифта со стуком захлопнулась, и остаток пути два детектива проехали в молчании.

* * *

Слепой Мо Равный был когда-то «королем черного тотализатора» в Восточном Бронксе, причем просидел на троне более сорока лет. В этот район его возили на работу дважды в день: рано утром — собирать ставки, и после последних скачек, на закате, — за выручкой. Годы сделали свое дело — старые кости просили покоя, и основную часть связанной с бегом работы букмекер перепоручил команде своих «шестерок». После долгого дня, в течение которого нужно было собрать ставки, а потом расплатиться с выигравшими и полицией, слепого Мо Равини везли обратно в его гарлемский офис, где он проводил еще несколько часов, обзванивая своих боссов и отчитываясь об итогах дня. О его личной жизни было известно мало. Разве только то, что у него были жена и сын, которые жили на ферме, купленной им где-то в штате Джорджия. Еще меньше знали о его молодости и о том, как он прибрал к рукам незаконный игорный бизнес в трех из пяти основных районов Нью-Йорка. В один прекрасный день он просто взял да и объявился здесь, словно выпал из густого облака, — высокий и крепкий молодой человек, слепой от рождения, единственный сын чернокожей уборщицы и белого бухгалтера каморры. Слепого Мо было легко узнать по неизменной посеребренной трости, которой он ощупывал дорогу, и мордатому британскому бульдогу, который был скорее не поводырем, а бдительным дозорным. Слепой редко говорил, и никто в районах, где Мо вел свои дела, ни разу не видел, как он ест. Куда бы ни направлялся этот человек, за ним следовал большой седан с водителем — Черным Джеком по фамилии Керри. Стоило лишь крикнуть, и машина тотчас оказывалась рядом.

Шофер, сосредоточенно крутивший «баранку», был столь же немногословен, как и его хозяин. Казалось, Слепого Мо интересует единственная вещь на свете — процесс азартной игры: ставка, действие, выигрыш.

Впервые Слепого Мо Ло Манто увидел, когда самому ему не было и семи лет. Тогда мать впервые доверила ему поставить заработанный за день доллар на ее счастливое

число — «двести тринадцать». Ему навсегда врезался в память этот момент: вот он подает слепцу сложенную записку и шепчет цифру, в точности так, как велела мать, и осторожно кладет доллар на протянутую правую ладонь. В то первое утро Ло Манто наклонился, чтобы погладить по голове бульдога, и получил в ответ недовольное рычание.

— Повезло тебе, — сказал мальчишке Слепой Мо. — Скажи спасибо, что у Малыша Мо настроение хорошее. Попробовал бы ты сделать это завтра — остался бы не только без доллара, но и без пальца.

Ту же процедуру Ло Манто проделывал на протяжении последующих семи лет. Ставка никогда не превышала доллара, и число оставалось все тем же. Разговор длился не более минуты, бульдоги становились все злее. Однако Ло Манто потихоньку привык к этому и всегда с нетерпением спешил сделать ставку. Угол Восточной 238-й улицы и Уайт-Плейнс-роуд стал для него обязательной остановкой на пути в школу. Слепой Мо нравился ему, а на рычание и лай собак, сменявшихся у его ноги, мальчик научился не обращать внимания.

Одним прекрасным весенним утром Ло Манто, возраст которого приближался уже к четырнадцати годам, сделал ставку и готов был завернуть за угол, чтобы не опоздать на первый урок. Именно тогда Слепой Мо заговорил с ним — во второй раз за все эти годы.

— Кофе любишь? — спросил он мальчика.

Ло Манто обернулся и посмотрел Слепому Мо в лицо.

— Да, — ответил он.

— Держи свой доллар, — сказал Мо. — А завтра приходи с двумя стаканами. Один — мне, другой — себе. Мне — побольше молока и четыре сахара. А себе — как хочешь. Но это только, если у тебя будет время и желание.

— Куплю по пути, — пообещал Ло Манто. — А собаке тоже чего-нибудь принести?

— Ничего ему не надо — он и так с утра бодренький, — проговорил Слепой Мо. — Воды из миски полакал, едой собачьей похрустел — и готов полностью. Это нам с тобой иной раз не помешает взбодриться.

На следующее утро Ло Манто вышел из дому на четверть часа раньше обычного, заскочил в «деликатеску» Дика, купил два стаканчика кофе и направился к углу, где в двух кварталах от продовольственной лавчонки торчал Слепой Мо. Стаканы немилосердно обжигали пальцы. Он остановился перед слепцом. Спущенный с поводка бульдог лакал холодную воду из большой синей миски, стоявшей справа от хозяина. Оставалось ждать, когда «король тотализатора» сам догадается о присутствии гостя.

— Прикажешь мне самому догадаться, какой кофе с сахаром? — спросил наконец Слепой Мо. — Или ты молчишь из деликатности — мол, оба стакана одинаковые?

— Вот этот — ваш, — протянул Ло Манто стаканчик, который держал в правой руке. — Я на всякий случай еще несколько пакетиков сахара прихватил, если вам вдруг захочется послаще.

Слепой Мо взял стаканчик, поднес к губам и одним долгим глотком выпил половину.

— В моем списке наслаждений большая чашка свежего сладкого кофе стоит на втором месте после красивой женщины. С минимальным отставанием, — наставительно добавил он, повернув к Ло Манто лицо, наполовину скрытое большими черными очками. — Ты еще мал, сравнивать пока не можешь. Так что придется тебе поверить мне на слово.

Ло Манто осторожно отхлебнул кофе и улыбнулся. Между Слепым Мо и темно-коричневым бульдогом на боку стоял деревянный ящик.

— Вы не возражаете, если я присяду? — вежливо осведомился он.

— Если Малыш Мо не возражает, то и я не против, — ответил Слепой Мо. — Не хочу только, чтобы мне делали выговоры, если ты начнешь опаздывать в школу. Я-то уже на месте, там, где должен быть. А вот тебя ждет класс и строгая монахиня у доски.

— Не такие уж они строгие, какими притворяются, — беззаботно отмахнулся Ло Манто, опускаясь на ящик под бдительным взглядом пса. — Говорить они могут что угодно, но по глазам-то видно, что все это не всерьез.

— В мое время в школе по-другому было, — поделился воспоминаниями Слепой Мо. — Ох, до чего же злые были эти бабенки в накрахмаленных белых робах! Знал я немало мужиков, которые долгие годы отбарабанили на зоне. Так они из тюряги выходили и то не такими озлобленными, как эти чертовы монашки.

— Так вы тоже в католическую школу ходили? — несказанно удивился Ло Манто.

— А ты думал, я прямо тут, на этом углу родился? — вопросом на вопрос ответил Слепой Мо. — И я свой срок оттянул — как ты сейчас тянешь. Только запихали меня в специальную школу — не то что твоя теперешняя. Моя была для детишек, которые не могут нормально учиться, потому что не видят.

— И чему же вас там учили? — любопытствовал Ло Манто.

— Наши дамы проповедовали правду, — сказал Слепой Мо. — Вернее, вколачивали ее в башку. Они говорили мне, что из-за своей слепоты я не должен ожидать от окружающих ничего, кроме жалости, а это такая хреновина, с которой особенно не разжиреешь. Меня учили обходиться тем, что у меня есть, и не убиваться из-за того, чего у меня нет. Они не могли научить меня видеть, зато научили слышать. И урок этот пошел мне впрок — неплохой выигрыш мне в жизни принес.

Слепой Мо слышал все на свете. Свой врожденный физический недостаток он использовал для того, чтобы развить другие чувства. Когда другие говорили, Равини слушал, и одно лишь это позволило ему с годами создать основу своего влияния и благополучия. Незнакомцы, друзья и враги — все одинаково считали, что могут безбоязненно изливать перед ним душу, доверять ему, и искали совета у человека, редко открывавшего рот. Он был ушами Восточного Бронкса, знал о зачатках любой сделки и любого жульничества, прежде чем они становились реальностью. Ему не требовались глаза, чтобы распознать главных игроков, границы зон влияния преступных сообществ, а также то, какие из уличных дельцов действуют под крышей России. Он собирал информацию и хранил ее в мозгу, словно в собственном банке, не упуская ни одной подробности, тщательно учитывая все входящие и исходящие. Его величайшим даром была способность делать бизнес, не вмешиваясь ни в чью жизнь, а просто молча стоя на углу в Восточном Бронксе и принимая ставки.

Ло Манто постучал в массивную деревянную дверь, повернул ручку и вошел внутрь квартиры. Дженнифер последовала за ним. В коридоре царил мрак. По половицам громко застучали когти бросившейся им навстречу большой собаки. Дженнифер инстинктивно потянулась за револьвером. Ло Манто разорвал пакетик с сухариками для собак и взял пару сухариков в правую руку. Он подпустил бульдога поближе, когда уже слышен был глухой рык, вырывающийся из собачьей груди.

— Sono io, — сказал Ло Манто собаке, зная, что Равини всех своих псов приучал слушаться только команд на итальянском. — Fa il bravo and sietate^[22].

Бульдог резко затормозил. Проехав по инерции еще некоторое расстояние на когтях, он плюхнулся на задницу. Ло Манто нащупал в темноте маленький кофейный столик и включил на нем лампу с узорным абажуром. Перед ними сидел крупный коричневый

бульдог с мокрым языком, свисающим набок из огромной пасти. Собака сидела, терпеливо дожидаясь угощения. Ло Манто протянул псу раскрытую ладонь. Тот, приподнявшись, в мгновение ока слизнул с нее два сухарика и опять уселся, чтобы в полной мере насладиться приятным сюрпризом.

— Ты научился обходить глупого пса, — раздался голос Слепого Мо. — Но почему ты так уверен, что проскользнешь мимо меня?

Ло Манто подошел к Слепому Мо, который стоял в проеме между прихожей и кабинетом. Со времени их первой встречи он сильно состарился. Его короткая прическа в стиле «афро» была отмечена дорожками седины, да и борода местами побелела. На носу у него были все те же большие темные очки, но передвигался он без трости.

— Я подумал, что тебе будет приятно услышать мой голос, — произнес Ло Манто, мягко положив руку Слепому Мо на плечо. — Вот и решил заглянуть.

— Кончай трепаться, — оборвал его Слепой Мо. — И что это за женщина?

Ло Манто оглянулся на Дженнифер и подтянул ее поближе за руку.

— Коп, — сообщил он слепому. — Городское управление полиции попросило ее присматривать за мной. Чтобы я не вляпался во что-нибудь сгоряча.

— Сам догадался, — буркнул Мо. — А то можно подумать, что ты заявился ко мне, чтобы показать своей девушке берлогу слепца. Тогда бы твое свидание с ней закончилось, еще не начавшись. Ох, бабы вокруг тебя черт-те чем заняты — или от пуль уворачиваются, или сами палят. А то, что она из числа копов, вычислить нетрудно — от нее духами не пахнет.

— Знала бы — откупила бы пузырек «Шанель», — подала голос Дженнифер. — Согласна, девушке иной раз не мешает вспомнить об этом. Да только, знаете ли, все время приходится нестись туда, куда не зовут заранее.

Слепой Мо улыбнулся.

— А в ней что-то есть, — поделился он впечатлением с Ло Манто. — Мне это нравится. И тебе не помешало бы быть чуточку таким же. Ей-богу, не помешало бы.

— У тебя найдется для меня немного времени? — спросил Ло Манто.

— Ты привел ко мне женщину, принес целый мешок собачьей еды, — рассудительно произнес Слепой Мо. — Более чем достаточно, чтобы налить вам по чашке кофе и уделить минут пятнадцать. Ну, как, хватит вам столько?

— Зависит от того, что ты подашь к кофе на сладкое, — ответил Ло Манто, следуя за Слепым Мо в его кабинет.

Старик зажег свет. Обширный офис был наполнен металлическими шкафами, на серых стенах висели — не понятно зачем — старые фотографии, а книжные полки использовались для хранения пластинок с джазом и блюзами. Все они стояли строго в алфавитном порядке. Однако самым примечательным в комнате были два огромных окна от пола до потолка, из которых открывался захватывающий вид на просторы Ленокс-авеню.

— Вообще-то, я мог вас обоих пристрелить за взлом квартиры, — проворчал Слепой Мо, направляясь в угол кабинета, где была оборудована маленькая кухонька, — и остался бы чист перед законом. А его, видишь ли, еще сладостями корми!

— Так я ж не для себя прошу, — попытался оправдаться Ло Манто, садясь на массивный стул красного дерева перед письменным столом Слепого Мо. — У нас же гостья. Вот я и подумал, что неплохо было бы побаловать ее чем-нибудь вкусеньким.

— Если ей чего-то надо, пусть сама попросит, — ответил Мо. — В жизни еще не

встречал стеснительного копа. Или стеснительной женщины. А она проходит по обеим категориям.

— Мне и кофе достаточно, — сказала Дженнифер. — Больше ничего не надо.

— Вот и отлично, — удовлетворенно заключил Слепой Джо, который, стоя к ним спиной, наливал кофе в три большие кружки. — Значит, есть хотят только двое из нас.

В каждую кружку он добавил молока и насыпал сахару, не потрудившись спросить, нужно ли это кому-нибудь. Мо повернулся и поднес им две кружки. Внутри у него все чутко вздрогнуло, когда он ощутил случайное прикосновение руки Дженнифер, отметив про себя, до чего же нежна ее кожа. Вернувшись к кухоньке, Слепой Мо взял третью чашку, подошел к своему столу и сел в тяжелое кресло-качалку, обитое черной кожей. Он нажал кнопку возле старого телефона с диском, и комнату наполнили звуки музыки Джона Колтрейна^[23].

— Ладно уж, — миролюбиво проговорил Мо. — Выкладывайте, чего вам нужно.

— Мне нужно знать, не слышал ли ты чего-нибудь о подготовке важного заказного убийства, — сказал Ло Манто. — Предположительно, оно должно быть осуществлено в предстоящие несколько дней. В конце недели или, может, в начале следующей, но никак не позже.

— Подскажи, кто на мушке, — попросил Слепой Мо. — Кто этот бедный недотепа, которому хотят организовать похороны?

— Я, — произнес Ло Манто.

* * *

Фелипе откинулся на деревянную спинку скамьи переднего ряда ложи напротив первой базы бейсбольного стадиона. Он ожидал начала игры между командами «Метс» и «Филлиз». Правая рука его была крепко забинтована — на рану, которую нанес ему своим ножом Чарли Саншайн, потребовалось наложить пять швов. Фелипе обожал и сам бейсбол, и в особенности «Метс», а потому был в совершенном восторге, когда явился Ло Манто с двумя билетами, да и еще и с суммой денег, достаточной для захода в Бриллиантовый клуб^[24]. Тем не менее, вел он себя весьма сдержанно, силясь не выдать возбуждения.

— Многовато отстегиваешь, — с достоинством заявил он детективу. — Я столько не заработал.

— Не волнуйся, — успокоил его Ло Манто. — Не из своего кармана отстегиваю. Билеты — от капитана. Сам он на игру попасть не может, но ему не хочется, чтобы билеты пропадали. Я ему обещал, что отдам их в хорошие руки.

— И никаких дополнительных условий? — опасливо поинтересовался Фелипе. Ло Манто он знал всего несколько дней, но изучил уже достаточно, чтобы понять: этот человек без плана и шагу не ступит, даже на трибуну бейсбольного стадиона. — Значит, мне просто пойти туда и ни о чем не волноваться, никого не высматривать?

— Просто расслабься и получи удовольствие, — напутствовал его Ло Манто, вручая ему билеты и прилагавшийся к ним сезонный абонемент. — Лопай хотдоги и соленый арахис, только не заработай расстройство желудка. За все плати сполна — денег тебе хватит. Ни у кого по карманам тырить не надо.

— Но тут два билета, — заметил Фелипе. — Сам-то ты пойдешь?

— У меня назначена встреча, пропустить которую мне никак нельзя, — с сожалением

произнес Ло Манто. — А бейсбольный матч может длиться целую вечность, особенно с такой командой, как «Мете». Если у меня будет возможность, то забегу, может, успею на несколько подач.

— Так мне одному идти? — спросил Фелипе, начиная ощущать, что все обстоит не так просто, как кажется. — И ничего не делать — только болеть за любимую команду? Вперед, мол, ребята?

— Иди и болей в гордом одиночестве. Только ты плюс еще тысяча тридцать фанатов. Но будет там один человек, которому совершенно наплевать, кто выиграет, а кто проиграет. И смотреть он будет в основном за тобой. В какой-то момент, примерно на четвертой подаче, а может, и на пятой, он подойдет и сядет на пустое место рядом.

— Я так и знал, — обреченно пробормотал Фелипе. — Слишком уж хорошо ты поначалу все расписывал. Правильно люди говорят: бесплатных бутербродов не бывает.

— Просидит он не дольше часа, — продолжил Ло Манто. — Когда решит, что уже насмотрелся всяких ударов, пробежек и ошибок, то встанет, улыбнется тебе и направится к выходу. Оставит тебе спортивную куртку с эмблемой «Мете», в рукаве которой будет спрятан желтый конверт. Куртку возьмешь себе, а конверт отдашь мне.

— Слишком просто у тебя получается, — сказал Фелипе. — А что, если все пойдет совсем не так, как ты тут нарисовал?

— У тебя одна забота — поглазеть на «Метс», — поставил точку Ло Манто. — А уж обо всем остальном позабочусь я.

* * *

На четвертой подаче счет был равный — 1:1. Фелипе поставил ступни поудобнее на синюю металлическую перекладину, надвинув на нос кепку с эмблемой «Метс». Он доел вторую пачку крекеров и уже наслаждался зрелищем того, как Майк Пьяцца принял навесной. У «Филлиз» подающим был Кевин Миллвуд, который во все глаза смотрел на своего принимающего в ожидании тайного знака, смекая, как бы обмануть игрока «Метс» Хосе Рейеса, уже занесшего биты. Фелипе обхватил колени руками и подался вперед в предвкушении драмы. Бросок надежд не оправдал — мяч отлетел в левый угол, в то время как весь стадион скандировал: «Отбей!» Парнишка в досаде отвернулся, и взгляд его уперся в высокого, плотного мужчину, который, медленно сойдя вниз по высоким бетонным ступеням, опустился на свободное место рядом. При втором броске Рейес резким ударом отбил мяч в центр и, едва не паря над землей, понесся к первой базе.

— Кажется, я вовремя, — удовлетворенно произнес дядька, поставив на пол большой пластмассовый стакан с пивом и звучно разодрал пакет с орешками. — Может, еще увижу несколько хороших забегов.

— Вряд ли, — поспешил разочаровать его Фелипе. — Оба подающих бросают точно в варежку. Отбить удастся редко — только когда бросок не получается.

— А ты, я вижу, в игре дока. — Дядька протянул Фелипе раскрытый пакет с орешками. — За школу играешь?

— Нет, с друзьями, — признался Фелипе. — Только лига у нас не очень-то организованная. Случайные игры, когда нас достаточно набирается.

— На каком месте стоишь?

— Все зависит от того, когда прихожу, — пояснил Фелипе. — Если пораньше, то у меня есть выбор, а больше всего я люблю подавать. Если прихожу поздно, то меня обычно назначают в принимающие — и так до конца игры.

Дядька вальяжно откинулся на спинку скамейки, и пол вокруг него быстро покрылся ореховой скорлупой. Видно было, что он с головой ушел в созерцание игры. Фелипе искоса посмотрел на его руки — грубые, покрытые шрамами. На мизинец правой руки был туго насажен перстень с овальной печаткой. Это были характерные руки отбивающего. Такой и в драке чувствует себя как рыба в воде, постоянно готовый проявить свои бойцовские качества в уверенности, что все равно, мол, наша возьмет. Костюм на нем был хорошего покроя, дорогой и как-то не вязался с обликом этого типа, служившего олицетворением грубой силы. Подсветом мощных ламп в его густой шевелюре обнаруживались прожилки седины. А когда дядька повернулся к мальчику, стали видны и тонкие морщинки вокруг темных глаз.

— Что-то я тебя не припомню, — сказал он. — Давно с этим копом дружишь?

— Достаточно, чтобы сидеть вот тут с вами, — ответил Фелипе, гадая, по какую сторону баррикад находится его сосед — среди друзей Ло Манто или среди его врагов.

— Расслабься, парень, — добродушно хмыкнул тот. — Мы с тобой в одной команде. Если боишься, что тебе достанется, то уж точно не от меня. Мы с твоим легавым приятелем знакомы не пару дней, а уже несколько десятилетий.

— Я вас считаю за друга, — серьезно произнес Фелипе. — Не думаю, что он усадил бы меня рядом с вами, если бы было по-другому. Но все равно в воду входите лучше шаг за шагом, а не нырять в омут.

— Я тебя понимаю, — ответил дядька. — Осторожность никогда не помешает. А сейчас нам лучше всего отдохнуть от разговоров и посмотреть за игрой. Очень скоро я встану и уйду. Потом вернусь, принесу кое-какие вещички. Положу их на сиденье и тогда уже распрощаюсь с тобой окончательно. Вот такой занимательный у нас получится вечер. Если повезет, конечно.

Фелипе кивнул с улыбкой:

— Добавить бы ко всему этому победу «Метс», и тогда я сегодня засну совершенно счастливым.

* * *

Тони Коллинз и Рок Пуллмэн, два бойца каморры, стояли в проходе, ведущем в сектор 421А. Оба внимательно следили за Фрэнком Сильвестри, беззаботно болтавшим с каким-то подростком-латиносом. Им было велено неотступно следовать за Сильвестри, отслеживать каждый его шаг, каждое движение, а приблизиться к нему можно было лишь в том случае, если это удастся сделать абсолютно чисто и незаметно. Босс ясно сказал им, что они могут рассчитывать на особую милость дона, которого они сами в глаза не видели. Если, конечно, им удастся принести хоть какую-то информацию, дающую повод заклеить Сильвестри как предателя. Они таскались за ним битых два дня, но до сих пор не увидели ничего, что позволило бы сделать подобное заключение.

— А ты не ослышался? — усомнился Коллинз. Этот громила лет тридцати пяти был по рождению итальянцем, которого усыновила пожилая пара. Правда, вскоре старики отказались от него, выяснив, что этот трудный ребенок им не по зубам. Таким образом, он

вырос в Соединенных Штатах на иждивении у одного из бригадиров каморры, который направил склонность мальчишки к насилию в нужное для семейства русло. — Неужто этот парень стучит на бригаду?

— Н-насколько я понимаю, — ответил Пуллмэн, слегка заикаясь.

Этот мужчина был несколько моложе, сильнее и гораздо опаснее, чем его партнер. Вспыхивал как порох и опустошал обойму в мгновение ока. В бизнес он попал менее трех лет назад, после того как вытащил Коллинза из заварухи в одном из танцклубов в южной части Манхэттена, где на того была устроена засада. Результатом этого шага, предпринятого скорее по велению инстинкта, чем из благородства, стали трупы двух наркодельцов средней руки, погибших в перестрелке, а также признательность каморры, выразившаяся в предложении следовать ее указаниям. И Рок Пуллмэн с готовностью выполнял эти указания, в особенности если от него требовалось всадить в кого-нибудь пулю.

— Зачем ему тогда было тащиться на бейсбол да еще с каким-то сопливым латиносом из Бронкса? — спросил Коллинз, не обращая внимания на восторженный вопль болельщиков команды «Метс».

— Не мое дело разбираться, куда и зачем таскается этот старый хорек, — дернул плечом Пуллмэн. — А то, что он пришел сюда с парнишкой... Ну, может, в самом деле захотел провести вечерок на бейсболе. В таком случае мы потратили впустую несколько часов. Ничего страшного.

— В таком случае он пришел бы сюда вместе с парнем, — заметил Коллинз, — а не явился бы отдельно, когда игра уже на четвертой подаче. Не с работы, поди, спешил. Сидел в баре, потом залез в машину, поехал...

— Так, может, мальчишка — связной? Ну, передать там что-нибудь или забрать, — задумался Пуллмэн. — Или еще для чего-то?

— Короче говоря, дело здесь не чисто, — сделал вывод Коллинз. — Бейсбол, парень этот — как-то странно все это выглядит.

— Завалим этого старого пердуна прямо здесь — только слово скажи, — предложил Пуллмэн. — Другой такой возможности у нас не будет. Вот он — перед нами, как на блюдечке. И никого опасаться не надо. Все вокруг ударятся в панику — справа, слева, снизу, сверху. А мы чпокнем его и уйдем спокойненько, будто ничего не случилось. Сделаем это дело и заработаем себе очки, много очков. Может, нас заметят наконец. А то работаем — работаем...

— Если бы от нас хотели, чтобы мы его замочили, то нам прямо так и сказали бы, — возразил Коллинз.

— Нет, этого чувака точно ужокошат, — настаивал на своем Пуллмэн, — иначе нас не посадили бы ему на хвост. Вопрос только, где и когда. Давай сделаем это сейчас.

— А вдруг это будет неверный ход? — спросил Коллинз. Он остановил разносчика пива и щедро заплатил за два стакана, в которых, казалось, не было жидкости — только пена. — И в какой части города тогда прикажешь тебя похоронить?

— Этот тип стал бригадиром, когда нас с тобой еще на свете не было, — рассудительно произнес Пуллмэн, потянувшись за стаканом. — Как раз такого замочить и надо, если хочешь создать себе репутацию. Именно так карьеры делаются. И будь что будет! Главное — завалить, а разбираться потом станем. Может, конечно, и дерьма нахлебаемся, но уж лучше так, чем всю жизнь на побегушках.

Отхлебнув пива, Коллинз бросил взгляд на просторы бейсбольного поля. В ушах его

стоял крик зрителей, изо всех сил болеющих за местную команду. Он обдумывал возможные действия. Конечно, самым мудрым было бы четко следовать инструкциям — идти по пятам за Сильвестри, отмечая, куда он направляется, с кем встречается, а потом аккуратно доложить о своих наблюдениях начальству. Более рискованным было сделать то, о чем тебя не просили, — завалить одного из боссов каморры, которого они своим волевым решением занесли в список видов, обреченных на исчезновение. Коллинз понимал, что такой шаг могут расценить двояко: или как мощный и блестящий, или как идиотский и опасный. И ему сейчас предстояло принять решение, по какой дороге идти. Допив пиво, он бросил пустой стакан на бетонный пол.

— Ладно, мочим.

* * *

Сильвестри стряхнул пыль от ореховой скорлупы с черной сорочки и лацканов пиджака, а затем вытер ладонью губы. Он снова взглянул на Фелипе. Парнишка не в силах был оторваться от игры, шедшей с равным счетом. В душе гангстера шевельнулась зависть — к молодости и свободе, к способности безоглядно отдаться какой-нибудь ерунде вроде бейсбола. И еще к чистоте, которой совершенно неведомы тяготы и тревоги преступной жизни. Он был достаточно наслышан о Фелипе и знал, что мальчик хорошо справляется с жизненными трудностями, закален в повседневных передрягах и умеет прятать страх. Парень выпутывался из сложных ситуаций, быстро соображал и в нужный момент принимал правильное решение. В глазах Фелипе Фрэнк Сильвестри прочел ту же яростную сосредоточенность, что гнездилась во взгляде Ло Манто, когда нынешний коп был в том же мальчишеском возрасте. В этом взгляде сквозили решимость и нежелание пасовать перед любой опасностью, какую бы ни подбросила богатая на выдумку судьба. Такую жесткость взгляду придают трудные уроки уличной жизни и боль утрат. Теперь же наступило время в полной мере применить эти уроки на практике.

— Я должен был передать тебе конверт, завернутый в куртку «Метс», — сказал Сильвестри Фелипе, когда оба, стоя, наблюдали за событиями, разворачивающимися в ходе седьмой подачи. — Обойдешься одним конвертом. Купить тебе куртку не было времени. Приходится спешить.

Фелипе посмотрел на Сильвестри, а затем на лица окружающих. Это были или люди в костюмах и галстуках, примчавшиеся на бейсбол после сумасшедшего дня, проведенного за столом в офисе, или папаши с сыновьями. Те, как на подбор, были в бейсбольных кепках и с перчаткой на руке, лелея мечту поймать мяч, случайно залетевший на трибуны. Остальной частью зрителей были старики, благодарные судьбе за вечер, когда их в пустой квартире не преследуют шорохи одиночества. Ни один не был похож на изготавившегося киллера.

— Мне пойти с вами? — спросил Фелипе. — Может, помогу чем?

Сильвестри покачал головой и выдавил смешок.

— Ло Манто говорил мне, что ты парнишка крепкий и смелый. Спасибо за предложение, но позволь уж мне самому разобраться. А если не одолею двух начинающих бандитов, значит, они заслужили почетное право меня прикончить.

— Они шли за вами? Прямо досюда? — ахнул Фелипе.

— Поначалу я их не заметил, — признался Сильвестри, — но потом засек — в тот

момент, когда коротышка выбил мяч на трибуны. Они слева от меня — в проходе стоят.

— Что же мне делать? — осведомился Фелипе. Он следил за желтым конвертом, который Сильвестри вынул из-за пазухи и протянул ему.

— Нужно, чтобы Ло Манто прочел это письмо, — сказал Сильвестри мальчику. — Сделай все, чтобы он непременно прочел его.

— А как же вы? — спросил Фелипе, глядя, как тот застегивает пиджак и поворачивается, чтобы уйти вверх по бетонным ступенькам. — Что вы будете делать?

Фрэнк Сильвестри обернулся, улыбнулся и подмигнул мальчишке.

— То, для чего родился, — проговорил он.

* * *

Сильвестри аккуратно обошел молодую парочку, сидевшую, взявшись за руки. Девушка склонила голову своему другу на плечо, в руке у каждого — по пиву. Полное уединение — только она и он в тридцатитысячной толпе. Сильвестри сделал шаг вправо — на площадку лестницы. Необходимо было выбраться на парковку, где его союзниками были темнота и длинные ряды машин. Оборачиваться не было нужды — он и так знал, что за ним неотступно следуют две тени, мучительно раздумывая, когда же нанести решающий удар. Даже если они сейчас завалят его, почтенного ветерана каморры, можно было не сомневаться, что и их черная жизнь не будет слишком долгой.

Выйдя на пандус, усеянный мусором, Сильвестри направился к выходу А. Он шел медленно, пытаясь предугадать последующее развитие событий и взвешивая возможные варианты действий, чтобы найти оптимальный. Хотя за долгие годы ему приходилось исполнять этот танец не раз, адреналин придавал ощущениям прежнюю свежесть, тело было напряжено, но в то же время раскрепощено, готовое в любой момент совершить рывок в любую сторону, а рассудок — свободен от всякой чепухи и подчинен лишь мысли об убийстве. Сильвестри сбился бы со счета, если бы начал прикидывать, сколько лет ходит в боссах мафии. Однако в сердце он оставался солдатом улицы, и душе его была ближе безлюдная парковка, где вот-вот грянет бой, чем стены конференц-залов с их безликостью и стерильностью.

Сильвестри шел по центральному проходу парковочной зоны А2, когда первая пуля, взвизгнув у его уха, разнесла в осколки лобовое стекло массивного черного «Форда Эксплорер». Выхватив из кобуры на бедре пистолет 38-го калибра, Сильвестри упал на асфальт и перекатился с быстротой, которая сделала бы честь человеку вдвое моложе. Потом встал на одно колено и положил руку с пистолетом на капот «Хонды Аккорд» стального цвета, вглядываясь в подсвеченную неоновым светом темноту и прислушиваясь к малейшему шороху, способному выдать преследователей. Он затаил дыхание, шум стадиона тоже стих. Нужно было дожидаться маленькой ошибочки со стороны противника, которая и определит направление полета его первой пули.

Слева от него слегка шаркнула кроссовка — это было за покосившимся фонарным столбом, между синим микроавтобусом и потрепанным универсалом. Переместив руку и глядя прямо перед собой, Сильвестри выстрелил два раза. Сейчас кто-то нутужно хрюкнет. Долго ждать не пришлось. Сильвестри прильнул боком к «Хонде». Прислонив голову к металлической двери, он закрыл глаза и максимально расслабился — так, словно был на

семейном пикнике. Ему нужно было устроиться поудобнее. Только в таком положении он готов был встретить смерть. По его расчетам, второй стрелок должен был находиться где-то рядом — сидеть на корточках, отчаянно гадая, каким будет следующий шаг. Извечное преимущество старости над неопытностью. И Фрэнк Сильвестри намеревался использовать это преимущество на всю катушку.

Он открыл глаза, когда ощутил, как в правый висок ему уперлось дуло 9-миллиметрового пистолета.

— Ты бы уж дождался, когда мы оба сдохнем, — тогда и отдыхал бы, — процедил сквозь зубы Рок Пуллмэн, низко нагнувшись над ним. От него разлило потом и пивным перегаром. Дыхание было тяжелым, правая нога неудержимо дергалась. — Что ж, видать, случаются промашки и у тех, у кого в бороде седины полно, как у тебя.

— Ну и на что вы надеетесь — ты и дружок твой продырявленный? — спросил Сильвестри. — Чего добьетесь? Мне, в общем-то, плевать. Просто так, из любопытства спрашиваю.

— Так ведь ты правила знаешь, — протянул Пуллмэн. — Мы убираем крупного игрока вроде тебя — получаем несколько очков. Набираешь очки — продолжаешь игру. А там, глядишь, уже на самом верху сидишь — приказы раздаешь.

Сильвестри засмеялся, положив на колено левую ладонь.

— Можешь убить меня, — сказал он, — а потом еще десять таких, как я. Да хоть двадцать убей — все равно ни хрена у тебя не выйдет. Такую дешевую вонючку, как ты, к боссу на пушечный выстрел не подпустят. Разве что он к тебе сам подойдет — отдать последние почести, когда в гробу лежать будешь. Скорее папа римский боссом станет, чем ты.

— Может, оно и так, — проговорил Пуллмэн. — Скоро сам выясню. Зато в расход тебя пушу именно я.

— Не ты, так кто-нибудь другой, — проговорил Фрэнк Сильвестри.

Он поднял глаза на темно-синее, как океан, небо, усеянное звездами. Со стадиона донесся дружный рев. Отразившись от пустых машин, он унесся в ночную темноту Куинса.

— Вроде выигрывают, — заметил Сильвестри. — Хорошо, когда уходишь победителем.

Рок Пуллмэн расставил пошире ноги и трижды выстрелил Фрэнку Сильвестри в голову. Отступив на шаг, Пуллмэн понаблюдал, как тело старика завалилось вправо, а лицо уткнулось в переднее колесо. Киллер перешагнул через труп, на ходу засунув горячий пистолет за пояс грязных коричневых джинсов, и побежал через парковку. Он нашел Тони Коллинза опирающимся на капот новенького седана. Одна нога сбоку была залита кровью.

— До машины дойдешь? — спросил Пуллмэн, рассматривая рану. — Дай-ка я тебе помогу.

— А далеко до машины? — спросил Коллинз, лицо которого было покрыто капельками пота.

— Чуть больше мили, — сообщил Пуллмэн. — Если выйти через ворота с этой стороны и перелезть через бетонный разделитель, а потом рвануть напрямик к бульвару, то можно сэкономить время. И тебе опять-таки меньше мучиться.

— Тогда пошли, — согласился Коллинз. — Чем скорее отсюда смоемся, тем скорее я смогу показать кому-нибудь ногу. Может, даже найти врача, который согласится вытащить пулю.

— Знаю я одного такого — у него клиника в Джамайке^[25], — сказал Пуллмэн. — Где-то

у меня его визитка есть. Позвоню ему. Глядишь, выручит.

— А он настоящий доктор? — засомневался Коллинз, захромав рядом с Пуллмэном по направлению к открытым воротам, выходящим на Большое Центральное шоссе. — Или из индусов, у которых дипломы нарисованные?

— А тебе-то не один хрен, где он учился? — прорычал Пуллмэн, в голосе которого зазвучал неподдельный гнев. — Главное, чтоб эту пулю долбаную вытащил.

Они миновали ряд темных машин. На их пути обозначился круг света, лившегося сверху из мощного фонаря. Позади сиял огнями и бесновался стадион. За Коллинзом тянулась дорожка из капель крови. Он мягко ступал на раненую ногу, но боль от засевшей в ноге пули ножом пронзала все его тело, которое тряслось в ознобе, несмотря на душную ночную жару. Пуллмэн усердно тащил его за собой — не из чувства глубокой привязанности, а просто зная, что кто-то из зрителей, ушедших с игры пораньше, наверняка слышал выстрелы и сообщил о них стадионной службе безопасности.

Им оставалось каких-нибудь двадцать шагов до сетчатой ограды, в которой были настежь распахнуты ворота, когда в поле зрения оказалась машина без опознавательных знаков.

Она была аккуратно припаркована у дорожной обочины. Рядом стоял какой-то человек.

— А это еще что за хрен? — удивился Коллинз, прищурившись, чтобы лучше разглядеть стоявшего.

— Для копов вроде рановато, — рассудил Пуллмэн. — Они обычно появляются, только когда толпа набежит. И приезжают чаще всего в черно-белых машинах. Может, какой-то придурак дружка дожидается? Сейчас подойдем поближе, разберемся.

— Держи на всякий случай ствол наготове, — посоветовал Коллинз. — Мы уже один раз рискнули сегодня, завалив крупную шишку. Во второй лучше не рисковать.

— Может, и этого прибить на всякий случай? — задумался Пуллмэн. — Кто его разберет, что он за птица — прохожий или кто похуже? Шлепнем его, машину заберем и покатаем отсюда с ветерком.

— Машина у нас уже имеется, — хрипло просипел Коллинз, лицо которого было белым как мел. — Нам бы до нее только добраться.

— Если ковылять с такой скоростью, как ты, то, глядишь, доберемся как раз к началу завтрашней игры, — с насмешкой произнес Пуллмэн. — Пока дойдем, сюда копов набежит целая туча. И им не нужно будет вызывать на помощь Бэтмена с Робинем, чтобы найти тебя по кровавому следу.

— То, что мы завалили того старого пердуна, нашим боссам, может, и понравится, — сказал Коллинз. — Не знаю, точно ли понравится, но такая возможность есть. А если этот чувак, которого ты собрался прихлопнуть на всякий случай, окажется просто лохом гражданским, они точно в восторге не будут. Лишние хлопоты им ни к чему. И ни одного из нас за это по головке не погладят.

— Ну, тогда заткнись и молись, чтобы он не оказался копом, — проговорил Пуллмэн. — Только это нас может спасти. Или стой на месте, пока не истечешь кровью до смерти. Твоя жизнь — тебе и решать.

Теперь от незнакомца их отделяли шагов шесть. Можно было уже разглядеть черты его лица. Он стоял за машиной, положив обе руки на крышу и устремив взгляд в сторону медленно плетущейся пары. С того момента, когда они его впервые заметили, человек не сдвинулся с места.

— Вы не могли бы нам помочь? — крикнул ему Пуллмэн. — Минутки у вас не найдется? А то дружок мой с эскалатора свалился и повредил ногу. Кровь всю хлещет. Боюсь, тут без нескольких швов не обойтись.

— На стадионе есть пункт оказания первой помощи, — ответил Ло Манто. — Зашли бы сразу туда. Сберегли бы вашему дружку пару пинт крови.

— Да мы об этом как-то даже не подумали. — Голос Коллинза предательски дал «петуха». — Думал, дойду до машины, доеду до больницы... Поначалу не очень-то и болело, а сейчас просто сил нет.

— Никогда не доводилось перебинтовывать раны, — сокрушенно сказал Ло Манто. — Во всяком случае, такие страшные, как у вас. Вот пули из людей вытаскивать несколько раз приходилось. В чем-то это, пожалуй, даже полегче будет.

— Но не так легко, как всаживать пули в кого-то, — заметил Пуллмэн.

— Все зависит от мастерства, — возразил Ло Манто. — Вот вам, кажется, хватило мастерства замочить старика, слишком зажившегося на свете. Но попадись вам кто-нибудь другой — оставил бы он от вас только мокрое место.

— Это ты, что ли? Ты это хочешь сказать? — спросил Пуллмэн.

— Я хочу сказать, что у тебя есть все шансы это выяснить, — ответил Ло Манто.

Рок Пуллмэн выхватил сзади из-за пояса свою «девятку» и направил на нахала. Коллинз уже держал ствол 38-го калибра в правой руке. Боль в ноге была настолько сильна, что пальцы его сами собой скрючивались.

— Шел бы ты отсюда, — предложил Пуллмэн. — Нам только машина нужна. Послушай моего совета, если тебе жизнь дорога.

— Я только ради своей машины и живу, — произнес Ло Манто.

Пуллмэн выстрелил дважды, Коллинзу удалось сделать только один выстрел. Ло Манто мгновенно нырнул за свой седан и скрылся с глаз. На несколько долгих секунд в воздухе повисла тишина. Стрелки напряженно вглядывались в полумрак, стараясь различить цель.

— Может, испугался? — высказал предположение Коллинз. — Чесанул в чисто поле. Небось до главной улицы добежал уже.

— Что-то не похож он на пугливого, — возразил Пуллмэн. — Первым стал нарываться.

Коллинз внимательно посмотрел на машину. Из выхлопной трубы вылетал дымок — двигатель работал на холостых оборотах.

— Тачка сама в руки просится, — простонал он. — Так что делать будем? Стоять и дожидаться этого гада? Или садиться в тачку и смываться?

— Садись за руль, — велел Пуллмэн, нервно озираясь по сторонам. — А я тебя прикрою. Как услышишь, что зашумел кто-то, но не я, стреляй без раздумий.

Круглый увесистый бульжник, прилетевший откуда-то с левой стороны парковки, с глухим стуком ударил Тони Коллинзу в спину. От сильного удара и неожиданности стрелок рухнул на колени. Пистолет 38-го калибра выскочил из руки и отлетел к переднему правому колесу. Пуллмэн инстинктивно крутанулся на месте и дважды пальнул в том направлении, откуда, как ему показалось, был брошен камень. Эхо выстрелов понеслось к шоссе. Сзади уже начала скапливаться толпа. Люди выходили со стадиона и направлялись к воротам. В проездах одна за другой появлялись полицейские машины, готовые регулировать автомобильный поток, который вот-вот потечет наружу.

— Хрен с ней, с тачкой, — прошипел Пуллмэн. — Ноги уносить надо. Через две-три минуты мы будем окружены.

— Не могу идти, — промямлил Коллинз. Он по-прежнему оцепенело стоял на коленях. — Нога вся в крови. Могу только на машине.

Пуллмэн посмотрел на раненого товарища. К ним быстро приближались переливающиеся огни, какая-то женщина завизжала. Визг долетел с того места, где они оставили Сильвестри.

— Ну и хрен с тобой, — заявил он Коллинзу и повернулся, чтобы в следующую секунду помчаться прочь со стадиона, а затем по переулку — к подъездной дороге.

Ло Манто вышел из-за черного микроавтобуса, сжимая в руке пистолет. Он подбежал к Коллинзу, остановился, дождался, когда раненый поднимет взгляд, и только тогда ударил его рукояткой по голове. Коллинз повалился навзничь, мягко стукнувшись затылком об асфальт. Ло Манто побежал снова, теперь на боковую дорогу, оставив раненого на попечение полицейским, которые были уже на подходе. Перемахнув через узкий газон, он во весь опор помчался прямо по разделительной линии — навстречу автомобилям и их возмущенным гудкам. Он не видел преследуемого, но слышал доносившийся издали отчаянный топот его ног. Значит, тот оторвался не очень далеко и бежит где-то слева, уходит в сторону Северного бульвара.

Ло Манто прибавил ходу, перепрыгнул через поваленное полицейское ограждение, перелез через бетонный разделитель и оказался на главной улице, проходящей сразу за стадионом. На улице было уже полно мужчин, женщин, детей. У всех были усталые, но счастливые лица, на которых было написано одно желание — поскорее добраться домой после игры, затянувшейся до глубокой ночи из-за дополнительных подач. Ло Манто пригнулся и побежал рысцей мимо движущихся прогулочным шагом групп. Он постепенно настигал начинающего выдыхаться Пуллмэна, который был не в лучшей физической форме — никак не мог отказаться от привычки выкуривать две пачки сигарет в день, а потому бегал неважно. Рванув на красный свет светофора и сквозь длинную череду машин, Ло Манто остановился на углу, возле наземной станции метро. В правой руке он по-прежнему сжимал пистолет. Пуллмэн, у которого легкие горели, а лицо было бурым, как свекла, стоял напротив, прижавшись спиной к витрине аптеки с надписью «Дюэйн Рид». У него тоже был пистолет — девятимиллиметровый.

— Ну, выбирай, кого пожелаешь! — заорал он, обращаясь к Ло Манто. — Тому следующая пуля и достанется. Не хочешь меня отпустить — значит, кто-то умрет.

— Сегодня ты убил моего друга, — проговорил Ло Манто. — Он не должен был умереть. Во всяком случае, не от твоей грязной руки.

— А теперь я разнесу череп простому прохожему, — предупредил Пуллмэн. — Если сейчас же не уберешься прочь.

— Какой смысл убивать какого-то прохожего? — спросил Ло Манто, сделав два небольших шага навстречу. — Правильнее будет убить меня.

При виде двух мужчин с пистолетами прохожие замедляли шаг. Горстка людей спряталась за газетным киоском.

— Выбор за тобой, легавый, — выдохнул Пуллмэн. — Отпустишь меня — и никто не умрет. Даже ты.

Сзади завывали полицейские сирены. Три черно-белые машины с визгом затормозили на противоположной стороне улицы. Из дверей высыпались стражи порядка в форме и с пушками наперевес. Часть из них взяли на мушку Пуллмэна, другие — Ло Манто.

— Я бы, может, и согласился, — сказал Ло Манто. — Да только, боюсь, ребятам твой

план не понравится. Судя по их виду, настроены они серьезно. Так что ситуация твоя патовая.

— Они, похоже, и тебя готовы завалить с такой же легкостью, — отметил Пуллмэн. — Видать, не разберутся никак, кто из нас коп, а кто — нет. Может, игра еще в мою пользу сложится.

— Я бы на твоём месте так не рисковал, — произнес Ло Манто. — Уж больно ненадежная ставка.

Двойные двери аптеки распахнулись, и из них вышла пожилая пара. Мужчина прислонился сутулым плечом к створке, пропуская вперед жену, которая сжимала в правом кулачке пластиковый пакет с только что сделанной покупкой. Пуллмэн перевел свой пристальный взгляд с Ло Манто на стариков. Опустив пистолет, он сделал три шага в их направлении.

Не обращая внимания на полицейские револьверы, нацеленные ему в спину, Ло Манто сунул пистолет в боковой карман своей куртки из тонкой кожи и стремглав бросился на Пуллмэна. Он обхватил стрелка за талию и толкнул с такой силой, что оба ударились о стекло витрины, по которому побежали извилистые трещины, точь-в-точь вены на руке. От неожиданности Пуллмэн выпустил свой пистолет, и тот, точно живой, запрыгал прочь по выщербленному бетону тротуара. Ло Манто, изловчившись, сдернул с плеч Пуллмэна темно-коричневый вельветовый пиджак, который стянул тому руки. А затем, чуть отстранившись, нанес ему два резких удара в лицо. У бандита тут же вздулись два кровоподтека — под правым глазом и на скуле.

Пуллмэн попытался освободиться от пут собственного пиджака и от тяжести Ло Манто, который всем весом наваливался на него сверху. Однако Ло Манто уподобился разъяренному быку. Сейчас никто не в состоянии был укротить захлестнувшую его ярость из-за гибели Сильвестри — человека, к которому он испытывал не просто привязанность, а любовь и уважение. Фрэнк Сильвестри, при всей своей жестокости, неизменно помогал ему — еще с тех лет, когда Ло Манто был малолеткой. От хладнокровного убийцы мальчишка, оставшийся без отца, ничего, кроме добра, не видел. Сильвестри служил для него главным источником сведений о происходящем внутри преступного семейства Росси, но не потому, что утратил верность своей бригаде, а из чувства дружбы к молодому полицейскому. Он никогда не раскрывал перед Ло Манто всю информацию, а заставлял детектива рассчитывать шаги на основе тех крох, которые ему время от времени подбрасывал. Они редко беседовали, зная, что такие разговоры таят смертельную опасность для обоих. Они также взяли за правило никогда не появляться вдвоем на людях. Общение происходило через третьих лиц или с помощью закодированных «стратегических» объявлений в газетах, а также по сотовому телефону, по защищенным от перехвата каналам. Их отношения насчитывали более тридцати лет, и оба знали, что однажды этим отношениям неизбежно придет конец. Но ни Ло Манто, ни Сильвестри ни за что не поверили бы, что точку поставит такая ничтожная гнида, как Рок Пуллмэн. Такое и в самом страшном сне не могло привидеться ни полицейскому, ни гангстеру.

Ло Манто двинул правым коленом Пуллмэну под дых и отступил, когда тот сипло охнул. Затем он развернулся и с неистовой силой обрушил кулак на переносицу врага. Послышался хруст, и из ноздрей негодяя фонтаном брызнула кровь. Полицейские в форме вышли из-за служивших им щитом машин и находились теперь на расстоянии менее метра от дерущихся. Однако Ло Манто был слишком ослеплен гневом, чтобы заметить их. Сейчас

на этом месте, перед круглосуточно открытой аптекой, он беспощадно карал того, кто убил его друга.

Взмокнув от пота, Ло Манто устало прислонился мокрым лбом к потрескавшемуся стеклу витрины. Краем глаза он видел, как двое полицейских хлопчут над зверски избитым Пуллмэном. Дыхание было частым, мышцы груди сводило, сердце билось как бешеное, костяшки пальцев распухли и были вымазаны кровью. Один из патрульных подошел и застыл рядом. Полицейскому, который повадкой походил на молодого Дензела Вашингтона^[26], было лет под тридцать. На лице — порез от бритвы; ручищи толстые, способные любую кость сломать, точно пруттик.

— Вы так работаете? — осведомился он. — Или отдыхаете?

— Я коп, — просипел Ло Манто, все еще не в силах восстановить дыхание. — На спецзадании. Можете спросить у своего начальника, капитана Фернандеса.

— Я так полагаю, что парень, которого вы обработали, связан с другим стрелком, которого мы нашли вырубившимся на стадионной парковке, — заметил полицейский. — А оба они имеют отношение к старику, у которого три пули в голове.

— Возьмите у обоих отпечатки пальцев и прочие биологические данные. — Ло Манто исподволь начал брать под контроль обстановку на месте преступления. — И пушки их проверьте на предмет отпечатков и истории. Пули — на экспертизу. Этот, с кровавыми соплями, — главный. Другой, возле машины, — его сообщник.

— Надо бы вам в отделение зайти, рапорт составить, — посоветовал полицейский. — Оформить все чин по чину — что, мол, участвовал в официальном задержании и так далее.

Ло Манто посмотрел в лицо молодому служителю порядка, потом перевел взгляд на его нагрудную табличку с именем.

— Не надо мне никакого официального участия в задержании, офицер Томпсон, — сказал он. — Это целиком ваша заслуга. А я подтверждаю ваши героические действия. Утром буду у капитана.

— Но нити-то у вас, детектив, — подчеркнул Томпсон.

— Вы без труда сами восстановите картину, — ответил Ло Манто, отрываясь от витринного стекла. — А то, чего не хватает для полной ясности сейчас, легко вытащите из этих двух козлов в наручниках.

Потрепав Томпсона по плечу, Ло Манто медленно потащился к станции метро.

— Могу дать машину, — предложил ему вслед Томпсон.

— Хочу побыть один, — отказался Ло Манто, — проветрить немножко голову. Ночь выдалась долгая, а следующая будет еще длиннее. Хотя, знаете, вы могли бы оказать мне одну важную услугу.

— Связанную с нарушением закона? — осведомился офицер Томпсон, красивое лицо которого расплылось в улыбке.

— Ну, что вы, — с тихим негодованием ответил Ло Манто. — Мне тут машину пришлось позаимствовать — я завел ее, сломав замок зажигания, и перегородил ею выезд с парковки. Не будете ли так добры вернуть ее человеку, который до сих пор выплачивает за нее кредит?

— Это ваш знакомый или мне в бардачок лезть, чтобы установить имя по регистрации? — спросил Томпсон, безуспешно пытаясь согнать с лица улыбку.

— Это наш общий знакомый, — улыбнулся Ло Манто в ответ, потихоньку направляясь к станционной лестнице. — И я очень верю в то, что он достаточно хорошо к нам обоим

относится, чтобы не разорвать нас в мелкие клочья: меня — за то, что я взял его машину, а вас — за то, что вы ее вернули.

— Так, может, все-таки сообщите его имя?

— Да, это ваш капитан, — сказал Ло Манто, — Франк Фернандес.

Он зашагал вверх по ступенькам, обретая прежнюю энергию. Его фигура исчезла в черном проеме. Надо было успеть на поезд — к перрону как раз подкатывал экспресс номер семь, идущий в южную часть города.

Дженнифер Фабини вошла в переднюю роскошного особняка, где первым ее встретил написанный маслом портрет какого-то важного старика в белой сорочке и темно-синем пиджаке. Деревянные полы, натертые до блеска, первоначально сияли под лучами раннего солнца. Просторные окна выходили на улицу, но шум не проникал сквозь глухие стекла, способные при необходимости выдержать и сильный удар. Справа располагалась библиотека. Сквозь приоткрытую тяжелую дверь видны были книжные полки от пола до потолка, сплошь уставленные томами в кожаных переплетах — классикой на двух языках. Слева была лестница. Беломраморные ступеньки вели на верхние этажи здания. Середину каждой массивной ступени украшал узорный венецианский коврик. Весь дом был напитан духом скрытой мощи и накопленного богатства, причем каждый медяк тут был заработан с привлечением нелегальной рабочей силы.

Из небольшой комнатки рядом с входной дверью вышел молодой человек и, неслышно ступая, приблизился. На нем были голубой костюм, сорочка в тон и красный галстук. Манеры учтивы и сдержанны.

— Мистер Росси попросил ожидать его в библиотеке, — мягко произнес молодой человек. На вид ему не было и двадцати — судя по всему, недавно закончил школу. В выговоре угадывалось южноитальянское происхождение. — Мне приказано позаботиться о том, чтобы вам там было удобно.

Отвесив легкий поклон, он повернулся и широко распахнул дверь в библиотеку, жестом пригласив Дженнифер первой войти туда. Комната, где хранилось не менее тысячи книг, была наполнена запахом старых страниц и свежей полировки.

Кожаная мебель и старинные лампы, стоявшие в каждом углу, терялись на фоне величественных полок из мореного дуба, украшенных резьбой, которую умеют делать лишь на одной маленькой улочке в сердце Неаполя — районе Спакканаполи.

— Могу ли предложить вам что-нибудь? — вежливо осведомился молодой человек. — Чай со льдом или горячий кофе? Что предпочитаете?

— Хорошо бы ледяного чая, — проговорила Дженнифер.

— Графин чаю, Марио, и побольше льда, — распорядился Пит Росси, внезапно появившийся у дверного косяка. Он стоял, не вынимая рук из карманов и глядя на Дженнифер через всю комнату.

Марио кивнул боссу и тихо вышел. Лишь дождавшись, когда молодой человек, направившийся на кухню, удалится, Росси вошел в библиотеку и мягко прикрыл за собой дверь.

— Выбирайте, на каком стуле вам удобнее сидеть, детектив, — предложил он. — А я выберу себе.

— Вы читали хоть что-то из этих книг? — спросила Дженнифер, опускаясь в мягкое кресло с красной кожаной обивкой. Глубокое сиденье и столь же пышные подлокотники едва не полностью поглотили ее миниатюрное тело.

— Примерно половину, — ответил Росси. — Если Господь отпустит мне достаточно лет, то и другую половину одолею. А вы как? Все книги в своей домашней библиотеке перечитали?

— Ну, это несложно, — усмехнулась Дженнифер, пытаясь не подать виду, что ей не по

себе находиться в одной компании с крестным отцом каморры. — Моя библиотека состоит из книжек в бумажной обложке. В основном триллеры, исторические романы и любовные истории.

— В таком случае можете выбрать здесь любую книгу, которая придется вам по нраву, — великодушно предложил Росси. — Считайте это моим подарком.

Их отвлек стук в дверь. Оба замолкли. Вошел Марио с серебряным подносом в руках, на котором стояли два больших бокала, миска с кубиками льда и графин холодного чая с плавающими в нем ломтиками лимона. Поставив поднос на маленький столик, он налил оба бокала наполовину, досыпав их доверху льдом. Подал по бокалу на толстой салфетке Дженнифер и Питу Росси, откланялся и удалился.

— Я пришла сюда не за книгой, — проговорила Дженнифер, поставив обернутый в салфетку бокал на пол у ног.

— Нетрудно догадаться, — откликнулся Росси. — Одного в толк не возьму — зачем вы сюда пришли и с чем намерены уйти? Со мной и чтобы я при этом был в наручниках?

— Может, до этого и дойдет когда-нибудь, — сказала Дженнифер, — но не сегодня.

— Приятно слышать, — улыбнулся Росси. — А то ведь утро-то какое славное! Не хотелось бы портить его отсидкой в КПЗ.

— Мне нужно поговорить с вами о вашей семье, — твердо произнесла Дженнифер, изо всех сил стараясь скрыть нервозность.

Тут была не элементарная подстава с целью повязать пару каких-нибудь дельцов из числа криминальной мелюзги. И не пальба на лестнице вонючего подъезда, где все предельно ясно, а исход решает один удачный выстрел. Дело обстояло куда сложнее: детектив с безупречным послужным списком толкует с самым могущественным в Нью-Йорке боссом гангстеров и просит его о любезности, которая, если будет оказана, может стоить жизни любому из собеседников.

— А что вас в моей семье так интересует? — спросил Росси, откинувшись на кожаную спинку кресла-качалки и внимательно изучая бокал с ледяным чаем, который обхватил двумя ладонями.

— Не буду ходить вокруг да около, — продемонстрировала решимость Дженнифер. — Должна вам кое-что сказать. Может быть, вы это уже и без меня знаете, а может быть, и нет. Рискну предположить, что знаете вы об этом деле примерно столько же, сколько знает Ло Манто, то есть почти ничего.

При упоминании имени детектива Росси невольно напрягся. В его глазах предательски мелькнули тревога и любопытство.

— А ему какое дело до всего этого? — спросил он. — Это Ло Манто попросил вас добиться встречи со мной?

— Он не знает, что я здесь, — сказала Дженнифер. — А если бы знал, то, наверное, пристрелил бы меня быстрее вашего.

— У меня нет обыкновения стрелять в кого бы то ни было, — возразил Росси, постепенно восстанавливая полное самообладание. — А если бы и пришлось, то уж никак не в женщину. Пусть даже она служит в полиции и доводится напарником моему кровному врагу.

— Что вам известно о вашей матери? — Дженнифер решила идти напролом, рассудив, что тактичными расспросы на подобную тему все равно не получатся.

Пристально глядя на Росси, она заметила в нем некоторое сходство с Ло Манто. Черты

лица и у одного, и у другого были резкими и красивыми. Одинаково густые волосы, одинаково глубокие глаза — темные, как осенняя ночь. Кое-что можно было объяснить одинаковым происхождением — с юга Италии. Но было и что-то еще, заставляющее вспомнить рассказ старухи Ассунты Конте. Взять хотя бы то, как тонко чувствует Росси момент и мотивы, которыми руководствуется другой человек. И он, и Ло Манто обладали какой-то прирожденной способностью предвидеть направление, которое примет разговор, различать в словах истину, скрытую под многочисленными наслоениями лжи и подтасовок. Оба отлично читали язык телодвижений, с помощью которого собеседник «телеграфировал» истинную ситуацию. Каждый жест, каждое изменение в лице служили им знаком на карте, указывающей путь в потаенные глубины человеческой души.

— В первый раз встречаю копа, который расспрашивает меня о матери, — удивился Росси, ставя допитый бокал на письменный стол. — И, надеюсь, в последний.

— Со мной такое тоже впервые, поверьте, — призналась она. — Но я не стала бы задавать подобные вопросы, если бы это не было так важно.

— Не полицейского ума это дело, — отрезал Росси. — И не надо бы вам в него свой нос совать. Определимся сразу: вы заплываете в мои личные территориальные воды. И прежде чем позволить вам нырнуть в омут, я должен услышать от вас вескую причину, зачем вам это понадобилось.

— А почему бы мне и в самом деле не поделиться с вами тем, что я сумела узнать? — согласилась Дженнифер. Раскрыв сумку, которую носила на плече, она вытащила оттуда толстый конверт. — Сами скажите мне, что там правда, а что — нет. А потом или будем разговаривать дальше, или попрощаемся. Оставляю это целиком на ваше усмотрение.

— Ну, тогда не будем терять времени, — нетерпеливо кивнул Росси. — И хорошо бы закончить с этим поскорее.

Открыв конверт, Дженнифер быстро перелистала несколько страниц, оставив в руке последнюю.

— Согласно вашему свидетельству о рождении, выданному в городе Нью-Йорк, вы появились на свет в небольшой клинике на юге Манхэттена, которая с тех пор давно уже закрылась, — начала она. — Вы единственный сын Николо Росси. Графа «имя матери» оставлена незаполненной. Не знаю, как вам это объяснили, но знаю точно, что в любом случае вам солгали.

— И откуда же вам это известно? — осведомился Росси. — Из уличных сплетен? Или, может, какой-нибудь макаронник — пустозвон наплел вам с три короба о том, чего вы совершенно не знаете? Имя моей матери не значится в свидетельстве о рождении потому, что она бросила нас с отцом, как только вышла из больницы. Тогда отец решил: раз ей не нужен сын, пусть будет так, как ей хочется. И не стал ее записывать в качестве моей матери.

— Она не бросила вас, — возразила Дженнифер. — Во всяком случае, все было не так, как сказал вам отец.

Росси, опершись локтями на край стола и сцепив пальцы, подался вперед.

— Ну, и что дальше, коп? — Его голос был пронизан сарказмом. — Давайте выкладывайте. Все, без утайки.

Дженнифер закрыла конверт и сунула обратно в сумку. Она встала и подошла к письменному столу настолько близко, что до ее ноздрей долетел запах дорогого одеколona, которым с утра освежил щеки ее собеседник. Явственно чувствовалось, что само ее присутствие вызывает у него неприязнь, но в то же время сказанное ею пробуждает интерес.

Нельзя было судить наверняка, что именно он знал о своей матери или о чем хотя бы догадывался, сколько было недосказано или попросту утаено задолго до того, как у него появился шанс узнать правду. А потому не было возможности рассчитать его вероятную реакцию на то, что он сейчас услышит.

— Ваша мать была смелой женщиной, — сказала Дженнифер. — И сильной. Только такая может преодолеть те испытания, которые выпали на ее долю, да еще и выйти из них с гордо поднятой головой. Она была замужем за порядочным человеком, которого сжигала страсть к азартным играм. Одним из тех, на которых наживался ваш отец, обирая их до нитки. Или почти до нитки.

— Значит, это мой отец велел ему проиграть все деньги, даже те, которых у него не было? — задал вопрос Росси. — Или, может быть, все-таки этот неудачник проигрался в прах по собственной инициативе?

— Ставки тот делал самостоятельно, — признала Дженнифер. — А ваш отец взвинчивал проценты на его задолженность. Тот человек в большинстве случаев расплачивался с долгами. Как правило, с опозданием, но в рамках допустимого.

— Тогда этот парень не в праве жаловаться, — заявил Росси. — Самый простой выход для таких, как он, — бросить игру и уйти. Стоит ему сделать такой шаг, и никто никогда не тронет ни его самого, ни его семью. Но такие не уходят, потому что не могут. Игра значит для них больше, чем радости семейной жизни, и они принесут в жертву что угодно и кого угодно за возможность и дальше делать ставки в надежде на единственный сказочный выигрыш, который якобы изменит все. Но удача никогда не улыбается таким.

— Хуже того, — добавила Дженнифер, — таким ваш папа выставлял счет, предлагая на выбор три варианта: или плати, или прощайся с жизнью, или отдавай младшего сына. На мой взгляд, большинство мужчин либо найдут возможность заплатить, либо предпочтут пулю. Пожалуй, из трех путей этот самый легкий.

— Каким же путем пошел наш герой? — поинтересовался Росси, презрительно роняя слова. Он вырос в среде, где на слабость смотрели свысока и презирали тех, кто становился уязвим из-за собственных слабостей.

— Этого нам знать не дано, — ответила Дженнифер. — Его лишили возможности выбирать. Потому что вместо него выбор сделала ваша мать. Она бросила на стол новую карту — такую, о которой ваш отец и подумать не мог.

— Какую же?

— Она предложила дать ему его собственного сына, — сказала Дженнифер. — Который будет для них общим. И в котором будет течь кровь Росси, а не человека, который гораздо слабее.

— И мой отец согласился? — спросил Росси, в глазах которого мелькнуло волнение, хотя тело его и оставалось неподвижным, будто античная статуя.

— Отчего же ему было не согласиться? — усмехнулась Дженнифер. — Зачем брать какого-то мальчишку, о котором практически ничего не знаешь, когда у тебя есть возможность вырастить собственного, у которого будут твоё имя и твоя кровь в жилах? Сын, который когда-нибудь станет взрослым и которому можно будет передать семейный бизнес. Который сделается доном не хуже, а то и лучше отца. Свой сын, своя кровь...

— Отличная повесть, детектив, — произнес Росси. Мышцы его шеи и плеч теперь расслабились, и он опять откинулся на спинку кресла. — Весьма вам признателен за то, что выкроили время и, вместо того чтобы гоняться за преступниками, пришли повеселить меня.

Однако у нас обоих есть дела, требующие безраздельного внимания, и думаю, что каждому из нас пора к ним вернуться.

— Эта женщина стала вам матерью, — завершила тем не менее Дженнифер.

Она была готова к тому, что сейчас последует его подлинная реакция, но не знала, в какой форме это произойдет. Будет ли это ярость или глухое неприятие, безразличие или театральное заламывание рук? Как бы то ни было, рассудила Дженнифер, если Росси унаследовал что-то из того, что есть в характере До Манто, именно теперь самый подходящий момент, чтобы эти качества обнажились.

— Ну, так и быть, уделю вам еще несколько минут, — проговорил Росси. — Допустим, что ваши рассказы — правда, и у моего отца была интрижка с какой-то женщиной, чей муж угодил в финансовую яму. Предположим еще более невероятное-то, что эта несчастная, жалкая женщина может быть моей матерью. Даже если я соглашусь со всем этим полностью и безоговорочно, остается один большой вопрос: ну и что из всего этого? Для меня это не значит ровным счетом ничего. И ни в малейшей степени меня не затрагивает.

— А вот тут, Росси, вы сильно заблуждаетесь, — веско произнесла Дженнифер. Положив ладонь на стол со своей стороны, она нагнулась вперед, и упавшая прядь светлых волос скрыла правую часть ее лица. — Кое-что это для вас означает. И затрагивает вас. Затрагивает так, что человеку вроде вас и подумать страшно.

— Ну и каким же образом? — поинтересовался Росси. — Растолкните, если не трудно. После чего, смею надеяться, вы встанете наконец и уберетесь из моего дома к чертовой матери.

— У вашей матери было два сына, — поведала Дженнифер, пригвоздив его к месту тяжелым взглядом, каким обычно смотрела на преступников. — Один — от вашего отца, другой — от мужа.

— Договаривайте, — велел Росси.

— Тот, который от мужа, — Ло Манто, — проговорила Дженнифер, дрожа от внутреннего напряжения. — Коп, смерти которого вы столь сильно жаждете, — ваш брат.

Пит Росси встал. Отпихнув кресло назад, подошел к эркеру и уставился на машины, снующие внизу по улице. Сунув руки в карманы брюк, он дышал медленно и размеренно. Полицейская дама, стоявшая у него за спиной, распахнула настежь дверь, которую он издавна держал не просто закрытой, а наглухо задраенной. Росси и в детстве не слишком-то посвящали в историю о его матери, бросившей мужа и сына в поисках лучшей жизни, чем та, которая была ей уготована судьбой. Позже, став взрослым, воспитанным с рождения по законам каморры, он оказался в ситуации, когда докопаться до правды еще труднее. Его давно мучили подозрения, что он является внебрачным ребенком, которого отец прижил от одной из своих многочисленных пассий. Дон Николо Росси свято чтит устав каморры — за одним исключением. У него была непреодолимая слабость к женщинам, делавшая его уязвимым. Любой из баб, встречавшихся ему на жизненном пути, не составляло труда соблазнить и покорить его. Это был мужчина, обладавший счастливой способностью довольствоваться малым, — страстью вместо любви, сексом вместо романтического ухаживания, мимолетным увлечением вместо долговременных отношений.

Еще в ранние годы Росси научился подавлять в себе любое стремление узнать истину о матери, принимая на веру ходячую историю, которую ему подсовывали взамен.

Росси задержал взгляд на шедшем мимо его дома старике, которого тащила за собой на поводке небольшая собачка. Старику на вид было под восемьдесят. Давно прошли времена,

когда жизнью его управляли будильник и босс, однако дед был одет так, словно направлялся на работу в офис. Костюмчик был старый, но вполне приличный, штиблеты стоптаны, но начищены до блеска, галстук гладок и аккуратно завязан. Старик прожил на свете достаточно долго, чтобы понять, что хороший внешний вид в состоянии скрыть многие изъяны, служа покровом для нашего истинного «я».

— И что же, по-вашему, должно последовать после того, как вы мне все это рассказали? — спросил Росси, все еще стоя к Дженнифер спиной и лицом к утреннему солнцу. — Семейный пикник? Или ужин в теплой атмосфере, за которым мы с этим копом предадимся воспоминаниям о былом? Как эта информация изменит хоть что-то из того, что существует между мною и Ло Манто?

— Я не знала, какова будет ваша реакция, — призналась Дженнифер. — По правде говоря, я не имею никакого представления, как может измениться что-то между вами. Может, ничего вообще не должно меняться. Не знаю... Просто мне подумалось, что вам пора услышать истинную историю. А, кроме меня, рассказать ее вам было некому.

— Он знает? — задал вопрос Росси. — Вы и его своим черным юмором позабавили?

— Если и знает, то не от меня, — сказала Дженнифер. — Честно говоря, мне сдается, он в полном неведении.

— Не кажется ли вам это странным? — обернулся к ней Росси. — Великий детектив не способен нащупать нити к собственной семейной истории.

— Но и великий дон в этом отношении оказался не лучше, — заметила Дженнифер. — Так что на вашем месте я бы не слишком задавалась.

— В таком случае, детектив, мы все допустили ошибку, — произнес Росси, подойдя к ней. Взяв Дженнифер под локоть, он повел ее из библиотеки в прихожую. — Ошибку, возможно, прискорбную, но объяснимую. А следующая ошибка определит дальнейшее направление нашей жизни.

Они остановились у входной двери. Росси дождался, когда Марио откроет ее, впустив в дом вал теплого воздуха и дополнительную дозу солнечного света. На улице, сразу слева от них, две девчонки увлеченно прыгали через скакалку. Их счастливый смех делал утро на редкость веселым.

— Что же вы теперь будете делать? — спросила Дженнифер.

— То, что мне надлежит, — ответил Пит Росси, и в каждом слове его звучал гангстерский вызов.

* * *

Четверо киллеров сидели в закутке небольшого ресторана. Каждый в молчании уплетал солидную порцию снеди. Во главе стола сидел Гаспальди, который досасывал уже третий стакан красного вина. Поглядывая на остальных, он перебирал в уме кровавые дела, которые были на счету у этих специалистов, и с удовлетворением приходил к выводу, что подобрал отличный ансамбль для того, чтобы расправиться с копом, которого ненавидел всей душой. Сквозь тяжелые красные гардины, отделявшие их закуток от главного зала, вошел тщедушный и нервный мальчишка-официант и быстро записал в мятом блокнотике очередной заказ. Посетители требовали кофе и десерт.

— Принесешь минут через двадцать, — приказал официанту Гаспальди. — А мы пока

переварим съеденное и о прежних временах потолкуем.

Официант понимающе кивнул и, не проронив ни слова, вышел. Гаспальди наклонился, вынул из портфеля, стоявшего на полу, сложенную в несколько раз карту и положил ее на край стола.

— Освободите стол от дерьма, — потребовал он от четверки. — Пройдемся по плану напоследок.

— Ну ты прямо как девственник перед брачной ночью, — гоготнул Элмо Сталли, киллер, сидящий по правую руку от Гаспальди. — Работа как работа. Не первый год ею занимаемся. И ничего, справлялись до сих пор — у каждого вон банковская ячейка долларами набита. К тому же нас тут четверо на одного копа. Не пойму, чего ты так беспокоишься?

— Может, потому, что стар стал, — прокряхтел Гаспальди. — Коленки не гнутся, семейная жизнь ни к черту, мать в больнице. Да мало ли причин, почему я беспокойный. Не ваше свинячье дело! И почему бы, в конце концов, нам всем не побеспокоиться, чтобы все было сделано как надо? Вон сколько баксов вам отсыпано — охапками, будто это и не деньги вовсе, а грошовые леденцы. И если потребуется повторять план еще хоть десять раз, будем повторять — до тех пор, пока я не скажу «хватит». Доходчиво объяснил?

Все четверо кивнули и налили себе еще вина. Наступила гробовая тишина, и Гаспальди на столе, очищенном от остатков еды, развернул карту, стараясь не посадить на нее пятно. На карте были нарисованы какие-то схемы, отмечены точки на улицах.

— Начнем с самого начала, — обратился он к стрелкам. — Кто выдвигается первым и куда?

— Я, вот сюда, — откликнулся Карло Берц, самый молодой из собравшихся на совещание киллеров. Этот мускулистый крепыш, выходец с Британских островов, работал наемным убийцей уже пятнадцать лет, в течение которых ликвидировал двадцать семь человек. За его плечами была основательная военная подготовка, в том числе снайперская. Он отлично стрелял как из пистолета, так и из тяжелой винтовки и бил жертву наповал с расстояния более трехсот метров. — Сюда, на крышу углового шестиэтажного здания. Действую не торопясь. Буду держать цель на мушке, пока объект не откроется как на ладони.

— Первым стреляю я, — доложил Джон Рамми.

Этот человек, в жилах которого текла итальянская и немецкая кровь, проработал профессиональным наемным убийцей тридцать лет из своих пятидесяти четырех. Он был ветераном четырех гражданских войн и трех антиправительственных мятежей, имел ранения. Основную часть заработков и времени тратил на поддержку ультраправых правительственных переворотов по всему миру, где для таких дел всегда было достаточно шатких режимов, готовых к падению. Убивая, любил идти на близкий контакт с жертвой, не боясь смотреть в глаза тому, кто был ему «заказан».

— Но бить буду так, чтобы только оцарапать, а не завалить, — уточнил Рамми. — Рана будет легкая, и он погонится за мной. Моя задача — заманить его вот сюда, на эту узкую улочку.

— Ладно, вижу, свою роль ты выучил, — кивнул Гаспальди.

Ему нравилось иметь дело с профессионалами в любом деле, тем более с киллерами. К своей работе они подходили спокойно и прямо. Их бизнес был не для тех, кто быстро впадает в панику. Среди этих людей попадались иногда любопытные экземпляры. У них очень часто обнаруживались весьма странные, даже экзотические хобби. Они определенно

имели вкус к жизни, при том что были безразличны к смерти.

— Теперь твоя очередь, Мифо.

— Я свою партию исполняю на машине, которая с включенным двигателем будет стоять вон на той улочке, — сказал Мифо.

Он был убийцей редкой специализации, применяя против своей мишени не пулю, а тупой и мощный удар автомобиля. Родился где-то в Юго-Восточной Азии и пришел в свою профессию совершенно случайно. Еще подростком, влюбившись в быстрые машины и мощные двигатели, он начал бредить тем, как будет гонять чуть ли не по всей Европе на «Формуле-1». Ему грезилось, что он пьет из чемпионского кубка, а затем притягивает к себе с обеих сторон сногшибательных красоток, которые обычно приходят вместе с победой. А вышло так, что гнал он по какому-то шоссе в Польше на «Фиате-124», выжимая все силы из дохлого четырехцилиндрового двигателя. Гнал, пока не соскочил с дорожного полотна, сбив при этом молодую женщину, которая пыталась остановить кого-нибудь, кто помог бы ей починить сломавшуюся машину. Она стояла на обочине, а поскольку дело происходило в вечерних сумерках, зажгла рядом сигнальные свечи. Позади, примерно в ста метрах, дымился ее сломавшийся автомобиль. Предосторожности не помогли — девушка была сбита насмерть. Она умерла мгновенно, не успев даже удивиться, а Мифо попал на пять лет в тюрьму за убийство в дорожно-транспортном происшествии. Обвинению не пришлось долго трудиться, чтобы доказать его вину. Путевкой на нары для водителя стали выпитая наполовину бутылка русской водки, лежавшая на переднем сиденье, а также недопустимо высокое содержание алкоголя в крови. Это же послужило и прологом к новой карьере.

— Стрелок по улице выводит его на меня, — продолжил Мифо, — а когда между нами остается метров восемьдесят, я врубаю передачу и несусь напрямиком на копа. Сбиваю его и, не останавливаясь, сворачиваю на следующем углу налево, потом направо, потом еще раз резко налево и выезжаю на дорогу, ведущую из города.

— Ну, вот, один ты у меня остался, — обратился Гаспальди к Сталли. — Расскажешь свое задание — тогда и позовем официанта, чтоб тащил нам кофе с пирожными.

— Я жду внутри дома 238 на Восточной 234-й улице, — начал Сталли.

Гаспальди знал его как облупленного. Наемный убийца, состоящий на службе у каморры, первые навыки стрельбы получил в лесах под Неаполем. Начал он с кроликов и голубей, а завершил курс обучения убийством человека, которое совершил в семнадцать лет. Он поругался с местным лавочником, который заломил за три помидора несусветную цену. Вместо словесных доводов для завершения спора юноша использовал охотничье ружье. Прикончив шестидесятисемилетнего зеленщика, Сталли оказался вынужден уйти в подполье, а затем бежать из родных мест, в чем ему помогли несколько молодых гангстеров каморры. Для них безбашенный тип, быстро хватающийся за ствол и без раздумий нажимающий на спусковой крючок, всегда ценная находка. Так он оказался в маленьком городишке на севере, начав трудиться в местном ресторане помощником официанта. А вечера проводил в солидной и спокойной компании наемных убийц, каждый из которых был готов поделиться со способным молодым человеком секретами мастерства и просто житейской мудростью.

— Если после выстрела и удара бампером тот все еще шевелится и дышит, — сказал далее Сталли, — вступаю в игру я. Выпускаю в него все пули, какие у меня есть в стволах, а потом смываюсь — еду в город на метро.

— А если коп лежит и не дрыгается? — спросил Гаспальди тоном экзаменатора. — Что

тогда?

— Тогда берусь за свое бронебойное и начиняю ему грудинку тремя зубчиками чеснока, а с какой стороны — спереди или сзади — без разницы, — отрапортовал Берц, закуривая французскую сигарету. — Если же рядом случится кто-то, кто начнет совать свой нос не в свое дело, смотреть, кого это тут завалили, или звать на помощь, то и его замочу на месте, без шума и пыли. После чего сматываю удочки.

— Может, еще какие вопросы есть? — осведомился Джон Рамми, отодвигая в сторону пустой бокал из-под вина.

— Есть один — последний, — бросил Гаспальди, уже не пряча улыбку.

— Какой же? — встрепенулся Элмо Сталли.

— Что будем пить под кофе?

* * *

Ло Манто сидел в пустой церкви на передней скамье лицом к алтарю. На всех четырех стенах качались отсветы огоньков свечей, поставленных по обету. Сверху молчаливо смотрели святые. Он любил старые церкви, особенно тогда, когда находился в них один. Здесь он находил покой, которого не мог найти нигде больше. Это потускневшее от времени здание он помнил с детства, когда был здесь служкой, в белом балахоне и черной рубашке, помогая священнику во время дневной мессы, на которую приходили истинно верующие. Большинство прихожан были людьми преклонных лет и часто молились за души давно усопших близких. А сами с болью душевной ощущали приближение дня, когда по ним самим будут служить заупокойную мессу.

Очень короткое время, мимолетно, Ло Манто подумывал о том, чтобы с головой уйти в религию. Не в силу какого-то особого призвания или высокой духовности, а потому что от знакомых священников знал, что они получают первоклассное образование и имеют возможность ездить по всему миру за церковный счет. Однако дело решил мудрый совет, который дал ему лучший школьный дружок Хэнк Сометтри.

— Если тебе так нейдет учиться и путешествовать на халяву, то уж лучше иди в армию или флот, — высказал свое мнение Хэнк, которому было тогда четырнадцать лет. — Тогда хоть сможешь спать с телками. А если тебя влечет ввысь что-то иное, то, думаю, надо тебе переспать с бабой до того, как тебя затащат к себе эти святоши.

— Да я так, на секунду подумал только, — принялся оправдываться тогда Ло Манто. — Не собираюсь же я всю жизнь провести в монастыре.

— Тогда скажу тебе начистоту, — заявил прямодушный Хэнк. — Иногда мне кажется, что лучше в монастырь пойти, чем всю жизнь тут прожить. Уйти бы куда подальше от этого дерьма, в котором мы барахтаемся.

В тот день Ло Манто не нашел, что ответить другу. Он знал, что тот находится в незавидном финансовом положении. Семья Хэнка очень сильно задолжала, причем не только правительству, но хуже того — ростовщикам из каморры. Отец уже почти полтора года был без работы, а зарплаты уборщицы, которую получала мать, едва хватало на пропитание. Ежедневно, ежечасно их семейство все глубже погружалось в пучину долгов, выбраться из которой не оставалось никакой возможности. Каморра дождалась, когда Хэнку исполнится девятнадцать. К тому времени Ло Манто вот уже два года как жил в Неаполе, но

регулярно переписывался с другом, а то и общался с ним по телефону.

— Они хотят, чтобы я шел на них работать, Джанни, — внезапно поведал ему Хэнк в середине их последнего телефонного разговора. Мальчишеский голос задрожал от ужаса, каждое слово было наполнено отчаянием. — А я, наверное, не смогу.

— Тогда бегите, — посоветовал Ло Манто, в памяти которого еще была свежа смерть отца. — Не тяни, Хэнк. Скажи своим, что нужно паковать вещи и сматываться.

— Но куда? — тоскливо спросил товарищ. — Где нам скрыться? Разве есть такое место, где бы они не нашли нас, если бы захотели?

Две недели спустя Хэнк Сометтри был сбит насмерть, переходя Уайт-Плейнс-роуд неподалеку от Медицинского центра Милосердной Богородицы. Его ударил в спину темно-синий фургон без номеров. Могила Хэнка еще не заросла травой, когда отец его был найден в небольшом парке на юге Манхэттена. С пулей в затылке. Ни в одном из случаев убийцу найти не удалось. Мать оставили в живых — каморра позволила ей до конца дней своих оплакивать убитых сына и мужа.

Облокотившись на спинку скамьи, Ло Манто понурил голову и закрыл глаза. Вот уже почти два десятилетия воюет он с каморрой, а победы все не видно. Конфисковал миллионы долларов выручки от торговли наркотиками, перепутал им все карты в бизнесе, арестовал и убил более пятидесяти высокопоставленных представителей преступного сообщества в двух странах. Однако, несмотря на все его усилия, каморра сегодня столь же сильна, как и в ночь убийства его отца. Корабль ее плавает в открытом море и грабит берега, оставляя за собой след в виде изувеченных тел и разбитых жизней. И с каждым днем кровавый счет растет. Невыносимо было видеть физические и душевные страдания, которые каморра причиняла людям — безвинным жертвам ее стремления к власти и могуществу. А он не в силах был положить этому конец.

— Их всегда будет гораздо больше, чем нас, — сказал ему Бартони, когда они только начинали служить вместе. — Таков непреложный факт, который нам приходится принять. И бьемся мы не ради победы, а ради справедливости. Пусть это будет тебе уроком. Никогда не забывай его.

Однако слова инспектора Бартони не запали в душу Ло Манто. Отдельные случаи торжества справедливости его не удовлетворяли. Ему недостаточно было отдельной облавы на наркоторговцев и отдельного разгрома какой-то ячейки каморры. Ему не доставлял особой радости вид кучки мафиози, уводимой в наручниках навстречу тюремным срокам, исчисляемым двузначными цифрами. Ему нужно было видеть, как прижмут к ногтю их всех. Ему хотелось того, чего не смог достигнуть еще ни один детектив, хоть итальянский, хоть американский, из числа тех, кто когда-либо бросал вызов всей преступной организации в надежде вывести из строя ее отлаженный механизм. Но, сидя здесь, в спокойном уединении маленькой пустой церквушки, Ло Манто начинал чувствовать, что все его усилия — это погоня за призраком. Сомнения, которые нередко посещают даже самых настойчивых и отважных, медленно закрадывались теперь и в его душу, подтачивая железную уверенность в правильности избранного пути.

Сложив руки на коленях, он посмотрел на стоявшую по другую сторону прохода статую Св. Иуды^[27] — небесного покровителя неудачников и полицейских. Мысль о том, сколь велико множество этих жизней — загубленных и исковерканных, — настолько въелась в его мозг, что даже молитва самому любимому из святых казалась тщетной. Чтобы достать каморру до печенок, требовалось больше, чем серия арестов, больше, чем просто срыв

бесперебойного потока наркотиков и грязных денег. Требовался внимательный взгляд за пределы круга платных убийц, которые льют невинную кровь в обмен на пополнение собственных банковских счетов. Нужно было шагнуть дальше, оставив позади информаторов, которые делятся сведениями, ожидая награды в виде снисхождения к их собственным грехам. Надо было поколебать до основания саму иерархию каморры, нанести удар такой силы, чтобы все преступное предприятие затрещало по швам, а «предприниматели» в шоке начали хватать воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. Чтобы подобное стало явью, Ло Манто должен был добиться цели, ускользавшей от него на протяжении всех лет службы в качестве детектива.

Ему необходимо было низвергнуть дона.

Ло Манто поднялся со скамейки, преклонил колени перед алтарем и спокойным шагом направился к статуе Св. Иуды. Посмотрел вверх, на грустное бородатое лицо с холодными, отстраненными глазами, перекрестился и зашептал неслышную молитву. Затем вытащил из кармана брюк пятидолларовую купюру, сложил ее и сунул в узкую прорезь ящика для пожертвований, прикрепленного к стене непосредственно под статуей. Нагнулся вправо, к четырем рядам свечей, зажигаемых по обету, половина которых не горели. Свечи представляли собой электрические лампочки с мерцающими фитильками. Ло Манто нажал две кнопки, и две лампочки загорелись мягким светом. Бросив последний взгляд на Св. Иуду, он склонил голову и медленно пошел к выходу из церкви.

Время молитвы истекло.

* * *

Фелипе стоял на верхней палубе прогулочного кораблика «Серкл Лайн», обеими руками держась за перила бортового ограждения. На лице его сияла улыбка — такая же широкая, как река Гудзон, воды которой пенились внизу. У Ло Манто в руках был конверт, который передал мальчику Сильвестри. Внутри конверта находился сложенный листок бумаги, на котором были написаны четыре имени. Именно эти имена и читал сейчас Ло Манто. Дженнифер стояла спиной к пенящимся волнам и лицом к солнцу. Руки в карманах, волосы перехвачены синей махровой резинкой.

— Ведь я всего лишь пошутила, когда упомянула о паровой экскурсии, — сказала она Ло Манто. — Вот уж не думала, что это действительно выльется в приглашение на речную прогулку.

— Мне подумалось, что это понравится моему другу, — кивнул Ло Манто в сторону Фелипе. — Я в любом случае должен был отплатить ему любезностью за одну услугу, которую он оказал мне на днях.

— А мне об этой услуге позволительно узнать? — спросила Дженнифер. — Или, может быть, хотя бы расскажешь чуть-чуть о своем друге? С учетом того факта, что мы все-таки напарники. Во всяком случае, до твоего отлета из Нью-Йорка.

— Я же сказал вам, как меня зовут, — подал голос Фелипе. — А больше и рассказывать-то нечего.

— А если я задам несколько вопросов? — проявила настырность Дженнифер. — А ты постарайся дать правильные ответы.

Фелипе отошел от ограждения и бочком двинулся к двери, ведущей к лоткам с едой и

сувенирами.

— Можно, я сперва куплю пару шоколадок и газировку?

— Плати за все, к чему бы ни прикоснулся, — напутствовал его Ло Манто. — А не то нас вышвырнут за борт, и нам придется вплавь добираться до города.

Мальчик нырнул в дверной проем, а Ло Манто приблизился на шаг к Дженнифер, сунув конверт с вложенным внутрь листком в задний карман брюк.

— Вылазка из города нам всем не помешает, — сказал он ей. — Речная вода хорошо очищает ум, да и свежий воздух этому способствует.

— Раньше по тебе вряд ли можно было сказать, что ты любишь возиться с детьми, — слегка поддразнила его Дженнифер. — Для этого терпение нужно, а у тебя его, кажется, не слишком много.

— Фелипе только внешне ребенок, — заметил на это Ло Манто. — Внутри он старше нас двоих, вместе взятых. Для своего возраста он насмотрелся более чем достаточно. А на кораблике «Серкл Лайн» не катался ни разу. Вот я и подумал, что пора восполнить этот пробел.

— Мы с друзьями, бывало, зайцами пробирались на эти кораблики, — вспомнила детство Дженнифер, внезапно чуть смягчившись. — Обычно по средам, когда учились полдня, поскольку вторая половина была отведена специально для ребят из государственных школ. Их приводили к нам на уроки религиозного воспитания.

— И я приходил сюда с одноклассниками, когда учился в седьмом классе, — тоже предался воспоминаниям Ло Манто. — Неуправляемая была шайка. Гремучая смесь — итальянцы, ирландцы, испаноязычные, выходцы из Восточной Европы, — и на всех один брат-воспитатель. Наверное, он молился перед каждой такой экскурсией. Знал, какое испытание его ожидает, вот и просил у Всевышнего помощи в укрощении этой шпаны.

— Ну и как, сопутствовала ему удача хоть раз? — поинтересовалась Дженнифер.

— Ему и пяти минут покоя не выпадало, — ответил Ло Манто, улыбаясь, при воспоминании о давно минувшем. — Для начала мы набрасывались на лоток со сладостями, как красные муравьи на кусок яблока. А как только доплывали до острова, тут же перебежали на другой кораблик, плывущий в обратном направлении. Наш бедняга оставался на острове почти в одиночестве. Только он и еще тройка мальчишек, у которых не хватало храбрости на отчаянный шаг.

— И за такой подвиг ты, должно быть, огребал неделю домашнего ареста? — предположила Дженнифер.

— А месяц не хочешь? — горделиво сообщил Ло Манто. — И домашних заданий — столько, что все выходные напролет зубрить приходилось. Вот так и проходили четыре недели подряд — никакой тебе улицы. Не говоря уже о тех страданиях, которые приходилось принимать от руки родителей. Но, несмотря ни на что, жизнь была прекрасна, и пострадать за нее стоило.

Дженнифер повернулась лицом к перилам и оперлась правой ладонью на твердое красное дерево. Лицо и волосы ее оросили мельчайшие брызги морской воды^[28]. Склонив голову набок, она взглянула на Ло Манто. Солнце словно позолотило резкие черты его лица.

— А как насчет следующего отчаянного шага? — тихо спросила она. — Как думаешь, стоит пострадать?

— Если не здесь и сейчас, это все равно произойдет на другой улице какого-нибудь другого города, — проговорил Ло Манто. — Борьба с ними — моя работа. И я буду

бороться, пока они меня не остановят.

— Похоже, они хотят организовать для тебя последнюю остановку на улицах твоего детства, — заметила Дженнифер. — Ты успел доставить им немало неприятностей. И теперь они хотят навалиться на тебя всей силой, чтобы не допустить подобного впредь. Поставить точку. Не знаю, что ты собираешься им противопоставить, но надеюсь, что эта штука не слабее, чем та, которую они заготовили против тебя.

— Пока дело не кончено, наверняка ничего не скажешь, — произнес Ло Манто. — И вообще, в большинстве случаев помогают не планы, а везение.

— И какое место во всем этом отведено парнишке? — спросила Дженнифер.

— Никакое, — твердо ответил Ло Манто. — Нет там ему никакого места. Я не хочу, чтобы он участвовал в финальном действии. На его долю в жизни дерьма и так достаточно выпало, а в моем ему копать и подавно нет необходимости.

— Это и меня касается? — осведомилась Дженнифер, придвигаясь ближе к Ло Манто. Его темные глаза смотрели на нее, густые волосы трепал южный ветерок. — Ты и меня попытаешься отодвинуть в сторону?

— Тебе было дано задание присматривать за итальянским копом на протяжении его визита в Нью-Йорк, — напомнил Ло Манто. — Со своей задачей ты справилась на все сто процентов, и даже больше. За что я тебе весьма признателен и благодарен. Но заметь, ни капитан Фернандес, ни я не просили тебя жертвовать жизнью. Ни в начале дела, ни тем более в конце.

— Интересно, у меня есть право голоса? — спросила она, несколько удивленная тем, с какой решимостью и страстью прозвучали слова Ло Манто — первое свидетельство того, что он относится к ней не просто как к коллеге по полицейской службе. — Или решения в данном случае принимаешь только ты?

— У тебя есть право голоса только в том случае, если ты будешь голосовать так же, как я, — подчеркнул Ло Манто. — Только таким образом мы можем победить, обеспечив себе подавляющее большинство.

— У меня есть приказ, детектив, — веско произнесла Дженнифер, оттолкнувшись от перил бортового ограждения. — И я намерена делать то, что делаю с первого дня на службе: исполнять приказ наилучшим образом. Нравится тебе это или нет, меня не волнует.

Ло Манто взял ее за обе руки. Его прикосновение было теплым и мягким — это чувствовалось даже сквозь тонкую кожу куртки.

— Я уже много раз видел, как погибают небезразличные мне люди, занимаясь тем же делом, что и я, — проговорил он. — И многие из них погибли из-за меня. Из-за того, что я поставил их на такой участок, из-за того, что позволил им сделать такой выбор. На сей раз подобного не случится. В этой битве каморре нужен я. К тебе у них вопросов нет. Но если я позволю тебе стать рядом с собой, то они в тот же момент ополчатся и на тебя. Этого я допустить не могу.

— В том-то и дело, детектив, — со злостью произнесла Дженнифер. — Значит, черт возьми, тебе нужно сыграть так хорошо, как ты еще в жизни никогда не играл. Потому что я сама не в восторге от перспективы оказаться с биркой на ноге в каком-нибудь из моргов Бронкса.

Ло Манто молча отвернулся и принялся глядеть на суровые волны холодной реки. Над водой поднимался живописный берег, покрытый деревьями, в ряды которых то там, то сям вклинивалось какое-нибудь строение. Работа рука об руку с напарником Ло Манто была

непривычна. Еще меньше ему нравилось делиться с кем бы то ни было планами игры. Если для других полицейских напарник служил дополнительной страховкой, дополнительным стволом, который в случае чего всегда прикроет твою спину, то Ло Манто рассматривал напарников в качестве серьезной помехи в исполнении поставленной задачи. Они ограничивали его гибкость, мешали принимать решения на ходу, заставляя придерживаться заранее разработанного графика.

Теперь ситуация уже не зависела только от достоинств плана и личного мастерства Ло Манто. Речь шла даже не о том, удастся этот план или провалится. Главное состояло в том, чтобы Дженнифер действовала и реагировала мгновенно, ни секундой позже, чем того требовала обстановка. Это означало, что она должна видеть не только то, что происходит вокруг нее, а гораздо дальше. Она должна знать не только то, что кто-то стреляет, но и почему в нее стреляют именно с той позиции. Нужна была также интуитивная способность предугадывать события. От этого зависело, какой Дженнифер выйдет из перестрелки — живой или мертвой.

— Будешь делать все так, как я скажу, — произнес Ло Манто, взгляд которого все так же скользил по волнам. — Что и когда говорить, тоже буду решать я. Мне будет подчинен каждый твой шаг. Если тебя это не устраивает, скажи прямо сейчас, а не тогда, когда вместе будем уворачиваться от пуль.

Подумав немного, Дженнифер кивнула.

— Ладно, командуй, — согласилась она. — Тебе лучше знать, что там у них на уме, так что не мне судить об их намерениях. Но если я пойму, что твой план глуп и обречен на неудачу, — начну действовать по собственному усмотрению, не спросившись у тебя.

Ло Манто обернулся к ней с улыбкой.

— С этим проблем не будет, — заверил он. — Глупых планов я никогда не строил. Только опасные.

— Я опасностей не боюсь, — заявила Дженнифер.

— А я боюсь, — сказал Ло Манто.

Медленно отстранившись от перил, он направился к лотку со сладостями, надеясь найти там Фелипе.

* * *

Пит Росси дошел до самого края Вест-Сайдской пристани. Внизу, под ногами, колыхалась вода. Наклонив голову, он слушал Гаспальди. Тот докладывал окончательный вариант плана ликвидации Джанкарло Ло Манто.

— Одним словом, никуда наш легавый не денется, — завершил Гаспальди свое повествование. — Пусть даже промажет один, а то и два стрелка. Из их стволов вылетит больше свинца, чем во всем кино «Спасти рядового Райана». Так что путь у него один — вниз, и копыта в сторону. Вопрос решен, и семейка его уже сейчас может заказывать похороны.

— Пока он ходит по земле, вопрос не решен, — произнес Росси с явным раздражением.

Этот Гаспальди никогда не вызывал у него добрых чувств. Было ощущение, что тому не терпится рвануть напролом. Нет бы все взвесить, обдумать, выбрать вариант поостроумнее. Не нравилось ему и то, что Гаспальди смог добиться достаточно высокого положения во

внутренней структуре каморры, столь тщательно огражденной от внешнего мира. Подумать только, какой-то сутенер — и так высоко взлетел. Может быть, это и было приемлемо в те годы, когда отец только закладывал основу дела, беря себе в помощники самых безжалостных и безбашенных. Однако такие вряд ли годились для современной организованной преступности, тем более что деятельность организации теперь на три четверти была связана с легальным миром. В общем, Росси не любил Гаспальди и никогда не обращался к нему за советом, находя его неотесанным, грубым, лживым и не считая нужным скрывать свое отношение к этому человеку.

Росси не обладал способностью отца найти каждому из работающих на него людей свою нишу, внутри которой тот процветал бы, делая только то, чего от него ожидают. А уж если человек ошибался в своем деле, его просто убивали. Дон Николо Росси был великим боссом преступного мира именно потому, что даже к самым сложным вопросам имел свой подход — прямой, без выкрутасов. Однако черты, благодаря которым он достиг легендарной славы в качестве крестного отца, не помогли ему стать хорошим отцом.

— Он умрет, мистер Росси, — заверил Гаспальди. — Может, ему и удавалось несколько раз сорвать банк, но то было раньше. А сейчас я готов поставить на его смерть все, что у меня есть.

— Верно говоришь, — кивнул Росси, — только это тебе и остается.

Росси повернулся спиной к воде. Было время отлива. Сзади в стенку пустого пирса слабо бились волны, а перед глазами бежал автомобильный поток по Вест-Сайдскому шоссе, за которым едва виднелся южный краешек парка имени Деви́тта Клинтона. Сколько же раз вместе с отцом он гулял по этим улицам, мощенным брусчаткой, держа в руке большой крендель, посыпанный солью и намазанный желтой горчицей. А за ними неподалеку шли двое молчаливых телохранителей дона. В те годы причалы буквально кипели жизнью, служа лакомым куском для каморры. Основная часть доходов поступала от грузов, похищенных из трюмов пришвартованных судов, а также за счет денег, удерживаемых из зарплаты докеров. Дон Николо открыто соревновался с Крутым Тони, который контролировал причал, расположенный южнее, — кто за неделю снимет со своих владений больший навар. Отец правил здешними улочками так, будто был королем, которому эти владения перешли по наследству. Он решал, кого брать, а кого не брать на работу, кого обложить тяжелой данью, а кому оставить основную часть заработка. Росси видел лица работяг, когда те смиренно стояли в присутствии его отца. Во взгляде их читалось беспокойство, граничащее со страхом.

Такова была сторона жизни отца, которую Пит Росси хорошо знал и за которую во многом уважал своего родителя. Но, оказывается, была и другая сторона, доселе неизвестная, — та, которая доставляла ему сейчас ненужные переживания. Женщина, о которой ему рассказали всего несколько часов назад. И которая, как утверждалось, была его матерью. Даже если ей удалось обманным путем улизнуть от него, столь могущественный дон, каким был Николо Росси, не должен был допустить этого. Он должен был силой приволочь ее обратно и заставить до конца дней своих оставаться под крышей каморры. Потому что она обязана была вырастить сына. А что выходит? Все это время родная мать была жива и теперь живет в Неаполе? Вот что лишало его покоя и обескураживало.

А окончательно добивало Пита Росси то, что его кровный враг Джанкарло Ло Манто оказался еще и его кровным братом. Это подкашивало сильнее, чем самая подлая измена, заставляло страдать больше, чем любая выпущенная в тебя пуля. И, в конечном счете, этот

факт мог причинить ему как действующему дону больше вреда, чем любое, самое немыслимое обвинение, выдвинутое любой из множества федеральных служб, мечтающих об одном — взять его организацию за горло.

Впервые за всю свою жизнь Пит Росси оказался в замешательстве. Что же теперь делать, какой путь избрать? План, который разработал Гаспальди, мало чем отличался от других, в разное время предложенных ему как главе мафиозной семьи. Обычная, хорошо подготовленная заказуха. Его единственный заклятый враг будет уничтожен. Убийство копа, которого Росси уважал и презирал одновременно и которого поклялся во что бы то ни стало стереть с лица земли, было гарантировано почти на сто процентов. Это станет мощным сигналом любому полицейскому по обе стороны Атлантики — а среди них нет ни одного, кто мог бы сравниться с Ло Манто по отваге и настырности, — что каждому, кто сунет нос в дела каморры, суждена злая смерть. Тогда его семья снова заживет тихо-мирно и можно будет наконец беспрепятственно заняться главным делом — борьбой за власть и влияние. Одним словом, необходим нужный шаг в нужное время, которому любой криминальный босс без колебаний дал бы «добро». Росси полностью сознавал, что сейчас не время пускаться в размышления и копаться в собственной жизни. Нужно было действовать. Назрело время реально показать врагам, на какие крайности он готов пойти ради того, чтобы сохранить свою железную хватку. Пит Росси не мог позволить себе роскоши рассуждать и поступать как обычный человек с улицы. Ему следовало быть доном и использовать самое ценное право, которое есть у человека его ранга: право заказать смерть другого человека.

— Мы все в готовности, — подал голос Гаспальди. — Деньги получены и поделены. Одно только ваше слово — и все будет сделано, как надо.

Росси оторвал взгляд от шоссе и перевел его на Гаспальди.

— Тогда вперед, — глухо и отрывисто произнес он.

— Когда? — спросил Гаспальди.

— Сегодня вечером, — сказал Пит Росси. — Вечером все должно быть кончено.

Ло Манто и Фелипе спускались по склону Центрального парка, в сторону от Земляничной поляны^[29]. Каждый жевал хот-дог, купленный у уличного лоточника.

— На каком расстоянии отсюда его убили? — спросил Фелипе. — Нет, я, конечно, знаю, что это случилось перед его домом. Но где именно?

Ло Манто повернулся и указал на готическое здание, едва различимое за пышными ветвями деревьев.

— Леннон жил вон в том доме под названием «Дакота», — пояснил он мальчику. — Вместе с женой и сыном. А убийца подстерег и застрелил его прямо перед домом — среди бела дня, на глазах у всех.

— Надо же, просто так, ни за что, — проговорил Фелипе, сунув в рот последний кусок хот-дога. — Во всяком случае, так пишут.

— Большинство людей погибают ни за что, — заметил Ло Манто. — И знаменитых, и не очень.

— Может, обратно в Бронкс поедем? — спросил Фелипе, когда деревья вокруг стали еще гуще.

— Отчего такая спешка? — поинтересовался Ло Манто. — У тебя что, свидание, с которым ты забыл мне сказать?

— Если бы, — хмыкнул Фелипе. — Стоит мне взглянуть на какую-нибудь девчонку, как она тут же отворачивается. Видать, нет у них желания знакомиться с бездомным. Не та романтика.

— Я бы на твоём месте не переживал, — попытался успокоить его Ло Манто. — Просто твоя девчонка пока тебе не встретила. А когда встретится, ей все равно будет, где ты живешь, сколько у тебя денег в кармане и на какой машине ты едешь. Главное для нее — только ты. Тогда и поймешь, что вот она — твоя девчонка. Момент этот особый, ты его ни с чем не спутаешь.

— С тобой такое было? — осведомился Фелипе.

— Еще нет, — признался Ло Манто. — Но я ведь не такой красавец, как ты. И обаяние у тебя природное — не то что у меня. Девушки меня насквозь видят. Им одного взгляда достаточно, чтобы распознать во мне копа, а с копом редко кто хочет дружить.

— Да уж, никогда не задумывался, каково девчонке встречаться с копом, — пробормотал Фелипе, посторонившись, чтобы пропустить двух девиц, пролетевших мимо на роликах.

— Да и с чего бы тебе задумываться? — бросил Ло Манто. — Чего тут вообще думать? Дело-то ясное. Полицейская доля — тяжелая. Даже в те дни, когда тебе хорошо, все равно тяжело.

— А как тебе твоя напарница? — поинтересовался Фелипе. — Ну, эта Дженнифер. По моему, она к тебе неровно дышит. По глазам видно. Да и ты, замечая, к ней равнодушен. Только поговорить с ней смелости никак не наберешься.

Ло Манто остановился и посмотрел на Фелипе сверху вниз.

— Пару секунд назад ты утверждал, что совсем не понимаешь девушек, — сказал он. — А теперь — ну прямо вылитый Доктор Фил^[30]. В чем дело?

— Я всего лишь сказал, что на меня девчонки не смотрят, — возразил Фелипе. —

Однако это не означает, что я в них ничего не смыслю. Не слепой — вижу, что ты и другой игрок в твоей команде не так уж безразличны друг другу. Однако, сдаётся мне, ей хочется, чтобы первый шаг сделал ты. Набрался смелости — и заговорил. Что тебе, как итальянцу, наверное, вполне под силу.

— Не очень-то все просто, — проговорил Ло Манто. — Скажем так. Если, конечно, у тебя нет еще каких-то глубоких мыслей по данному предмету.

— Нет, — сказал Фелипе. — Все, что хотел, я сказал. В запасе ничего не оставил. Об остальном пусть судят специалисты вроде тебя.

Они подошли к скамейке рядом с полем для игры в софтбол.

— Присядем, — предложил Ло Манто. — Поговорить бы надо. Все собирался, да времени не было.

— О женщинах? — спросил Фелипе, плюхнувшись на скамью и скрестив под ней ноги.

— Об этом как-нибудь в другой раз, — произнес Ло Манто, садясь рядом с мальчишкой.

— Если насчет воровства, то не волнуйся понапрасну, — сказал Фелипе. — Я уже над этим думал. Хочу отвыкать потихоньку. Есть у меня такая дурная привычка, каюсь. Но сразу от нее мне не избавиться. Потребуется некоторое время, чтобы стать совсем уж чистеньким. Но я над этим вопросом работаю.

Ло Манто с улыбкой покачал головой.

— Да уж, придется тебе поработать, и работа будет нелегкой, — заметил он. — Тяжеловато тебе пришлось начинать: ни родителей, ни близких, ни крыши над головой. Ведь за что берется большинство ребят в твоём положении? Принимаются грабить людей на улице и нюхать всякую дрянь, чтобы забыться. А я не хочу, чтобы ты стал одним из них.

— Сам не знаю, что со мной будет, — пробубнил Фелипе внезапно севшим голосом. — Сам я себе такой жизни не желаю, но не могу тебе поклясться, что такого ни за что не случится. Иногда ведь улица решает, а не парнишка, который на ней живет.

— Такое случается только в том случае, если ты сам не противишься этому, Фелипе, — проговорил Ло Манто. — И никто другой не может положить этому конец-только ты сам. И приходится тебе сталкиваться с этой проблемой один на один, как и со всем остальным в твоей жизни. Но решить ее тебе по силам. Потому что у тебя есть сердце и мозги. Плюс деньги, которые твой друг велел тебе сохранять в целости пару лет. Тебе под силу вылезти из ямы и прожить хорошую жизнь. Ты такой жизни достоин, достоин попробовать, что это такое. И мне будет очень жаль, если ты профукаешь свой шанс.

— Значит, тебя не будет рядом? — спросил Фелипе. — И некому будет за мной приглядеть? Ты что, прощаешься со мной?

— Надо же мне когда-то возвращаться в Италию — живым или мертвым, — невесело усмехнулся Ло Манто. — А ты останешься там, где я нашел тебя. Тебя время от времени станет проведывать Дженнифер, но это уже будет не то, что прежде. Не будет и не должно быть. И я не хочу слышать от тебя никаких предлогов, никаких оправданий. Мол, жизнь невыносимая толкнула на кривую тропку, а другого выбора будто бы не было. Пустая трепотня, и ты не хуже моего это знаешь.

— Чего это ты вдруг на меня наезжаешь? — удивился Фелипе. — Скажи, я тебя хоть раз подвел?

— Подвел не подвел, — проворчал Ло Манто, — разве в этом дело? Главное, чтоб ты самого себя не подвел. Чтобы никогда не врал себе о том, кто ты есть на самом деле. Есть лишь один человек, которому будет очень больно, если ты оступишься, Фелипе. И этот

человек — ты сам. И если я останусь жив, мне будет очень неприятно услышать об этом. А если умру, то мне, конечно, будет до лампочки. До сих пор ты боролся один и в состоянии бороться дальше.

Несколько секунд они молчали, разглядывая разношерстных прохожих — от пьянчужек до молодых мамаш, озабоченно толкавших коляски по пешеходной дорожке.

— Почему ты выбрал именно меня? — спросил наконец Фелипе. — Вряд ли я был тебе так уж нужен. Я и то в своем районе столько людей не знаю, сколько знаешь ты. И не так много я делал, чтобы получать от тебя по двадцатке в день.

— Слишком много друзей никогда не бывает, — ответил Ло Манто. — А тех, кому можешь доверять, вообще мало. Вот я и решил, что ты мне с любой стороны подходишь.

— Так ты продумываешь план, как нам покончить с этой бандой? — задал Фелипе очередной вопрос. — Или будешь придумывать, когда они в тебя палить начнут?

— Никаких «нам», — строго произнес Ло Манто. — Чтобы я тебя и близко не видел, когда начнутся соревнования по стрельбе. Я уже договорился с одним моим другом насчет того, где тебе пересидеть следующие два дня. В общем, будешь сидеть у него дома. Сам он старый и слепой, и у него есть злая собака. Надеюсь, вдвоем они тебя удержат на месте. Говорит он мало, но когда говорит, лучше его слушать внимательно.

— Самому-то мне можно хоть слово сказать? — осведомился Фелипе.

— Ни единого, — ответил Ло Манто. — Это как раз та часть моего плана, менять которую я не намерен. Так что больше говорить не о чем.

— Когда мне туда отправляться? — спросил Фелипе.

Он сидел, упершись лопатками в жесткую спинку скамейки и уставившись на бинт, которым все еще была обмотана его поврежденная рука. Подросток, как мог, пытался скрыть обуревавшие его чувства, зная, что, возможно, больше никогда не увидит Ло Манто, во всяком случае, живым. Всю жизнь он пытался ни с кем не сблизиться, понимая, что в жизни на улице подобным эмоциям нет места. Безопаснее держаться от всех подальше, а дружеские отношения сводить к минимуму. Поступать наоборот было слишком рискованно. И он изо всех сил старался не привязываться к этому копу из Неаполя, рассматривать отношения между ними как чисто деловые и ни на шаг не выходить за эти рамки. Из собственного опыта Фелипе знал: на улице выживает тот, кто способен подавить в себе все чувства. Это помогает сохранить силы, сосредоточиться на главном, не обнаружить собственную уязвимость и не поддаться отчаянию. Он знал, что быть бездомным в любом городе, особенно таком безжалостном, как Нью-Йорк, лучше всего, превратившись в невидимку. Таким образом, значительно возрастают шансы, что тебя не убьют. Ло Манто перевернул в этой системе все вверх тормашками. С момента их первой встречи Фелипе понял, что отныне ему негде прятаться.

— На другом краю парка тебя дожидается машина, — сообщил Ло Манто. — Водитель привезет тебя в дом моего друга. Тебе там будет удобно и безопасно.

— Где живет этот твой друг? — спросил Фелипе. — Я этот район знаю?

— Он живет в Гарлеме, — ответил Ло Манто, вставая и направляясь к выходу из парка на Ист-Сайд. — Очень похоже на Восточный Бронкс, только музыка лучше. Но это только в том случае, если он позволит тебе ее слушать.

— Отчего бы тебе просто не запереть меня в кутузке? — недовольно проворчал Фелипе. — Там мне было бы куда веселее, чем с твоим приятелем. И собака бы меня там не загрызла.

Ло Манто вытащил из кармана куртки пачку жвачки и предложил пластинку Фелипе. Мальчишка вытащил две и сунул в передний карман штанов.

— В тюрьму любой дурак попасть может, — веско произнес Ло Манто. — В мире нет ничего проще. А мне нужно, чтобы ты туда не попал. И, надеюсь, я еще успею удостовериться, что у меня это получилось.

— Ладно уж, уживусь как-нибудь с твоим другом, — пообещал Фелипе. — У тебя и в самом деле собственных дел хватает. Так что насчет меня больше не волнуйся, не трать времени попусту.

— Ты мне друг, Фелипе, — проговорил Ло Манто. — А волноваться за друзей — это не пустая трата времени. Слушай, не сделаешь ли мне одно одолжение?

— Какое?

— Постарайся не злить собаку, — попросил Ло Манто.

Фелипе улыбнулся.

— Обещать, конечно, не могу, — сказал он, — но сделаю все от меня зависящее. А ты мне ответную любезность не окажешь?

— Какую? — спросил в свою очередь Ло Манто.

— Постарайся, чтобы тебя не убили в мое отсутствие, — попросил Фелипе.

Ло Манто кивнул.

— Обещать не могу, — ответил он в тон мальчику, — но сделаю все от меня зависящее.

* * *

Дженнифер сидела на кухне в доме своего отца, попивая горячий кофе из большой кружки. Сзади нее тихо пело радио на местной волне станции Си-Би-Эс. Сэл Фабини колдовал у плиты, готовя завтрак, который нравился им обоим: яичницу из двух яиц, посыпанную сверху жареным сладким перцем и свежей моцареллой^[31]. Эту яичницу предстояло положить на два толстых куска поджаренного итальянского хлеба. На другой сковородке на слабом огне шипели полдюжины ломтиков свеженарезанного бекона. Тарелки для завтрака между тем подогревались в духовке при температуре 120 градусов по Цельсию. Поэтому на кухонной стойке, под рукой, лежала белая рукавица-прихватка для горячей утвари.

Запах приготавливаемой еды смешивался с ароматом кофе и приглушенными голосами группы «Фор топс»^[32], создавая атмосферу прошлого. Дженнифер словно вновь погружалась в те времена, самые счастливые из всех, что она провела со своим отцом. Это было время, когда он становился просто ее любимым папой, а не знаменитым полицейским, корпевшим над каким-то трудным делом, или горе-мужем, являвшимся домой после очередной пьянки, чтобы не на шутку сцепиться с ее матерью. В такие редкие минуты счастья он садился напротив и улыбался, глядя, как правильно и умело его дочка ломает хлеб пополам, кладя одну половинку поверх яичницы, а потом протыкает всю эту конструкцию вилкой, чтобы получше растекся желток. Они молчали, пока не наступала очередь десерта. Утреннюю трапезу завершала датская сдоба от «Энтенмана», под которую кофе шел особенно хорошо. Эти счастливые утренние моменты, когда мать еще спала или уже убегала куда-то по делам, Сэл Фабини использовал для того, чтобы наверстать упущенное и узнать наконец, как вдут дела у дочери. Она подробно отчитывалась ему о школе и друзьях, из которых он мало кого

видел. Дженнифер рассказывала о том, какие у них были спортивные соревнования после уроков, о пьесах, в которых играла или которые сочинила сама. И которые у Сэла никак не хватало времени посетить. Рассказывала об учителях, о том, как они постоянно спрашивают ее о знаменитом отце-детективе. А еще пересказывала ему соседские сплетни, опуская моменты, касающиеся его романов с местными замужними дамами.

— Отличный коп из тебя когда-нибудь получится, — полушутливо-полусерьезно поддразнивал ее отец, когда они вставали бок о бок у кухонной стойки. Сэл мыл тарелки, а Дженнифер вытирала их полотенцем и ставила в шкаф. — Все детали помнишь. Даже те, которые люди в большинстве не замечают, считая несущественными. А ведь именно такие детали зачастую и становятся ключевыми в истории — хоть в криминальной, хоть в житейской.

— Не хочу быть копом, папа, — протестовала обычно Дженнифер. — И одного в семье более чем достаточно.

— Поменьше мать слушай, — презрительно взмахивал рукой Сэл. — Ей никогда не нравились ни полицейская бляха, ни тот, кто ее носит. Но голос крови не заглушишь. А полицейская служба — уж как ни крути — у тебя в крови.

— У меня английский язык хорошо идет, и учителя говорят, что я хорошо пишу, — не сдавалась Дженнифер. — Вот вырасту и сама в учителя пойду. Очень хорошая работа.

— В три часа дня — свободна, и целое лето делать нечего, — морщился Сэл. — Разве это жизнь? Да и на свою двоюродную сестру Терезу, что учительствует в Бронксе, посмотри. За четыре года ее два раза бритвой полоснули. За то, что пытается вдолбить свою математику в головы банды малолеток, которым цифры нужны только для того, чтобы подсчитать ежедневную выручку от продажи наркоты.

— Но, папа, ведь я не только преподавать могу, — горячилась она. — Есть еще куча всяких занятий. На полицейской службе свет клином не сошелся — ты же сам понимаешь.

— Есть много чего другого, чем ты могла бы заняться, — говорил Сэл Фабини. — Десятки самых разных профессий, в которых ты могла бы себя попробовать. Но ни в одной из них ты не достигнешь успеха. А полицейский — единственная работа, с которой ты справишься на «отлично». И грех тебе такую возможность упускать.

— Ну, посмотрим, посмотрим, — говорила Дженнифер, оставляя отца одного на кухне, чтобы встретиться через несколько минут с друзьями.

— Это точно, — кричал Сэл ей вслед, причем в голосе его звучала твердая уверенность. — Сама увидишь!

* * *

Сэл пристроился за столом и подал дочери одну из двух горячих тарелок, наполненную яичницей, хлебом и жареным беконом. Потом повернулся назад, взял два больших бокала с апельсиновым соком и поставил один на ее край стола. Несколько минут они ели в молчании. Теплая еда и прохладный напиток ласкали желудок.

— Кофе свежий, — сообщил Сэл, доедая яичницу. — Сварился за две минуты до того, как поспела еда.

— Я сама налью, — встала со стула Дженнифер и направилась с кружкой к массивной кофеварке, стеклянная чаша которой была полна чуть ли не до краев. Выплеснув остатки

старого кофе в раковину, Дженнифер налила себе новую порцию черной ароматной жидкости. Ей была известна привычка отца добавлять туда чуть-чуть итальянского бренди «Сток-84».

— Хочешь чашечку? — спросила она Сэла, — Попозже, — ответил он. — Кофе я обычно оставляю на потом — читаю под него утренние газеты.

Дженнифер вернулась к своему стулу.

— Спасибо за завтрак, — поблагодарила она отца, зная, насколько он любит комплименты по поводу его кулинарных способностей. — До чего же вкусно сегодня у тебя все получилось! Ты прямо самого себя превзошел.

— Я немножко изменил рецептуру, с тех пор как ты была маленькой, — кивнул он с явным удовлетворением. — Теперь я добавляю туда еще базилик и майоран.

— Что бы ты ни делал, у тебя выходит просто отлично, — слегка улыбнулась Дженнифер. — Не останавливайся на достигнутом. Еще чуть-чуть, и ты заткнешь за пояс самого Эмерила^[33].

— Не слишком-то часто ты навещаешь меня в будни, — заметил он, глядя на нее поверх бокала с соком. — А если постараться хорошенько вспомнить, то этот раз вообще первый получается. Правду я говорю?

— Ну, папа, будет уж тебе свою полицейскую проницательность показывать, — усмехнулась Дженнифер. — Нет тут никакой тайны, никакого заговора. Зашла просто тебя проведать, а заодно и перекусить.

— Как там этот итальянский коп, к которому тебя приставили? — осведомился Сэл. — Сработались?

Дженнифер посмотрела на отца чуть искоса. Нетрудно было догадаться, что Сэл уже вытряс всю информацию, какую только можно, из своих источников в полицейском управлении. А источники у него были надежные. Таким образом, запираяться и отнекиваться не имело смысла.

— Он самый лучший напарник из всех, какие мне попадались, — сказала она. — На улице держится уверенно, а когда нас припирают к стене, отбивается, как лев. Правда, гнет свою линию чуть сильнее, чем надо. Но такова уж его натура, и я тут делаю для него послабление.

— Слыхал я, что ты ему больше нужна, чем он тебе, когда требуется прикрыть друг другу задницу, — заметил Сэл, и в голосе его прозвучали до боли знакомые полицейские нотки. — Как думаешь, справитесь вы вдвоем, когда для вас по-настоящему жареным запахнет?

— А что ты сам думаешь? — спросила Дженнифер, вместо того чтобы ответить самой.

— Я этого парня не знаю, — пожал плечами Сэл. — То, что о нем говорят, в основном совпадает с твоими отзывами. Полицейский он крепкий, дело свое знает, пыль в глаза не пускает. Да только всех его прекрасных достоинств может оказаться недостаточно, учитывая то, с какой штуковиной ему предстоит столкнуться. То же самое и тебя касается.

— У него на этот счет имеется план, — сообщила Дженнифер. — Только я не знаю, в чем именно он состоит и какая там мне отведена роль.

— Наверное, этот итальянец еще не выучил толком английский и не знает, что означает слово «напарник», — проворчал Сэл.

Он смерил единственную дочь тяжелым взглядом. Это был взгляд скорее детектива, нежели отца. Потому что ему нужно было точно знать, готова ли она вступить в игру с

высокими ставками. Сэл был достаточно наслышан о дочери и знал, что Дженнифер хороший патрульный с отличными полицейскими инстинктами. Ему тем не менее было неизвестно, хватит ли у нее при необходимости духа пристрелить человека на месте. Сможет ли она уничтожить киллера и при этом не сломаться внутренне, остаться самой собой — уверенным в себе полицейским?

— А может, он просто не хочет втягивать тебя в дело, к которому готовится, — завершил Сэл свою мысль.

— Трудно сказать, — задумчиво произнесла Дженнифер. — Он не из тех, кто любит делиться своими мыслями. Почти как ты, папа.

Сэл Фабини улыбнулся и отставил стул назад. Созрел для первой чашки кофе.

— Слышал я, и рожа у него смазливая, — проговорил он, стоя спиной к дочери.

— Какое это имеет отношение к делу? — спросила Дженнифер.

— Никакого, — обернулся Сэл, чтобы внимательно посмотреть на нее. — Во всяком случае, для меня. А вот как ты к этому относишься — это уже совсем другое дело.

— Давай лучше о работе, — предложила она. — А уж какой он из себя — красавчик или нет, — вряд ли повлияет на то, удастся ли ему разгромить бригаду, на которую он пошел войной.

Сэл опустил на стул. Большая чашка кофе, дымясь, стояла на салфетке между его локтями, а на лице блуждала улыбка.

— Вот мы и получили ответ на интересующий нас вопрос, — заключил он. — Иными словами, ты уже приняла решение, как вести себя в складывающейся ситуации. Причем приняла еще до того, как сегодня утром вошла в эту дверь.

— Ну, пойми же, папа, я не могу отпустить его одного, — с жаром сказала Дженнифер. — Он уверен, что справится, и никого не попросит о помощи. Но я хочу быть рядом, когда это произойдет. Для меня это очень важно.

— Ты превращаешь полицейское дело в свое личное, — произнес Сэл Фабини. — А для полицейского это самый верный путь в ловушку.

— Так ведь и для тебя каждое дело, над которым ты работал, становилось личным, — напомнила Дженнифер, подавшись вперед так, что даже слегка толкнула пластиковый стол. — Потому ты был никудышным мужем для мамы и неважным отцом для меня. Зато ты был лучшим копом во всей округе и никогда не попадал в ловушку именно потому, что каждое дело воспринимал близко к сердцу.

— Ведь ты не просто так пришла ко мне, Дженни, — мягко проговорил Сэл. — Уж во всяком случае, не ради яичницы с беконом. Ну, давай выкладывай, зачем пожаловала?

— За дополнительным стволом, — выпалила Дженнифер. — И за человеком, который, взяв этот ствол, не подведет.

— Так ты просишь прикрыть тебя? — пробормотал Сэл. Он выпрямился на стуле, его черные глаза вспыхнули огнем, дряблые мышцы предплечий вдруг налились силой. — Выйти на улицу, как в былые времена?

— Стрелков будет много, в одиночку ему их не одолеть, — объяснила Дженнифер. — Ничего наверняка не знаю, но чувствую. Не знаю, когда и как произойдет нападение. Знаю только, что в этот момент он не должен оказаться один.

— А почему я? — спросил Сэл. — Работаете ты давно, у тебя должно быть достаточно друзей, которые не откажут тебе в помощи, даже в ситуации, когда придется побывать под пулями. И пользы от них наверняка будет больше, чем от меня, потому что они молодые, а я

старый.

— Ты мой отец, — отрезала Дженнифер. Потянувшись через стол, она положила ладонь ему на правую руку. — И самый лучший коп из всех, кого я когда-либо знала.

— Даже лучше, чем твой итальянский приятель? — недоверчиво осведомился он.

Дженнифер улыбнулась.

— Да, папа, — ответила она. — Даже лучше, чем Ло Манто. Ну, помоги мне, а?

— Я и сам знаю, что лучше, — Сэл снова завел речь о своем. — Только никогда не говори ему, что сказала мне об этом. Не волнуйся. Это останется между нами, как бы ни сложилась ситуация.

— Так ты согласен? — настойчиво спросила Дженнифер, в то время как отец, отодвинув стул, направился к вешалке рядом с входом на кухню. — Поможешь?

— Скажи только, где и когда, — отрывисто бросил Сэл. Он надел синий блейзер, выдвинул верхний ящик комода и вытащил оттуда два пистолета 38-го калибра в подвесных кобурах. — Если меня здесь не застанешь, звони по сотовому. На автоответчике никаких посланий не оставляй. Если не буду отвечать, все равно звони, пока не отвечу.

— Куда это ты собрался? — удивилась Дженнифер, наблюдая, как отец шествует к двери — ширме, отделяющей кухню от гаража.

— В тир, — пояснил он. — Давненько с этими стволами не упражнялся. Так что надо бы посмотреть, по-прежнему ли я способен попасть в цель. Для начала хотя бы в бумажную.

Дженнифер встала из-за стола и оперлась на кухонную стойку. Она внимательно смотрела на отца, возившегося на другом конце кухни.

— Спасибо, папа, — взволнованно вырвалось из ее груди. — Я буду тебе должна.

— Вот и хорошо. Вымой посуду, — ворчливо произнес Сэл Фабини, отодвигая дверь, за которой стоял его «Крайслер», — и будем квиты.

Карло Берц положил мощную винтовку на белое полотенце, которое заботливо расстелил у края крыши. Разорвав бумажный пакет, он вытащил оттуда толстенный кусок мюнстерского сыра и рогалик из плотного теста, прислонился спиной к залитому смолой выступу и открыл нож с кроваво-красной рукояткой. Отрезал и отправил в рот солидный ломоть сыра. Начал жевать — медленно и вдумчиво. Затем вытащил из кармана куртки холодную бутылочку воды «Поланд Спринг» и одним махом отвернул крышку. Несколькими большими глотками запил съеденный сыр. Берц поглядел сперва на ружье, потом на стоявший под боком будильник. Тот тикал громко и бодро: большая белая стрелка вот-вот покажет пятнадцать минут двенадцатого дня. Солнце уже жарило вовсю, как и полагалось в августе. Берц отрезал еще ломтик сыра, задумчиво зажал его в правой руке и закрыл глаза, погрузившись в шум и гам, долетавшие до самого верха с длинной, узкой улицы. Он находился как раз посреди квартала, на крыше шестиэтажного дома, на расстоянии выстрела от наземной остановки метро, ходившего вдоль Уайт-Плейнс-роуд.

До очередного заказного убийства оставалось сорок пять минут.

* * *

Элмо Сталли шел дворами, спускаясь по склону со стороны медицинского центра, обширная территория которого примыкала к шоссе Бронкс-Ривер-парквей. Понутив голову, он держал путь к дому с узким фасадом на Восточной 234-й улице, стараясь думать только о предстоящей работе. Обе руки его были глубоко засунуты в карманы длинного и легкого серого плаща. Пальцы сжимали стволы двух пистолетов 38-го калибра. А под плащом на шее висел внушительный дробовик. Протиснувшись сквозь узкий проход за зданием местного банка, Сталли спустился в подвал соседнего неприметного домика, как две капли воды похожего на другие, стоявшие вдоль улицы. Там, рядом с выдавшим виды старым бойлером, он нашел сложенный садовый стульчик. Разложил его и поставил перед маленьким разбитым окошечком, из которого были хорошо видны обочина и припаркованные на ней один за другим автомобили. Он сел на стул поудобнее, положил дробовик на колени, а пистолеты оставил в карманах. Вытащил из кармана рубашки небольшой плеер, нажал на кнопку «воспроизведение», и сумрачный подвал наполнили чарующие звуки «Неаполитанской тарантеллы» Россини в исполнении Энрико Карузо. Это была его любимая песня.

Идеальная песня для убийства.

* * *

Мифо переключил передачу, и восьмицилиндровый «Форд Мустанг» 2003 года словно сам собой вкатился на свободное место между коричневым седаном «Шевроле» и «Вольво» с кузовом типа «универсал». Двигатель продолжал работать вхолостую, и недюжинную мощь его выдавало лишь низкое, тихое урчание. Отрегулирован он был отменно — клапана

работали слаженно и гармонично, как клавиши хорошего пианино. Мифо находился на южной оконечности 234-й Восточной улицы, лицом к срединному участку Уайт-Плейнс-роуд. Над ним грохотали поезда второй линии метро, везя тысячи усталых пассажиров в город и обратно. А он рассеянно наблюдал за уличным движением, необычно вялым в это позднее летнее утро. Оно, как и вся жизнь, было придавлено волной адской жары, стоявшей уже девятый день. Мифо посмотрел на приборный щиток и слегка надавил на педаль газа. Белые стрелочки поползли вверх. Водитель достал из кармана кожаной куртки тонкую сигару и газовую зажигалку. Закурил и прислонил затылок к кожаному подголовнику, не спуская, однако, глаз с улицы. Посмотрел на часы и улыбнулся.

Скоро кому-то настанет конец.

* * *

Джон Рамми стоял посередине большой итальянской закуской, внимательно рассматривая полки, сплошь уставленные макаронными блюдами всевозможных форм и размеров. Глубоко втянув ноздрями богатую смесь разнообразных ароматов, он медленно двинулся вдоль длинных стоек, ломившихся от яств, названия которых ему было и не выговорить. Остановился у стойки с оливками. На ней красовалось более двух дюжин подносов, доверху наполненных вкусными плодами всех районов Италии. Взяв большой пластмассовый судок, Джон набрал туда приглянувшихся ему зеленых и мясистых сицилийских оливок. Аккуратно запечатал судок крышкой и направился к кассе рассчитаться. Подождал, наблюдая, как молоденькая и хорошенькая продавщица с кудрявыми каштановыми волосами и широкой улыбкой взвешивает оливки и кладет их в пакет из коричневой бумаги, дал ей десятидолларовую бумажку и взял сдачу, а потом неспешно вышел на улицу, во влажную жару, толстым одеялом накрывшую Восточный Бронкс. На дальнем углу Восточной 234-й улицы Рамми резко повернул направо, нырнул в неприметный дворик и подпер спиной входную дверь из полированного дерева и стекла. Открыл судок с оливками и бросил две ягоды в рот, а затем поставил пакет между ног и словно между делом ощупал два 9-миллиметровых пистолета, которые покоились у него на груди в кобурах из тонкой кожи. Выплюнул оливковые косточки, потер усталые глаза. Ему никогда не спалось в ночь перед работой — хотелось сделать ее побыстрее, а потому одна и та же картина раз за разом прокручивалась в его мозгу. Лишь после работы, когда волна адреналина сходила на нет, Рамми мог как следует расслабиться.

Ну, ничего. Жертве осталось жить недолго.

* * *

Грегори Рэнделл по прозвищу Флэш стоял на платформе, у которой останавливались поезда второй линии метро, следующие в южном направлении, и смотрел вниз на уличную суету. Облокотившись на металлическое ограждение, он дожевывал длинный бутерброд с ветчиной и швейцарским сыром. У ног его стояла багажная сумка. Одет он был легко — в тонкую черную тенниску, черные джинсы и кроссовки фирмы «Найк». Ему было известно, что помимо него здесь дежурят еще четверо киллеров — каждый на своем посту, и каждый

горит желанием завалить копа из Неаполя. Но никто не догадывается, что, кроме них, тут присутствует еще и он. Это давало ему определенное преимущество в грядущем сражении, когда вскоре на улицах под платформой вовсю засвистят пули. Еще у него чесались руки замочить этого старикашку Сильвестри, который слил Ло Манто сведения о том, где готовится расправа, а потому коп придет, зная, что ему уготовано. Однако это, в свою очередь, означает, что легавый готовится к встрече с четырьмя стрелками, не подозревая о существовании пятого. Со времени встречи с Росси Рэнделл держался тише воды, ниже травы, уделяя внимание только одному — чтобы все обстоятельства складывались в его пользу. Ему неизвестны были другие киллеры, но почему-то твердо верилось, что пуля именно из его ствола свалит этого проклятого легавого.

Флэш сунул в рот последние два куска сэндвича, прожевал их, не запивая, взял сумку и отправился к дальнему краю платформы. Он не торопился, зная, что ему за глаза хватит трех минут, чтобы приготовить винтовку, установить прицел и произвести решающий выстрел. Пусть события на улице идут своим чередом. Они определяют момент, когда нужно будет нажать на спусковой крючок, чтобы отправить в мир иной полицейского, который только и может, что причинять всем неприятности.

Так на прикладе киллера появится еще одна зарубка.

* * *

Джанкарло Ло Манто припарковал свой неприметный седан на северо-западном углу Восточной 235-й улицы, вошел в маленькую пиццерию и приветливо кивнул толстощекому лысому человечку, стоявшему за прилавком.

— Какая тут у вас самая свежая? — спросил Ло Манто, указывая на ряд аппетитных кругов, лежавших по отдельности — каждый на своем серебристом подносе.

— Сицилийская, — ответил толстощекий, потянувшись к пицце, которая дымилась справа от него, щеголяя поджаристой корочкой. — Вытащил ее как раз перед вашим приходом.

— Положите кусочек и налейте рутбира^[34], да льда побольше насыпьте, — попросил Ло Манто.

Он вытащил из кармана пятидолларовую бумажку и бросил на прилавок. Человек ловко отрезал солидный кусок пиццы и положил на белую бумажную тарелку. Сунув под отверстие автомата для льда пластиковый стакан, насыпал в него ледяных кубиков до самого верха, а затем долил рутбиром из металлического контейнера с газировкой. В следующую секунду стакан поехал по прилавку, оставляя за собой пенистый след.

— Сдачи не надо, — произнес Ло Манто.

Он сидел лицом к окну, задумчиво глядя на уличную суету, жуя пиццу и отхлебывая газировку в день, когда должен был умереть. За свою полицейскую карьеру ему пришлось побывать во многих переделках и в Нью-Йорке, и в Неаполе, но никогда еще ему не противостояли столь мощные силы — и по выучке, и по степени вооруженности, — как те, с которыми он вот-вот должен был столкнуться в паре кварталов к югу от этой забегаловки. Согласно имеющейся у него конфиденциальной информации о генеральном плане убийства, первый удар должен был последовать, когда он направится в дом, где живет Ассунта Конте. Как организовать утечку информации, чтобы она дошла до четырех киллеров, придумал сам

Ло Манто. В качестве информатора выступил человек, на которого вполне можно было положиться. Он кое-чем был обязан Гаспальди, в том числе задолжал ему кучу денег, вернуть которые не смог бы ни при каких обстоятельствах. Ло Манто считал, что у него больше шансов выжить, сражаясь в открытую, на улице, в разгар дня. Так лучше, чем если бы бандиты атаковали по очереди, нападая из мест, находящихся вне его контроля. Это увеличивало возможность того, что один из наемных убийц добьется своего.

Ло Манто скрывал свои планы от Дженнифер и Фелипе в их же интересах. Ему совсем не хотелось, чтобы кто-то из них пострадал, а потому приходилось всеми силами ограждать их от опасности. Это была его война, и в такие сражения Ло Манто вступал всегда один, самостоятельно, не отягощенный обязанностью прикрывать других. Борьба в таких условиях получалась более бескомпромиссной, а потому и шансы на победу возрастали. За короткое время, проведенное с Дженнифер, он проникся уважением к этой женщине, ставшей его партнером поневоле. Ему нравились ее врожденная полицейская хватка и бесстрашие — даже под прицелом убийцы. Она была первоклассным детективом. Такие редко встречались среди людей, с которыми ему приходилось работать бок о бок. Был в этой игре и еще один дополнительный фактор, который побуждал Ло Манто проявить максимальную заботу о том, чтобы Дженнифер Фабини не подвергалась опасности. Фактор, с которым ему никогда ранее не приходилось иметь дело за все годы полицейской службы.

Дело было в том, что он полюбил ее.

Ему не хватало смелости заговорить об этом вслух. Что она подумает? И какова будет ее реакция? За время, проведенное в рядах полиции, он ни разу не завязывал романтических отношений ни с одной из представительниц каких-либо полицейских служб, отлично зная, что все любовные улады безнадежно меркнут перед негативными последствиями, которые может иметь подобная связь. К тому же Дженнифер достаточно откровенно дала ему понять, что думает по данному поводу, и ее позиция вполне соответствовала его собственным представлениям. Так о чем же в таком случае вообще говорить? И тем не менее, гоня языком две круглые льдинки, оставшиеся от выпитого рутбира, Ло Манто со всей отчетливостью сознавал, что влюбился в эту женщину так, как не влюблялся ни в одну другую. Медленно покачав головой, он забарабанил пальцами по красному пластику стола и улыбнулся. Суровая полицейская дама со сногсшибательной фигурой и глазами — омутами покорила его сердце. Только ради этого стоило приехать в Нью-Йорк и сразиться с целой бандой киллеров каморры.

На пути к смерти Джанкарло Ло Манто нашел любовь.

* * *

Ло Манто шел мимо дома с вывеской «Салон красоты Фрэн», опустив голову и прислушиваясь к малейшему шороху. Куртка из тонкой кожи была ему великовата, но так было удобнее прятать два пистолета 38-го калибра за поясом и еще один — 9-миллиметровый — в заднем кармане обтягивающих джинсов. Он шел с выражением спокойной целеустремленности, время от времени поглядывая на редких прохожих и проезжающие мимо машины. Ему важно было представить, как раздастся первый выстрел, как взвизгнет первая пуля. Настроиться на другое означало бы для него приблизить собственный конец.

На углу Восточной 233-й улицы, в одном квартале к югу от него, затормозил бело-синий пассажирский автобус, из которого вышли две старушки с какими-то сумками и бумажными пакетами в руках. Нещадно палило солнце, висевшее прямо над головой, и ответные волны жары поднимались с потрескавшегося тротуара и проезжей части, покрытой полосами расплавившейся смолы. Вдоль всей Уайт-Плейнс-роуд натужно гудели и кашляли кондиционеры, с которых падали капли, высохавшие, едва коснувшись раскаленного бетона.

Стрелок находился слева. Ло Манто заметил его краем глаза. Он расположился на противоположной стороне улицы, частично спрятавшись за припаркованным во втором ряду грузовиком компании «Дир Парк» по доставке питьевой воды. Не сбавляя шага, Ло Манто внутренне напрягся в ожидании, когда этот тип вытащит пистолет. Он ясно осознавал происходящее, однако шум дня словно растаял сам собой. В эти считанные секунды, когда вот-вот должны были прогреметь первые выстрелы, все погрузилось в какую-то странную тишину. В прошлом у Ло Манто тоже иногда возникало ощущение, будто он попадает в немое кино, где действие передают статичные кадры и неясные блики — и все это плывет, как в замедленной съемке.

Джон Рамми отошел от белого грузовика с надписью «Дир Парк» и вытащил один из стволов. Прицелился, поставив ногу поувереннее. Его не смущало то, что он находится на оживленном перекрестке. Он выстрелил в Ло Манто дважды. Первая пуля разбила окно припаркованного «Фольксвагена»-«Жука». Вторая отлетела рикошетом от основания уличного гидранта. Ло Манто выхватил из-за пояса пистолет 38-го калибра и нырнул за большой синий почтовый ящик, стоящий на тротуаре. Он быстро посмотрел в обе стороны улицы, оценивая ситуацию. Рамми, между тем, шел в его сторону сквозь толпу, точно одинокий охотник через лесную чащу. И при этом не переставая палил из своего пистолета. Пули одна за другой щелкали по бокам и верхушке почтового ящика. Ло Манто не оставалось ничего иного, как прижаться спиной к ящику, уже продырявленному в нескольких местах, и отчаянными жестами показывать прохожим, что им необходимо как можно скорее убираться отсюда. Он знал, что ему надо высвободить место для маневра, прежде чем Рамми приблизится к нему вплотную. На основного стрелка тот был не похож. Скорее всего, «загонщик», задача которого — выгнать копа на открытое место, где того уже ожидает «первый номер».

Ло Манто выждал, когда утихнет очередной залп, и предпринял задуманный маневр, метнувшись от почтового ящика к «Шевроле» модели «Импала», припаркованному на дальнем углу Восточной 234-й улицы носом к тротуару. Рамми до конца разрядил пистолет вслед убегающему копу. Пули визжали со всех сторон, беспощадно круша вокруг стекло и приводя в действие автомобильную сигнализацию. Одна просвистела совсем рядом, вонзившись в заднее колесо стоящего у обочины микроавтобуса. Ло Манто перепрыгнул через капот «Импалы», перекатился по асфальту, встал на одно колено и трижды выстрелил в приближающегося бандита. Ни один из выстрелов не достиг цели. Рамми упрямо шел на него, совершенно безразличный к тому, что творилось вокруг. Этаким терминатор средних лет, перед которым поставили единственную задачу и который намерен выполнить ее во что бы то ни стало.

Теперь Ло Манто заметил и второго стрелка. Элмо Сталли вышел из неприметной передней в середине квартала. Вышел со стволами наготове. Не вызывало сомнения, что Сталли постарается вытеснить его на середину улицы, загнать под перекрестный огонь, который будет вести совместно с Рамми. Идея была здравая: в такой ситуации у копа не

оставалось иного выбора, кроме как поймать несколько пуль и умереть на мостовой. К тому же, надо полагать, здесь присутствует и третий стрелок, который работает с какой-нибудь из окрестных крыш, имея на вооружении винтовку со снайперским прицелом. Улица опустела, полицейские сирены завывали где-то вдали. А в это время двое стрелков брали его в клещи, третий целился с крыши да еще и четвертый прятался неизвестно где. Ло Манто оглянулся через плечо на Рамми, потом бросил взгляд на приближающегося Сталли, который пока только готовился приступить к стрельбе. Одного нужно было снять немедленно, но кого именно? Определять, кто из них более опасен, приходилось по наитию. Гаспальди, помнится, говорил, что Рамми действует «больше для отвода глаз». То ли старый сутенер хитрил, заставляя Ло Манто думать, что стрелок этот — так себе. То ли стремился подтвердить, что Сталли и в самом деле хорош, вполне оправдывая свою репутацию. Существовал лишь один способ проверить это предположение.

Ло Манто вышел из-за «Импалы» и бросился навстречу Элмо Сталли.

* * *

Карло Берц наблюдал за развернувшейся внизу баталией с интересом и весельем, словно погрузился в видеоигру. Только игра шла в реальной жизни и реальном времени. Он сунул в патронник длинный и узкий патрон. Почти незаметно двинув кистью, быстро и четко клацнул затвором. Припал правым глазом к черному окуляру прицела, зажмурил левый и опустил ствол вниз, наведя его на Ло Манто, который бежал напрямик на Сталли, успев сделать уже четыре выстрела. Коп буквально крутился юлой. Отбросив один из пистолетов в сторону, он пальнул несколько раз из другого в Рамми. Движения его были медленны и ритмичны, чем-то напоминая балет. Пули отскакивали от припаркованных машин, заставляли вопить прохожих, вдребезги разносили витрины. Берц положил указательный палец на спусковой крючок и сосредоточился на цели.

Он похолодел, когда в следующую секунду у него за спиной раздался женский голос:

— Одна пуля из твоей пукалки — и три моих у тебя в затылке.

— Но сперва сдохнет коп, — огрызнулся Берц, — можешь не сомневаться.

— А ты в ту же секунду последуешь за ним, — проговорила Дженнифер Фабини. — Хочешь получить пропуск в мир иной — стреляй.

Не отрываясь от прицела, Берц потер пальцем краешек спускового крючка. Ло Манто был перед ним как на ладони. Пуля легла бы точно «в десятку». Он высвободил левую руку, положив винтовку на край крыши, но все равно продолжал целиться. Одновременно Берц осторожно полез в нагрудный карман куртки, пытаясь зацепить пальцами рукоятку 9-миллиметрового пистолета, который щекотал грудную клетку с правой стороны. Наконец, он оторвался от прицела, чтобы лучше оценить картину происходящего внизу. Похоже, у него было достаточно времени, чтобы и убить бабу, стоявшую сзади, и поразить главную мишень, находившуюся шестью этажами ниже. Карло Берц очень не любил убивать людей бесплатно. Выпустив из рук винтовку, он повернулся лицом к Дженнифер Фабини. Солнце находилось у нее за спиной и било ему прямо в глаза.

* * *

Ло Манто метался посередине улицы, уворачиваясь от пуль. В обеих вытянутых руках он держал по пистолету. Джон Рамми заходил справа; Элмо Сталли приближался слева, на всякий случай прячась время от времени за припаркованные машины. В совокупности вся троица выпустила более сорока пуль, но ни одна не достигла цели. Человеческая плоть пока оставалась в целостности и сохранности. Так обычно бывает в ожесточенных перестрелках с участием нескольких человек. Ло Манто знал, как никто другой: попасть в бегущую цель, да еще когда все вокруг шумит и движется, можно лишь при большом везении. От умения тут мало что зависит. Невозможно ни прицелиться как следует, ни сосредоточиться на выстреле, ни привести окружающую обстановку хоть в какой-то порядок. Подобные схватки — это не что иное, как организованный хаос на фоне городского пейзажа. Делая ставку на то, что его пуля поразит мишень, стрелок чаще всего проигрывает.

Рамми палил так, будто пострелять ему больше не доведется ни разу в жизни. С его стороны буквально катился шквал огня, и, надо признать, пули ложились все ближе к Ло Манто. Сталли вел себя более терпеливо: перебегая от одной машины к другой, он делал всего один выстрел. Его целью было добраться до точки, с которой он сможет поразить противника наверняка. Ло Манто отбросил второй с опустевшей обоймой ствол 38-го калибра и взялся за пистолет 9-го. Новая огневая мощь требовалась ему, чтобы покинуть центр улицы и пробиться к калитке, за которой открывался вход в квартиру на первом этаже. Прикрытием ему должен был послужить ряд жестяных мусорных бачков.

— Прикрой меня! — проорал Сталли из-за капота «Бьюика», обращаясь к Рамми. — Дай замочить гада!

— Мы загнали его в угол! — крикнул в ответ Рамми. — Никуда не денется! Можем насесть на него. А можем и подождать — посмотрим, куда он теперь побежит.

— Отвлеки его, — скомандовал Сталли, понизив голос и изъясняясь больше жестами. — Попробую зайти на него справа.

Между Рамми и Сталли с оглушительным грохотом упал мусорный бачок. Рамми, вздрогнув всем телом, два раза нажал на спусковой крючок — скорее инстинктивно, чем по необходимости. Сталли отшатнулся назад и упал на землю. В глаза ему ударило солнце. Сделав рывок от входа в квартиру на первом этаже, Ло Манто легко вспрыгнул на капот «Шевроле» и выстрелил сверху из 9-миллиметрового в Рамми, вогнав тому две пули в правую ногу. Слева находился Сталли, который, придя в себя, поднял пистолет и начал целиться Ло Манто в спину. В первый раз он промазал. Вторая пуля попала в цель. Раздался противный звук, словно лопнул мягкий пузырь.

Разорвав кожаную куртку, пуля задела верхушку левого плеча Ло Манто. Толчок был силен настолько, что его отбросило и прижало к стволу чахлого дерева. На ногах устоять не удалось — пришлось встать на одно колено. Он нацелил свой 9-миллиметровый на Сталли и выпустил три последних патрона, оставшихся в обойме. Стрелок резко вскрикнул. Значит, по меньшей мере одна достигла цели.

Ло Манто лежал у дерева. Кровь, стекая по руке, орошала сухую грязь. Он на несколько секунд закрыл глаза, уверенный, что оба стрелка скоро поднимутся на ноги, чтобы прикончить его. Сделав глубокий вдох, Ло Манто открыл глаза, и тут сзади на него надвинулась тень. Он приподнял голову, ожидая увидеть одного из наемных убийц, окровавленного и горящего желанием завершить дело, за которое ему заплатили. Однако на него глядели глаза его злейшего врага.

— Зацепило? — участливо спросил Пит Росси.

Мифо включил первую передачу и тронулся с места. Пока неподалеку от него бушевали страсти, он изнывал от безделья, но теперь, по его расчетам, было самое время наехать на раненого копа из Неаполя. Путь впереди был прям и чист. Оставалось только миновать перекресток, после чего его разгоряченный «Мустанг» метнется влево, вскочит на тротуар и собьет Ло Манто, прислонившегося к дереву. К этому моменту нужно развить скорость не менее 60 миль в час^[35]. Если и не собьешь его насмерть, то наверняка покалечишь как следует и оставишь без сознания. А там по нему, готовенькому к употреблению, сработает снайпер с крыши. Самому же Мифо после свидания с Ло Манто останется соскочить с тротуара, съехать круто вниз, взять курс на экспресс-шоссе Мейджор — Диган. И свободен! План такой, что не подкопаешься — предусмотрено все до мелочей.

Приближаясь к перекрестку, Мифо переключился на вторую передачу. Он поддал газу, увеличив скорость до тридцати миль. Все вокруг было спокойно — вроде бы ни одной машины ни с какой стороны. Включил третью и, не сбавляя хода, уже готов был отпустить сцепление.

Он услышал грузовик службы почтовой доставки Ю-Пи-Эс, прежде чем увидел его.

Этот проклятый грузовик несся на него невесть откуда очертя голову. Двигатель ревел как бешеный, из трубы поднимался белый дым. Грузовик врезался в бок «Мустанга» с такой силой, что легковушка впечаталась в стальную опору эстакады метро. От двойного столкновения машина преобразилась. Ее перед стал похож на музыкальную шкатулку, раздраконенную хулиганом ребенком. На неприлично обнаженном двигателе заплясали язычки пламени, повалил бурый дым. Мифо оцепенел за рулем, прижатый к спинке сиденья подушкой безопасности. Она мешала ему дышать. Правый глаз разбит, нос сломан. Плюс осколок стекла, вонзившийся в шею с правой стороны. Голова раскалывалась от боли и заваливалась влево, ища опору в искореженном металле. Похолодевшее тело начинало корчиться в судорогах. В широко открытых глазах стояли слезы, смешанные с кровью.

Водитель грузовика вылез из-за руля и степенно подошел к тлеющему «Мустангу» Мифо. Не обращая внимания на завывание сирен и раздающийся со всех сторон визг тормозов, он принялся внимательно вглядываться внутрь разбитой машины. И встретился взглядом с умирающим киллером.

— Потерпи, через несколько минут все кончится, — заверил Сэл Фабини. — Хотя ты, наверное, и сам знаешь. Небось не одного такого видел.

— А ведь неспроста это, — просипел Мифо. — И работаешь ты не на Ю-Пи-Эс. Я и таких, как ты, тоже немало на своем веку повидал.

— Вообще-то, проще было бы тебя пристрелить, — признался Сэл. — Но сам ты этого не любишь. Предпочитаешь делать дела другим способом. Вот я и подумал, что надо бы создать тебе более привычные условия.

— И во сколько же это им стало? — поинтересовался Мифо. — Сколько тебе заплатили?

— Ни цента, — ответил Сэл. — По правде говоря, неприбыльное это для меня дельце. Одни убытки. Взял, понимаешь, у дружка грузовик Ю-Пи-Эс на время, а для чего именно, не сказал. Смотрю вот теперь на него и думаю: ремонт тысяч в шесть обойдется, не меньше. Но ничего. Ремонт — за твой счет. Виноватым-то все равно тебя признают.

— А это еще с какого хрена? — удивленно прокашлял Мифо. Кровь уже бежала из обоих уголков его рта, на губах пузырилась пена.

— Так ты же знак «стоп» проскочил вон на том углу, — качнул головой в сторону Сэл Фабини. — А это грубое нарушение правил дорожного движения, насколько я их помню.

Он смотрел на Мифо несколько минут, бесстрастно наблюдая, как жизнь покидает тело убийцы. Потом с тем же спокойствием Сэл Фабини отвернулся и зашагал к ступенькам, ведущим на платформу станции метро. Пора было возвращаться домой.

Дело, последнее в его полицейской карьере, было доведено до конца.

* * *

Элмо Сталли и Джон Рамми наконец кое-как поднялись на ноги. От Ло Манто их сейчас отделяли четыре машины. Пит Росси все еще находился рядом с ним. Сталли прицелился из своего 38-го в копа и был уже готов нажать на спусковой крючок. Росси посмотрел на Ло Манто, а затем оглянулся назад на Рамми.

— Патроны остались? — спросил он полицейского.

— Пустой я, — признался Ло Манто. — Если уж на то пошло, добил бы ты меня лучше сам, а не оставлял своим шакалам. Мне кажется, мы заслужили право просить друг друга об этом.

Пит Росси ухмыльнулся и, глядя сверху вниз на истекающего кровью детектива, вытащил из-за пояса 9-миллиметровый пистолет. Затем отвел ствол в сторону и дважды выстрелил вверх багажника потрепанной машины в изумленного Элмо Сталли. Первая пуля вошла тому между ребер. Другая оставила небольшое аккуратное отверстие в правой щеке киллера, после чего тот замертво рухнул на асфальт между бамперами двух запаркованных машин. Росси, чуть пригнувшись, быстро повернулся в сторону Рамми, высматривая второго стрелка, который затаился у входа в подъезд многоквартирного дома.

— За машину, быстро! — бросил Росси в сторону Ло Манто. — И не высовывайся.

— Ты что, с ума сошел? — опешил Ло Манто.

— Заткнись и делай, что тебе говорят, — оборвал его Росси, — пока я тебя самого не грохнул.

Оттолкнувшись от чахлого дерева, Ло Манто пополз в сторону проезжей части, оставляя за собой кровавый след. Раненая рука не слушалась его. Привалившись спиной к широкому диску автомобильного колеса, он начал следить за маневрами, которые совершали в это время Росси и Рамми. Не спуская друг с друга глаз, они кружили, словно два ковбоя на Диком Западе, выбирающие позицию получше, чтобы свести счеты с помощью быстро выхваченных револьверов. Тот факт, что пистолеты уже были у них в руках, свидетельствовал о том, что никто из наемных стрелков не знал Росси в лицо. Переговоры, заключение сделки и выплата гонорара — все это, как видно, совершалось без его участия. Скорее всего, данной работой занимался Гаспальди, больше известный в своем круге просто как сутенер. Картина получалась ясная и логичная.

В нее не укладывалось только одно — присутствие здесь Пита Росси.

Ло Манто замороженно смотрел на него. Тот приблизился к Рамми на расстояние, с которого рисковал получить пулю в лоб. Однако инстинкты не подводили его. Росси знал, в какой момент и как повернуться. Его движения были уверенными и мягкими, как у серого

кота, крадущегося по улице полуночной порой. Возможно, Рамми был одним из самых способных среди тех, кто убивал за деньги, но и Пит Росси обучался кровавому искусству у лучших мастеров своего дела.

Сидя спиной к машине, Ло Манто заметил и еще кое-что. Примерно в полумиле от места, где он находился, внезапно скопилась полиция. Там стояла легковая машина в клубах дыма, а рядом — застывший неподвижно грузовик Ю-Пи-Эс. Значит, полицейских и здесь можно ожидать с минуты на минуту. Разве что капитан Фернандес удержит их в узде, с тем чтобы в драме наступила естественная развязка. Действующих лиц, между тем, хватало: помимо Рамми оставались еще два стрелка плюс Росси. И вообще, в перестрелку мог ввязаться любой желающий — главное, чтобы был пистолет. А вот у самого Ло Манто патроны кончились. Впервые в своей полицейской жизни он оказался полностью лишен возможности контролировать ситуацию.

— Я прикинул, что эта штука может тебе пригодиться, — раздался рядом голос Фелипе.

Мальчишка каким-то немислимым образом подобрался к нему, тихо перебегая от одной машины к другой. В правой руке он сжимал револьвер 38-го калибра. Ло Манто резко повернулся, взял пистолет и посмотрел на подростка строгим взглядом.

— В такой заварухе не то что ствол — ни один патрон лишним не бывает, — попытался оправдаться Фелипе.

— А ствол-то полицейский, — сурово заметил Ло Манто, изо всех сил стиснув рукоятку 38-го. Указательный палец сам собой лег на спусковой крючок.

— Вот я тебе его и принес, — радостно подтвердил Фелипе. — Ты же коп!

— Я тебе ясно сказал: оставайся у Слепого Мо, — напомнил Ло Манто. — Чего тут было непонятного?

— Так я все и делал с самого начала, как ты сказал, — уверил его Фелипе. — Никуда я от него не уходил. Он сам от меня смылся.

— Он назвал причину?

— Сказал, что давненько на метро не катался. И своего зверя с собой прихватил — медведя бурого со слюнявой пастью, которого он почему-то собакой называет. Вдвоем, значит, ушли кататься, — вздохнул Фелипе. — А я оказался предоставлен сам себе: хочешь — в квартире сиди, хочешь — в Бронкс подавайся. Вот я и решил съездить посмотреть, как ты тут.

— А пистолет у тебя откуда?

— Кражей я это не назвал бы, — открестился от греха Фелипе. — Слепой Мо оставил его на кухонном столе. А рядом — записку с твоим именем. Ну и как ты поступил бы в такой ситуации на моем месте?

И тут по ним ударили два выстрела со стороны наземной станции метро, что была справа. Обе пули прошли мимо, лишь обрушив град битого стекла. Ло Манто навалился на Фелипе и затолкал его под днище автомобиля.

— Двинешься, только если машина загорится, — предупредил он мальчишку.

Ло Манто присел, а затем резким прыжком перемахнул через переднюю часть машины, стараясь не обращать внимания на рану. В следующую секунду он уже стоял бок о бок с Росси. Теперь они были против Рамми вдвоем.

— Так ты всерьез намерен разобраться с этим типом или только вид делаешь? — спросил Ло Манто.

— Я, кажется, на помощь не звал, — холодно ответил Росси. Его пистолет и глаза были

сосредоточены на стрелке, согнувшись в три погибели у входа в здание. Единственной защитой тому служила деревянная панель крыльца. — А если бы и позвал, то точно не тебя.

— Других поблизости в данный момент нет, — проговорил Ло Манто. — Так что давайте завершим это дело, чтобы перейти к настоящей разборке. Между тобой и мной. Мы оба долго ждали этого дня. Вот он и наступил.

— Чему я несказанно рад, — сказал ему в тон Росси. — Можешь не сомневаться, легавый.

Росси сделал шаг в сторону от Ло Манто и бесстрашно двинулся на стрелка. Рамми дважды выстрелил чуть ли не в упор. Одна пуля оцарапала Росси бедро. Там, где она надорвала брючину, мгновенно появилось алое пятно. Другая пуля ушла далеко в сторону, затерявшись где-то в жарком мареве кровавого летнего утра. Росси разрядил в сторону Рамми всю обойму. Пули застучали по деревянной отделке, и во все стороны брызнули острые щепки. Одновременно в воздух поднялись круглые облачка пыли. Одна пуля попала уже и без того раненному Рамми в плечо. Потеряв равновесие, он протаранил спиной застекленную дверь. Следующие три пули кучно легли в грудь, разорвав артерию. Это был конец. Джон Рамми повалился лицом на землю, сопровождаемый градом битого стекла, кирпичной крошки и щепок. В довершение ему в спину вонзился крупный острый осколок.

Росси подошел к поверженному стрелку, из ран которого хлестала кровь, и послал последнюю пулю ему в голову. Несколько секунд полюбовавшись на это мрачное зрелище, он отшвырнул в сторону пустую обойму, вставил новую и повернулся лицом к брату — Ло Манто.

* * *

Мощная сила отбросила Дженнифер спиной на стальную дверь, за которой находился спуск в здание. Вытянув руку вперед, Карло Верц схватил ее за волосы и рывком повалил вниз. Ее правая рука была красной от крови в результате дуэли с участием ее пистолета 38-го калибра и «девятки», которую снайпер-«крышник» прятал у себя на груди. Пуля Дженнифер раздробила ему локтевую кость, столь важную для снайперской стрельбы, и кровь Верца окропила ей джинсы, а также гудроновое покрытие крыши.

— Ты ввела меня в непредвиденный расход, — процедил Верц сквозь зубы с лютой ненавистью, — и расплатишься за это жизнью.

Винтовка валялась в полутора метрах от Берца, ее темный ствол весело блестел на солнце. Дженнифер упала на спину — ноги поднялись в воздух, руки прижаты к телу. Борьба происходила в самом центре площадки. Оба, истекая потом и кровью, знали, что одному из них остается жить считанные секунды. Снизу все громче доносился вой сирен и ожесточенная стрельба. И каждому из двоих, сошедшихся в смертельной схватке на крыше, очень хотелось не просто выжить, но и включиться в более грандиозную битву, которая разворачивалась шестью этажами ниже. Берц потянулся за своим пистолетом, который выпустил из руки. Воспользовавшись этим, Дженнифер вскочила на ноги, подбежала к противнику и изо всех сил ударила его по ребрам. От удара и неожиданности тот беспомощно повалился на бок. Не медля ни секунды, Дженнифер совершила рывок к краю крыши и подняла мощную винтовку, которая уже была на взводе. Сжимая оружие обеими руками, положив окровавленный указательный палец на спусковой крючок, она прицелилась в Берца. Стрелок, стоя на одном

колене, тянулся левой пятерней к своему 9-миллиметровому, не отрывая взгляда от Дженнифер и, казалось, не обращая ни малейшего внимания на винтовку, направленную ему в грудь.

— Не детская это игрушка, — произнес Берц нарочито насмешливым тоном. — Отдача слишком сильная — в момент с крыши слетишь. Так что лучше положи-ка ты ее. Я тебя не больно убью — обещаю.

— Может, я и свалюсь отсюда, но не раньше, чем увижу тебя дохлым, — парировала Дженнифер. Открытая рана терзала ее руку острой пульсирующей болью. От этой боли на глазах наворачивались слезы.

— Ну, будь по-твоему, — согласился Берц. — Последний выстрел станет последним для каждого из нас. При той жизни, которая мне выпала, о таком уходе можно было только мечтать.

Берц метнулся к лежащему пистолету, дважды перекатился по гудрону крыши и мгновенно занял позицию для стрельбы. Его пуля пролетела мимо Дженнифер, сорвав лишь с края крыши ряд массивной облицовочной плитки черного цвета, которая полетела вниз, на мостовую. Дженнифер даже не шелохнулась — она просто нажала на спусковой крючок, готовая к тому, что отдача будет сильной. Ожидания оправдались. От толчка она, выпустив винтовку из рук, кубарем покатила по крыше. Верхняя половина тела оказалась висящей над пропастью. Дженнифер вытянула вперед руку, чтобы ухватиться за железное ограждение, идущее по краю кровли, и, когда нащупала его, сжала руку так, что на ладони треснула кожа. Глаза ее смотрели в ясное голубое небо. Уши глохли от бушевавшей внизу перестрелки. Она подтянулась медленно и осторожно. Столь же медленно поднялась на ноги, все еще не в состоянии полностью осмыслить происшедшее. Посмотрела на другой конец крыши и увидела Карло Берца. Тот лежал на боку. Его глаза и рот были открыты. Чуть ниже шеи — дырка, из которой фонтанчиком выплескивалась кровь. Видно было, что он пытался зажать ее правой рукой. Придерживая собственную правую руку, по которой тоже сочилась кровь, Дженнифер подошла поближе. Подобрав свой пистолет 38-го калибра, она направилась к двери на лестницу, ведущую с крыши. Дженнифер бросила на Берца последний взгляд.

— Хорошо все-таки, когда мечты сбываются, — заметила она вполголоса, прежде чем нырнуть в узкий темный лаз.

* * *

За развитием драматических событий Гаспальди наблюдал из вестибюля здания на углу Восточной 234-й улицы. Полиция быстро перекрыла улицу с обоих концов и расставила своих снайперов, которые использовали в качестве укрытия стоящие вдоль тротуаров машины. Командовал всем этим какой-то капитан. Без его указаний они не делали ни шагу. Гениальный план по уничтожению копа из Неаполя рушился буквально на глазах. С одной стороны, Ло Манто сумел противопоставить этому плану ряд стратегических контрмер. Но не менее важным оказалось поразительное и необъяснимое появление на сцене Пита Росси. Гаспальди закурил французскую сигарету, глубоко затянулся и задумался, кого из этих двоих ему следует прикончить первым — копа, который хотел его смерти, или дона, который его предал? От троих киллеров, рассредоточенных на двух улицах, толку уже быть не могло,

поскольку они были мертвы, а снайпер принялся лупить не с крыши, а с платформы станции метро. Это означало одно из двух: или возник какой-то новый коп, решивший заняться самодеятельностью, или еще один киллер, внезапно вступивший в игру. Ни от одного, ни от другого не легче. В любом случае Гаспальди должен был лично довести до конца то, чем с самого начала ему следовало заняться самому.

Сутенер остановит не в меру ретивого полицейского.

* * *

Грегори Рэнделл по кличке Флэш передернул затвор винтовки и начал еще внимательнее следить за Ло Манто. Тот был не один. Рядом с ним находился Пит Росси — с пистолетом в руках, но только с другого конца припаркованной машины. Не понятно, с чего это он там взялся. Хотя, если честно, на истинную причину Флэшу было глубоко наплевать. Если у Росси крыша поехала, то пусть с ним каморра разбирается — у нее свои методы. А вот Ло Манто представлял несомненный интерес. Если его нужно убить и криминальное семейство готово щедро заплатить за его труп, то эти денежки должны попасть в карман к Рэнделлу. Загнав патрон в патронник, он направил винтовку вдоль улицы и поймал в прицел верхнюю часть туловища Ло Манто. Слегка поведя плечами и сделав глубокий вдох, Рэнделл приготовился загубить очередную человеческую жизнь. Этот выстрел обещал стать самым высокооплачиваемым за всю его долгую карьеру.

Крупный английский бульдог коричневой масти деловито сомкнул челюсти вокруг лодыжки Рэнделла. Он сделал это с явным удовольствием — острые зубы, пропоров молочно-белую кожу, дошли до самой кости. Стрелок в шоке отшатнулся назад, винтовка с грохотом упала вниз, брючная ткань пропиталась кровью. Пес впился в лодыжку так, словно прирос к ней. Рэнделл поднял взгляд и увидел старого негра в больших темных очках, ковылявшего по платформе, постукивая перед собой тросточкой.

— Сейчас я убью твою собаку, чертов слепой! — завопил Рэнделл. — Ты этого не увидишь, но услышишь точно. Обещаю тебе!

— Да ведь он щеночек еще, — произнес Слепой Мо Равини, подходя ближе осторожными шажками. — Он же без злого умысла, просто поиграть захотел. А если укусил, значит, ты чем-то его огорчил. Не знаю, что ты там затеял, но наверняка что-то нехорошее.

Рэнделл изо всех сил забарабанил по собачьей голове. Удары были мощные, и после каждого бульдогу приходилось несколько ослабить хватку. Рэнделл молотил пса обоими кулаками, и собачье рычание вскоре перешло в визг. Он даже не замечал Слепого Мо, стоявшего рядом.

— Не выношу жестокого обращения с животными, — глухо произнес Слепой Мо. — На дух не выношу.

Рэнделл взглянул на незрячего, не забыв при этом свободной ногой пнуть пса в ребра.

— Да плевать я на тебя хотел! — взвыл он с новой силой. — Я на этой платформе двух дохлых гадов оставляю. И оба — черные!

Мо Равини подставил лицо теплomu солнцу и глубоко вздохнул:

— Значит, придется мне сделать так, чтобы ты сам на этой платформе остался.

Слепой Мо сильно стукнул тросточкой в пол, и нижняя серебристая половина ее разделилась на две части. В руке оказалось тридцатисантиметровое узкое лезвие — острое,

как стрелка на модельном костюме. Сделав еще два шага вперед, Мо воткнул лезвие в грудь Грегори Рэнделлу, любившему, чтобы его называли Флэш. Он повернул свое оружие несколько раз, дождавшись, когда из горла Рэнделла вырвутся булькающие звуки. Мо не видел, да и не хотел видеть, как Рэнделл окровавленными руками хватался за лезвие трости, изо всех сил стараясь вытащить его из своей плоти. Старый букмекер крепко стоял на ногах, вращая тонкими пальцами свою трость, и каждый поворот приближал смерть противника. Он ощутил, как тело Рэнделла повалилось вбок, а руки его разжались. Мо повернул тросточку еще раз и выдернул ее из трупа. Одним ударом кисти он снова превратил ее в палку для ходьбы — половинки сложились, и лезвие спряталось в белый футляр. Это вновь была обычная белая трость слепца.

— Пошли, Малыш Мо, — позвал Слепой Мо своего бульдога, который еще дрожал от перенесенных побоев, но выглядел тем не менее непобежденным. — Наш поезд подходит.

* * *

Ло Манто и Росси стояли в полутора метрах друг от друга. У каждого в руке был пистолет. И оба были в крови. Крупные капли пота стекали по их лицам.

— Ну, вот, кажется, только мы с тобой и остались, — проговорил Росси, оглянувшись на лежащие вокруг тела.

— Плюс еще дюжины три копов, — добавил Ло Манто, качнув головой в сторону перекрестка, находившегося в половине квартала от них. — Готовы наброситься на нас в любой момент.

— Ну, если только ты дашь им знак, — усмехнулся Росси. — Нападать на своих не в их привычке. Вне зависимости от того, из какой страны этот «свой».

— Не знаю, почему ты так поступил, — сказал Ло Манто. — Наверняка у тебя были на то веские причины. Но я пришел сюда, чтобы поставить точку в том, что существует между нами, и не уйду отсюда без этого.

— Долго же мы сражались, — заметил Росси, — и показали все, на что способны. Ты прав: пора ставить точку. Сейчас. И прямо здесь, где все это началось. Вот и получается, что остаемся только ты да я.

— Это тебе за моего отца, — проговорил Ло Манто, медленно поднимая пистолет.

— И за моего тоже, — эхом откликнулся Росси, выставя вперед свой 9-миллиметровый, готовый выстрелить в следующую секунду.

— Ло Манто! — раздался крик. Это кричал Фелипе, наполовину выползший из-под машины. Его глаза отчаянно смотрели в сторону Гаспальди, подкрадывающегося к полицейскому и гангстеру. Сутенер израсходовал сразу все шесть патронов, находившихся у него в обойме. Такова была его последняя ставка в игре. Пит Росси прореагировал первым, загородив собой Ло Манто и откинув руку с пистолетом назад, в сторону Гаспальди. Его «девятка» была теперь направлена на человека, проработавшего на него последние пятнадцать лет. Несколько пуль попало Росси в самую середину спины. Колени его ослабли, и он повалился на Ло Манто. Неаполитанскому копу не оставалось ничего иного, как заключить в объятия своего злейшего врага. Прижав раненого к груди, он нацелил свой 38-й калибр на Гаспальди, но стрелять не стал. Левой рукой он подхватил руку Росси, в которой тот все еще держал 9-миллиметровый пистолет, и поднял ее, наведя на сутенера.

— Убей его, — прошептал Росси в ухо Ло Манто.

— Мы оба сейчас с ним разберемся, — откликнулся Ло Манто.

Он выстрелил из своего 38-го одновременно с Росси, который изо всех остающихся сил ждал на спусковой крючок 9-миллиметрового.

Пули, вылетевшие из обоих стволов, поразили Гаспальди в грудь, шею, плечо и лицо. Он с глухим ударом рухнул на кирпичный фасад дома, в следующую секунду его тело безвольно сползло к ступенькам крыльца. Отбросив пистолет в сторону, Ло Манто опустился на колени и уложил на землю Росси, бережно поддерживая голову раненого.

— Зачем? — спросил Ло Манто осекшимся голосом. — Почему ты это сделал?

— Потому что так захотела бы моя мать, — ответил Пит Росси, самый влиятельный в мире дон каморры.

Ло Манто сидел у больничной койки на стуле из мягкой пластмассы. Его правая рука была забинтована и покоилась на повязке. Рука болела. Боль пронзала ее всякий раз, стоило ему пошевелиться. На Ло Манто были джинсы и тонкая темная рубашка, красивое лицо отмечено ссадиной у левого глаза и длинным порезом на подбородке. Он смотрел на Пита Росси, который спал на койке, по пояс накрытый простыней. Из пакетов, висевших на серебристых крюках капельницы, прозрачная жидкость текла по многочисленным трубкам в иголки, которыми были утыканы руки пациента. Дыхание его было слабым и прерывистым; на бинтах, опоясавших грудь и спину, проступали круги запекшейся крови. Лоб покрыт холодным потом, а щеки — двухдневной щетиной. Его жена и дети сидели в большой комнате для посетителей на третьем этаже больничного крыла. Там же находились несколько вооруженных охранников.

Плеснув немного холодной воды на полотенце, Ло Манто отер ему лоб. Дон открыл глаза и растянул губы в улыбке.

— Вообще-то, мне нравятся медсестры в тесных белых халатиках, — проговорил он. Слова его были медленными, голос искажен болью. — А тут меня коп подтирает. Странно как-то...

— Мне здесь тоже немного непривычно, — сказал Ло Манто. — Не слишком хорошо у меня получается.

— Какая она? — спросил Росси.

— Кто? — переспросил Ло Манто.

— Наша мать, — прошептал Росси. — У меня даже ее карточки нет. Так и не удосужился увидеть ее.

Отложив полотенце, Ло Манто запустил пальцы в карман рубашки, вытащил фотографию и протянул ее Росси.

— Вот, — сказал он, — сделана три-четыре недели назад. Не так уж много у меня ее снимков. Не любит она фотографироваться.

Росси взял фотографию и несколько минут смотрел на нее.

— Есть у нее что-то общее со старым доном, — вымолвил он. — Тот готов был скорее на костер взойти, чем встать перед фотообъективом.

— Жаль, что сейчас она не с нами, — посетовал Ло Манто. — Ты бы с ней познакомился. Она хорошая мать — упрямая, жесткая, всегда норовит все сделать по-своему, всех заставляет плясать под свою дудку. И, знаешь, в большинстве случаев у нее это получается.

— Трудно ей, должно быть, пришлось, — проговорил Росси. — Знать правду и не проронить ни слова. Для того, что она сделала, требуются большая сила и отвага. Уважаю ее за это.

— Мне очень жаль, что ей пришлось испытать такое, — произнес Ло Манто. — Лучше бы ей жить полной жизнью со своими детьми. Со всеми детьми.

— Винить тут некого, — заметил Росси. — Такого уж мужа ей Бог послал. А мой отец был крестным отцом мафии. И никто не мог с этим ничего поделать, даже если бы очень захотел.

— Я могу присмотреть за твоими детьми, — сказал Ло Манто, — если хочешь, конечно.

— Было бы неплохо, — согласился Росси. — Им будет приятно узнать, что у них есть дядя. Хоть он и коп.

— Может, еще чего надо? — осведомился Ло Манто, пересаживаясь на край койки, чтобы лучше видеть лицо брата. — Чего-нибудь еще от меня хочешь?

— Только одного, — произнес Росси упавшим голосом. — Можешь мне отказать, и я тебя пойму.

— Чего же? — спросил Ло Манто.

— Побудь со мной, пока я не умру, — попросил Росси.

Ло Манто подсел поближе к раненому и взял его ладони в свои. Их пальцы сплелись.

— Это самое малое, что я могу сделать для своего братишки, — сказал Ло Манто. Его голос надломился, на глазах выступили слезы.

Росси, не спускавший с него взгляда, еле заметно кивнул.

— Неплохой дон мог из тебя получиться, — произнес он.

— А из тебя — отличный коп, — заметил в свою очередь Ло Манто.

Он сильнее сжал руки, видя, что Питу Росси настает конец. Израненная грудь поднялась в последний раз, глаза закрылись, тело застыло в неподвижности. Ло Манто положил голову на краешек подушки и горько заплакал.

Над единственным братом. Братом, которого знал лишь как врага.

Ло Манто и Дженнифер шли по тихой тропинке кладбища «Вудлон». По обе стороны рядами возвышались надгробья.

Дженнифер слегка прихрамывала, припадая на левую ногу, а правая рука ее была по локоть в гипсе, который с трудом удалось втиснуть в рукав кожаной куртки. Они шли с похорон Пита Росси — единственные двое полицейских в толпе представителей каморры.

— Странно, не правда ли? — поделился своими мыслями Ло Манто. — Несколько дней назад я бы вступил в перестрелку с любым из тех, кто присутствовал на этих похоронах. А вышло так, что здесь мы стояли вместе, и у каждого из нас на глазах были слезы. Будто одна большая семья.

— Так ведь для тебя он и был членом семьи, — напомнила Дженнифер. — Просто у вас не было времени догадаться о родственных узах между вами.

— А как ты об этом догадалась? — поинтересовался Ло Манто.

— Наверное, интуиция подсказала, — ответила она. — Я искала хоть какую-то связь, но никогда не думала, что наткнусь на такое.

— Почему ты пошла к нему, а не ко мне? — продолжал допытываться Ло Манто.

— Я не знала, какова будет твоя реакция, — сказала Дженнифер. — Скорее всего, ты ринулся бы на него очертя голову, чтобы одним махом вытрясти ответы на все вопросы. А ему достаточно было дать знать, что у него есть мать. И намекнуть, кто она. Из двух путей этот представлялся более легким.

— Я рад, что ты избрала именно его, — произнес Ло Манто севшим голосом. — Я приехал сюда, чтобы расставить все по местам в деле об убийстве моего отца. А уезжаю, выяснив совершенно другие вещи. Такие, о которых и помыслить не мог.

— Что же ты скажешь матери, когда увидишь ее? — спросила Дженнифер.

— Совсем немного, — ответил Ло Манто. — Наверное, просто присяду рядом с ней в саду и обниму ее за плечи. А она возьмет меня за руку, которой я ее обнимаю. Захочет ли она говорить или не захочет — ее дело. Она тысячу раз заслужила это право.

— Значит, собираешься в путь? — осведомилась Дженнифер.

Они проходили мимо ряда величественных склепов, в большинстве сооруженных на рубеже XIX и XX столетий.

— За несколько дней соберусь, пожалуй, — выразил надежду Ло Манто. — Капитан Фернандес с этими убийствами уже немало узлов распутал. Так что, думаю, никто особо возражать не будет. Тем более что нам удалось взять пятерку главных стрелков.

— Он не включил в протоколы ни единого факта о связи между тобой и Росси, — сказала Дженнифер. — И в полицейских отчетах ничего об этом нет.

— Он настоящий товарищ, — откликнулся Ло Манто.

— Похоже, у тебя таких друзей немало, — заметила она. — Особенно в этом деле.

— Да и у твоего отца в этом плане дела неплохо обстояли, — сказал Ло Манто. — Я от многих слышал о нем добрые слова. Приятно, наверное, было видеть такую дружбу своими глазами.

— У тебя есть какие-то планы? — вдруг сменила тему Дженнифер. — Я не насчет твоего отъезда. Скорее, насчет сегодняшнего вечера.

Ло Манто посмотрел на нее и улыбнулся.

— Нет, никаких особых планов нет, — ответил он. — Хотя, думаю, нам обоим не помешал бы хороший ужин в итальянском ресторане.

— А я больше склоняюсь к суши, — внесла собственное предложение Дженнифер. — Есть у меня на примете одно неплохое местечко на Ист-Сайде. Там делают такие роллы с кожей лосося — пальчики оближешь. Обожаю!

Ло Манто остановился и посмотрел на нее еще внимательнее. Солнце падало на нее сзади, и от этого она словно светилась. Лицо ее было светлым, чистым и красивым.

— Наша совместная работа подошла к концу, — напомнил он, — и теперь тебе нет нужды нянчиться со мной.

— Знаю, — ответила она. — Но сейчас речь не о работе. Мы планируем наше внеслужебное время.

— Значит, речь о свидании? — поинтересовался Ло Манто.

Дженнифер свернула на узкую тропку, которая тянулась между двух тесных рядов надгробий под сенью вязов.

— На первое у нас будут теккамаки^[36] и ролл с тунцом поострее, — деловито произнесла она. — А потом решим, как быть дальше.

— Решение за вами, детектив, — серьезно проговорил Ло Манто. — Я прикрою. А как действовать и каков будет итог этих действий, решать вам.

Ло Манто сидел в кресле у ворот 44А в международном аэропорту имени Джона Ф. Кеннеди, ожидая начала посадки на вечерний рейс. Самолет вылетал в Италию в 19.40. Рядом сидела его племянница Паула, уткнувшись в роман Андреа Камильери^[37]. У ног ее лежал набитый под завязку рюкзак.

— Рада, что едешь домой? — спросил он.

— Знаешь, дядя, лето и без того неплохо сложилось, — ответила Паула. — Но все равно славно снова повидаться с семьей. Покопаться в саду с бабушкой, пообщаться с приятелями.

— Да и в школу через несколько недель идти, — добавил Ло Манто. — В общем, дел хватит.

— Что мне можно будет рассказать родителям? — спросила она. — Ну, насчет всего, что случилось.

— То, что сочтешь нужным, — ответил он. — И в нужное время. Что и когда — сама решишь. Выкладывать все не обязательно — никто тебя за язык не тянет.

— А что им уже известно?

— То, что никакой опасности для тебя не было, — сказал Ло Манто, — и что человек, который взял тебя с собой, не желал тебе зла.

— А что было сказано бабушке? — задала она еще один вопрос.

— В основном то же самое, — ответил Ло Манто. — Просто ей известно чуть больше, чем остальным. Так что ей будет легче составить общую картину.

— Скажи, а твое отношение к ней изменилось? — поинтересовалась Паула.

— Да, изменилось, — признался дядюшка. — Теперь я люблю ее еще больше.

— Похоже, прощаться не входило в твои планы. — Эти слова принадлежали уже Дженнифер Фабини. Оказалось, что она стоит прямо над ним, а рядом с ней — Фелипе с охапкой журналов и шоколадных батончиков в руках.

— Так я вроде попрощался, — смущенно произнес Ло Манто. Он встал и взял ее за руку. — Но все равно рад снова видеть тебя.

— Вообще-то, я здесь по службе, — проговорила она суровым тоном, с которым никак не вязался теплый взгляд ее глаз.

— Так-так, — приготовился слушать Ло Манто.

Из заднего кармана джинсов Дженнифер вытащила посадочный талон и паспорт.

— Билет и паспорт выписаны на имя Фелипе, — пояснила она, — хлопотами Нью-Йоркского полицейского управления. Ему дается трехнедельный отпуск. А потом чтоб был дома как штык и отправлялся в школу.

Ло Манто кивнул.

— А как у него с ночлегом? — осведомился он.

— У него там нет близких, — ответила Дженнифер. — Да и откуда им взяться в Италии?

— За журналы и конфеты расплатился? — строго спросил Ло Манто мальчишку. — Только не ври.

— Нет, — неохотно ответил Фелипе. — Стянул, когда тетя полицейская ходила в туалет. Она не столько на меня, сколько на тебя пялится.

— Она и знает тебя не так хорошо, как меня, — улыбнулся Ло Манто. Он указал на

девушку рядом с ним. — А это Паула, моя племянница. Познакомься. Уже посадку объявили, слышал? Ну, молодые люди, марш вперед. И чтоб ничего не тырить по пути. Я через пару минут подойду.

Подростки стеснительно кивнули друг другу и направились к открывшимся воротам на рейс номер 614 Нью-Йорк — Рим. Ло Манто и Дженнифер стояли близко друг к другу наблюдая, как ребята предъявляют контроллеру свои паспорта и посадочные талоны.

— Она может научить его разговаривать по-итальянски, — задумчиво произнесла Дженнифер. — Он паренек смышленный — за несколько недель нахватается.

— А он может научить ее, как воровать и при этом не попадаться, — ухмыльнулся Ло Манто. — Такие вот обоюдные уроки жизни.

— Сразу на службу выйдешь или отпуск возьмешь? — спросила она, стоя так близко, что в нос ей бил запах крепкого итальянского одеколona. Точно таким же пользовался его брат — Пит Росси.

— У меня есть месяц отпуска, — ответил он. — Проведу недельку с матерью, помогу ей разобраться со всем, что ее интересует. А потом, если повезет, осуществлю давнюю мечту об отпуске на Капри. Где не будет ничего, кроме хорошей еды, отличных пляжей и солнца во все небо.

— Никогда не была на Капри, — проговорила Дженнифер, глядя Ло Манто прямо в глаза. — Там действительно так красиво?

— Красивы люди, которые живут на этом острове, а потому и он сказочно красив, — сказал он, легонько проведя ладонью по ее локтю. — Ты должна сама увидеть это место и составить о нем собственное впечатление. Ведь ты не из тех женщин, которые полагаются на чужое мнение.

— Между прочим, и у меня три недели отпуска не использованы, — сообщила Дженнифер. — Капитан говорит, что я могу взять их, когда захочу.

— Ну, так и возьми, — посоветовал Ло Манто. — Съезди куда-нибудь, где потеплее. Туда, где есть хорошая еда, длинные белые пляжи и много жаркого солнца. Ну, что-то вроде Капри. Сама разыщешь? А то ведь это далекоовато будет.

— Разыщу, — заверила его Дженнифер. — Я ведь коп. Работа у меня такая. Не забыл?

— Ты отличный коп, — с чувством произнес Ло Манто. Подняв с пола чемодан из толстой ткани, он направился к стойке контроля. — Самый лучший из всех, кого я знаю.

— Счастливого пути, Джанни, — сказала она, слабо помахав ему ладошкой. — И постарайся хотя бы короткое время не попадать под пули. Это пошло бы тебе на пользу.

— Встретимся на пляже, детектив, — бросил он ей, обернувшись. — О свободном шезлонге и холодном вине я позабочусь.

Джанкарло Ло Манто отдал темноволосой женщине в форменном синем пиджаке свой посадочный талон и бесшумно исчез в трубе для пассажиров, которая вела на борт рейса номер 614.

* * *

Неаполитанский коп возвращался домой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Элиот Несс — агент Министерства финансов США, глава спецгруппы из девяти человек, занимавшейся борьбой с бутлегерами Аль-Капоне во времена «сухого закона». Получили название «неприкасаемые» за свою неподкупность. Впоследствии возведен в ранг легенды, о нем снято несколько художественных фильмов и телесериалов. (Здесь и далее — прим. пер.)

Gentleman's Quarterly — глянецовый журнал для мужчин.

Телеф — в греческой мифологии сын Геракла и Авгии, царь Миссии. Был ранен ядовитой стрелой Ахилла во время вторжения в его страну греков, принявших ее за Троию. Агамемнон убедил Ахилла вылечить рану Телефа.

Скандальный радио- и телеведущий. Совокупная аудитория одного выпуска «Шоу Говарда Стерна» составляет около 25 млн. человек.

Чико Маркс — один из пяти знаменитых братьев, актеров-комиков, Маркс. Выступал в амплуа «печального клоуна», которому постоянно доставалось в переделках.

Намек на получивший четыре «Оскара» фильм «Водитель мисс Дейзи».

«Свини Тодд» — бродвейский мюзикл, главный герой которого — серийный убийца-парикмахер.

Тим Загат — основатель компании, которая уже более двадцати лет составляет ресторанные рейтинги.

Рин-Тин-Тин — самая известная в мире собака-актер, снявшаяся в 22 фильмах.

Джейсон Кидд — один из лучших разыгрывающих защитников НБА, игрок команды «Нью-Джерси».

Белая Сила — неонацистская организация, идеология которой основана на расизме и ксенофобии.

Персонажи комедийного телевизионного сериала.

Герои телесериала «Я люблю Люси».

Одна из наиболее успешных женских вокальных групп США 60-х годов.

Дядя (итал.).

Ми́лая (итал.).

Адрес штаб-квартиры полицейского управления Нью-Йорка.

Американская полицейская формула при аресте: «Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде...» — и т. д. Если при задержании полицейские не зачитают подозреваемому его права (предупреждение Миранды), в суде арест будет признан незаконным.

Flash — вспышка (англ.).

Один из основных платных кабельных каналов американского телевидения, по которому без рекламных пауз демонстрируются фильмы и различные шоу, в том числе спортивные.

Восточная сторона Манхэттена, одна из наиболее престижных частей Нью-Йорка.

Это я. Будь хорошим. Сидеть! (искаж. итал.)

Джон Колтрейн (1926–1967) — выдающийся американский саксофонист, один из самых влиятельных джазовых музыкантов второй половины XX века.

Клуб — ресторан постоянных болельщиков бейсбольной команды «Нью-Йорк Мете».

Часть Нью-Йоркского района Куинс с высокой долей чернокожего и испаноязычного населения.

Известный чернокожий киноактер.

Здесь — Святой Апостол Иуда, брат Господень по плоти (сын Иосифа от другой жены).
Считается заступником в безнадежных делах.

В широком устье реки Гудзон высоко содержание морской воды, в особенности во время прилива.

Названное в честь одной из песен «Битлз» место в Центральном парке Нью-Йорка неподалеку от дома «Дакота», перед которым 8 декабря 1980 года был убит Джон Леннон.

«Доктор Фил» — американское телешоу (ведущий — Филипп Макгроу), представляющее собой психологические консультации по поводу разных житейских ситуаций.

Разновидность итальянского сыра.

Негритянская вокальная группа, пик популярности которой пришелся на 1960-е годы.

Эмерил Лагасс — один из самых известных поваров в США, ведет на телевидении кулинарное шоу.

Рутбир — сладкий газированный напиток, ароматизированный кореньями и корками плодов различных растений.

Около 100 км/ч.

Разновидность японского блюда с тунцом.

Современный итальянский автор, пишущий о Сицилии.